М.В.
ЛОМОНОСОВ

БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА

М.В.ЛОМОНОСОВ

Советский
писатель

СП

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА
ОСНОВАНА
М. ГОРЬКИМ

Большая серия
Второе издание

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

М. В. ЛОМОНОСОВ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
А. А. Морозова

МОСКВА - ЛЕНИНГРАД · 1965

Настоящее издание является наиболее полным из избранных собраний стихотворных произведений М. В. Ломоносова. Помимо стихотворений, оно включает героическую поэму «Петр Великий», трагедии («Тамира и Селим», «Демофонт»), а также переводы. За пределами сборника остались лишь произведения незавершенные и малоинтересные в идейном и художественном отношении. В приложении даны важнейшие теоретические работы Ломоносова, посвященные вопросам стихосложения и стиля: «Письмо о правилах российского стихотворства» и «Предисловие о пользе книг церьковных в российском языке».

Московской здѣсь Парнассъ изобразилъ витїю,
Что чистой слогъ стиховъ и прозы ввелъ въ Россїю.
Что въ Римѣ Цицеронъ и что Виргилїй былъ,
То онъ одинъ въ своемъ понятїи вмѣстилъ.
Открылъ натуры храмъ богатымъ словомъ Россовъ
Примѣръ ихъ остроты въ наукахъ Ломоносовъ.

М. В. ЛОМОНОСОВ

1

Жизнь Ломоносова раскрывается перед нами как самоотверженный подвиг, как вечный пример неутомимого дерзания и порыва.

Михаил Васильевич Ломоносов родился на Курострове — одном из больших островов, образованных Северной Двиной, примерно в ста пятидесяти километрах от впадения ее в Белое море. По острову было разбросано много деревенек в один-два двора. Та, где родился Ломоносов, по писцовым книгам называлась Мишанинской. Бок о бок с ней была Денисовка. Впоследствии они слились вместе с другими в большое село, носящее теперь имя Ломоносова.

Жители двинских островов помимо земледелия занимались морским промыслом. На далеком Мурмане у них были участки, где они ловили треску и палтусину, били тюленей и других морских зверей.

Историческое развитие русского Поморья отличалось большим своеобразием. Здесь осели потомки вольных новгородцев, издавна пробившихся в эти места и освоившихся на «дышущем море». Они избежали закрепощения, охватившего основную массу русских крестьян. Сплотившись в земские самоуправляющиеся «миры», «черносошные» или, иными словами, государственные крестьяне давали отпор произволу бояр и приказных. Одолеть суровую природу, выкорчевать исполинские пни, освоить морские и речные промыслы можно было только сообща. Северяне и «складывались» пожитками — имуществом, орудиями производства, «крутили» промысловые артели. На Беломорском севере рано начали развиваться товарно-денежные отношения, происходило расслоение крестьян. Северные крестьяне несли «тягло» и отбывали большинство повинностей не в натуральной, а в денежной форме. Они раньше, чем крепостные, стали повертываться в сторону товарного хозяйства, развивая про-

мыслы и ремесла. Здесь варили соль, добывали слюду и «кричное» железо, строили и снастили большие суда. Испытывая общий гнет феодально-крепостнической системы, поморы не знали личной зависимости от помещика, что открывало им бо́льший простор для предприимчивости, чем остальному крестьянству. Ломоносов, как заметил еще Г. Плеханов, «стал разумен и велик не только по своей и божьей воле. Ему чрезвычайно помогло то обстоятельство, что он был архангельским мужиком, мужиком-поморцем, не носившим крепостного ошейника».[1]

День рождения Михайлы Ломоносова точно не установлен. Принято считать его 8(19) ноября 1711 года.

Отец его, Василий Дорофеевич Ломоносов (1681—1741), был рядовым помором-промышленником. Жил он на одном дворе со своим дядей Лукой Леонтьевичем — опытным кормщиком, «крутившим» промысловые артели на Мурман, где у них было становище. Василий Дорофеевич женился поздно, лет 28, на сироте, дочери дьякона соседнего Матигорского прихода — Елене Ивановне Сивковой. Только после женитьбы Василий Ломоносов обзавелся своим домом и судном, а к 1725 году, когда подрос сын, построил «новоманерный» двухмачтовый гукор, названный им «Святой Архангел Михаил». Но в памяти односельчан сохранилось бытовое прозвание этого судна — «Чайка».

Лет с восьми, «зуйком», как зовут на севере мальчиков, приучающихся к морскому делу, Михайло стал разделять с отцом все труды и опасности далеких морских переходов. В. Д. Ломоносов не только отправлялся каждый год на тресковые промыслы на Мурмане, но и доставлял «хлебные запасы» для воинских гарнизонов в Коле и Пустозерске, бывал на Соловках, в Нёноксе, где были солеварни, и в других местах Белого и Баренцева моря. Плавания с отцом закалили юношу физически, развили мужество и неустрашимость, отвагу и находчивость, уверенность в себе и наблюдательность.

В борьбе с суровой и непокорной природой русские поморы накопили запас практических сведений. Опытные лоцманы и мореходы, они не только знали множество верных примет, но и основы навигации, умели пользоваться компасом и морскими картами.

На русском Севере развивалась самобытная народная культура — деревянное храмовое и избяное зодчество, многочисленные художественные ремесла: шитье шелком и серым речным жемчугом, финифтяное дело, черненье по серебру, резьба по кости и дереву.

---

[1] Г. В. Плеханов, Сочинения, т. 21, М.—Л., 1925, с. 141.

Бережно хранили, собирали и переписывали книги, тянулись к печатному слову. Хотя школ в то время на Севере не было, поморы охотно обучали друг друга.

Рано обучился грамоте у соседей и местного дьячка и Михайло Ломоносов. Вскоре ему удалось раздобыть две лучшие по тем временам книги — грамматику церковнославянского языка Мелетия Смотрицкого и «Арифметику» Магницкого, изданную в Москве в 1703 году. Кроме курса начальной математики, она содержала сведения по физике, географии, астрономии и навигации. Впоследствии Ломоносов назвал их «вратами своей учености» и уверял, что вытвердил их почти наизусть. Еще на родине Ломоносову удалось познакомиться с виршевой поэзией и силлабическим стихосложением по «Псалтири рифмотворной» Симеона Полоцкого, вышедшей в 1680 году в Москве.

Ломоносов хорошо знал обычную Псалтырь, по которой учился грамоте, а потом и сам читал на клиросе. Теперь же он узнал о книжной поэзии и познакомился с рифмой, и, вероятно, с удивлением увидел, как почти одни и те же слова укладываются в стихи и становятся мерной речью. Если в Псалтыри было сказано: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых, и на пути грешных не ста, и на седалище губителей не седе», то у Симеона Полоцкого он прочел:

Блажен муж, иже во злых совет не вхождаше,
Ниже на путях грешных человек стояше;
Ниже на седалищах восхоте седети
Тех, иже не желают бога разумети.

Художественные вкусы петровского времени проникали на Север различными путями. На Курострове жили косторезы, изготовлявшие из моржовой и мамонтовой (ископаемой) кости ларцы, шкатулки, иконки, а позднее «игольницы», «ароматницы», коробочки для мушек и пр. Приспосабливаясь к дворянским вкусам, они усваивали декоративные формы барокко, сочетая их с народным «травным орнаментом» и мотивами северной природы. В их руки попадают разрозненные листы книги «Символы и емблематы», выпущенной в 1705 году в Амстердаме по повелению Петра.

Юноша Ломоносов бывал на Соловецких островах, видел исторические памятники, связанные с деятельностью Петра, прикасался к летописям, слышал былины, общался со старообрядцами, ревностно хранившими всякую старину. Жажда знаний все сильнее овладевает им. Дома обстановка становится невыносимой. Михайло рано поте-

рял мать. Отец женился второй раз на дочери крестьянина соседнего Ухт-острова — Федоре Уской. Но и она умерла в начале лета 1724 года. Поздней осенью того же года В. Д. Ломоносов в третий раз вступил в брак, со вдовой Ириной Корельской, ставшей для Михайлы «лихой мачехой». Она попрекала его книгами и восстанавливала против него отца. «Для того многократно я принужден был читать и учиться, чему возможно было, в уединенных и пустых местах и терпеть стужу и голод», — вспоминал он впоследствии в письме к И. Шувалову (от 31 мая 1753 года). Ломоносов решил уйти из дому навсегда. В конце 1730 года, запасшись паспортом, который он получил в Холмогорах с помощью земляков, Михайло, по-видимому против воли отца, уходит в морозную ночь пешком вслед за рыбными обозами, направляющимися в Москву.

2

В начале января 1731 года двинский рыбный обоз подошел к Москве и остановился в Китай-городе, где шел оптовый торг. Земляки приютили Ломоносова. Сперва молодой помор толкнулся «на Сухареву башню», где помещалась «цифирная школа», но ему тамошней «науки показалось мало». Он обратил свой взор на Славяно-греко-латинскую академию. Но попасть туда было мудрено. Указом Синода от 7 июня 1728 года было запрещено принимать в нее «помещиковых людей и крестьянских детей». Ломоносов выдал себя за сына дворянина и обнаружил на «словесном расспросе» такой светлый ум, что на его происхождение закрыли глаза. 15 января 1731 года он был «записан» в число учеников Спасских школ, как в просторечье называли академию.

Московская Славяно-греко-латинская академия была основана в 1685 году. Это была духовная школа, носившая схоластический характер. Все же она отвечала назревшей потребности в широком образовании и сыграла значительную роль в развитии русской культуры. Греческий язык, на котором первоначально велось преподавание, в 1701 году сменил латинский. Петр I подчинил всю деятельность академии новым требованиям, использовал ее для пропаганды своей политики и реформ. Ученые монахи трудились над переводом «на славено-русский язык» специальных пособий по военному делу и технике. Петровские ведомства то и дело забирали из Спасских школ молодых людей, знающих латынь, трудившихся потом на различных гражданских поприщах. Много питомцев академии устраивалось в Московском гошпитале, где была лекарская школа.

Социальный состав учащихся был пестрый, но большинство происходило из бедноты: дети низшего духовенства, приказных, челядинцев, солдат, посадских и т. д. Всего во время Ломоносова там находилось до трехсот человек. Академия разделялась на восемь классов или, как тогда говорили, «школ»: четыре низших — фара, инфима, грамматика, синтаксима, два средних — пиитика и риторика и два высших — философия и богословие. На изучение риторики и философии отводилось по два года, богословия — четыре. Весь срок обучения составлял тринадцать лет, но многие засиживались подолгу в низших классах, и редко кто дотягивал до конца. Учащимся выдавали мизерное «жалованье», и выдача его часто задерживалась на полгода и больше. В классах было сыро и темно. Все преподавание велось на латыни и основывалось на зубрежке. За малейшие провинности и «беспамятность» нещадно секли розгами и ставили коленями на горох. По осени ученики Спасских школ ходили на московские Чистые пруды и собирали выпавшие гусиные перья, чтобы было потом чем писать зимой.

Так как Ломоносов не знал латыни, то в девятнадцать лет ему пришлось засесть в самый низший класс и начать учиться «с малыми ребятами», которые над ним смеялись и показывали пальцами: «Смотри-де, какой болван лет в двадцать пришел латыне учиться!» Но Ломоносова не могли сломить ни насмешки, ни нужда и голод: «Имея один алтын в день жалованья, нельзя было иметь на пропитание в день больше как на денежку хлеба и на денежку квасу, протчее на бумагу, на обувь и другие нужды. Таким образом жил я пять лет и наук не оставил», — вспоминал впоследствии он в письме к И. Шувалову (от 10 мая 1753 г.). Начав с низшего класса, Ломоносов уже через полгода перешел во второй, и в том же году еще и в третий. А через год настолько освоился с латынью, что мог уже перейти в первый «словесный класс» — пиитику, где учащимся давалось общее представление о поэзии и сообщались сведения по стихосложению. К этому времени относятся и первые поэтические опыты самого Ломоносова, если судить по приписываемым ему земляками шуточным «Стихам на туясок» (то есть на лубяную расписную посудину в форме небольшого ведерка для ягод, меда и т. д.):

Услышали мухи
Медовые духи,
Прилетевши, сели,
В радости запели;
Егда стали ясти,
Попали в напасти,

Увязли бо ноги,
Ах, плачут убоги:
Меду полизали,
А сами пропали.[1]

Стихи были упражнением в стихотворстве, заданным Ломоносову «за учиненный им школьный проступок». Получив их, учитель будто бы написал: «Pulchre» <Прекрасно>.

Это типичные «бурсацкие» стихи, далекие от риторической традиции русской виршевой поэзии, которая прививалась в Спасских школах. Пиитику в то время излагал Федор (Феофилакт) Кветницкий, составивший рукописный учебник своего предмета, который и заучивался учащимися. «Поэзия, — наставлял Кветницкий, — есть искусство о какой бы то ни было материи трактовать мерным слогом с правдоподобным вымыслом для увеселения и пользы слушателей». Он подчеркивал значение «вымысла». Это необходимое условие для всякого поэта, который без него будет лишь простой версификатор. «Но вымысел не есть ложь. Лгать — значит идти против разума. Поэтически вымышлять — значит находить нечто придуманное, то есть остроумное постижение соответствия между вещами несоответствующими». Это общее положение схоластических пиитик и риторик XVII века отвечало принципам барочного метафоризма, стремившегося к установлению неожиданных связей между несходными предметами и сближению далеких переносных значений слова.

Литературное образование продолжалось в классе риторики. Ломоносов обнаружил такой интерес к этому предмету, что в конце своего пребывания в Московской академии в 1734 году собственноручно переписал обширный курс риторики на латинском языке. Риторику преподавал Порфирий (Петр) Крайский. Он, как и Кветницкий, советует пользоваться тропами, риторическими фигурами и аллегориями. Он уделяет внимание не только церковному, но и «светскому» красноречию — похвальным словам и панегирикам, для которых предлагает «изобретать» различные материи — от вещей общих (слава предков), частных (собственные заслуги восхваляемого лица) и безразличных — то есть посторонних предметов, привлекаемых для украшения и сравнения (земля, горы, реки и пр.). Возникающие «уподобления» также носят характер барочного метафоризма,

[1] Стихи были доставлены ак. И. И. Лепехину в 1778 г. земляком Ломоносова кораблестроителем С. Кочневым. — «Путешествия академика Ивана Лепехина в 1772 году, часть четвертая», СПб., 1805, с. 303. По своему типу принадлежат к русско-украинской школярской поэзии.

развивающегося на основе сложных ассоциаций и сближения побочных значений. Блеск добродетели может быть уподоблен солнцу, огню, звездам, драгоценным камням; мудрость — лампаде, маяку, факелу; крепость — льву, якорю, колонне; бдительность — зоркому орлу, журавлю и т. п. В аллегорических сравнениях употребляются библейские, античные (мифологические) и исторические имена. Поздравляя с победой, можно одинаково сравнить героя с Самсоном, Геркулесом или Сципионом Африканским.

Теоретические наставления Кветницкого и Крайского отвечали всему опыту панегирической поэзии XVII века. Острейшая современность врывается в эту поэзию при Петре I. На первый план выступает обнаженное до общепонятной схемы политическое содержание. Художественную атмосферу московской академии пронизывает утилитаризм петровского времени. В стенах Спасских школ изощряли «риторический разум», изобретая приличествующее оформление для «сретения» в Москве «российского Геркулеса» после его побед. Торжественные врата, арки, обелиски покрывались изображениями и надписями, в которых наивная эмблематика сочеталась с образами, заимствованными из античной мифологии. И дабы пугливые невежды, или, как их тогда называли, «невегласы», не почли сии украшения «буйством неким и кичением дымящегося разума», то монашествующие изобретатели этих «хитростей» принуждены были составлять и пространные описания, в которых растолковывалось значение символов и аллегорий и давалось объяснение мифологических имен и образов.[1]

Тем же целям служила и «школьная драма», прославлявшая и объяснявшая внешнюю политику Петра и его реформы. «Действием благородных великороссийских младенцев в новосияющих Славяно-латинских Афинах» разыгрывались драматизированные панегирики Петру, где библейские персонажи выступали вперемежку с языческими божествами, а русские силлабические вирши перебивались латинскими стихами, заимствованными из «Энеиды». Эти пьесы сочинялись и представлялись также и в Московском гошпитале, где было много воспитанников Спасских школ. В пьесе «Слава Печальная», поставленной там после смерти Петра, Паллада и Минерва отмечают его заслуги:

---

[1] «Торжественные врата, вводящие в храм бессмертныя славы». М., 1703; «Преславное торжество свободителя Ливонии, пленителя и покорителя прегордого льва свейского», М., 1704; «Политиколепная Апофеосис достославныя храбрости Всероссийского Геркулеса», М., 1709; «Врата триумфальные в царствующем граде Москве», М., 1721.

Не дал ли Петр России днесь архитектуру,
оптику, механику, да учат структуру.
Музыку, медицину, да полированны
будет младых всех разум и политикованны.

Отголоски этого времени еще застал Ломоносов.

Овладев латынью, он углубляется в чтение античных писателей. «Энеида» Вергилия, «Метаморфозы» Овидия, стихи Горация и, по-видимому, философская поэма Лукреция Кара «О природе вещей», содержащая изложение учения великих материалистов древности Демокрита и Эпикура об атомистическом строении мира, обогащают его поэтические представления и наводят на глубокие размышления о природе. Книги, вышедшие в петровское время, в особенности «Космотеорос» Хр. Гюйгенса, популярные статьи в «Прибавлениях к Ведомостям», иностранные труды по физике и философии, оказавшиеся в библиотеке академии, знакомят Ломоносова с новейшим естествознанием, в частности с учением Коперника и физическими воззрениями Декарта. Его умственное развитие вступает в противоречие со схоластической образованностью московской академии, где преподавание всех наук, в том числе и «физики», зиждилось на учении Аристотеля, прошедшем через средневековую богословскую переработку.

Осточертевшая схоластика гонит его из монастырских стен академии. Ломоносов ищет дорогу в жизнь, его тянет к практической деятельности. Он пытается устроиться в экспедицию, направлявшуюся к Аральскому морю, под руководством обер-секретаря Сената Ивана Кирилова, составителя первого большого атласа России. Ломоносов вызвался ехать в эту далекую и опасную экспедицию и хотел ради этой цели принять сан священника. При проверке через Камер-коллегию объявленных им сведений ему пришлось рассказать всю правду о своем происхождении, и ему было отказано. Дело с трудом замяли. По сведениям академической биографии 1784 года, Ломоносов в поисках науки успел наведаться в Киев, но и в тамошней академии «нашел только словопрения», то есть, иными словами, все ту же схоластику, после чего возвратился в Москву. В конце 1735 года в жизни Ломоносова наступает решительный перелом. В числе лучших учеников Славяно-греко-латинской академии он был вытребован в Петербург и 1 января 1736 года зачислен студентом Академии наук. Но учиться ему там долго не привелось. Страна нуждалась в горных инженерах, химиках и металлургах. По предложению президента Академии барона Корфа Кабинет принял решение послать на обучение во Фрейберг к горному советнику Генкелю

несколько учеников, а предварительную более широкую подготовку по физико-математическим наукам обеспечить в Марбурге у немецкого философа Христиана Вольфа. Вольф принимал участие в организации Петербургской Академии наук и получал от нее почетную пенсию. Он согласился без особого вознаграждения обучать русских студентов, читать им лекции и наблюдать за их бытом. Для обучения за границей были отобраны: Ломоносов, его сотоварищ по Спасским школам Дмитрий Виноградов и обучавшийся в академической гимназии сын советника бергколлегии Густав Рейзер. На содержание и обучение за границей им было назначено по 1200 рублей на каждого.

Короткое пребывание в Петербурге расширило кругозор Ломоносова, которому уже исполнилось двадцать пять лет. Еще до отъезда на чужбину он познакомился и, по-видимому, усвоил некоторые материалистические начала и положения картезианской физики, принципы которой разделяли петербургские академики. Он успел осмотреться в «невском парадизе» Петра с его новопостроенными дворцами, кунсткамерой, изысканными статуями Летнего сада, выполненными итальянскими скульпторами позднего барокко. На последние гроши из отпущенных ему еще в Москве на дорогу 29 января 1736 года он приобрел только что вышедший в свет ученый трактат Тредиаковского о русском стихосложении «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» (СПб., 1735) и потом бережно и ревниво увез с собой за границу.

3

Русские студенты прибыли в Марбург 7 ноября 1736 года и через десять дней были зачислены в тамошний университет и записаны в университетской книге, хотя занимались преимущественно на дому у Вольфа. К ним были приглашены учителя французского языка, рисования, танцев и даже фехтовального искусства. Вольф читал им общий курс «математических наук», заключающий в себе теоретическую физику, механику, гидростатику, гидравлику. Метод изложения Вольфа был догматический. Все истины он выводил дедуктивным путем, по образцу геометрии Эвклида, причем распространял его и на изложение вопросов философии и морали. Рационализм Вольфа носил метафизический характер. Преодолевая метафизику Вольфа, Ломоносов стремился к реальному изучению природы.

Занятия русских студентов шли успешно. Вольф больше всего выделял Ломоносова, который, по его словам, был «самая светлая

голова между ними». Стареющий ученый, происходивший из семьи кожевника, сам с большим трудом пробившийся к науке, был, повидимому, тронут необыкновенной судьбой русского помора, явившегося к нему с далекого севера. Не соглашаясь со многими взглядами Вольфа, Ломоносов в течение всей жизни хранил к нему теплую привязанность.

За границей Ломоносов продолжает самостоятельно заниматься литературой. В Марбурге он накупил много книг латинских авторов: сочинения Вергилия и Овидия, «Эпиграммы» Марциала, трагедии Сенеки, «Дружеские беседы» Эразма Роттердамского, а также сборник стихотворений Иоганна Христиана Гюнтера. Д. Виноградов приобрел сатиры Персия и Ювенала на латинском языке и антологию поэтов немецкого барокко «Гофман фон Гофмансвальдау и другие избранные немецкие поэты» (в шести томах), Рейзер купил сочинения Мольера, трагедию Вольтера «Смерть Катона» на французском языке и трагедию Готшеда «Умирающий Катон» на немецком. Ломоносов занимается итальянским языком по самоучителю Венерони (1699), где были приведены примеры из Ариосто, Тассо, Гварини и самого «кавалера Марино». [1]

Законодателем вкуса в 1730—1740 годах в Германии стал последователь Христиана Вольфа — Иоганн Готшед, насаждавший в Германии литературный классицизм. Его интерпретация классицизма была пронизана робким просветительством и тесно связана с вольфианством. Готшед формулировал свои положения очень узко и догматично. Его «разумность» превращалась в антипоэтическую сухость. Его требование точности и ясности поэтического слова приводило на практике к плоской однозначимости и прозаизации. Ломоносов, который сумел преодолеть ограниченность и метафизичность философских воззрений Вольфа, не пошел и по стезе литературного вольфианства. Но он изучил теоретические труды Готшеда и его художественную практику. Он читал его трагедию «Умирающий Катон» (1732), которой тот придавал программное значение, штудировал его «Подробное руководство к красноречию» (1735). Это была первая «светская» (не церковная) «Риторика», которая попала в руки Ломоносова. Готшед опирался на труды греческих и латинских писателей и французских теоретиков XVII века. Ломоносов приобретает и «Риторику» иезуита Николая Коссена, носящую отчетливо

---

[1] Джованбатиста Марúно (1560—1625) — поэт и теоретик итальянского барокко. Его поэтика, основанная на принципах «остроумия», неожиданности и напряженного метафоризма, получила название «маринизма».

барочный характер. Среди случайно сохранившихся студенческих записей Ломоносова[1] до нас дошли его выписки из журнала «Статьи, относящиеся к критической истории немецкого языка, поэзии и красноречия», издававшегося Готшедом. Ломоносов делает выписки, снабжая их пометами — язык, рифмы, стопа и т. д. Он резюмирует одну из статей — «Мужские рифмы сами по себе совершеннее и правильнее женских, и так как немецкий язык изобилует множеством удобных, односложных, в особенности коренных слов, которыми он чрезвычайно богат, то по необходимости мужские рифмы производят действие, как стрелы или удары грома». В одной из статей Готшеда Ломоносов нашел критический разбор переводов оды Анакреонта «К лире» на латинский, французский, английский и итальянский языки. Ломоносов переписывает эти переводы вместе с древнегреческим текстом оды, и сам переводит ее ямбическими стихами:

Хвалить хочу Атрид,
Хочу о Кадме петь, —
А гуслей тон моих
Звенит одну любовь.
Стянул на новый лад
Недавно струны все,
Запел Алцидов труд, —
Но лиры звон моей
Поет одну любовь.
Прощайте ж нынь, вожди!
Понеже лиры тон
Звенит одну любовь.

15 октября 1738 года Ломоносов, посылая в Петербург «специмены» или «образчики знания» по физике, приложил в доказательство своих успехов в изучении французского языка свой стихотворный перевод оды Фенелона, приложенный к одному из изданий его «Похождений Телемака». В работе над переводом Ломоносов испытывал практическую пригодность принципов стихосложения, провозглашенных Тредиаковским, которые оказались весьма плодотворными. В переводе нашли отражение некоторые особенности поэтической манеры Тредиаковского, в частности обильно применявшиеся им синтаксические инверсии и нарочитая затрудненность поэтической речи. Ломоносов проявил и значительную самостоятельность, применив вместо рекомендуемого Тредиаковским «тринадцатислож-

---

[1] Е. Я. Данько, Из неизданных материалов о Ломоносове. — «XVIII век», т. 2, М.—Л., 1940, с. 248—275

ника» четырехстопный хорей и пользуясь чередованием мужских и женских рифм, что Тредиаковский решительно не одобрял. Ломоносов испытывает различные метрические формы и строфы. В «Письме о правилах российского стихотворства», составленном в 1739 году, он приводит примеры стихов, написанных им раньше:

На восходе солнце как зардится,
Вылетает вспыльчиво хищный вcток,
Глаза кровавы, сам вертится;
Удара не сносит север в бок,
Господство дает своему победителю,
Пресильному вод морских возбудителю...

Новая форма стиха уживается с барочной поэтикой и отчасти со старорусской традицией. И тут же стихи в духе рококо:

Нимфы окол нас кругами
Танцевали поючи,
Всплескиваючи руками,
Нашей искренной любви
Веселяся привечали
И цветами нас венчали...

За четыре года пребывания в Германии Ломоносов хорошо познакомился с немецкой поэзией. В книге «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» Тредиаковского, которую увез с собой за границу Ломоносов, была помещена «Эпистола от российския поэзии к Аполлину». В ней Тредиаковский перечисляет немецких поэтов, заслуживающих особой похвалы:

Что же сладкий тот Орфей, Пи́ндар тот избранный,
В благородном роде сем Кенигом что званный?
В нем сестра моя всегда пела героично,
Амфионской петь бы так было с ним прилично.
Ка́ница сердечный жар, Бе́ссера любовна,
А Неймейстера, при нем Шмолка, толь духовна,
Кто бы ныне лучше мог на стихах играти?
Брокса, Триллера — кому б выше можно знати,
Что в вещах природных есть для стиха изрядно?
О стихом весь идет коль Гинтер, легк нарядно!

Список завершает Мартин Опиц (1597—1639) — основоположник новой немецкой поэзии, с которого, пожалуй, следовало бы начать. Но

Тредиаковский открывает свой перечень с имени Юнкера, приглашенного в Петербург и получившего должность академика. В «Эпистоле» названы и крупные поэты — Гюнтер, Каниц и Брокес, и обслуживавшие художественные потребности саксонского двора плодовитые стихотворцы Бессер и Кениг, и еще менее приметные представители протестантской религиозной лирики — пастор Шмольк и лейпцигский профессор Неймейстер, а также последыш силезской школы адвокат Нейкирх, издавший уже упомянутую антологию «Гофман фон Гофмансвальдау».

Литература немецкого барокко была связана с придворно-аристократической средой. В ней выделялся слой прециозных поэтов, происходивших по большей части из Силезии. Отличительными чертами этой так называемой «второй силезской школы» были вычурность, стремление к словесной и изобразительной пышности, обилие в стихах драгоценностей, экзотических цветов, ароматов, декоративных предметов, используемых для построения сложных и запутанных метафор. Несдержанность в использовании художественных средств, изысканность формы сочеталась со скудостью содержания. Поверхностный гедонизм, игра и любование усложненными поэтическими формами характерны для таких поэтов, как Гарсдорфер и Гофман фон Гофмановальдау.

При всей своей изощренной искусственности и манерности, поэзия немецкого барокко отразила национальную катастрофу Германии, последовавшую в результате Тридцатилетней войны. Ее лучшие поэты жаждали мира и отстаивали традиции гуманизма. Это была не только аристократическая литература. В художественной оболочке барокко находили отражение стремления и надежды немецкого бюргерства. В начале XVIII века в нее начали просачиваться и идеи просветительства. «Надутость» осуждается, но почти никто еще не может порвать с нею. При многих немецких дворах существовали должности церемониймейстеров, занимавшихся устройством придворных празднеств и увеселений. Они выступали и в роли придворных поэтов, сочиняя надписи для фейерверков и иллюминаций, поднося оды и поздравительные стихи. В Германии с ними обращались едва ли лучше, чем у нас с Тредиаковским при дворе Анны Иоанновны. Социальные позиции этих поэтов были двойственны. Образованные бюргеры с формирующимся буржуазным мировоззрением, они находились на службе у маленьких немецких деспотов, старавшихся окружить себя версальским великолепием. Они ориентировались на просвещенный абсолютизм, а на практике имели дело с феодальной реакцией; они объявляли себя приверженцами Горация и Буало, а их захватывала и подчиняла себе атмосфера при-

дворного барокко, господствовавшая при этих дворах.[1] Поэзия «силезцев» и ее более поздняя модификация у придворных поэтов типа Бессера и Кенига не прошла не замеченной Ломоносовым. Он присматривался к их деятельности, сознавая, что со временем и ему не миновать придворных поручений. Он знал и ценил дидактические сатиры Каница, отчасти схожего с Кантемиром, но менее смелого и острого. В 1755 году, составляя проект регламента для московских гимназий, Ломоносов предлагает при обучении немецкому языку «читать и толковать» стихи Каница и Гюнтера. По-видимому, Ломоносов был знаком и с благочестиво-гедонистической поэзией гамбургского патриция Брокеса, автора книги «Земные удовольствия в боге», принимавшего рационалистическую теологию Вольфа и осуждавшего надутость «силезцев». Но Брокес не отвергал общих принципов поэзии барокко и отличался пристрастием к разработке мельчайших живописно-чувственных подробностей. И именно он перевел на немецкий язык барочную поэму Марино «Избиение младенцев». Ломоносову, вероятно, были известны суждения швейцарских поэтов и теоретиков искусства Бодмера и Брейтингера, обращавших взоры к титаническому Мильтону и противопоставлявших сухим прописям готшедовского классицизма право поэта на фантазию и живописную технику поэтического письма. Больше всего его привлекало патетическое и вместе с тем задорно-вызывающее, протестующее и глубоко лирическое творчество Иоганна Христиана Гюнтера, которым впоследствии восхищался Гете. Гюнтер использует метафоризм и живописные средства силезцев (например, в ранних стихах и эпиталаме «Весна в осени в саду любви»). В оде, написанной им по случаю победы Евгения Савойского над турками (1718), он достигает поэтической зрелости, которая подымает его над измельчавшей немецкой поэзией. Его студенческие песни полны эпикуреизма и веселья. Творчество Гюнтера противостояло как изысканной поэзии рококо, так и требованиям готшедовского классицизма.

После выхода в 1735 году посмертного сборника произведений Гюнтера Готшед подверг его придирчивой критике. Он выступает против проникновения в поэзию неприкрашенной жизни, грубых сцен и мотивов, недопустимых в героической оде. Он требует точности,

---

[1] Анализируя послание Тредиаковского «К Аполлину», Л. Пумпянский причислил немецких придворных поэтов конца XVII — начала XVIII вв. Бессера и Кенига к «школе разума», хотя они оставались представителями позднего барокко (Л. Пумпянский, Тредиаковский и немецкая «школа разума». — «Западный сборник», кн. 1, М.—Л., 1937). Об этой школе поэтов: А. Морозов, М. В. Ломоносов. Путь к зрелости, М.—Л., 1962, с. 346—354.

достоверности и правдивости изображения, но только красивых и благородных предметов. Он указывает на «неясность» поэтического словаря Гюнтера и «нелогичность» его метафор, которые он наивно пересказывает, желая показать, как следовало бы автору «правильно» передать свою мысль. Посмертный спор с Гюнтером, начатый Готшедом, вызвал в 1736—1737 годах оживленную литературную полемику, которая вряд ли прошла мимо Ломоносова.

Рассудочные плоско-утилитарные принципы готшедовского классицизма претили Ломоносову и противоречили его стремлению к живописной яркости поэтического слова, его страстному динамизму и смелому полету мысли. Но Ломоносов не пошел и за Гюнтером. Усваивая и используя различный поэтический опыт, Ломоносов следовал не определенным образцам, а искал художественные средства, которые бы больше всего отвечали поставленным им целям.

Обучаясь в Марбурге, Ломоносов окунулся в привольную студенческую жизнь. Однако встречающиеся в биографиях Ломоносова представления о каких-то чрезмерных кутежах сильно преувеличены. Вся беда была в том, что Петербургская Академия наук неаккуратно высылала деньги на содержание студентов. Они погрязли в долгах, которые пришлось распутывать Христиану Вольфу. После неприятной переписки с Петербургом Ломоносову и его товарищам было приказано покинуть Марбург и перебраться во Фрейберг (в Саксонии) для изучения горного дела и металлургии у берграта Генкеля. Расставание с Марбургом было особенно тягостно для Ломоносова. По словам Вольфа, он «от горя и слез не мог вымолвить ни слова». Почти три года, проведенные там, не прошли даром для Ломоносова. Вольф дал ему блестящий и благожелательный отзыв: «Молодой человек преимущественного остроумия, Михайло Ломоносов, с того времени как для учения в Марбург приехал, часто мои математические и философские, а особливо физические лекции слушал и безмерно любил основательное учение. Ежели впредь с таким же рачением простираться будет, то не сомневаюсь, чтобы, возвратясь, в отечестве не принес пользы, чего от сердца желаю». Об его литературных занятиях Вольф, возможно, и не подозревал.

25 июля 1739 года русские студенты добрались до Фрейберга. Петербургская Академия наук поручила берграту Генкелю не только обучать русских студентов, но и следить за их поведением, подыскать им квартиры и обеспечить «кошт», не выдавать им на руки денег и не оплачивать их долгов, о чем даже оповестить в городе. Расходы на их содержание были сокращены вдвое по сравнению с Марбургом, где жизнь была дешевле. С первых же дней студенты стали терпеть горькую нужду.

Берграт Генкель славился составленным им минералогическим кабинетом. Он построил во Фрейберге небольшую химическую лабораторию, в которой разрабатывал новые методы минералогической химии, вел занятия с немногочисленными студентами (не более шести) и посещал с ними близлежащие рудники (Брейнсдорф, Химмельсфюрст и др.). Но человек он был сухой и черствый, заносчивый и неуживчивый.

Изучая горное дело, Ломоносов наблюдал тяжелую жизнь немецких рудокопов. Позднее в своей книге «Первые основания металлургии» он вспоминает виденных им в Саксонии «малолетних ребят», которые служат «вместо толчейных мельниц», то есть толкут и растирают насыщенные серой и сурьмой руды, и тем «на всю жизнь себя увечат».

Генкель облачал свои лекции в велеречивую форму. Ломоносову чудилась в них старая схоластика. Но когда он пытался излагать усвояемый материал по-своему, то вызывал резкое раздражение Генкеля, который чуждался вольфианского рационализма, оставаясь в значительной степени эмпириком. В августе того же года во Фрейберге появился петербургский академик Юнкер, занимавшийся изучением соляного дела по поручению русского правительства. Попутно он инспектировал обучение студентов и засвидетельствовал в своем донесении в Петербург, что они отличаются «похвальной любознательностью и жаждой дознаться до самых оснований наук».

Известие о разгроме турецких войск под крепостью Хотин, считавшеюся неприступной, произвело ошеломляющее впечатление на Западную Европу, где распространялись басни об упадке военной и экономической мощи России после смерти Петра Первого. Немецкие газеты, которые усердно читал Ломоносов, были полны этими событиями. Он испытывал гордость за свое отечество и большое одушевление. Ему представился великолепный повод проявить свое поэтическое дарование. Ломоносов вручил Юнкеру «Оду на взятие Хотина» и свой трактат о русском стихосложении, которые тот и отвез в конце того же года в Петербург.

Ода, по словам современников, произвела большое впечатление в Петербурге. Она не была напечатана скорее всего потому, что к тому времени, когда была получена, уже были завершены мирные переговоры и опубликование ее показалось несвоевременным. Да и Академия наук уже успела выпустить панегирик «профессора философии» Харьковской славяно-латинской коллегии Стефана Витынского «Эпиникион, то есть Песнь победительная» с посвящением

фельдмаршалу Миниху, написанный под заметным влиянием реформы Тредиаковского:

Чрезвычайная летит (что то за премена!)
Слава, носящая ветьвь финика зелена.
Невянущий лавр главу у ней окружает:
Знак победы таковой токмо украшает...

Не менее печальной была и участь трактата Ломоносова по стихосложению. Тредиаковский написал пространное возражение, но в Петербурге просто пожалели денег на его пересылку за границу, что в то время стоило недешево. Летом 1740 года Ломоносов, после резких столкновений с Генкелем, без гроша в кармане уходит из Фрейберга и скитается по всей Германии. Наконец он добирается до Марбурга, где женится на Елизавете Цильх, сироте, дочери пивовара, с которой был давно знаком. Малообеспеченная семья не может дать ему средств к существованию, и Ломоносов, по своему обыкновению налегке, направляется в Голландию, надеясь через Амстердам вернуться на родину. Но это ему не удается. Он снова странствует по всей Германии. Неподалеку от Дюссельдорфа вербовщики прусского короля, позарившись на исполинский рост и могучую фигуру Ломоносова, попытались обманом завербовать его в гвардию. Ломоносова заточили в прусскую крепость, откуда он с риском для жизни бежал. Возвратившись в Марбург, он продолжает занятия физикой и химией. После длительной переписки с Академией наук Ломоносов получил разрешение возвратиться на родину и деньги на переезд. 8 июня 1741 года он прибыл в Петербург.

В Петербурге Ломоносов выполняет различные поручения Академии наук: составляет каталог минералогической коллекции, переводит на русский язык популярные статьи для «Примечаний на Ведомости», представляет рассуждение об оптическом «зажигательном инструменте». 8 января 1742 года он определен адъюнктом физического класса. Он добивается профессорского звания и представляет одну за другой диссертации по теоретической физике и химии, разрабатывает оригинальное атомно-молекулярное учение и основанную на нем теорию теплоты как движения частиц материи. С появления в Петербурге до конца жизни Ломоносов выступает как поэт и филолог, пишет торжественные оды, составляет стихотворные «надписи» для фейерверков и иллюминаций. Он разрабатывает вопросы русского стихосложения и готовит учебное пособие по риторике.

25 июля 1745 года Ломоносов назначен профессором химии. Он добивается открытия первой в России научной химической лаборатории, где ведет теоретическую и экспериментальную работу. Проделав свыше четырех тысяч опытов, он раскрывает секрет приготовления смальт (мозаичных составов), и увлекается мозаикой. Он учреждает в полученном им имении Усть-Рудицы фабрику цветного стекла, бисера и мозаики. Сам набирает мозаичные картины, из которых наиболее прославлена «Полтавская баталия».

В 1748 году в письме к математику Леонарду Эйлеру Ломоносов формулирует «всеобщий закон природы» — сохранения материи (вещества) и присущего ей движения. Он занимается изучением атмосферного электричества и других метеорологических явлений, разрабатывает их теорию.

Ломоносов работает в области русской истории, права, экономики, филологии, содействует развитию просвещения и яростно борется с «недоброхотами наук Росоийских». В 1755 году по его инициативе открыт в Москве первый русский университет. В том же году он заканчивает и выпускает первую научную грамматику русского языка. С 1758 года Ломоносов руководит Географическим департаментом Академии наук, развертывает работы по картографии и наблюдательной астрономии. 26 мая 1761 года на основе собственных наблюдений редкого астрономического явления — прохождения Венеры по диску солнца — устанавливает, что эта планета окружена «знатною воздушною атмосферою». В 1763 году для нужд русских горняков выпускает книгу «Первые основания металлургии, или Рудных дел». В прибавлении к этому руководству он помещает сочинение «О слоях земли», где излагает передовые взгляды на геологические процессы. Ломоносов уделяет большое внимание вопросам навигации и научного мореплавания. В сентябре 1763 года он предлагает правительству организовать большую экспедицию для открытия Северо-восточного морокого пути вдоль берегов Ледовитого океана. Экспедиция ушла в море уже после смерти Ломоносова. Он умер 4(15) апреля 1765 года в Петербурге. Похоронен он был в Александро-Невской лавре при невиданном еще стечении народа.

4

В «Письме о правилах российского стихотворства» Ломоносов изложил принципы, завершавшие реформу русского стихосложения, начатую Тредиаковским. Реформа эта назревала давно. Занесенное из Польши и утвердившееся в русской поэзии силлабическое стихо-

сложение, основанное на равенстве числа слогов, было чуждо русскому языку, где ударение свободно, а не строго фиксировано, как в польском языке (на предпоследнем слоге). Русские сочинители «вирш» невольно отступали от этих правил, нарушали «правила» силлабического стихосложения, невольно стремились к упорядочению ударений внутри стиха. Это чутко уловил Тредиаковский, который заметил, что когда «стихи ничего не имеют, кроме числа слогов и рифмы», то «сей род стихосложения ничего иного не производит, как рифмованную прозу, которая никак не ласкает уха, ибо в ней отсутствует каденция, или размер». Тредиаковский искал опору в устном поэтическом творчестве. «Всю я силу взял сего нового стихотворения, — писал он, — из самых внутренностей свойства, нашему стиху приличного; и буде желается знать, но мне надлежит объявить, то поэзия нашего простого народа к сему меня довела».[1] Он вводит понятие «стопы», которая определена им как «мера или часть стиха, состоящая из двух у нас слогов», и предлагает «мерять стих героический стопами, а не слогами, как доныне наши многие стихотворцы не правильно поступали». «Героическим стихом» он обозначал длинный тринадцатисложный стих, наиболее распространенный в то время. Расчленяя его на стопы, Тредиаковский заметил, что, сделав ударение на последнем (седьмом) слоге перед цезурой, правильного чередования «стоп» можно добиться, только применяя хорей, то есть двусложную стопу с ударением на первом слоге. Поэтому Тредиаковский и объявил, что в этом стихе следует придерживаться хорея и соблюдать непременно женскую рифму (с ударением на предпоследнем слоге). «Стих героический, — писал он, — не красен и весьма прозаичен будет, ежели сладкого, приятного и легкого падения не возымеет. Сие падение в том состоит, когда всякая стопа, или, по крайней мере, большая часть стоп, первый слог свой долгий содержит» (то есть речь идет о хорее).

Тредиаковский остановился на полпути. Провозгласив тонический принцип стихосложения, он сам применял его лишь в отношении тринадцати- и одиннадцатисложных стихов, а более короткие продолжал писать силлабикой. Его трактат ограничивал возможности русского стихосложения и стеснял развитие русской поэзии. Ломоносов стремился установить основы русского стихосложения «по природному нашего языка свойству». Он ставит целью освободить русский стих от стеснительных оков, которые еще налагал на него Тредиаковский. Если Тредиаковский признавал только двустоп-

---

[1] В. К. Тредиаковский, Новый и краткий способ к сложению российских стихов... СПб., 1735, с. 24.

ное стихосложение, вдобавок почти исключительно хореическое, то Ломоносов писал: «В сокровище нашего языка имеем мы долгих и кратких речений неисчерпаемое богатство», так что в русские стихи можно внести «двоесложные и троесложные стопы». По его мнению, нет никаких оснований, чтобы русские гекзаметры и другие стихи так «запереть», чтобы они «ни больше, ни меньше определенного числа слогов не имели». Эти стеснительные правила — наследие старого школярства, «неосновательное оное употребление, которое в Московские школы из Польши принесено, никакого нашему стихосложению закона и правил дать не может». Тредиаковский, в сущности, отвергал ямб, утверждая, что тот стих «весьма худ, который весь иамбы составляют или большая часть оных».[1] Ломоносов, напротив, полагал, что «чистые ямбичные стихи хотя и трудновато сочинять, однако поднимаяся тихо вверьх, материи благородство и высоту умножают». Он приходит к мысли, что ямб наиболее пригоден в торжественных одах. Написанная звучными ямбическими стихами «Ода на взятие Хотина» и должна была это доказать на практике.

Тредиаковский доказывал, что необходимо пользоваться преимущественно женскими рифмами, а сочетание мужских и женских рифм и вовсе недопустимо, на что Ломоносов резонно отвечал, что это правило основано на особенностях польского языка, где слова имеют ударение «на предконечном слоге», а потому почти всегда образуют женскую рифму. Ломоносов указывал, что в русском языке этого нет, а потому незачем нам «без всякия причины самовольно нищету терпеть и только одними женскими побрякивать, а мужских бодрость и силу, тригласных устремление и высоту оставить». А посему в русских стихах «красно и свойственно» употреблять все три вида рифм.

Ломоносов убежден, что русская поэзия, не скованная свойствами самого языка, как французская или польская, обладает огромными возможностями для своего развития. Это историческое преимущество, или, как он выражается, «долго пренебреженное счастье», должно наконец быть использовано. «Российский наш язык не токмо бодростию и героическим звоном греческому, латинскому и немецкому не уступит, но и подобную оным, а себе купно природную и свойственную версификацию иметь может», — писал он.

Возвратившись из-за границы, Ломоносов продолжал разрабатывать теоретические основы русского стихосложения. Теперь приобрели значение не общие принципы уже победившего тонического

---

[1] Там же, с. 13.

стихосложения, а частные, однако весьма важные вопросы, как например о жанровой пригодности и допустимости различных размеров. Спор о свойствах ямба и хорея подал в 1743 году повод для своеобразного поэтического состязания. Три самых крупных поэта — Ломоносов, Тредиаковский и Сумароков — решили на практике доказать справедливость своих мнений и для этого переложить стихами 143-й псалом. Результаты были опубликованы отдельной книжечкой, без упоминания имени поэтов. Читателям предлагалось догадаться, кому из трех поэтов принадлежит каждое переложение псалма. В предисловии, написанном Тредиаковским, излагалась суть спора. Прежде всего он указывает, что «российские стихи» теперь уже являются «в совершеннейшем виде, и с приятнейшим слуху стоп падением, нежели как старые бесстопные были», — то есть признает окончательное торжество нового тонического стихосложения. Тредиаковский уже не настаивает на особых преимуществах хорея, а выдвигает положение, что «никоторая из стоп сама собою не имеет как благородства, так и нежности; но что все сие зависит токмо от изображений, которые стихотворец употребляет в свое сочинение, так что иамбом состоящий стих равно изобразит сладкую нежность, когда нежные слова приберутся, и хореем высокое благородство, ежели стихотворец употребит высокие и благородные речи». Ломоносов по-прежнему отстаивает преимущества ямба, утверждая, что «стопа, называемая иамб, высокое сама собою имеет благородство, для того что она возносится снизу вверх, от чего всякому чувствительно слышна высокость ее и великолепие, и что, следовательно, всякой Героической стих, которым обыкновенно благородная и высокая материя поется, долженствует состоять сею стопою; а хорей, с природы нежность и приятную сладость имеющий сам же собою, по его мнению, должен токмо составлять элегический род стихотворений и другие подобные. . .»

Сумароков разделял мнение Ломоносова. В этом теоретическом споре прав был Тредиаковский. Стихотворный размер сам по себе не определяет эмоциональность или жанровую пригодность, но в отдельных литературах возникает определенная традиция восприятия тех или иных стоп. Блестящая поэтическая практика Ломоносова закрепила традиционное восприятие ямба и хорея в русской поэзии. Ломоносов сумел в перелагаемый псалом вложить страсть и энергию и даже отразить свои личные переживания, свой протест против оказанной ему несправедливости. Работу по переложению псалма он и выполнил находясь под арестом, после ожесточенных столкновений с академическими верхами, почти сплошь состоявшими из иноземцев:

Меня объял чужой народ,
В пучине я погряз глубокой,
Ты с тверди длань простри высокой,
Спаси меня от многих вод.

Вещает ложь язык врагов,
Десница их сильна враждою,
Уста обильны суетою;
Скрывают в сердце злобный ков.

...Избавь меня от хищных рук
И от чужих народов власти,
Их речь полна тщеты, напасти,
Рука их в нас наводит лук.

Мягко и незлобиво звучали рядом с этими гневными строфами стихи Сумарокова:

Простри с небес свою зеницу,
Избавь мя от врагов моих;
Подай мне крепкую десницу,
Изми мя от сынов чужих;
Разрушь бунтующи народы,
И станут брань творящи воды.

Не приклони к их ухо слову:
Дела их гнусны пред тобой,
Я воспою тебе песнь нову,
Взнесу до облак голос мой.
И восхвалю тя песнью шумной
В моей псалтире многострунной.

Стихи Тредиаковского, написанные хореем, звучат более выразительно:

На защиту мне смиренну
Руку сам простри с высот,
От врагов же толь презренну,
По великости щедрот,
Даруй способ и избавлюсь;
Вознеси рог и прославлюсь:
Род чужих, как буйн вод шум,
Быстро с воплем набегает,

Немощь он мою ругает
И приемлет в басиь и в глум.

Так языком и устами
Сей злословит в суете;
Злый скрежещет и зубами,
Слепо зрясь на высоте;
Смело множеством гордится;
Храбро воружен красится:
А десница хищных сих
Есть десница неправдива;
Душ их скверность нечестива:
Тем спаси мя от таких.

Переложение псалмов увлекло Ломоносова. Стремясь как можно точнее придерживаться оригинала, он выбирал для перевода те из них, которые больше всего отвечали его настроениям. Отдельные библейские мотивы привлекали его своей гиперболической образностью и своего рода космическим чувством. Так появилось его стихотворное изложение «богоборческого» эпизода из книги Иова. В «духовных одах» Ломоносова его поэтический талант раскрылся с большой силой. Они поражают удивительным чувством русского языка и напряженной четкостью поэтического слова. Не случайно Пушкин считал переложения псалмов «лучшими произведениями» Ломоносова, которые «останутся вечными памятниками русской словесности, по ним долго еще должны мы будем изучаться стихотворному языку нашему». [1]

В жизни народа Псалтырь играла в то время особую роль. В этой единственно доступной и дозволенной книге народ искал отражение собственных нужд и печалей, стремился с помощью псалмов выразить наболевшее чувство социальной несправедливости, протест против своих угнетателей. Ломоносов, перелагая Псалтырь, сумел усилить и подчеркнуть содержащиеся в ней мотивы:

Никто не уповай вовеки
На тщетну власть князей земных:
Их те ж родили человеки,
И нет спасения от них.

(Псалом 145)

---

[1] А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в десяти томах, т. 7, М.—Л., 1951, с. 29.

Переложение псалмов превращается у Ломоносова в политическую лирику. Это прекрасно поняли поэты-декабристы, которые использовали псалмодическую поэзию для выражения гражданских чувств и пробуждения социального протеста (Федор Глинка, Раевский, отчасти Кюхельбекер и Рылеев).

Ломоносов сознавал свою роль в реформе русского стихосложения. В конце жизни в «Росписи» своих трудов он указал: «Будучи еще в Германии, послал в Россию правила стихотворения, по которым и ныне все стихотворцы поступают с добрым успехом, и российская поэзия пришла в доброе состояние».

Ломоносов не только теоретически обосновал и закрепил своей поэтической практикой новые принципы русского стихосложения. Он разрабатывал вопросы поэтического языка и стиля. В «Риторике» он дает подробное обоснование своего метафорического стиля. Основой поэтического мышления является метафора, которую он понимает как «перенос речения от собственного знаменования к другому ради некоторого обоих подобия» (§ 181). На первый план выступает сближение переносных значений слова. «Великолепием украшается слово чрез пренесение речений или предложений от собственного знаменования к другому» (§ 167). Условием поэтического творчества Ломоносов считал «силу совоображения», которая, «будучи соединена с рассуждением, называется остроумием» и представляет собой «душевное дарование с одною вещию, в уме представленною, купно воображать другие, как-нибудь с нею сопряженные» (§ 23). С точки зрения Ломоносова, «кони бурными ногами» вовсе не попирают ясности и не противоречат здравому смыслу. Для Сумарокова «острый разум» состоит в «проницании», без чего поэт, обладающий только «пылким разумом», «набредит и бредом своим себе и несмысленным читателям поругание сделает».[1] «Пылкий разум» ассоциативен. Это способность к неожиданному «сопряжению» идей и «совоображению» несхожих предметов.

Ломоносов предлагает в «Риторике» правила составления «витиеватых речей», определяет их как «предложения, в которых подлежащее и сказуемое сопрягаются некоторым странным, необыкновенным или чрезестественным образом, и тем составляют нечто важное или приятное» (§ 129). Поэт должен удивлять, ошеломлять, поражать «нечаянностью» и необычностью сближения и сочетаний понятий. Это и создает «приятность» — иными словами, порождает эстетический эффект. Ломоносов следует общему «принципу остро-

---

[1] А. С., О разности между пылким и острым разумом. — «Трудолюбивая пчела», 1759, апрель. с. 235.

умия» поэзии барокко, построенной на изощренной комбинаторике метафоризированных значений слова. Он рассматривает различные способы метафоризации поэтической речи, «изобретения» тропов, создания градации «вымыслов», фантастических образов и гипербол. Гиперболические преувеличения, по его мнению, «возвышают» слог, «представляя вещи чрезвычайно великими, к чему много силы придают ужасные действия и свойства» (§ 158).

Ломоносову предстояло еще решить вопрос о составе и характере поэтической лексики. Он связал его с проблемой жанровой стилистики, разработав теорию «трех штилей», изложенную им в «Предисловии о пользе книг церьковных в российском языке», предпосланном к первому тому его сочинений, изданному в 1757 году Московским университетом. Статья отвечала на самые насущные вопросы, стоявшие перед русской поэзией. Теория «трех штилей» не была изобретением Ломоносова. Ее знали еще античные риторики. Но в русских исторических условиях она приобрела конкретные черты, отвечавшие особенностям формирования национального литературного языка.

Признавая историческую связь русского литературного языка и церковнославянского и отдавая должное «древнему красноречию», Ломоносов ограничил применение «славенщины» понятными для всех словами и выражениями, предостерегая от излишнего их употребления, «чтобы слог не казался надутым».

Ломоносов уловил историческую необходимость применения различной поэтической лексики в различных жанрах или родах поэзии. Он указал на практическую необходимость выделения трех главных «штилей»: «высокого», наиболее насыщенного элементами старинной книжности, «среднего», составлявшегося из «речений больше в российском языке употребительных», и «низкого», куда принимаются слова и выражения, которых вовсе нет в церковнославянском языке, а также допускаются «простонародные низкие слова». «Высокий штиль» приличествует употреблять при сочинении героических поэм, од, торжественных речей о важных материях. «Средним» необходимо писать все театральные сочинения, в которых требуется обыкновенное человеческое слово «к живому представлению действия», а также стихотворные дружеские письма, сатиры, эклоги и элегии. «Низкий» пригоден для комедии, эпиграммы, песни, дружеских писем в прозе, описания обыкновенных дел.

Теория «трех штилей» Ломоносова прежде всего учитывала стилистическую окраску слова. «Низкое» по своему значению слово относилось к «высокому штилю», коль скоро оно по своему происхождению относилось к церковнославянизмам. А его русский дублет

попадал в «низкий штиль». Уменье пользоваться в различных случаях стилистическими «дублетами» («глас» и «голос», «глад» и «голод» и т. д.) придавало гибкость и стилистическое разнообразие русскому поэтическому языку. Ломоносов выдвигал требование «рассудительного» употребления различных элементов языка, применительно к жанру и характеру всего произведения. Практически его самого интересовал преимущественно «высокий штиль». Отбор «высоких» слов и речений был необходим для создания торжественного одического стиля, повышал его риторическое напряжение. Теория «трех штилей» Ломоносова облегчала художественную практику оды, отрывая ее от «низких» жанров, придавая ей велеречивость и образный строй, пронизанный церковнославянской архаикой.

Сохраняя действенные элементы церковнославянского языка, Ломоносов открывал дорогу и просторечию, не только в «низком» и «среднем» штиле, но и в трагедии. Это дало повод Тредиаковскому обвинять его в том, что он вводит в поэзию грубый «деревенский» язык:

Он красотой зовет, что есть языку вред:
Или ямщичей вздор, или мужицкой бред.
Пусть вникнет он в язык славенской наш степенный,
Престанет злобно врать и глу́пством быть надменный,
Увидит, что там *коль* не за *коли,* но только
Кладется, как и долг, в количестве за сколько,
Не *голос* чтется там, но сладостнейший *глас;*
Читают *око* все, хоть говорят все *глаз;*
Не *лоб* там, но *чело;* не *щеки,* но *ланиты;*
Не *губы* и не *рот, уста* там багряниты;
Не *нынь* там и не *вал,* но *ныне* и *волна,*
Священна книга вся тех нежностей полна...

Ломоносов стремился использовать все потенциальные возможности русского языка, мобилизовать все его живые силы, отбрасывая все мертвое и отжившее. «Да возрастет и российского слова исправность в богатстве, красоте и силе!» — восклицал он в «Предисловии» к изданной им в 1755 году «Российской грамматике».

5

Главнейшие особенности поэтического стиля Ломоносова определились в его первой оде «На взятие Хотина» и существенно не менялись на протяжении всей его жизни. Она отличается не только

последовательностью проведения принципов, обоснованных Ломоносовым в его теоретических работах, но и поэтическим совершенством, поражает своим торжественным тоном, кипением ярких метафор, разительными «уподоблениями», четким ритмом и великолепной звукописью.

Ода «На взятие Хотина» органически входит в общий художественный стиль своего времени. Вспомним скульптурный портрет Анны Иоанновны Карло Растрелли с тяжеловесной монархиней и изящной фигурой «арапчонка» — комочка металла, словно оторвавшегося от грозной бронзовой глыбы неприступной царицы. Правдивый в индивидуальных чертах, жизненно-конкретный и вместе с тем монументальный, обобщенный и декоративный. В нем чувствуется налет восточной экзотики и некоторого византинизма. Растрелли придал облику Анны Иоанновны черты неумолимой самодержицы, с чугунной поступью и всесокрушающей властностью.

Европейска и Азийска
Златовидный солнца луч, —

пел трепеща коленопреклоненный Тредиаковский. Но вот уже не униженный Тредиаковский, а гордый русский помор, попавший на чужбину, восклицает:

Великой Анны грозной взор!

Русская императрица в оде Ломоносова еще более символизирована и аллегоризирована, чем у Растрелли. Она лишена индивидуальных черт и доведена до крайней степени абстракции:

Одеян в славу Аннин лик
Над звездны вечность взносит круги;
И правда, взяв перо злато́,
В нетленной книге пишет то,
Велики коль ее заслуги.

Это «российская орлица», парящая на недосягаемой высоте и разящая молниями своих врагов. На ее победы взирают с облаков «смиритель стран Казанских» (Иоанн Грозный) и сам Петр Великий, чей «чувствуя приход» — «дубравы и поля трепещут». Этот историко-аллегорический транспарант помещен над грандиозной картиной Хотинской битвы, развернувшейся в стремительном движении проносящихся в уме грандиозных образов и живописных сравнений:

Не медь ли в чреве Этны ржет
И, с серою кипя, клокочет?
Не ад ли тяжки узы рвет
И челюсти разинуть хочет?
То род отверженной рабы,
В горах огнем наполнив рвы,
Металл и пламень в дол бросает...

Ломоносов стремится не к изображению реального сражения, а передает то, что творится во взволнованной душе поэта. Его «уподобления» сложны и изысканны. Они одновременно живописны и отвлеченны:

Крепит отечества любовь
Сынов российских дух и руку;
Желает всяк пролить всю кровь,
От грозного бодрится звуку.
Как сильный лев стада волков,
Что кажут острых яд зубов,
Очей горящих гонит страхом,
От реву лес и брег дрожит,
И хвост песок и пыль мутит,
Разит извившись сильным махом.

Мы можем представить себе разъяренного льва, чей хвост «песок и пыль мутит», но перенесение этого сравнения на русское воинство, среди обступившей его «тьмы» врагов — чисто отвлеченная умственная операция. Сложное «уподобление» завершает реальная, даже натуралистическая деталь:

Корабль как ярых волн среди,
Которые хотят покрыти,
Бежит, срывая с них верьхи,
Претит с пути себя склонити;
Седая пена вкруг шумит,
В пучине след его горит,
К российской силе так стремятся,
Кругом объехав, тьмы татар;
Скрывает небо конской пар!

Отдельные детали и картины оды как бы живут двойной жизнью — существуют словно сами по себе и вместе с тем соотнесены со всем стилем и неотделимы от него. Они выступают на общем

условно-риторическом фоне и как бы подчеркивают его своей обнаженной натуралистичностью:

Из лыв густых выходит волк
На бледный труп в турецкий полк.

Но вместе с тем они укрепляют метафорический строй оды, притягивают его к земле, не дают ему развиваться в пустоту. В оде 1742 года («На прибытие... Елисаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург... по коронации»), реальные детали побоища завершают риторическое уподобление:

Всяк мнит, что равен он Алкиду
И что Немейским львом покрыт,
Или ужасную эгиду
Нося, врагов своих страшит:
Пронзает, рвет и рассекает;
Противных силу презирает.
Смесившись с прахом, кровь кипит;
Здесь шлем с главой, там труп лежит;
Там меч с рукой отбит валится.

Но и это уподобление является лишь ступенью к еще более отвлеченному и гиперболизированному, в котором «флот российский» сравнивается с исполином, ступающим с горы на гору:

Бежит в свой путь с весельем многим
По хо́лмам грозный исполин,
Ступает по вершинам строгим,
Презрев глубоко дно долин,
Вьет воздух вихрем за собою;
Под сильною его пятою
Кремнистые бугры трещат,
И следом дерева лежат,
Что множество веков стояли
И бурей ярость презирали.
Так флот российский в понт дерзает,
Так роет он поверьх валов...

Стремительное движение образов и представлений придает стихам Ломоносова необычайную динамичность. В той же оде:

Там кони бурными ногами
Взвивают к небу прах густой,
Там смерть меж готфскими полками
Бежит, ярясь, из строя в строй,
И алчну челюсть отверзает...

Аллегорический образ смерти и неистовствующие на поле боя кони представлены в одной плоскости, выступают в одном ряду. Тот же прием изображения стремительно мчащегося коня Ломоносов использует и в оде 1750 года, когда воспевает Диану — Елизавету во время охоты:

Ей ветры вслед не успевают;
Коню бежать не воспящают
Ни рвы, ни частых ветвей связь:
Крутит главой, звучит браздами
И топчет бурными ногами,
Прекрасной всадницей гордясь!

Характерными чертами поэзии Ломоносова являются напряженный метафоризм, сложное развитие синтаксико-интонационного строя речи, пристрастие к экзотическим именам, названиям и предметам, обилие и смешение античных, библейских и исторических реминисценций, торжественность тона, «парение мысли», которое побудило Сумарокова, когда он еще отдавал дань восхищения Ломоносову, воскликнуть:

Он наших стран Мальгебр, он Пиндару подобен.[1]

Громкость од Ломоносова, приподнятость, восторженность отвечают риторической цели. «Восторг» поэта, его панегирическое исступление не знает границ. Он восклицает, обращаясь к «возлюбленной» лире:

К блистающим пределам мира
Шумящим звоном вознесись!

Его охватывает «риторический ужас» перед величием воспеваемой им монархини и ее дел:

---

[1] А. П. Сумароков, Полное собрание сочинений в стихах и прозе, ч. 1, М., 1787, с. 347.

Священный ужас мысль объемлет!
Отверз Олимп всесильный дверь.
Вся тварь со многим страхом внемлет,
Великих зря монархов дщерь,
От верных всех сердец избранну,
Рукою вышнего венчанну...

(Ода 1742 г.)

«Парящая слава» Елисавет, «возвысившись до горьних мест», должна «число умножить звезд». Чтобы «вместить» в стихи эту безграничную славу монархини, нужны «чрезестественные» средства, только и способные передать безудержный полет воображения поэта. И здесь-то и вступает в свои права напряженный метафоризм поэтической речи, многопланность образов, оксюморонное сочетание несочетаемого. Поэтический «восторг» выражается, вернее имитируется, нарушением строя и логических связей речи, всеми видами инверсии, перебоями, отступлениями, восклицаниями...

Ломоносов создавал не столько зрительно представимые, плоско чувственные образы, сколько умственно постигаемые, рассчитанные на интеллектуальное напряжение и в то же время на эмоциональное воздействие, согласно предписаниям «Риторики». Все, что происходит в его одах, возникает перед умственным взором поэта, его «мысленными очами» как мгновенно проносящиеся картины и сопрягается его «быстрым разумом» безотносительно к предметному представлению. В оде 1742 года он употребляет такой образ:

Брега Невы руками плещут,
Брега Ботнийских вод трепещут —

и еще дважды приводит его в «Риторике» (§§ 136 и 203), считая, по-видимому, образцовым. Он не только использует далекие переносные значения слова, но и образует оксюморонные эпитеты («бодрая дремота», «громкая тишина»).

Отличительной чертой поэзии Ломоносова является антиномичное сочетание абстрактного и конкретно-чувственного начала. Однако метафоризм Ломоносова не исключает конкретности восприятия. Он изображает предмет не сам по себе, а чувственное ощущение от него. «Жаждущие степи» и «бурные ноги» быстро несущегося коня вовсе не отвлеченные понятия.

Метафорический стиль Ломоносова не только не обесцвечивает, а подчеркивает живописную конкретность. Все краски в его одах

повышенно интенсивны. Они горят как смальты, и его нисколько не смущает их искусственность. Ломоносов рекомендует в «Риторике» и сам охотно употребляет излюбленные поэтами барокко потоки цветов и алмазов, медвяный, сладостный, насыщенный ароматами и фимиамом стиль описания; так, в оде 1745 года «На бракосочетание Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны» (первая редакция):

Там мир в полях и над водами,
Там вихрей нет, ни шумных бурь;
Меж бисерными облаками
Сияет злато и лазурь.

Кристальны горы окружают,
Струи прохладны обтекают
Усыпанной цветами луг;
Плоды, кармином испещренны,
И ветви, медом орошенны,
Весну являют с летом вдруг...

Условность этого изображения «вымышленного царства любви» (как оно определено в «Риторике»), застывшего и неподвижного, как картинка на фарфоре, подчеркивается античной реминисценцией:

Нарцисс над ясною водою,
Пленен своею красотою,
Стоит любуясь сам собой.
Зефир, как ты по брегу дуешь,
Сто крат листки его целуешь
И сладкой те кропишь росой...

Все краски словно заимствованы из обихода придворного ювелира и эмальера. «Плоды, кармином испещренны» сияют ярче, чем на ветвях реальных деревьев. Но это не живые соки земли, а острые экстракты из них. Так же условно-живописен и пейзаж, приведенный в первом варианте «Риторики» (1744):

Сходящей с поль златых Авроры
Рука багряна сыплет к нам
Брильянтов, искр, цветов узоры,
Дает румяный вид полям,

Светящей ризой мрак скрывает
И к сладким песням птиц взбуждает...[1]

Метафорическую цепочку представлений развертывает Ломоносов и в описании весны:

Светящий солнцев конь
Уже не в дальный юг
Из рта пустил огонь,
Но в наш полночный круг.

(«Риторика», § 66)

Ломоносов придает большое значение «звукописи», которая становится элементом поэтического изображения. Следуя традициям барочной поэтики, он дает смысловые характеристики стихотворным размерам и отдельным звукам. Он утверждает, что *с, ф, х, ц, ч* и плавное *р* имеют произношение «звонкое и стремительное», а потому «могут споспешествовать к лучшему представлению вещей и действий сильных, великих, громких, страшных и великолепных» («Риторика», § 173). «Через *я* можно показать приятность, увеселение, нежность и склонность, через *о, у, ы* страшные и сильные страсти, гнев, зависть, боязнь и печаль». Следуя этим правилам, Ломоносов создавал и нагнетал звуковое великолепие своих од:

О *с*лава жен во *с*вете *с*лавных, —
*Р*оссии *р*адость, ст*р*ах в*р*агов...

*(Ода на прибытие
Елисаветы Петровны 1742 г.)*

---

[1] Образ «розовоперстой Эос» Ломоносов не только развертывает в оде 1746 года и притом в плане маринистической поэтики, но и дважды приводит в «Риторике» (§§ 156 и 218):

И се уже рукой багряной
Врата отверзла в мир заря,
От ризы сыплет свет румяной
В поля, в леса, во град, в моря...

И еще более изысканно в «Оде на взятие Хотина»:

Златой уже денницы перст
Завесу света вскрыл с звездами;
От встока скачет по сту верст,
Пуская искры конь ноздрями.
Лицем сияет Феб на том.

Он пользуется типичным для поэзии барокко переплетением звуковых и зрительных представлений:

От блеску твоея порфиры
Яснеет тон нижайшей лиры...

(Рукописная «Риторика», 1744)

Или

Молчите, пламенные звуки,
И колебать престаньте свет...

(Ода 1747 г.)

Основные черты этого стиля Ломоносов сохранил до конца жизни. В его поздних одах встречаются те же условные краски и привычные способы образования метафор. Если в оде 1747 года:

Великое светило миру,
Блистая с вечной высоты
На бисер, злато и порфиру,
На все земные красоты...

то и в оде 1759 года:

Щедрот источник, ангел мира,
Богиня радостных сердец,
На коей как заря порфира,
Как солнце тихих дней венец...

И в оде 1761 года Елизавете Петровне преблагополучно — в который раз! — «плещут Невски берега», гремит «златая лира», сияют «злато и лазурь», извивается Шпрее — «хитрая река», «правда тишину лобзает». В той же оде бросается в глаза аллегорическое изображение бога, простирающего с облаков десницу и осеняющего воинство Елизаветы; это изображение ничем не отличается по своему характеру от более ранних:

Сквозь дым небесный луч блистает!
Сквозь волны, пламень вижу рай;
Там бог десницу простирает
И крепость неизмерных сил,
Петру на свете поручил:
«Низвергни храбростью коварство,
Войнами укроти войны и т. д.

Метафорический строй поэзии Ломоносова рационалистичен. Только это не рационализм классицизма, требовавший однозначности поэтического слова, а «риторический разум» поэта барокко, оправданный всей совокупностью его эстетических воззрений.

Классицист Сумароков отвергал метафоризм Ломоносова и его торжественный риторический стиль как сознательное отклонение от «естественности». «По моему мнению, — писал он в статье «К несмысленным рифмотворцам», — пропади такое великолепие, в котором нет ясности».[1] Сумароков стремился закрепить постоянное, рациональное, логически выводимое и определимое значение слова. Ломоносов исходил из многозначимости слова, раскрытие которой и составляло одну из самых сокровенных способностей поэтического мышления. Сумароков требовал смысловой однозначимости, сухой точности. Так он и понимал «ясность» поэтического слова. Темно! — вот его постоянный аргумент. С этих позиций он и ведет критику поэзии Ломоносова, объявляя несуразицей и «галиматьей» то, что являлось *основной* особенностью поэзии Ломоносова и его отношения к поэтическому слову.

Сумароков подверг придирчивому разбору оду Ломоносова 1747 года, то есть относящуюся как раз к тому времени, когда Ломоносов, по мнению некоторых ученых, якобы уже отошел от метафорического стиля барокко и даже осудил его.

«Блистая с вечной высоты». «Можно сказать — вечные льды, вечная весна. Льды потому вечные, что никогда не тают, а вечная весна, что никогда не допускает зимы, а вечная высота,, вечная глубина, вечная ширина, вечная длина не имеют никакого значения», — писал Сумароков. Он не допускал не только метафоризации, основанной на переносных значениях слова, но и более простого метонимического перенесения смысла, коль скоро он удаляется от основного и привычного значения. *«Верьхи парнасски восстенали»*. «Восстенали музы, живущие на верьхах парнасских, а не верьхи», — наставительно замечает Сумароков. *«Летит корма меж водных недр»*. «Летит меж водных недр не одна корма, а весь корабль». *«Где в роскоши прохладных теней»*. «Роскошь прохладных теней, весьма странно ушам моим слышится. Роскошь тут головою не годится. А тени не прохладные; разве охлаждающие или прохлаждающие». *«Молчите, пламенные звуки»*. «Пламенных звуков нет, а есть звуки, которые с пламенем бывают» и т. д. и т. д.[2]

---

[1] «Трудолюбивая пчела», 1759, декабрь, с. 764.

[2] А. П. Сумароков, Полное собрание всех сочинений, т. 10, М., 1782.

Метафоризирующие сдвиги спасали поэтическое слово от иссушающей «точности», лобового описания предметов и явлений. Но классицисту Сумарокову было невозможно втолковать, что «прохладные тени» поэтичней, нежели «прохладительные».

Сумароков не только критикует образный строй поэзии Ломоносова, но и продолжает свою критику средствами пародии,[1] желая показать всю, с его точки зрения, абсурдность и неприемлемость поэтики Ломоносова. Верхом нелепости кажется Сумарокову образ зари в оде Ломоносова:

Заря багряною рукою
От утренних спокойных вод
Выводит с солнцем за собою
Твоей державы новый год —

Сумароков «реализует метафору» и нарочитой прозаизацией возвращает ей утраченную в потоке переносных значений первоначальную «предметность»:

Трава зеленою рукою
Покрыла многие места,
Заря багряною ногою
Выводит новые лета...

«Рука» травы и «нога» зари лишены «побочных» ассоциаций, создающих условия для метафорического перенесения смысла. Поэтика Ломоносова «развенчивается» Сумароковым, убежденным, что он логически доказал «нелепость» поэтических средств Ломоносова.

Во «Вздорных одах» Сумарокова осмеян *весь* одический стиль Ломоносова — вся его поэтическая система, а не отдельные промахи, неловкости или недостатки. Метафоризм Ломоносова выводит Сумарокова из себя. Стихи Ломоносова:

Там кони бурными ногами
Взрывают к небу прах густой —

Сумароков (через семнадцать лет после их написания) пародирует в своей третьей «вздорной оде»:

---

[1] О пародировании Сумароковым поэзии Ломоносова см. в книге «Русская стихотворная пародия», «Б-ка поэта» (Б. с.), Л., 1961. Вступительная статья А. Морозова, с. 10—17.

Крылатый конь перед богами
Своими бурными ногами
В сей час ударит в вечный лед...

Ломоносов и Сумароков представляли собой столь антагонистические тенденции в развитии литературных стилей, столь резко отличались друг от друга по своим теоретическим воззрениям и своему отношению к поэтическому слову, что объединять их в рамках классицизма просто немыслимо. Если бы Ломоносов действительно был классицистом, то Пушкин не выделил бы у него такие черты, как «высокопарность и изысканность, отвращение от простоты и точности».[1] И хотя этот суровый отзыв вызван борьбой Пушкина с литературной реакцией, пытавшейся опереться на ломоносовскую традицию и противопоставить ее новой русской поэзии, он просто не был бы возможен, если бы эти черты отсутствовали у Ломоносова.

6

Новаторство Ломоносова не явилось перенесением на русскую почву готовых форм, а было подготовлено всем ходом развития национальной культуры. Метафоризм и риторичность ломоносовского стиля связаны с предшествовавшей русской художественной традицией. Однако качественный сдвиг, происшедший в литературе XVIII века, до известной степени затемнил эту историческую преемственность. «Многие из его поэтических гипербол, — писал о Ломоносове И. Еремин, — сравнение России с небом, царя с орлом или солнцем и т. п.» восходят к «поэтической фразеологии, основоположником которой в русской «хвалебной», панегирической поэзии был Симеон Полоцкий».[2]

Поэтический стиль Симеона Полоцкого — крупнейшего представителя русского книжного барокко — отличался велеречием и пышностью, сложным метафоризмом и пристрастием к «словесному узорочью», орнаментальным и декоративным элементам. Это — официальная поэзия Московского централизованного государства. Вместе с тем в ней нашло отражение крепнущее национальное самосознание. Мы встречаем у Полоцкого не только доведенную

---

[1] А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в десяти томах, т. 7, М.—Л., с. 278.
[2] «История русской литературы», т. 2, ч. 2, М.—Л., 1948, с. 348.

до крайней степени абстракции фигуру самодержца, но и гиперболизованный образ России:

Глава ти небес самих достизает
простертость крилу весь мир окривает.

В другом месте у того же Полоцкого:

Небом Россию нарещи дерзаю,
ибо планеты в оной обретаю.

Это уподобление мы встречаем и у Ломоносова. В оде 1761 года — «небу равная Россия». В оде 1748 года развернута аллегорическая картина России, которая, покоясь среди бескрайних равнин, главой «коснувшись облаков», — «конца не зрит своей державы»:

Веселый взор свой обращает
И вкруг довольства исчисляет,
Возлегши лактем на Кавказ.

Не только отдельные образы и уподобления связывают Ломоносова с традицией панегирической поэзии. Гораздо важнее их общие источники и родственные принципы метафорического стиля. Поэзия Ломоносова, заметил еще В. Белинский, «выросла из варварских схоластических риторик духовных училищ XVII века».[1]

Наследие виршевой поэзии XVII века было подхвачено петровским временем, широко пользовавшимся риторическими средствами барокко.[2] Мотивы панегириков петровского времени, и в особенности школьной драмы, близки Ломоносову и по своим художественным средствам, и своей политической устремленностью, и просветительскими тенденциями. Сама действенность его поэзии, производившей такое глубокое впечатление на его современников, объясняется не только его могучим талантом, но и тем, что он сумел вложить страсть и пафос нового содержания в традиционную форму. Знакомые образы и уподобления являлись в новых, небывало ярких переосмыслениях. Омертвевающая старая метафора воскресала, освобождая дремлющую в ней потенциальную силу воздействия.

Восприятие античности и ее использование в поэзии Ломоносова носит барочный характер. Античные божества ломоносовских

---

[1] В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. 5, М., 1954, с. 524.

[2] А. Морозов, Проблема барокко в русской литературе XVII — начала XVIII века. — «Русская литература», 1963, № 2. Его же, Ломоносов и барокко. — «Русская литература», 1965, № 2.

од сродни Марсам и Минервам живописных аллегорий петровских триумфов. Едва речь заходит о славных делах Петра и его победах, как в одах Ломоносова появляется вся привычная эмблематика: рычит Немейский лев, из морских глубин выплывают удивленные тритоны, гремит и потрясает трезубцем Нептун.

В письме к И. Шувалову от 16 октября 1753 г. Ломоносов оправдывал титанические образы и гиперболы своего одического стиля, ссылаясь на пример античных писателей. Он пишет о своих литературных противниках из круга Сумарокова: «Они стихи мои осуждают и находят в них надутые изображения для того, что они сами великих древних и новых стихотворцев высокопарные мысли, похвальные во все веки и от всех народов почитаемые, унизить хотят». И он приводит четыре строки из «Илиады» в своем переводе:

Внезапно встал Нептун с высокия горы,
Пошел и тем потряс и лесы, и бугры.
Трикраты он ступил, четвертый шаг достигнул
До места, в кое гнев и дух его подвигнул...,

И затем описание «ужасного» Полифема из «Энеиды» Вергилия. Все это необходимо отнести к барочной традиции усвоения античности, поискам динамичных и грандиозных образов и сравнений.

Усвоение античного наследия в XVII веке служило иным целям, чем в эпоху Возрождения. Беспокойное искусство барокко искало в античности прежде всего изображения страстей и риторику. Обращаясь к античности, Ломоносов также искал в ней риторические средства, разительные образы и метафоры. В «Риторике» он обращает внимание на возбуждение и изображение страстей. Его привлекают у античных писателей гиперболические образы, фантастические метафоры, сказочные чудовища, ужасающие и поражающие воображение картины:

Раздранный коньми Ипполит
Несходен сам с собой лежит.

(«Риторика», § 143)

Вот описание зависти из Овидия в переводе Ломоносова:

Всегда бледнеет зрак, и кожа на костях,
Глядит из-под бровей, и ржа всегда в зубах,
Желта от желчи грудь, и яд течет с языка...

(§ 156)

Или описание гарпий (из «Энеиды»):

Имеют женский зрак ужасные те птицы,
И ногти острые, и смрадно гноем чрево,
От гладу завсегда бледнеет их лице.

(§ 155)

Поэзия западноевропейского барокко обращалась к античному наследию и непосредственно, и путем сложной преемственности традиции, теряющейся в раннем средневековье. Традиция эта была прежде всего риторическая, поддерживавшаяся в учено-монастырской среде. Но эта же традиция, и притом более близкая к античным истокам, имелась и на Руси в передаче византийской книжности и древнерусского проповеднического искусства. О ней знал Ломоносов, который советовал в «Риторике» (§ 147) «для подражания в витиеватом роде» искать образцы «в славенских церьковных книгах», переведенных с греческого языка, «в прекрасных стихах и канонах» Иоанна Дамаскина и в проповедях Григория Назианзина — то есть прямо указывал на старорусскую риторическую традицию.

Ломоносову импонировало живое чувство природы, ее непосредственное восприятие, проходившее через всю древнерусскую письменность и связанное с восприятием античности у Иоанна Дамаскина, Василия Великого и Григория Богослова.[1] Он не только ссылался на их труды в полемических целях, но и учился у них «риторскому разуму». Поэтому наряду со школьными риториками и пиитиками необходимо принимать во внимание и более глубокие пласты усвоения античности на протяжении всей истории русской национальной культуры. Но в XVII — начале XVIII века этот процесс усвоения происходил на барочной основе. И Ломоносов воспринимал античность через призму барочной риторики и поэтики.

Он выискивает у античных авторов описания диковинных экзотических предметов, редкостей и драгоценностей. Он находит у Лукиана и с удовольствием приводит в «Риторике» (§ 58) описание павлина, играющего и переливающегося всеми перьями, как самоцветами: «где прежде сверкали рубины, уже тут при малом наклонении золото бывает, с одной стороны лазорью, с другой — баг-

---

[1] Об элементах античного мировоззрения в древней Руси см.: Т. Райнов, Наука в России в XI—XVII веках, М.—Л., 1940, с. 78—107.

рялостью, на солнце жемчугом, в тени изумрудом увеселяет».[1] Он обращается к Филострату, чтобы найти у него картинки в духе рококо — ловлю и борьбу купидонов. И наконец, он берет у Овидия и вводит в «Риторику» (§ 57) описание «Солнцева дома»:

Поставлен на столпах высоких солнцев дом,
Блистает златом вкруг и в яхонтах горит;
Слоновый чистый зуб верьхи его покрыл;
У врат на вереях сияет серебро...

«Солнцев дом» Овидия, вдохновлявший еще Симеона Полоцкого, повлиял на барочное описание «чертогов» морского царя в поэме Ломоносова «Петр Великий».

Античная мифология привлекается Ломоносовым для создания сложных уподоблений барочного характера. Так в оде 1750 года:

Мрачил вселенну Энцелад,
Ревет под Этною рыдая
И телом наполняет ад;
Зевесовым пронзен ударом,
В отчаяньи трясется яром,
Не может тяготу поднять,
Великою покрыт горою...

Сравнение завершается риторическим обращением к Елисавете:

Так варварство твоим перуном
Уже повержено лежит,
Когда при шуме сладкострунном
Поющих муз твой слух звучит...

Античные образы поэзии Ломоносова продолжают прикладную мифологию петровского времени. Он оперирует небольшим числом привычных имен богов и героев, используя их для аллегорических построений. Он вводит образ Фаэтона, упоминавшегося еще Симеоном Полоцким и нашедшего себе место в изображении петровских триумфов. В описании «сретения» Петра в Москве, подготовленного Сла-

---

[1] Описание павлина в прозе, приведенное в «Риторике» Ломоносова, как известно, послужило источником державинского «Павлина».

вяно-греко-латинской академией, упоминается картина, помещенная на «Торжественных вратах», которая «изъявляет Фаэтонта Фебусова сына». «Дерзновенен и высокоумен», он «всед на колесницу солнечную, мир возжже, сего ради от Иовиша громом поражен паде на землю. Изображает же свейскую землю».[1] В оде Ломоносова 1742 года образ «готфска Фаэтонта» введен в сложный строй метафоризированных сравнений:

Там, видя выше горизонта
Входяща готфска Фаэтонта
Против течения небес
И вкруг себя горящий лес,
Тюмень в брегах своих мутится
И воду скрыть под землю тщится.

В оде 1759 года еще более изысканно:

Там Мемель в виде Фаэтонта
Стремглав летя, нимф прослезил,
В янтарного заливах понта
Мечтанье в правду претворил.

Барочная метафоризация античных образов выросла и усложнилась, но ее аллегорическая основа осталась прежней. Так же поступает Ломоносов и в отношении библейских представлений и образов. «Олимп всесильный» и «ветхий деньми» библейский бог выступают у него в одинаковой функции. Античные реминисценции возникают в причудливом смешении с христианскими. В оде 1742 года, начав с обращения к музе:

Взлети превыше молний, муза,
Как Пиндар быстрый твой орел;
Гремящих арф ищи союза
И вверьх пари скоряе стрел, —

Ломоносов развертывает риторическую тираду, в которой «ветхий деньми», обращаясь к Елизавете, «вещает» о своем благоволении к России.

---

[1] «Торжественные врата, вводящие в храм бессмертныя славы», М., 1703.

Смешение христианских и античных представлений и образов характерно для всей поэзии барокко, в особенности связанной с духовной школой XVII века. У нас оно уже намечалось у Симеона Полоцкого и первых наставников московской академии братьев Лихудов. Ломоносов не только сравнивает воспеваемых монархов с античными божествами, но и смело играет христианскими мотивами. В оде 1743 года он написал о Петре Великом:

Нептун познал его державу,
С Минервой сильный Марс гласит:
«Он бог, он бог твой был, Россия,
Он члены взял в тебе плотския,
Сошед к тебе от горьних мест. . .»

Эти строки о вочеловечении бога в Петре вызвали ярость и негодование старообрядцев, увидевших в них апологию самого Антихриста.[1] Подобные стихи, по-видимому, смущали не одних только «раскольников». Ломоносов был вынужден объяснять условно-метафорический характер своих уподоблений в составленной около 1744 года «надписи» для статуи Петра Великого. Считаясь с набожностью Елизаветы, Ломоносов держался ближе к Олимпу, нежели к Библии, но и позднее он не отказывался от рискованных уподоблений, например в оде 1752 года, где он переосмысляет христианскую формулу, применяемую к богоматери («Благословенна ты в женах»), для прославления матери Петра Великого, царицы Натальи:

И ты в женах благословенна,
Чрез кою храбрый Алексей
Нам дал монарха несравненна,
Что свет открыл России всей.

Ряд особенностей стиля Ломоносова и его образного состава восходит к виршевой поэзии, ораторскому искусству и школьной драме петровского времени, представлявшим собой различные варианты и модификации поэтического стиля барокко в России второй половины XVII — начала XVIII века.

Традиционные средства, разработанные в старинных пиитиках

---

[1] В одном полемическом рукописном сборнике старообрядцев приведены эти три стиха Ломоносова с таким заключением: «Ибо он древний змий, сатана, прелестник, свержен бысть за гордыню от горьних ангельских чинов». — «Чтения в обществе истории и древностей российских», 1863, кн. 1, «Смесь», с. 60—61.

и риториках, Ломоносов сочетал с опытом западноевропейской литературы и изобразительного искусства. Найденные им формы наиболее отвечали потребностям, вкусам и общему стилю его времени. Оды Ломоносова гармонировали с материальной пышностью барочного дворцового убранства, с причудливыми раззолоченными павильонами, подстриженными фигурными садами, гротами, китайскими пестрыми фонариками, раскачивающимися на ветру, с нежной музыкой Арайя, шипеньем и треском рассыпающихся золотым дождем ракет, швермеров и лусткугелей елизаветинских балов и фейерверков. Поэзия Ломоносова в значительной своей части и сама была принадлежностью этого быта. Ее стилистические средства отвечали не только оформлению придворных празднеств и фейерверков, но всему художественному стилю времени.

Современному читателю нужно принимать во внимание жанровую обусловленность поэзии Ломоносова. Его оды и надписи пересыпаны не только обязательными льстивыми верноподданническими уподоблениями, формулами обращения и титулования, но и застывшими метафорами и эпитетами. Использование «готовых формул», уменье их варьировать до бесконечности было своеобразным достоинством книжной поэзии барокко, показывая эрудицию и виртуозность поэта и ритора. Риторическая позиция позволяла идеализировать монарха, наделяя его всеми мыслимыми добродетелями и совершенствами, характеризуя его с помощью заимствованных выражений, античных и исторических реминисценций. Личные черты «правителя» могли быть совершенно чужды поставленной поэтом задаче, и он просто обходился без них или придавал им условный характер. Эта условность наглядней всего выступает в одах Ломоносова, посвященных императору Иоанну Антоновичу, едва достигшему года от роду. Сама тема императора-младенца была благодарна для поэзии барокко, даже для его поздней модификации — рококо. И все же монарх-младенец, воспеваемый Ломоносовым, не превращается в перламутрового амура, хотя сама Флора «дивится» жемчужной чистоте лепестков, окружающих его «цветочков», а нимфы сплетают их с лаврами его грядущих дел и побед. При всей изысканности метафор и сравнений ода Ломоносова сохраняет «героический звон». Грозная тема начавшейся войны со Швецией усиливает традицию, начатую в «Оде на взятие Хотина». Во второй оде «Первые трофеи его величества Иоанна III» он уже «сильный царь». Кипят традиционные сравнения и образы:

Вскочил, как яр из ложа лев,
Колеблет стран пределы рев.

Развертываются пышные сравнения со всем блеском барочной инструментовки:

Противу ветров сильных плыть,
Среди несносных бурь вступить
Отважны их сердца дерзнули.
Колючей терн, сухой тростник,
Таился в коих зной велик,
Теперь уж явно всем вспыхну́ли.
Войну открыли шведы нам;
Горят сердца их к бою жарко;
Гремит Стокгольм трубами ярко...

Риторический пафос оды находит завершение в исполненной необычайной энергии типично барочной формуле — угрозе, пророчестве и молитве:

Не хочут если брань пресечь,
Подай, чтоб так же в них вонзился
И новой кровью их багрился
Нагретый в ней Иоаннов меч.

Ломоносов пользуется всеми средствами барочной риторики при изложении своих заветных мыслей о благе и мирном преуспеянии отечества, о покорении «строгой природы», о творческих победах над ней человека, для страстной защиты науки от «пугливых невежд» и мракобесов. Это придает его поэзии масштабность и торжественность. Воспевая науки и призывая их в свое отечество, Ломоносов часто облекал это в формы барочной пластики, как например аллегория в оде 1747 года:

И се Минерва ударяет
В верьхи Рифейски копием;
Сребро и злато истекает
Во всем наследии твоем.
Плутон в расселинах мятется,
Что россам в руки предается
Драгой его металл из гор,
Которой там натура скрыла;
От блеску дневного светила
Он мрачный отвращает взор...

Создаваемые им аллегорические образы расцвечены маринистическими огнями. Прорытие канала, соединяющего речушку Славену с

Невой, превращается в волшебную барочную феерию. Нимфа Славены, возвестив славу «Петровой дщери», —

влагу рассекая,
Пустилась тщательно к Неве;
Волна, во бреги ударяя,
Клубится пеною в траве.
Во храм, сияющий металлом,
Пред трон, украшенный кристаллом,
Поспешно простирает ход;
Венцем зеленым увязенной
И в висс, вещает, облеченной
Владычице российских вод...

(Ода 1750 г.)

Ломоносов, трудившийся в области теоретической и наблюдательной астрономии, сделавший глубокие выводы из своего открытия атмосферы на Венере, в своей одической практике свободно пользовался астрологическими представлениями и образами Птолемеевой системы мира:

Да движутся светила стройно
В предписанных себе кругах...

(Ода 1748 г.)

Воспевая дворец в Царском Селе, перестраивавшийся под руководством Растрелли, Ломоносов восклицает, подразумевая «знаки зодиака»:

Чудовища, что легковерным
Раченьем древность и безмерным,
Подняв на твердь, вместила там,
Укройтесь за пределы света:
Се зиждет здесь Елисавета
Красу приличну небесам...

А в оде 1746 года «поэтический гороскоп» сопровождается примечаниями: «Во время рождения ее императорского величества планеты Меркурий и Марс стояли в одном знаке с Солнцем» или «Луна тогда стояла в созвездии Стрельца». Вспомним, что в эпоху барокко и великий Кеплер не только писал о «музыке сфер», но составлял придворные гороскопы. У Ломоносова эта поэтическая астрология носит еще более условный характер и, несомненно, принадлежит

к барочному реквизиту, а не к поэтике классицизма. Но эта барочная бутафория порой отступает под напором высоких мыслей поэта. Аллегории становятся более прозрачными. Ломоносов включает в свои оды страстную публицистику, свои мечты и размышления о благе и преуспеянии родины. Вслед за описанием Энцелада, олицетворяющего невежество, сраженное «перуном» Елисавет, следует обращение к подлинным сынам народа, русскому юношеству:

Пройдите землю, и пучину,
И степи, и глубокий лес,
И нутр Рифейский, и вершину,
И саму высоту небес.
Везде исследуйте всечасно,
Что есть велико и прекрасно,
Чего еще не видел свет...

(Ода 1750 г.)

Воображение поэта устремляется в реальный мир, к созидательному труду и исследованию безграничного Космоса.

«Экзотизм» в одах Ломоносова носит условный характер и восходит к традициям русской книжности, как например образ плодоносного Нила, который «из рая течет», упоминание Индии, дикой первобытной Америки и т. д. Но условная «одическая география» часто превращается у него в реальную, отражающую успехи русских землепроходцев и путешественников. В оде 1742 года он спешит опоэтизировать только что полученное известие о достижении экспедицией Беринга берегов Америки:

К тебе от всточных стран спешат
Уже Американски волны
В Камчатской порт, веселья полны...

Однако эта конкретная деталь выступает на общем фоне поэтики барокко:

В проливах, в устьях рек, в губах
Играя, нимфы вьют в руках,
Монархиня, венцы лавровы...

Черты барочной риторики и образности мы встречаем и в «Письме о пользе Стекла», где титанический образ Прометея становится символом многовековой борьбы науки и суеверия. Ломоносов защищает от «пугливых невежд» гелиоцентрическое мировоззрение и славит победы человеческого разума над природой. Новейшие научные

открытия в области электричества, исторические воспоминания о великих мореплавателях, ужасающие картины рабства и тирании на завоеванном европейцами новом континенте и мирная идиллия, описания «убора», который дают «сельским нимфам» «нежная весна» и нарядный бисер, — уживаются рядом в стремительном движении живописных картин.

Связь с художественным мышлением барокко объясняет многое не только в одах и «похвальных словах» Ломоносова, но и в его научной поэзии. Единство поэта и ученого осуществлялось на барочной основе. Живое чувство природы пронизывало натурфилософию барокко. При существенной неполноте и отрывочности реальных знаний наука нуждалась в крыльях фантазии, чтобы не заблудиться в эмпирических потемках. Безграничный полет мысли сочетался с поэтическим отношением к природе, принимая иногда фантастические формы. Великие умы XVII века испытывали поэтический восторг и своего рода «священный ужас» перед величием природы, которое они стремятся охватить единым взором во вдохновенном порыве. Это динамическое восприятие природы было в высшей степени свойственно Ломоносову. Вся «натура» находится у него в бурном движении. Клокочут недра земли, сотрясая ее и рождая благородные металлы, извергают сернистую лаву огнедышащие вулканы, кипят горячие гейзеры, ревет неутомимый Океан, где движутся исполинские ледяные горы. Сверкают молнии, и на мачтах кораблей появляются таинственные огни святого Эльма...

В самых обыденных явлениях проявляют себя титанические силы, непрестанно меняющие лик земли. Ломоносов описывает их с проницательной точностью ученого и пафосом ритора. Все исполнено грозного величия и вместе с тем подчинено внутренней гармонии «согласия причин». Представление о материальном единстве Вселенной одухотворено поэтическим отношением к природе, что выгодно отличает Ломоносова от ученых механицистов его века и западноевропейских поэтов барокко, часто видевших лишь внешнюю, искрящуюся и переливающуюся всеми цветами радуги оболочку материального мира. Чувство космоса у Ломоносова достигает необычайной глубины и силы:

Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.

Поэтический восторг перед бесконечностью Вселенной сочетается у Ломоносова с убежденностью в ее познаваемости. На фоне грандиозной картины ночного неба он взволнованно и серьезно обсу-

ждает гипотезы о происхождении Северного сияния. Поэтический восторг сочетается с пафосом познания природы.

В поэзии Ломоносова отчетливо выступают просветительские тенденции. Однако привязывать это к классицизму нет ни малейшей нужды. Раннее русское просвещение находило свое выражение в барочных формах. Почти в равной мере это относится к Феофану Прокоповичу и к Ломоносову. Ломоносов «отдал честь» классицизму при его вторжении в Россию, так же как и Пушкин на его исходе. Но классицизм не определял *основных* особенностей стиля Ломоносова. Разрабатывая жанры, излюбленные классицистами (и, кстати, не являвшиеся их монополией), такие как трагедия или героическая поэма, Ломоносов вносил в них свое понимание поэзии и пользовался привычными стилистическими средствами, далекими от требований классицизма. Он бароккизировал классицистическую трагедию средствами словесной живописи. В его трагедиях «Тамира и Селим» и «Демофонт», как только дело доходит до описания битв, возникают картины и образы, полные барочного динамизма. Барочный экзотизм похода «багдатского царевича» против крымского хана сочетается с реальными эпизодами русской истории, как они изложены в летописных сказаниях, что также противоречит практике классицизма.

То же следует сказать и о «героической поэме». С помощью всех средств барочной риторики Ломоносов поэтизирует в своих одах, «похвальных словах» и, наконец, «героической поэме» образ Петра Первого. Попытку найти исторического героя русской поэзии мы встречаем уже у Кантемира и Феофана Прокоповича. Но только у Ломоносова тема Петра приобрела художественную выразительность и общественное звучание. У Ломоносова образ Петра неотделим от его побед, его забот о развитии страны, его труда. Создавая этот образ, Ломоносов руководствовался не отвлеченными теориями просвещенного абсолютизма, провозглашенного в Западной Европе, но часто остававшегося умозрительной фикцией, а результатами исторической деятельности Петра, которые он неизбежно отождествлял с наиболее прогрессивными тенденциями своего времени. Петр Первый для Ломоносова прежде всего «строитель, плаватель, в полях, в морях герой», создатель сильного, стремительно развивающегося русского государства, неутомимый труженик, заражающий и воодушевляющий всех своим личным почином и примером. «Я в поле меж огнем, и в судных заседаниях меж трудными рассуждениями, и в разных художествах между многоразличными махинами, я при строении городов, пристаней, каналов, между бесчисленным народа множеством, и меж стенами валов Белого, Чер-

ного, Каспийского моря и самого Океана духом обращаюсь, везде Петра Великого вижу, в поте, в пыли, в дыму, в пламени», — восклицал Ломоносов в 1751 году в «Слове похвальном Петру Великому».

Ломоносов создавал поэму условно-героическую, и в то же время насыщенную жизненными и реальными подробностями, что можно было осуществить лишь с помощью барочной фантазии, динамических картин и образов, сопряжения далековатых идей — т. е. лишь нарушая правила классицизма. «Петр Великий» Ломоносова — барочная «героическая поэма». Она пронизана риторикой. Ее образный строй принадлежит поэтике барокко. Отдельные «уподобления» носят такой же характер, как и в его одах; как например сравнение северного ветра с конем:

Но промысл в глубину десницу простирает;
Оковы тяжкие вдруг буря ощущает.
Как в равных разбежась свирепый конь полях,
Ржет, пышет, от копыт восходит вихрем прах;
Однако доскакав до высоты крутыя,
Вздохнув, кончает бег, льет токи потовые,
Так Север, укротясь, впоследни восстенал...

Античные реминисценции поэмы не идут дальше мифологии риторик и пиитик:

Где в мокрых берегах крутясь печальна Уна,
Медлительно течет в объятия Нептуна...

Аполлон и музы появляются в архаических формах, которые были бы уместны и в школьной драме петровского времени:

С прекрасной высоты, с великого Парнаса
Наполнился мой слух пронзающего гласа.
Минерва, Аполлон и девять сестр зовут
И нудят совершить священный спешно труд...

Словесная живопись Ломоносова остается барочной. Даже реальный пейзаж он превращает в феерию:

Достигло дневное до полночи светило,
Но в глубине лица горящего не скрыло,
Как пламенна гора казалось меж валов

И простирало блеск багровой из-за льдов.
Среди пречудныя при ясном солнце ночи
Верьхи златых зыбей пловцам сверкают в очи...

Картина северной летней ночи, когда солнце не заходит, а лишь окунается краем горящего диска в светлые волны и затем снова подымается на горизонте, была с детства близка и памятна Ломоносову. Но «блеск багровый из-за льдов» невозможен у южных берегов Белого моря в июле месяце, на который приходится путешествие Петра, описываемое в поэме. Ломоносов создает условный экзотический пейзаж Арктики, долженствующий поразить воображение читателя, как невиданное явление. Он завершает «пророчество» Петра Великого о том, что

Колумбы русские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на восток,
И наша досягнет в Америку держава...

«Почти» реальный пейзаж оказывается деталью сложного риторического построения.

Барочной переработке подвергает Ломоносов и те скудные мотивы, которые, по мнению некоторых исследователей, связывают его поэму с фольклорной традицией. Таково описание подводного царства, непосредственно следующее за приведенной картиной северной ночи. Палаты и престол морского царя описаны со всей маринистической щедростью и пристрастием к «клейнодам» и «раритетам»:

Покрытый золотым песком простерся дол;
На том сего царя палаты и престол.
Столпы округ его огромные кристаллы,
По коим обвились прекрасные кораллы:
Главы их сложены из раковин витых,
Превосходящих цвет дуги меж туч густых...

Далее следует описание помоста «из аспида и чистого лазуря», причудливые крыши «под чешуей великих рыб», трон — «жемчугами усыпанный янтарь», —

На нем сидит волнам седым подобен царь.
В заливы, в океан десницу простирает,
Сафирным скипетром водам повелевает.
Одежда царская порфира и виссон...

Экзотичность подводного царства служит мотивировкой для применения маринистических красок. Здесь много от изысканности и искусственности барокко и очень мало от русского фольклора. Вся картина в целом чужда поэтике классицизма.

Классицизм был занесен в Россию, когда в Западной Европе он уже претерпел значительную эволюцию. В то же время в нем оставались целые пласты, являвшиеся наследием более широкой и более длительной традиции барокко. В России в силу ускоренного исторического развития, начиная с конца XVII века, на одном историческом этапе как бы совместились несколько периодов художественного развития, наслаивавшихся друг на друга. Историческая неповторимость и своеобразие Ломоносова в том и заключалось, что в его творчестве произошло совмещение стилей в результате сложного взаимодействия противоборствующих поэтических традиций.

Барочное устремление поэзии Ломоносова отвечало внутренним потребностям исторического развития русской поэзии. Искусство петровского времени отставало от стремительного темпа роста русского государства и стоявших перед ним задач. Новые художественные формы вырабатывались медленно; при этом усердно использовались художественные средства, восходящие к старой традиции. Утилитаризм петровского времени уживался с велеречивым стилем русского барокко. Пафос нового государства, выходившего на мировую арену, требовал громких слов и риторического восторга. С некоторым опозданием он нашел свое воплощение в поэзии Ломоносова. П. Вяземский тонко заметил, что «лира Ломоносова была отголоском полтавских пушек».[1] Грозная витийственность ломоносовских од объективно отражала рост русского государства, ставшего достаточно могущественным, чтобы отразить любое посягательство извне:

Мы дерзкий взор врагов потупим,
На горды выи их наступим,
На грозных станем мы валах!

(Ода 1745 г.)

Но не только гром петровских побед наполнял оды Ломоносова. Он отстаивал в них наиболее прогрессивные начала петровского государства, поддерживал и продолжал петровскую экономическую и культурную политику. Выдвигая широкую программу прогрессивного развития страны, Ломоносов не видел, что главным препятствием

---

[1] П. Вяземский, Фон-Визин, СПб., 1848, с. 7.

для осуществления его помыслов было само существование феодально-крепостнического строя. Он возлагал чрезмерные надежды на разумно организованные государственные мероприятия, которые, как он искренне полагал, могли быть направлены «к приращению общей пользы». В «похвальных одах» Ломоносова, сочиняемых им по таким официальным поводам, как день рождения или вступления на престол императрицы, не могла найти отражение подлинная жизнь крепостного народа. Но жизненные силы и требования пробуждающейся страны, порожденные ее быстрым развитием, находили в них яркое и страстное выражение. Сквозь все условности придворного панегирика выступали реальные требования и призывы, в значительной мере отвечавшие интересам широких слоев народа. Ломоносов развертывал в своих одах такую экономическую и культурную программу, которая отвечала наиболее прогрессивным тенденциям развития страны. Он верил, что рано или поздно его соотечественники откликнутся на его призыв, что его программа будет так или иначе подхвачена народом. Отсюда неиссякаемый оптимизм, жизнерадостная и жизнеутверждающая сила его поэзии. За условными фигурами самодержцев, к которым он обращался, встает единственная героиня Ломоносова — великая и необъятная Россия!

Поэзия Ломоносова была гениальным прорывом в будущее, вопреки всем сковывающим ее требованиям одического жанра и риторического стиля.

Грядущая Россия, которую он видел перед собой, — это просвещенная, устроенная на началах науки страна, где моря соединены реками и каналами, осушены болота, прилежно разрабатываются недра, где созидательный труд озарен научным знанием, где творят чудеса механика и химия. В оде 1750 года Ломоносов изображает шествие наук, с помощью которых строится и расцветает его любимая родина. Он обращается с призывом к Механике:

Наполни воды кораблями,
Моря соедини реками
И рвами блата иссуши...

К Химии:

В земное недро ты, Химия,
Проникни взора остротой,
И что содержит в нем Россия,
Драги сокровища открой.

Он обращается к Астрономии, к Географии, которая должна, «собрав на малы чертежи», показать «российского пространства света». Радостная вера в науку слышится в его обращении к Метеорологии:

Наука легких метеоров,
Премены неба предвещай
И бурный шум воздушных споров
Чрез верны знаки предъявляй,
Чтоб земледелец выбрал время,
Когда земли поверить семя
И дать когда покой браздам...

Это уже не отвлеченные сухие аллегории, непременные в торжественной оде для прославления мнимой мудрости, доброты и щедрости какого-либо самодержца. Они выступают как подлинные преобразовательницы природы, подчиняющие ее человеческому разуму. Каждое техническое событие он возводит в знамение времени:

О полны чудесами веки!
О новость непонятных дел!
Текут из моря в землю реки,
Натуры нарушив предел!..

(Ода 1752 г.)

Торжественный и патетический стиль Ломоносова был чужд пустому «извитию словес». Он вкладывает в свои барочные оды и «похвальные слова» глубокое патриотическое содержание, призывает к настойчивому и упорному труду на благо родины, умножению наук, познанию тайн природы, раскрытию ее недр.

Поэзия Ломоносова сохраняет широкую барочную основу, не вырождаясь в утонченное, потерявшее глубину и серьезность придворное рококо. Показательно его отношение к анакреонтике, отвечавшей в то время бездумному гедонизму и эпикурейству европейских дворов и аристократии в преддверии надвигавшейся Французской революции. В составленном им в 1761 году «Разговоре с Анакреоном» Ломоносов вступает в «спор» не потому, что он отвергает земные радости, которые воспевал великий лирик древности. Отвечая Анакреонту, который готов забыть все на свете ради чувственных наслаждений и отдает им весь свой поэтический дар, Ломоносов объявляет:

Хоть нежности сердечной
В любви я не лишен,

Героев славой вечной
Я больше восхищен.

Ломоносов отвергал гедонистическую философию жизни ради наслаждения, которую только и увидели у Анакреонта представители господствующих классов. Беспечной философии Анакреонта Ломоносов противопоставляет «упрямку славную» сурового Катона — римлянина-республиканца, отказавшегося от жизни, когда он убедился, что его усилия спасти республиканский Рим потерпели крушение. Жизнеутверждающий оптимизм, настойчивая борьба за свое дело, чувство долга по отношению к себе и людям, пламенная любовь к отечеству — вот что составляло главную особенность поэтического мироощущения Ломоносова. И он убежденно провозглашает в последнем стихотворении, завершающем спор, что единственное призвание поэта — служение родине и прославление ее героев.

Поэтическое мастерство Ломоносова виртуозно. Никто до него, а после него до появления Державина и Пушкина, не добивался такой четкости ритма и звучности стиха. Ломоносов обогатил русскую поэзию замечательными по своей выразительности образами и эпитетами. Тонкость поэтического восприятия мира он сочетал с меткостью словесного отбора. Стихи, чеканные, громкие, звучные, не только завораживали слух современников, но и спустя два века все еще способны радовать и восхищать любителей и знатоков нашей поэзии.

Работа Ломоносова над поэтическим словом была исторически необходима и плодотворна. Метафоризм Ломоносова способствовал развитию поэтического мышления и во многом предохранил русскую поэзию от иссушающей рассудочности классицизма. Можно смело сказать, что именно Ломоносов помог Державину, а затем и Пушкину преодолеть ограниченность классицизма. Поэтические находки Ломоносова, естественно, становятся достоянием многих последующих поэтов. Отголоски ломоносовских стихов слышатся в «Полтаве» и «Медном Всаднике» и других произведениях Пушкина. А такой эпитет, как «жаждущие степи», некоторые живописные детали, а иногда даже сам строй его стиха непосредственно восходит к Ломоносову:

На холмах пушки, присмирев,
Прервали свой голодный рев.

Кипение и шум битвы, чугунные ядра, которые «прах роют и в крови шипят», сам Петр, чей «лик ужасен», который «весь как божия гроза», его конь, который храпит

И мчится в прахе боевом,
Гордясь могучим седоком, —

все это прямая дань бурной и красочной поэзии Ломоносова, это ее динамизм и изобразительные средства! И Пушкин, сурово осуждавший «надутость» стихов Ломоносова, вместе с тем не только отмечал его «цветущий и живописный» слог, но и был многим ему обязан. От Ломоносова через Державина и Пушкина пролегает путь к лирическому напряжению Тютчева. «Громокипящий кубок с неба» — это ломоносовская традиция!

Александр Морозов

1

ОДЫ ПОХВАЛЬНЫЕ

1. ОДА
БЛАЖЕННЫЯ ПАМЯТИ ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ АННЕ ИОАННОВНЕ НА ПОБЕДУ НАД ТУРКАМИ И ТАТАРАМИ И НА ВЗЯТИЕ ХОТИНА 1739 ГОДА

Восторг внезапный ум пленил,
Ведет на верьх горы высокой,
Где ветр в лесах шуметь забыл;
В долине тишина глубокой.
Внимая нечто, ключ молчит,
Которой завсегда журчит
И с шумом вниз с холмов стремится.
Лавровы вьются там венцы,
Там слух спешит во все концы;
Далече дым в полях курится.

Не Пинд ли под ногами зрю?
Я слышу чистых сестр музы́ку!
Пермесским жаром я горю,
Теку поспешно к оных лику.
Врачебной дали мне воды:
Испей и все забудь труды;
Умой росой Кастальской очи,
Чрез степь и горы взор простри
И дух свой к тем странам впери,
Где всходит день по темной ночи.

Корабль как ярых волн среди,
Которые хотят покрыти,

Бежит, срывая с них верьхи,
Претит с пути себя склонити;
Седая пена вкруг шумит,
В пучине след его горит,
К российской силе так стремятся,
Кругом объехав, тьмы татар;
Скрывает небо конской пар!
Что ж в том? стремглав без душ валятся.

Крепит отечества любовь
Сынов российских дух и руку;
Желает всяк пролить всю кровь,
От грозного бодрится звуку.
Как сильный лев стада волков,
Что кажут острых яд зубов,
Очей горящих гонит страхом,
От реву лес и брег дрожит,
И хвост песок и пыль мутит,
Разит извившись сильным махом.

Не медь ли в чреве Этны ржет
И, с серою кипя, клокочет?
Не ад ли тяжки узы рвет
И челюсти разинуть хочет?
То род отверженной рабы,
В горах огнем наполнив рвы,
Металл и пламень в дол бросает,
Где в труд избранный наш народ
Среди врагов, среди болот
Чрез быстрой ток на огнь дерзает.

За холмы, где паляща хлябь
Дым, пепел, пламень, смерть рыгает,
За Тигр, Стамбул, своих заграбь,
Что камни с берегов сдирает;
Но чтоб орлов сдержать полет,
Таких препон на свете нет.
Им воды, лес, бугры, стремнины,
Глухие степи — равен путь.
Где только ветры могут дуть,
Доступят там полки орлины.

СОБРАНІЕ РАЗНЫХЪ СОЧИНЕНІЙ ВЪ СТИХАХЪ И ВЪ ПРОЗѢ

Господина Коллежскаго Совѣтника и Профессора

МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА.

КНИГА ПЕРВАЯ

второе изданіе съ прибавленіями.

Печатано при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ 1757 года.

Пускай земля как понт трясет,
Пускай везде громады стонут,
Премрачный дым покроет свет,
В крови Молдавски горы тонут;
Но вам не может то вредить,
О россы, вас сам рок покрыть
Желает для счастливой Анны.
Уже ваш к ней усердный жар
Быстро́ проходит сквозь татар,
И путь отворен вам пространный.

Скрывает луч свой в волны день,
Оставив бой ночным пожарам;
Мурза упал на долгу тень;
Взят купно свет и дух татарам.
Из лыв густых выходит волк
На бледный труп в турецкий полк.
Иной в последни видя зо́рю,
Закрой, кричит, багряной вид
И купно с ним Магметов стыд;
Спустись поспешно с солнцем к морю.

Что так теснит боязнь мой дух?
Хладнеют жилы, сердце ноет!
Что бьет за странной шум в мой слух?
Пустыня, лес и воздух воет!
В пещеру скрыл свирепство зверь,
Небесная отверзлась дверь,
Над войском облак вдруг развился,
Блеснул горящим вдруг лицем,
Умытым кровию мечем
Гоня врагов, Герой открылся.

Не сей ли при Донских струях
Рассыпал вредны россам стены?
И персы в жаждущих степях
Не сим ли пали пораженны?
Он так к своим взирал врагам,
Как к готским приплывал брегам,
Так сильну возносил десницу;
Так быстрой конь его скакал,

Когда он те поля топтал,
Где зрим всходящу к нам денницу.

Кругом его из облаков
Гремящие перуны блещут,
И чувствуя приход Петров,
Дубравы и поля трепещут.
Кто с ним толь грозно зрит на юг,
Одеян страшным громом вкруг?
Никак, Смиритель стран Казанских?
Каспийски воды, сей при вас
Селима гордого потряс,
Наполнил степь голов поганских.

Герою молвил тут Герой:
«Не тщетно я с тобой трудился,
Не тщетен подвиг мой и твой,
Чтоб россов целой свет страшился.
Чрез нас предел наш стал широк
На север, запад и восток.
На юге Анна торжествует,
Покрыв своих победой сей».
Свилася мгла, Герои в ней;
Не зрит их око, слух не чует.

Крутит река татарску кровь,
Что протекала между ними;
Не смея в бой пуститься вновь,
Местами враг бежит пустыми,
Забыв и меч, и стан, и стыд,
И представляет страшный вид
В крови другов своих лежащих.
Уже, тряхнувшись, легкий лист
Страшит его, как ярый свист
Быстро́ сквозь воздух ядр летящих.

Шумит с ручьями бор и дол:
Победа, росская победа!
Но враг, что от меча ушел,
Боится собственного следа.
Тогда увидев бег своих,

Луна стыдилась сраму их
И в мрак лице, зардевшись, скрыла.
Летает слава в тьме ночной,
Звучит во всех землях трубой,
Коль росская ужасна сила.

Вливаясь в понт, Дунай ревет
И россов плеску отвещает;
Ярясь волнами турка льет,
Что стыд свой за него скрывает.
Он рыщет, как пронзенный зверь,
И чает, что уже теперь
В последней раз заносит ногу,
И что земля его носить
Не хочет, что не мог покрыть.
Смущает мрак и страх дорогу.

Где ныне похвальба твоя?
Где дерзость? где в бою упорство?
Где злость на северны края?
Стамбул, где наших войск презорство?
Ты лишь своим велел ступить,
Нас тотчас чаял победить;
Яны́чар твой свирепо злился,
Как тигр на росский полк скакал.
Но что? внезапно мертв упал,
В крови своей пронзен залился.

Целуйте ногу ту в слезах,
Что вас, агаряне, попрала,
Целуйте руку, что вам страх
Мечем кровавым показала.
Великой Анны грозной взор
Отраду дать просящим скор;
По страшной туче воссияет,
К себе повинность вашу зря.
К своим любовию горя,
Вам казнь и милость обещает.

Златой уже денницы перст
Завесу света вскрыл с звездами;

От встока скачет по сту верст,
Пуская искры конь ноздрями.
Лицем сияет Феб на том.
Он пламенным потряс верхом;
Преславно дело зря, дивится:
«Я мало таковых видал
Побед, коль долго я блистал,
Коль долго круг веков катится»:

Как в клуб змия себя крутит,
Шипит, под камень жало кроет,
Орел когда шумя летит
И там парит, где ветр не воет;
Превыше молний, бурь, снегов
Зверей он видит, рыб, гадо́в.
Пред росской так дрожит Орлицей,
Стесняет внутрь Хотин своих.
Но что? в стенах ли может сих
Пред сильной устоять царицей?

Кто скоро толь тебя, Калчак,
Учит российской вдаться власти,
Ключи вручить в подданства знак
И большей избежать напасти?
Правдивой Аннин гнев велит,
Что падших перед ней щадит.
Ее взошли и там оливы,
Где Вислы ток, где славный Рен,
Мечем противник где смирен,
Извергли дух сердца кичливы.

О как красуются места,
Что иго лютое сбро́сили
И что на турках тягота,
Которую от них носили;
И варварские руки те,
Что их держали в тесноте,
В полон уже несут оковы;
Что ноги узами звучат,
Которы для отгнанья стад
Чужи поля топтать готовы.

Не вся твоя тут, Порта, казнь,
Не так тебя смирять достойно,
Но большу нанести боязнь,
Что жить нам не дала спокойно.
Еще высоких мыслей страсть
Претит тебе пред Анной пасть?
Где можешь ты от ней укрыться?
Дамаск, Каир, Алепп сгорит;
Обставят росским флотом Крит;
Евфрат в твоей крови смутится.

Чинит премену что во всем?
Что очи блеском проницает?
Чистейшим с неба что лучем
И дневну ясность превышает?
Героев слышу весел клик!
Одеян в славу Аннин лик
Над звездны вечность взносит круги;
И правда, взяв перо злато́,
В нетленной книге пишет то,
Велики коль ее заслуги.

Витийство, Пиндар, уст твоих
Тяжчае б Фивы обвинили,
Затем что о победах сих
Они б громчае возгласили,
Как прежде о красе Афин;
Россия как прекрасный крин
Цветет под Анниной державой.
В Китайских чтут ее стенах,
И свет во всех своих концах
Исполнен храбрых россов славой.

Россия, коль счастлива ты
Под сильным Анниным покровом!
Какие видишь красоты
При сем торжествованьи новом!
Военных не страшися бед:
Бежит оттуду бранный вред,
Народ где Анну прославляет.
Пусть злобна зависть яд свой льет,

Пусть свой язык, ярясь, грызет;
То наша радость презирает.

Козацких поль заднестрской тать
Разбит, прогна́н, как прах развеян,
Не смеет больше уж топтать,
С пшеницой где покой насеян.
Безбедно едет в путь купец,
И видит край волнам пловец,
Нигде не знал, плывя, препятства.
Красуется велик и мал;
Жить хочет век, кто в гроб желал;
Влекут к тому торжеств изрядства.

Пастух стада гоняет в луг
И лесом без боязни ходит;
Пришед, овец пасет где друг,
С ним песню новую заводит.
Солдатску храбрость хвалит в ней,
И жизни часть блажит своей,
И вечно тишины желает
Местам, где толь спокойно спит;
И ту, что от врагов хранит,
Простым усердьем прославляет.

Любовь России, страх врагов,
Страны полночной Героиня,
Седми пространных морь брегов
Надежда, радость и богиня,
Велика Анна, ты доброт
Сияешь светом и щедрот, —
Прости, что раб твой к громкой славе,
Звучит что крепость сил твоих,
Придать дерзнул некрасной стих
В подданства знак твоей державе.

Между сентябрем и декабрем 1739

2. ОДА,

КОТОРУЮ В ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ПРАЗДНИК ВЫСОКОГО РОЖДЕНИЯ ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШЕГО ДЕРЖАВНЕЙШЕГО ВЕЛИКОГО ГОСУДАРЯ ИОАННА ТРЕТИЕГО, ИМПЕРАТОРА И САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКОГО, 1741 ГОДА АВГУСТА 12 ДНЯ ВЕСЕЛЯЩАЯСЯ РОССИЯ ПРОИЗНОСИТ

Нагреты нежным воды югом,
Струи полденных теплы рек,
Ликуйте светло друг пред другом:
Златой начался снова век.
Всегдашним льдом покрыты волны,
Скачите нынь, веселья полны,
В брегах чините весел шум.
Повсюду вейте, ветры, радость,
В Неве пролейся меда сладость:
Иоаннов не́ктар пьет мой ум.

Однако нет, мои пределы,
Смущать не смейте младой слух.
Холмов верьхи полночных белы,
Откуду веет хладной дух,
В любви со страхом тихо тайте,
Покой Моей Надежде дайте.
Вздержите быстрой реки ток,
Тихонько вниз теча, молчите,
Под мой лишь низкой стих журчите.
Умолкни запад, север, всток.

Породы царской ветвь прекрасна,
Моя надежда, радость, свет,

Счастливых дней Аврора ясна,
Монарх, Младенец райской цвет,
Позволь твоей рабе нижайшей
В твой новый год петь стих тишайшей.
Чем больше я росой кроплюсь,
С Парнасских что верьхов стекает,
Жарчае тем любовь пылает,
К тебе сильняе той палюсь.

Целую вас, вы, щедры очи,
Небесной в коих блещет луч.
Как дни, при вас светлы мне ночи,
Чист воздух мне во время туч.
Послушны вам стихии сами.
Пресекся вихрей бег с громами
(Коль счастлив сих восход планет)!
От вас мои нагреты груди,
И ваши все подданны люди,
Что просят вам несчетных лет.

Целую ручки, что к державе
Природа мудра в свет дала,
Которы будут в громкой славе
Мечем страшить и гнать врага.
От теплых уж брегов Азийских
Вселенной часть до вод Балтийских
В объятьи вашем вся лежит.
Лишь только перстик ваш погнется,
Народ бесчислен вдруг сберется,
Готов идти, куда велит.

Вы, ножки, что лобзать желают
Давно уста высоких лиц,
Подданства знаки вам являют
Языки многи, павши ниц, —
В Петров и Аннин след вступите,
Противных дерзость всех стопчите;
Прямой покажет правда путь;
Вас храбрость над луной поставит
И в тех землях меня прославит,
О коих нынь нигде не чуть.

Земля, пусти таки цветочки,
Сдивиться Флоре чтоб самой;
Жемчуга б чище их листочки,
И злато б ниже тех ценой;
Приятной дух дай им Цейлонов.
Натура, выше стань законов,
Роди, что выше сил твоих.
С весельем, нимфы, те щиплите
И с лавром их в венцы сплетите,
Во знак побед, утех драгих.

Господствуй, радость, ты едина
Над властью толь широких стран.
Но, мышлю, прйдет лишь година,
Познаешь как, что враг попран
Твоих удачьми славных дедов,
Что страшны те у всех соседов;
Заплачешь, как Филиппов сын;
Ревнивы слезы будут литься.
Но твой весельем плач скончится.
Монарх! то было лишь почин.

Что сердце так мое пронзает?
Не дерзк ли то гигант шумит?
Не горы ль с мест своих толкает?
Холмы сорвавши, в твердь разит?
Края небес уже трясутся!
Пути обычны звезд мятутся!
Никак, ярится Антей злой!
Не Пинд ли он на Оссу ставит?
А Этна верьх Кавказской давит?
Не Солнце ль хочет снять рукой?

Проклята гордость, злоба, дерзость
В чудовище одно срослись;
Высоко имя скрыло мерзость,
Слепой талант пустил взнестись!
Велит себя в неволю славить,
Престол себе над звезды ставить,
Превысить хочет вышню власть,
На мой живот уж зубы скалит;

Злодейства кто его не хвалит,
Погрязнет скоро в мрачну пасть.

Но зрю с весельем чудо славно,
Дивняе, неж Алцид чинил,
Как он лишь был рожден недавно,
Скрутив змиям главы сломил.
Мой император гром примает,
На гордость свой перун бросает;
Внезапно пала та стремглав,
С небес как древня в ад денница;
За рай уж держит ту темница.
Ну, где же твой кичливой нрав?

Исчезли все затеи лишны,
Ужасных нет во мне премен;
Везде веселы клики слышны:
Монарх наш сильных двух колен.
Одно мое, чем я толь славна;
Россиян храбрость где не явна?
Друго германско, с коим Рим
Войну едва дерзал начати,
Весь свет побив, не мог стояти
В бою, тейтон, с полком твоим.

Разумной Гостомысл при смерти
Крепил князей советом сбор:
«Противных чтоб вам силу стерти,
Живите в дружбе, бойтесь ссор.
К брегам Варяжских вод сходите,
Мужей премудрых там просите,
Могли б которы править вас».
Послы мои туда сходили,
Откуда Рурик, Трувор были,
С Синавом три князья у нас.

Не славны ль стали их потомки?
Велик был Игорь, хоть и млад;
Дела его при Понте звонки,
Дрожал пред ним и сам Царьград.
Устроил внук меня красняе,

Открыл мне полдня свет ясняе,
Кумиров мерзких мрак прогнал.
Ревнив Донской что Дмитрей деет?
Татарска кровь в Дону багреет,
Мамай, куда б уйти, не знал.

Молчу заслуги, что недавно
Чинила царска мне любовь.
Твое коль, Рурик, племя славно!
Коль мне твоя полезна кровь!
Оттуду ж нынь взошло Светило,
Откуду прежне счастье было.
Спешите скоро те лета,
Когда увижу, что желаю.
О младом Свете больше чаю,
Неж предков слава мне дала.

С желаньем радость чувства долит;
Пронзает очи странен луч!
Незнаем шум мой слух неволит,
Вручает вечность мне свой ключ.
Отмкнулась дверь, поля открылись,
Пределов нет, где б те кончились.
Полков лишь наших слышен плеск.
От устья быстрых струй Дунайских
До самых узких мест Ахайских
Меча российска виден блеск.

Боязнь трясет Хинейски стены,
Геон и Тигр теряют путь,
Под горы льются, полны пены.
Всегдашней вcase не смеет дуть.
Индийских трубят вод тритоны
Пред тем, что им дает законы.
Он скиптр склонил среди валов,
Упал пред младым ниц Героем,
Что молвил, войск идя пред строем:
«Сколь много есть впреди светов?»

Что я пою войнски звуки,
Которы быть хотят потом?

Пора воздеть на небо руки,
Просить о здравье то драгом,
Чего Иоанну я желаю.
Твои щедроты, боже, знаю,
Что пролил ты во мне пред сим.
Твоей главу покрой рукою,
Котору ты мне дал к покою,
К веселью людям всем твоим.

Надежда, свет, покров, богиня
Над пятой частью всей земли,
Велика севера княгиня,
Языков больше двадцати,
Премудрой правишь что рукою,
Монарха тех держишь другою,
Любовь моих, противных страх,
Воззри на то прещедрым оком,
В подданстве ревность что глубоком
Воспеть дерзнула в сих стопах.

Хотя б Гомер, стихом парящий,
Что древних эллин мочь хвалил,
Ахилл в бою как огнь палящий
Искусством чьем описан был,
Моих увидел дней изрядство,
На Пинд взойти б нашел препятство;
Бессловен был его б язык
К хвале твоих доброт прехвальных
И к славе, что в пределах дальных
Гремит, коль разум твой велик.

Торжествен шум мой глас скрывает,
Скончать некрасной стих пора.
Однако мысль тебе желает
Несчетных благ от всех творца
С твоим светлейшим ввек супругом,
Всего которой света кругом
Достоин толь, как ты, владеть.
Дай бог! драго чтоб ваше племя
Во мне простерлось в вечно время
И вам сыновних внуков зреть.

Между 8 июня и 12 августа 1741

3. ПЕРВЫЕ ТРОФЕИ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИОАННА III, ИМПЕРАТОРА И САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКОГО, ЧРЕЗ ПРЕСЛАВНУЮ НАД ШВЕДАМИ ПОБЕДУ АВГУСТА 23 ДНЯ 1741 ГОДА В ФИНЛЯНДИИ ПОСТАВЛЕННЫЕ И В ВЫСОКИЙ ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА АВГУСТА 29 ДНЯ 1741 ГОДА В ТОРЖЕСТВЕННОЙ ОДЕ ИЗОБРАЖЕННЫЕ ОТ ВСЕПОДДАННЕЙШЕГО РАБА МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА

...Vivite fortes,
Fortiaque adversis exponite pectora rebus.
Horatius[1]

Российских войск хвала растет,
Сердца продерзки страх трясет,
Младой Орел уж льва терзает;
Преж нежель ждали, слышим вдруг
Победы знак, палящий звук.
Россия вновь трофей вздымает
В другой на Финских раз полях.
Свой яд премерзку зависть травит.
В неволю тая храбрость славит,
В Российских зрила что полках.

Оставив шум войны, Градив,[2]
Изранен весь, избит, чуть жив,
К полночным с южных стран склонился,
Искал к покою гор, пещер,

[1] ...Сохраним же всю бодрость!
Твердую душу поставим против ударов.
Гораций
(лат., пер. Ф. А. Петровского) — *Ред.*

[2] Марс.

У Финских спать залег озер,
Тростник подстлав, травой покрылся;
«Теперь уж, — молвил, — я вздохну:
Изойдут язвы толь глубоки.
Бежите, брани прочь жестоки,
Ищите вам мою сестру».[1]

Кровавы очи лишь сомкнул,
Внезапно тих к себе почул
Приход Венеры и Дианы.
Лилеи стали в раны класть,
Впустили в них врачебну масть,
Смешавши ту с водой Секваны:
«Ах, встань, прехрабрый воин, встань,
О старой нашей вспомни дружбе,
Вступи к твоей некосно службе,
Внеси в Россию тяжку брань».

Вскочил, как яр из ложа лев,
Колеблет стран пределы рев.
Не так, на верьх высокой Эты
Поднявшись, брат[2] его шумел,
Как яд внутри его кипел.
Уж действа есть его приметы.
Мутятся смежны нам брега,
Стокгольм, подобным пьянством шумен,
Уязвлен злобой, стал безумен,
Отмкнуть велит войны врата.

Но что за ветр с вечерних стран
Пронырства вас закрыл в туман?
Не зрила чтоб того Россия,
Что ваших войск приход значит?
Зачем ваш сбор у нас стоит?
В закрытье видны мысли злые,
В шерсти овечьей знатен волк.
Хоть Аннин зрак от нас высоко,
Вторая есть, которой око
Зрит, твой к чему намерен полк.

---

[1] Беллону.
[2] Геркулес.

К пределам нашим что ж пришли?
Надежда кажет что впреди?
Надежда ныне вам не лжива!
К себе вас та земля влечет,
В которой мед с млеком течет?
Ну ж впредь; пройдите! нет и дива!
Ведь вы почти уж так в раю,
Коль близко наша к вам столица!
Но ближе тем парит Орлица,
Что правит свой полет ко льву.

Не сам ли с вами есть Нимврод,
Собрался весь где ваш народ?
Что землю он прилежно роет?
Воздвигнуть хочет столп и град?
Рушить прямой натуры ряд?
Ужасну в свете вещь откроет!
Все ждут, чего не знают ждать.
Да что ж увидим мы за диво?
Колено хочет то кичливо
Другу Полтаву тут создать.

Смотри, тяжка коль шведов страсть,
Коль им страшна Российска власть.
Куда хотят, того не знают;
То тянут, то втыкают меч,
То наш грозятся мир пресечь,
То оной ввек хранить желают;
Чинят то умысл нам жесток,
Хотят нам желчи быть горчае,
То воску сердце их мягчае;
Однако вас сыскал свой рок.

Противу ветров сильных плыть,
Среди несносных бурь вступить
Отважны их сердца дерзнули.
Колючей терн, сухой тростник,
Таился в коих зной велик,
Теперь уж явно всем вспыхну́ли.
Войну открыли шведы нам;
Горят сердца их к бою жарко;

Гремит Стокгольм трубами ярко,
Значи́т в свету́ свой близкий срам.

Однако топчут, режут, рвут,
Губят, терзают, грабят, жгут,
Склоняют нас враги под ноги;
Российску силу взяли в плен,
Штурмуют близко наших стен,
Считают вот добычи многи,
Да где ж? в спесивом их мозгу.
А в деле ужас по́том мочит,
И явно в сердце дрожь пророчит,
Что будет им лежать в низу.

Подобно быстрой как сокол
С руки ловцовой в верьх и в дол
Бодро́ взирает скорым оком,
На всякой час взлететь готов,
Похитить, где увидит лов
В воздушном царстве свой широком, —
Врагов так смотрит наш солдат,
Врагов, что вечный мир попрали,
Врагов, что наш покой смущали,
Врагов, что нас пожрать хотят.

Уже вступает в свой поход
К трудам избранной наш народ,
Нагим мечем на запад блещет,
Которой скрасит шведска кровь,
Что брань начать дерзнула вновь.
Противных ближней край трепещет;
На финском небе черной дым,
Российска ревность где кипела.
Сквозь слезы видит житель села,
Зажгла что месть огнем своим.

Вспятить не может их гора,
Металл и пламень что с верьха́
Жарчае Геклы к ним рыгает.
Хоть купно Вилманстранд на них
Ретиво толь со стен своих
Подобной блеск и гром пускает.

Но искрам и огню претят
Полки, силнейши гор палящих
И ярко смертью им грозящих,
Стрелам подобно сквозь летят.

В морях как южных вечной всток
От гор Атлантских вал высок
Крутит к брегам четвертой части,
С кореньем вырвав лес валит;
Пустыня, луг и брег дрожит,
Хотят подмыты горы пасти, —
Российской воин так врагам
Спешит отмстить свиреп грозою,
Сбивает сильной их рукою,
Течет ручьями кровь к ногам.

Вдается в бег побитый швед,
Бежит российской конник вслед
Чрез шведских трупов кучи бледны
До самых Вилманстрандских рвов,
Без счету топчет тех голов,
Что быть у нас желали вредны.
Стигийских[1] вод шумят брега,
Гребут по ним побитых души,
Кричат тем, что стоят на суши,
Горька опять коль им беда.

За нами пушки, весь припас,
Прислал что сам Стокгольм про нас;
Дает подарок нам в неволю,
При Вилманстранде слышен треск,
Мечей кровавых виден блеск.
Ты будешь скоро равен полю,
Дерзнешь в упрямстве ежель стать.
Подумать было кратко время;
В момент Славенско храбро племя
Успело твой отпор попрать.

Последней конник вспять бежит,
Оставшей труп и стыд смердит.

---

[1] Адских.

К себе скоряе в дом спешите,
Скажите там приятну весть,
Какую здесь достали честь,
Добычи часть друзьям дарите.
Не Карл ли тут же с вами был?
В Москву опять желал пробиться?
Никак, вам это в правду снится.
Скачите вслед; он кажет тыл.

Не то ли ваш воинской цвет,
Всходил которой двадцать лет,
Что долго в неге жил спокойной.
Вас тешил мир, нас Марс трудил;
Солдат ваш спал, наш в брани был,
Терпел Беллоны шум нестройной.
Забыли что вы так считать,
Что десять русских швед прогонит?
Пред нами что колени клонит
Хвастлив толь нашей славы тать?

Но вот вам ваших бед почин:
Соседа в гнев ввели без вин,
Давайте в том другим примеры.
Избранной воин ваш попран.
Где ваш снаряд, запасы, стан?
Никак тому нейме́те веры.
Хотя и млад монарх у нас,
Но славны он чинит победы,
В своих ступает предков следы,
Недавно что карали вас.

Высокой крови царской Дщерь,
Сильнейшей что рукою дверь
Отверзла к славнейшим победам!
Тобою наш российской свет
Во всех землях как крин цветет,
Наводит больший страх соседам.
Твоя десница в первой год
Поля багрит чрез кровь противных,
Являет нам в призна́ках дивных,
Созреет коль преславен плод.

Доброт чистейший лик вознес
Велику Анну в дверь небес,
Откуда зрит в России ясно
Монарха в лавровых венцах,
На матерних твоих руках,
Низводит весел взор всечасно.
К героям держит речь сию:
«Вот всех моя громчайша слава!
Сильна во младых днях держава;
Взмужав, до звезд прославит ту».

Отца отечества отец
Вручил кому небес творец
Храбрейшу в свете силу править.
Твоих премного сколь похвал,
Сам наш завистлив враг познал,
Не может сам тебя не славить.
В бою российской всяк солдат,
Лишь только б для Иоанна было,
Твоей для славы лишь бы слыло,
Желает смерть снести стократ.

Прекрепкий боже, сильный царь,
Что всю рукою держишь тварь,
Зришь, что враги встают напрасно,
Жезлом карай их мéсти сам.
Подай всегда победы нам,
Твое что имя славим гласно.
Не хочут если брань пресечь,
Подай, чтоб так же в них вонзился
И новой кровью их багрился
Нагретый в ней Иоаннов меч.

Между 23 и 29 августом 1741

4. ОДА
НА ПРИБЫТИЕ ИЗ ГОЛСТИНИИ И НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ПЕТРА ФЕОДОРОВИЧА 1742 ГОДА ФЕВРАЛЯ 10 ДНЯ

Дивится ныне вся вселенна
Премудрым вышнего судьбам,
Что, от напастей злых спасенна,
Россия зрит конец бедам.
И что уже Елисавета
Златые в ону вводит лета,
Избавив от насильных рук.
Красуются Петровы стены,
Что к ним его приходит внук,
Прекрасной Анной днесь рожденный.

В сие благоприятно время,
Когда всещедрый наш творец
Восставил нам Петрово племя
И нашей скорби дал конец,
Уж с радостью любовь согласно
Везде ликуют безопасно.
Всего народа весел шум,
Как глас вод многих, вверьх восходит,
И мой отрады полный ум,
Восхитив тем, в восторг приводит.

Воинский звук оставь, Беллона,
И, Марс, вложи свой шумный меч,
Чтоб стройность праздничного тона
И муз поющих ныне речь
Едина громко разносилась
И нашей радости сравнилась;

Чтоб воздух, море и земля
Елисавету возглашали
И, купно с ней Петра хваля,
Моей бы лире подражали.

Богиня, коея державу
Обнять не могут седмь морей,
И громкую повсюду славу
Едва вместить вселенной всей!
Твоя надежда совершилась,
И радость паки обновилась:
Ты зришь Великого Петра,
Как феникса воскресша ныне;
Дражайшая твоя сестра
Жива в своем любезном сыне.

О коль велика добродетель
В Петровых нежных днях цветет!
Коль славен севера владетель
В тебе, Россия, возрастет!
Он ради твоего блаженства
Даров достигнет совершенства,
И счастье бег остановит,
Любовью оных восхищенно,
Союз с тобою утвердит
И вечно будет непременно.

О плод от корене преславна,
Дражайшая Петрова кровь,
К тебе горит уже издавна
Россиян искренняя любовь!
Петрополь по тебе терзался,
Когда с тобою разлучался
Еще в зачатии твоем.
Сердца жаленьем закипели,
Когда под дерзким кораблем
Балтийски волны побелели.

Как мать стенаньем и слезами
Крушится о́ сыне своем,
Что он, противными ветрами
Отгнан, живет в краю чужем,

Она минуты все считает,
На брег по всякой час взирает
И просит щедры небеса, —
Россия так тебя желала
И чрез пучины и леса
Усердны мысли простирала.

Но ныне радость умножает
Желанный нами твой приход;
И кротость неба обещает
Возвысить тем Российский род.
Стихии сами предъявляют,
Чего все россы ожидают.
Здесь теплый воздух повевал
С любовью нашею согласно,
Весну приятну предвещал,
Как ждали мы тебя всечасно.

Коликой славой днесь блистает
Сей град в прибытии твоем!
Он всех веселий не вмещает
В пространном здании своем,
Но воздух наполняет плеском
И нощи тьму отъемлет блеском.
Ах, если б ныне россов всех
К тебе горяща мысль открылась,
То б мрачна ночь от сих утех
На вечной день переменилась.

Наместница всевышней власти,
Что родом, духом и лицем
Восходит выше смертных части,
Прехвальна, совершенна всем,
В которой всех даров изрядство,
С величеством цветет приятство!
Кому возможно описать
Твои доброты все подробну?
Как разве только указать
В Петре природу в том подобну?

Но спешно толь куда восходит
Внезапно мой плененный взор?

Видение мой дух возводит
Превыше Тессалийских гор!
Я Деву в солнце зрю стоящу,
Рукою Отрока держащу
И все страны полночны с ним.
Украшенна кругом звездами,
Разит перуном вниз своим,
Гоня противности с бедами.

И вечность предстоит пред нею,
Разгнувши книгу всех веков,
Клянется небом и землею
О счастьи будущих родов,
Что россам будет непременно
Петровой кровью утвержденно.
Отверзлась дверь, не виден край,
В пространстве заблуждает око;
Цветет в России красной рай,
Простерт во все страны широко.

Млеком и медом напоенны,
Тучнеют влажны берега,
И, ясным солнцем освещенны,
Смеются злачные луга.
С полудни веет дух смиренный,
Чрез плод земли благословенный.
Утих свирепый вихрь в морях,
Владеет тишина полями,
Спокойство царствует в градах,
И мир простерся над водами.

Увидев времена златые
Среди градов своих и сел,
Гласит спасенная Россия
К защитнице своих предел:
«Тебе я подданных питаю
И храбру кровь их ободряю,
Чтоб тую за тебя пролить.
Ах, чтобы к удивленью света
Изволил вышний утвердить
Престол Петров чрез вечны лета».

Начало 1742

5. ОДА
НА ПРИБЫТИЕ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА ВЕЛИКИЯ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ ИЗ МОСКВЫ В САНКТПЕТЕРБУРГ 1742 ГОДА ПО КОРОНАЦИИ

Какой приятной зе́фир веет
И нову силу в чувства льет?
Какая красота яснеет?
Что всех умы к себе влечет?
Мы славу дщери зрим Петровой,
Зарей торжеств светящу новой.
Чем ближе та сияет к нам,
Мрачнее ночь грозит врагам.
Брега Невы руками плещут,
Брега Ботнийских вод трепещут.

Взлети превыше молний, муза,
Как Пиндар быстрый твой орел;
Гремящих арф ищи союза
И вверьх пари скоряе стрел;
Сладчайший нектар лей с Назоном;
Превысь Парнас высоким тоном;
С Гомером как река шуми
И как Орфей с собой веди
В торжествен лик древа и воды
И всех зверей пустынных роды.

Дерзай ступить на сильны плечи
Атлантских к небу смежных гор;

Внушай свои вселенной речи;
Блюдись спустить свой в долы взор;
Над тучи оным простирайся
И выше облак возвышайся,
Спеши звучащей славе вслед.
Но ею весь пространный свет
Наполненный страшась чудится:
Как в стих возможно ей вместиться?

Однако ты и тем счастлива,
Что тщишься имя воспевать
Всея земли красы и дива
И тем красу себе снискать.
Ты твердь оставь, о древня лира,
Взнесенна басньми к верьху мира:
Моя число умножит звезд,
Возвысившись до горних мест,
Парящей славой вознесенна
И новым блеском освещенна.

Священный ужас мысль объемлет!
Отверз Олимп всесильный дверь.
Вся тварь со многим страхом внемлет,
Великих зря монархов дщерь,
От верных всех сердец избранну,
Рукою вышнего венчанну,
Стоящу пред его лицем,
Котору в свете он своем
Прославив, щедро к ней взирает,
Завет крепит и утешает.

«Благословенна вечно буди, —
Вещает ветхий деньми к ней, —
И все твои с тобою люди,
Что вверил власти я твоей.
Твои любезные доброты
Влекут к себе мои щедроты.
Я в гневе россам был творец,
Но ныне паки им отец:
Души твоей кротчайшей сила
Мой гнев на кротость преложила.

Утешил я в печали Ноя,
Когда потопом мир казнил.
Дугу поставил в знак покоя
И тою с ним завет чинил.
Хотел Россию бед водою
И гневною казнить грозою;
Однако для заслуг твоих
Пробавил милость в людях сих,
Тебя поставил в знак завета
Над знатнейшею частью света.

Мой образ чтят в тебе народы
И от меня влиянный дух;
В бесчисленны промчется роды
Доброт твоих неложный слух.
Тобой поставлю суд правдивый,
Тобой сотру сердца кичливы,
Тобой я буду злость казнить,
Тобой заслугам мзду дарить;
Господствуй утвержденна мною,
Я буду завсегда с тобою».

Но что страны вечерни тмятся
И дождь кровавых каплей льют?
Что Финских рек струи дымятся
И долы с влагой пламень пьют?
Там, видя выше горизонта
Входяща готфска Фаэтонта
Против течения небес
И вкруг себя горящий лес,
Тюмень в брегах своих мутится
И воды скрыть под землю тщится.

Претящим оком вседержитель
Воззрев на полк вечерний, рек:
«О дерзкий мира нарушитель,
Ты меч против меня извлек;
Я правлю солнце, землю, море,
Кто может стать со мною в споре:
Моя десница мещет гром,
Я в пропасть сверг за грех Содом,

Я небо мраком покрываю,
Я сам Россию защищаю».

Но вышний зрак свой отвращает
От Готфских ослепленных стран
И тем продерзость их смущает,
Трясет полки их, флот и стан;
Как сильный вихрь с полей прах гонит
И древ верьхи высоки клонит.
Богине росской гром вручил,
Чем злость разить противных сил:
Прими разжженны к мести стрелы,
Рассыпь врагов своих пределы.

Стокголм, глубоким сном покрытый,
Проснись, познай Петрову кровь;
Не жди льстецов своих защиты,
Отринь коварну их любовь;
Ты всуе солнце почитаешь
И пред луной себя склоняешь;
Целуй Елисаветин меч,
Что ты принудил сам извлечь:
Его мягчит одна покорность,
Острит кичливая упорность.

Примеры храбрости российской
Представь теперь в уме своем;
Воззри на Дон и край Понтийской,
Смиренный мстительным огнем.
Там степи, кровью напоенны,
Родили лавры нам зелены.
Багрова там земля тряслась,
И к небу с дымом пыль вилась;
Россиян твердо грудь стояла,
И слава их во мгле блистала.

Свою Полтавску вспомни рану,
Что знать еще в груди твоей,
И гордость, при Днепре попранну,
И многий плен твоих людей,
За Обские брега вселенный,
Хребтом Рифейским заключенный,

За коим сильна росска власть
Велику держит встока часть,
Где орды ей сбирают дани,
По ней всегда готовы к брани.

Как нельзя лить рекам к верьшине
Против крутизны вод своих
И силы взять огню в пучине,
Так к нам ввести людей твоих.
Орлы на тое не взирают,
Что львовы челюсти зияют.
Вотще твой хитрый был совет:
Россию сам господь блюдет;
Рукою он Елисаветы
Противных разрушит наветы.

Уже и морем и землею
Российско воинство течет
И сильной крепостью своею
За лес и реки готов жмет.
Огня ревущего удары
И свист от ядр летящих ярый
Сгущенный дымом воздух рвут
И тяжких гор сердца трясут,
Уже мрачится свет полдневный,
Повсюду вид и слух плачевный.

Там кони бурными ногами
Взвивают к небу прах густой,
Там смерть меж готфскими полками
Бежит, ярясь, из строя в строй,
И алчну челюсть отверзает,
И хладны руки простирает,
Их гордый исторгая дух,
Там тысящи валятся вдруг.
Но если хочешь видеть ясно,
Коль росско воинство ужасно,

Взойди на брег крутой высоко,
Где кончится землею понт;
Простри свое чрез воды око,
Коль много обнял горизонт;

Внимай, как юг пучину давит,
С песком мутит, зыбь на зыбь ставит,
Касается морскому дну,
На сушу гонит глубину
И с морем дождь и град мешает, —
Так росс противных низлагает.

Как ежели на римлян злился
Плутон, являя гнев и власть,
И если Град тому чудился,
Что Курций, видя мрачну пасть,
Презрел и младость и породу,
Погиб за римскую свободу,
С разъезду в оную скочив;
То ей! Квириты, Марк ваш жив
Во всяком россе, что без страху
Чрез огнь и рвы течет с размаху.

Всяк мнит, что равен он Алкиду
И что Немейским львом покрыт,
Или ужасную эгиду
Носят, врагов своих страшит:
Пронзает, рвет и рассекает;
Противных силу презирает.
Смесившись с прахом, кровь кипит;
Здесь шлем с главой, там труп лежит;
Там меч с рукой отбит валится.
Коль злоба жестоко казнится!

Народы, ныне научитесь,
Смотря на страшну гордых казнь,
Союзы разрушать блюдитесь,
Храните искренню приязнь;
На множество не уповайте
И тем небес не раздражайте!
Мечи, щиты и крепость стен
Пред божьим гневом гниль и тлен:
Пред ним и горы исчезают,
Пред ним пучины иссыхают.

Бежит в свой путь с весельем многим
По хо́лмам грозный исполин,

Ступает по вершинам строгим,
Презрев глубоко дно долин,
Вьет воздух вихрем за собою;
Под сильною его пятою
Кремнистые бугры трещат,
И следом дерева лежат,
Что множество веков стояли
И бурей ярость презирали.

Так флот российский в понт дерзает,
Так роет он поверьх валов;
Надменна бездна уступает,
Стеня от тягости судов.
Вослед за скорыми кормами
Спешит седая пена рвами.
Весельный шум, гребущих крик
Наносят готам страх велик;
Уже надежду отвергают
И в мгле свой флот и стыд скрывают.

Не швед ли мнил, что он главою,
Как Атлас, держит целой свет
И море сильною рукою
И полной властью в узах жмет;
Что твердь с собой в союзе свяжет
И вспять идти луне укажет,
Однако род российский знал
И мысленно тогда взирал,
Когда он стал на нас грозиться,
Как он бежит, как нас страшится!

На нивах жатву оставляет
От мести устрашенный фин,
И с гор, оцепенев, взирает
На дым, всходящий из долин,
На меч, на готов обнаженный,
На пламень, в селах воспаленный;
Там ночью от пожаров день,
Там днем в пыли ночная тень;
Багровый облак в небе рдеет,
Земля под ним в крови краснеет.

Но, холмы и древа, скачите,
Ликуйте, множества озер,
Руками, реки, восплещите,
Петрополь буди вам пример:
Елисавета к вам приходит,
Отраду с тишиной приводит:
Любя вселенныя покой,
Уже простертой вам рукой
Дарует мирные оливы,
Щадить велит луга и нивы.

Хоть с вами б, готы, к нам достигли
Поящи запад быстрины,
Хотя бы вы на нас воздвигли
Союзны ваши все страны;
Но тщетны были б все походы:
Незнаемые вам народы,
Что дале севера живут,
Того по вся минуты ждут,
Что им велит Елисавета,
Готовы стать противу света.

О слава жен во свете славных,
России радость, страх врагов,
Краса владетельниц державных!
Всяк кровь свою пролить готов
За многие твои доброты
И к подданным твоим щедроты.
Твой слух пленил и тех людей,
Что странствуют среди зверей;
Что с лютыми пасутся львами,
За честь твою восстанут с нами.

Твое прехвально имя пишет
Неложна слава в вечном льде,
Всегда где хладный север дышит
И только верой тепл к тебе;
И степи в зное отдаленны,
К тебе любовию возжженны,
Еще усерднее горят.
К тебе от всточных стран спешат

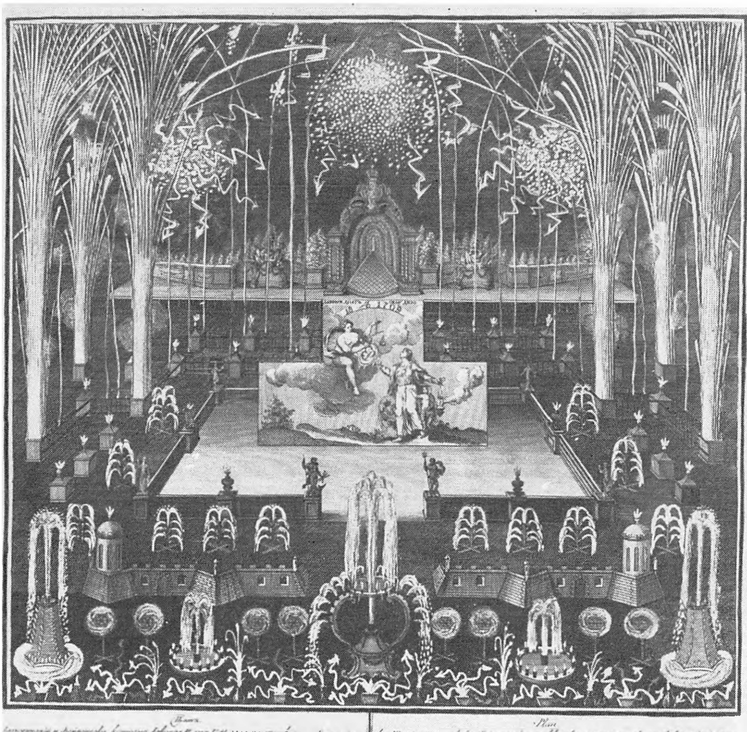
Уже Американски волны
В Камчатской порт, веселья полны.

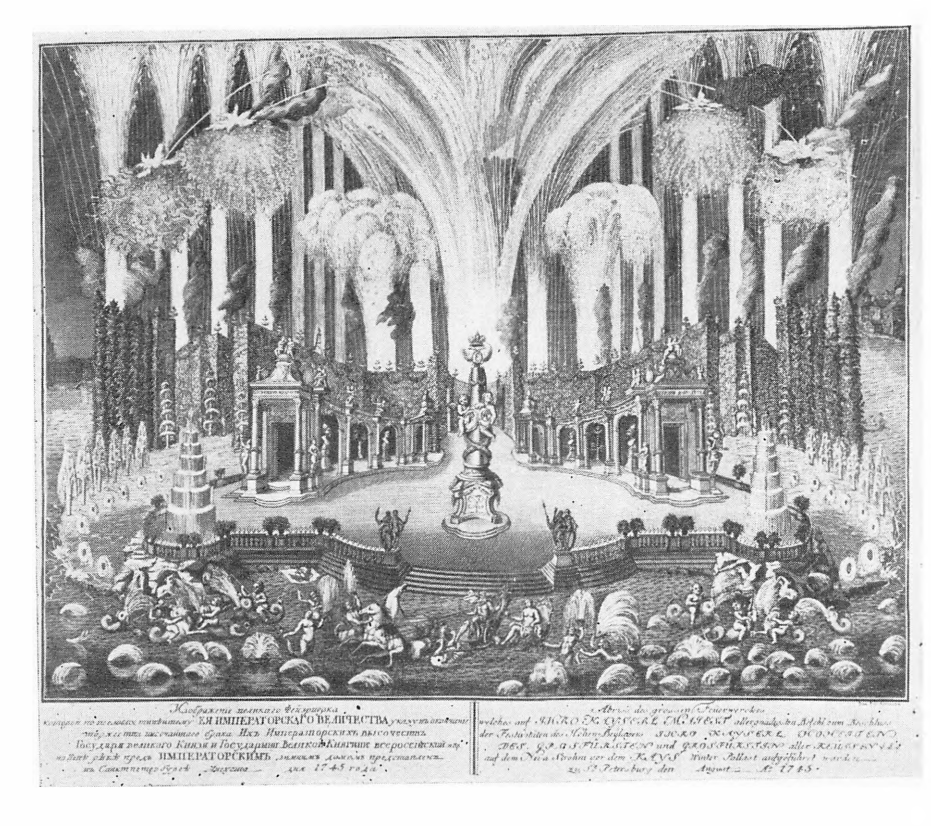
В шумящих берегах Балтийских
Веселья больше, нежель вод,
Что видели судов российских
Против врагов счастливый ход.
Коль радостен жених в убранстве,
Толь Финский понт в твоем подданстве.
В проливах, в устьях рек, в губах
Играя, нимфы вьют в руках,
Монархиня, венцы лавровы
И воспевают песни новы.

О чистый Невский ток и ясный,
Счастливейший всех вод земных!
Что сей богини лик прекрасный
Кропишь теперь от струй своих,
Стремись, шуми, теки обильно
И быстриной твоей насильно
Промчись до Шведских берегов
И больше устраши врагов,
Им громким шумом возвещая,
Что здесь зимой весна златая.

Как лютый мраз она прогнавши
Замерзлым жизнь дает водам;
Туманы, бури, снег поправши,
Являет ясны дни странам,
Вселенну паки воскрешает,
Натуру нам возобновляет,
Поля цветами красит вновь, —
Так ныне милость и любовь
И светлый дщери взор Петровой
Нас жизнью оживляет новой.

Какая бодрая дремота
Открыла мысли явный сон?
Еще горит во мне охота
Торжественный возвысить тон.
Мне вдруг ужасный гром блистает
И купно ясный день сияет!

Plan
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
Самодержицы Всероссийской
IHRO KAYSERLICHEN MAIESTAET
von gantz Russland

Изображение великаго Фейерверка
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
Ихъ Императорскихъ высочествъ
Государя великаго Князя и Государыни Великой Княгини
ИМПЕРАТОРСКИМЪ
въ Санктпетербурхе
дня 1745 года
Abriss des grossen Feuerwerckes
welches auf IHRO KAYSERL. MAJESTAET
der Festivitäten des Hohen Beylagers IHRO KAYSERL.
DES GROSFÜRSTEN und GROSFÜRSTINN
auf dem Neva Strohm vor dem KAYS. Winter Pallast aufgeführet worden
zu St. Petersburg den August A° 1745.

То сердце сильна власть страшит,
То кротость оное живит;
То бодрость страх, то страх ту клонит,
Противна страсть противну гонит!

На запад смотрит грозным оком
Сквозь дверь небесну дух Петров,
Во гневе сильном и жестоком
Преступных он мятет врагов.
Богиня кротко с ним взирает
На Невский брег и простирает
Свой перст на дщерь свою с высот:
Воззри на образ твой и плод,
Что все дела твои восставит
И в свете тем себя прославит.

«Исполнен я веселья ныне,
Что вновь дела мои растут, —
Вещает Петр к Екатерине, —
Твои советы все цветут.
Блаженны дщерью мы своею;
Рука господня буди с нею,
Блажен тот год, тот день и час,
Когда господь ущедрил нас,
Подав ее нам на утеху
И всех трудов моих к успеху».

Но речь их шумный вопль скрывает:
Война при Шведских берегах
С ужасным стоном возрыдает,
В угрюмых кроется лесах.
Союз приходит вожделенный
И глас возносит к ней смиренный:
«Престань прекрасный век мрачить
И Фински горы кровавить:
Се царствует Елисавета,
Да мир подаст пределам света.

Хотя твои махины грозны,
Но сплавлю их в зваянный вид:
Чтоб знали впредь потомки поздны,
Что ныне свет в России зрит.

Я вящи учиню премены,
Когда градов пространны стены
Без пагубы людской сотру,
В огромные столпы сберу;
Превыше будут те мемфийских
Монархов славою российских.

Мечи твои и копья вредны
Я в плуги и в серьпы скую;
Пребудут все поля безбедны,
Отвергнув люту власть твою.
На месте брани и раздора
Цветы свои рассыплет Флора.
Разить не будет серный прах
Сквозь воздух, огнь и смерть в полках,
Но озарив веселы ночи,
Восхитит зрящих дух и очи».

Еще плененна мысль мутится!
Я слышу стихотворцев шум,
Которых жар не погасится
И будет чтущих двигать ум;
Завистно на меня взирая
И с жалостию воздыхая,
Ко мне возносят скорбный глас:
«О коль ты счастливее нас!
Наш слог исполнен басней лживых.
Твой сложен из похвал правдивых.

На что бы вымышлять нам ложно
Без вещи имена одне,
Когда бы было нам возможно
Рожденным в росской быть стране
В сие благословенно время,
В которое Петрово семя,
Всех жен хвала Елисавет
Сладчайший музам век дает.
В ней зрятся истинны доброты,
Геройство, красота, щедрсты».

Что толь приятный сон смущает,
Восторг пресладкий гонит прочь,

И что спокойну брань скрывает,
И отвращает ясну ночь?
Возносит вскок и запад клики!
Согласно разные языки
Гласят к монархине своей:
Господь ущербом наших дней
Умножь твои дражайши лета
К отраде и защите света!

Когда бы древни веки знали
Твою щедроту с красотой,
Тогда бы жертвой почитали
Прекрасный в храме образ твой.
Что ж будущие скажут роды?
Покрыты кораблями воды
И грады, где был прежде лес,
Возвысят глас свой до небес:
Великий Петр нам дал блаженство,
Елисавета совершенство.

Целуй, Петрополь, ту десницу,
Которой долго ты желал:
Ты паки зришь императрицу,
Что в сердце завсегда держал.
Не так поля росы желают,
И в зной цветы от жажды тают,
Не так способных ветров ждет
Корабль, что в тихий порт плывет, —
Как сердце наше к ней пылало,
Чтоб к нам лице ее сияло.

Красуйся, дух мой восхищенный,
И не завидуй тем творцам,
Что носят лавр похвал зеленый;
Доволен будь собою сам:
Твою усерднейшую ревность
Ни гнев стихий, ни мрачна древность
В забвении не могут скрыть,
Котору будут век хранить
Дела Петровой дщери громки,
Что станут поздны честь потомки.

Между 26 сентября и 20 декабря 1742

6. ОДА
НА ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ПЕТРА ФЕОДОРОВИЧА 1743 ГОДА

Уже врата отверзло лето,
Натура ставит общий пир,
Земля и сердце в нас нагрето,
Колеблет ветви тих зефир,
Объемлет мягкий луг крилами,
Крутится чистый ток полями,
Брега питает тучный ил,
Древа и цвет покрылись медом,
Ведет своим довольство следом
Поспешно ясный вождь светил.

Но о небес пресветло око,
Веселых дней прекрасный царь!
Как наша радость, встань высоко,
Пролей чистейший луч на тварь,
В прекрасну облекись порфиру,
Явись великолепен миру
И в новом блеске вознесись,
В златую седши колесницу,
В зенит вступи, прешед границу,
И позже в Океан спустись,

И тем почти Петрова внука;
Сияй, как наш веселый дух
Горит от радостного звука,
Который в наш внушает слух
Младого шум орла паряща
И предкам вслед взлететь спешаща,

На мир воззреть, искать побед.
Он выше бурь и туч промчится,
Против перунов ополчится,
Одним обозрит взглядом свет.

Какой веселый лик приходит?
Се вечность от пространных недр
Великий ряд веков приводит:
В них будет жить Великий Петр
Тобой, великий князь Российский.
В тебе весь Норд и край Азийский
Воскресшу прежню чтит любовь.
Как в гроб лице Петрово скрылось,
В сей день веселья солнце тмилось,
Но днесь тобою светит вновь.

Тебе Россия вся открыла,
Клянущись вышнего рукой:
«Я в сердце много лет таила,
Что мне достоит жить тобой.
Мне полдень с утром вдруг вступает,
Весна цветы и плод являет
В возлюбленной душе твоей.
Но грудь пронзит народов льстивных
Ужасный луч в полки противных,
Блистая из твоих очей.

Возвысится, как кедр высокий,
Над сильных всех твоя глава;
Ты, как змею, попрешь пороки,
Пятой наступишь ты на Льва.
Твоими сам господь устами
Завет вовек поставит с нами;
И крепче Мавританских гор
Твои плещи, Петром скрепленны
И силой свыше облеченны,
Надежный будут нам подпор.

Простришь свои державны длани
Ко вышнему за нас в церквах.
Покажешь меч и страх в день брани,
Подобно как твой дед в полках.

Премудрость сядет в суд с тобою,
Изгонит лесть и ков с хулою.
И мужество твои чресла
Скрепит для общей нашей чести,
Защитит нас к противных мести,
Дабы исторгнуть корень зла.

Под инну Трою вновь приступит
Российский храбрый Ахиллес,
Продерзкий меч врагов притупит,
Хвалой взойдет к верьху небес.
Отрада пóйдет вслед отраде
В Петровом, свету страшном, граде,
И плески плескам весть дадут:
Господь щедроты в нас пробавит
И больше нас тобой прославит,
Как с трепетом враги падут.

Мой дух течет к пределам света,
Охотой храбрых дел пленен,
В восторге зрит грядущи лета
И грозный древних вид времен:
Холмов Ливанских верьх дымится!
Там Нáввин иль Сампсон стремится!
Текут струи Евфратски вспять!
Он Тигров челюсти терзает,
Волнам и вихрям запрещает,
Велит луне и солнцу стать.

Фиссон шумит, Багдад пылает,
Там вопль и звуки в воздух бьют,
Ассирски стены огнь терзает,
И Тавр, и Кáвказ в понт бегут.
Един трясет свирепым югом
И дальным всточных стран округом
Сильнейший гор, огня, ветров,
Отмститель храбр врагов сварливых,
Каратель стран, в союзе лживых,
Российский род и плод Петров.

Однако если враг оставит
Коварну зависть сам собой,

То нас желанный мир прославит,
И тем возвысит нас Герой.
Стихии, ярость укрочайте,
Туманы, в ясны дни растайте,
Являй веселый, небо, зрак,
Целуйтесь, громы, с тишиною,
Упейся, молния, росою,
Стань, ряд планет, в счастливый знак.

В брегах да льются тихо реки,
Не смея чрез предел ступить;
Да придут все страны далеки
С концев земных тебе служить.
Воззри на света шар пространный,
Воззри на понт, тебе подстланный,
Воззри в безмерный круг небес:
Он зыблется и помавает
И славу зреть твою желает
Светящих тьмами в нем очес.

Воззри на труд и громку славу,
Что свет в Петре неложно чтит;
Нептун познал его державу,
С Минервой сильный Марс гласит:
«Он бог, он бог твой был, Россия,
Он члены взял в тебе плотские,
Сошед к тебе от горьних мест;
Он ныне в вечности сияет,
На внука весело взирает
Среди героев, выше звезд».

Творец и царь небес безмерных,
Источник лет, веков отец,
Услыши глас россиян верных
И чисту искренность сердец!
Как если сей предел положен,
Что выше степень не возможен,
Куда делами Петр восшел,
Яви сию щедроту с нами,
Да превзойдет его летами
Наследник имени и дел.

Лето 1743

7. ОДА
НА ДЕНЬ БРАЧНОГО СОЧЕТАНИЯ ИХ ИМПЕРАТОРСКИХ ВЫСОЧЕСТВ ГОСУДАРЯ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ПЕТРА ФЕОДОРОВИЧА И ГОСУДАРЫНИ ВЕЛИКИЯ КНЯГИНИ ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ, 1745 ГОДА

Не сад ли вижу я священный,
В Эдеме вышним насажденный,
Где первый узаконен брак?
В чертог богиня в славе входит,
Любезнейших супругов вводит,
Пленяющих сердца́ и зрак.
В одном геройской дух и сила
Цветут во днях уже младых,
В другой натура истощила
Богатство всех красот своих.

Исполнил бог свои советы
С желанием Елисаветы:
Красуйся светло, российский род.
Се паки Петр с Екатериной
Веселья общего причиной:
Ликуйте, сонмы многих вод.
Рифейских гор верьхи неплодны,
Одейтесь в нежный цвет лилей;
Пустыни и поля безводны,
Излейте чистый ток ключей.

На встоке, западе и юге,
Во всем пространном света круге

Ужасны росские полки,
Мечи и шлемы отложите
И в храбры руки днесь возьмите
Зелены ветви и цветки.
Союзны царства, утверждайте
В пределах ваших тишину,
Вы, бурны вихри, не дерзайте
Подвигнуть ныне глубину.

Девиц и юнош красных лики,
Взносите радостные клики
По мягким тихих рек брегам:
Пусть глас веселый раздается,
Пусть сей приятный глас промчется
По холмам, рощам и лугам:
К утехе росского народа
Петра с Екатериной вновь
Счетает счастье и порода,
Пригожство, младость и любовь.

Как сладкий сон вливает в члены,
Чрез день трудами изнуренны,
Отраду, легкость и покой,
Так мысль в веселье утопает.
О коль прекрасен свет блистает,
Являя вид страны иной!
Там мир в полях и над водами,
Там вихрей нет, ни шумных бурь;
Между млечны́ми облаками
Сияет злато и лазурь.

Кристальны горы окружают,
Струи прохладны обтекают
Усыпанный цветами луг.
Плоды, румянцом испещренны,
И ветви, медом орошенны,
Весну являют с летом вдруг.
Восторг все чувства восхищает!
Какая сладость льется в кровь?
В приятном жаре сердце тает!
Не тут ли царствует любовь?

И горлиц нежное вздыханье,
И чистых голубиц лобзанье
Любви являют тамо власть.
Древа листами помавают,
Друг друга ветвми обнимают,
В бездушных зрю любовну страсть!
Ручьи вослед ручьям крутятся,
То гонят, то себя манят,
То прямо друг к другу стремятся,
И, слившись меж собой, журчат.

Нарцисс над ясною водою,
Пленен своею красотою,
Стоит любуясь сам собой.
Зефир, как ты по брегу дуешь,
Сто крат листки его целуешь
И сладкой те кропишь росой.
Зефир, сих нежных мест хранитель,
Куда свой правишь с них полет?
Зефир, кустов и рощ любитель,
Что прочь от них тебя влечет?

Он легкими шумит крилами,
Взвивается под небесами
И льет на воздух аромат;
Царицу мест любовь сретает,
Порфиру и власы взвевает;
Она спешит в свой светлый град.
Индийских рек брега веселы,
Хоть вечно вас весна пестрит,
Не чудны ваши мне пределы,
Мой дух красу любови зрит.

Как утрення заря сияет,
Когда день ясный обещает,
Румянит синий горизонт;
Лице любови толь прекрасно,
В ночи горят коль звезды ясно
И проницают тихий понт;
Подобно сей царицы взгляды
Сквозь души и сердца идут,

С надеждой смешанны отрады
В объяты страстью мысли льют.

Белейшей мрамора рукою
Любовь несет перед собою
Младых супругов светлый лик.
Сама, смотря на них, дивится,
И полк всех нежностей теснится
И к оным тщательно приник.
Кругом ее умильны смехи
Взирающих пленяют грудь,
Приятности и все утехи
Цветами устилают путь.

Усердна верность принимает
Носимый лик и поставляет
На крепких мраморных столпах,
Сребром чистейшим обведенных
И так от века утвержденных,
Как в тяжких Таврских нутр горах,
Бурливых вихрей не боится
И презирает молний блеск,
От мрачных туч бежать не тщится,
В ничто вменяет громов треск.

Не сам ли в арфу ударяет
Орфей, и камни оживляет,
И следом водит хор древес?
Любовь, и с нею восклицают
Леса, и громко возвышают
Младых супругов до небес.
В пригорках бьют ключи прозрачны,
Сверькая в солнечных лучах,
И сыплют чрез долины злачны,
Чем блещет Орм в своих краях.

Кастальски нимфы ликовствуют,
С любовью купно торжествуют
И движут плесками Парнас;
Надежда оных ободряет,
Надежда тверда возбуждает
Возвысить громко брачный глас.

Надежда обещает явно;
Оне себе с весельем ждут
Иметь в России имя славно,
Щедротой ободренный труд.

О ветвь от корене Петрова!
Для всех полночных стран покрова
Благополучно возрастай.
О щедрая Екатерина,
Ты процветай краснее крина
И сладки нам плоды подай.
От вас Россия ожидает
Счастливых и спокойных лет,
На вас по всякой час взирает
Как на всходящий дневный свет.

Теперь во всех градах российских,
По селам и в степях Азийских
Единогласно говорят:
Как бог продлит чрез вечно время
Дражайшее Петрово племя,
Счастлива жизнь и наших чад;
Не будет страшныя премены,
И от российских храбрых рук
Рассыплются противных стены
И сильных изнеможет лук.

Петр силою своей десницы
Российски распрострет границы
И в них спокойство утвердит.
Дражайшия его супруги
Везде прославятся заслуги,
И свет щедрота удивит.
Он добродетель чрез награду
В народе будет умножать;
Она предстательством отраду
Потщится бедным подавать.

От И́беров до вод Курильских,
От вечных льдов до токов Нильских,
По всем народам и странам
Ваш слух приятный протекает,

Язы́ки многи услаждает,
Как благовонный фимиам.
Коль сладко путник почивает
В густой траве, где ключ течет,
Свое так сердце утешает,
Смотря на вас Елисавет.

С горящей, солнце, колесницы,
Низвед пресветлые зеницы,
Пространный видишь шар земной,
В Российской ты державе всходишь,
Над нею дневный путь преводишь
И в волны кроешь пламень свой.
Ты нашей радости свидетель,
Ты зришь усердий наших знак,
Что ныне нам послал содетель
Чрез сей благословенный брак.

О боже, крепкий вседержитель!
Подай, чтоб россов обновитель
В потомках вечно жил своих:
Воспомяни его заслуги
И, преклонив небесны круги,
Благослови супругов сих.
С высот твоих Елисавете
Посли святую благодать,
Сподоби ту в грядущем лете
Петрова первенца лобзать.

Лето 1745

8. ОДА
НА ДЕНЬ ВОСШЕСТВИЯ НА ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРЕСТОЛ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКИЯ, 1746 ГОДА

На верьх Парнасских гор прекрасный
Стремится мысленный мой взор,
Где воды протекают ясны
И прохлаждают муз собор.
Меня не жажда струй прозрачных,
Но шум приятный в рощах злачных
Поспешно радостна влечет:
Там холмы и древа взывают
И громким гласом возвышают
До самых звезд Елисавет.

И се уже рукой багряной
Врата отверзла в мир заря,
От ризы сыплет свет румяной
В поля, в леса, во град, в моря,
Велит ночным лучам склониться
Пред светлым днем, и в тверди скрыться,
И тем почтить его приход.
Он блеск и радость изливает
И в красны лики созывает
Спасенный днесь российский род.

Взирая на дела Петровы,
На град, на флот, и на полки,

И купно на свои оковы,
На сильну власть чужой руки,
Россия ревностно вздыхала
И сердцем всякой час взывала
К тебе, защитнице своей:
Избавь, низвергни наше бремя,
Воздвигни нам Петрово племя,
Утешь, утешь твоих людей.

Покрой отечески законы,
Полки противных отжени
И святости твоей короны
Чужим коснуться возбрани,
От церькви отврати налоги:
Тебя монарши ждут чертоги,
Порфира, скипетр и престол;
Всевышний пóйдет пред тобою
И крепкою тебя рукою
От страшных всех защитит зол.

Какую чувствует премену
Желанием вперенный дух?
Се мысль внезапно восхищенну
Веселый ободряет слух!
Уже со многими народы
Гласит эфир, земля и воды,
И камни вопиют теперь!
К нам щедро небо преклонилось,
И счастье наше обновилось:
На трон взошла Петрова дщерь.

О утра час благословенный,
Дражайший нам златых веков!
О вестник счастья вожделенный
Для нас и будущих родов!
Ты коль велику дал отраду,
Когда открыл Петрову граду
Избавльшия богини зрак!
Мы в скорбной темноте заснули,
Но в радости от сна вспрянули,
Как ты нощный рассыпал мрак.

Уже народ наш оскорбленный
В печальнейшей нощи сидел.
Но бог, смотря в концы вселенны,
В полночный край свой взор возвел,
Взглянул в Россию кротким оком
И, видя в мраке ту глубоком,
Со властью рек: да будет свет.
И бысть! О твари обладатель!
Ты паки света нам создатель,
Что взвел на трон Елисавет.

О день блаженный, день избранный
Для счастия полночных стран!
Тобой сугубо осиянный
Восток и льдистый Океан
Свои колена преклоняют
И жертву ныне возжигают
Усердну в радостных сердцах
Пред солнцем, на земли светящим,
Что нам, в печальной тьме седящим,
Проливши свет, отгнало страх.

Нам в оном ужасе казалось,
Что море в ярости своей
С пределами небес сражалось,
Земля стенала от зыбей,
Что вихри в вихри ударялись,
И тучи с тучами спирались,
И устремлялся гром на гром,
И что надуты вод громады
Текли покрыть пространны грады,
Сравнять хребты гор с влажным дном.

Я духом зрю минувше время,
Там грозный злится исполин
Рассыпать земнородных племя
И разрушить натуры чин!
Он ревом бездну возмущает,
Лесисты с мест бугры хватает
И в твердь сквозь облака́ разит.
Как Этна в ярости дымится,

Так мгла из челюстей курится
И помрачает солнца вид.

Но, о прекрасная планета,
Любезное светило дней!
Ты ныне, чрез пределы света
Простерши блеск твоих лучей,
Спасенный север освещаешь
И к нам веселый вид склоняешь,
Взирая на Елисавет
И купно на ее доброты:
От ней текут на всех щедроты,
Как твой повсюду ясный свет.

О вы, недремлющие очи,
Стрегущие небесный град!
Вы бодрствуя во время ночи,
Когда покоясь смертны спят,
Взираете сквозь тень густую
На целу широту земную.
Но чаю, что вы в оной час,
Впротив естественному чину,
Петрову зрели дщерь едину,
Когда пошла избавить нас.

Сладка плодам во время зною
Прохлада влажныя росы,
И сон под тенью древ густою
Приятен в жаркие часы;
Но вящу радость ощущает
Мой дух, когда воспоминает
Российския отрады день.
Еще приходит плеск во уши!
Пленяюща сердца и души
Тогдашней нощи зрится тень!

По стогнам шумный глас несется
Елисаветиных похвал,
В полках стократно раздается:
Великий Петр из мертвых встал!
Мы пройдем с ним сквозь огнь и воды,
Предолим бури и погоды,

Поставим грады на реках,
Мы дерзкий взор врагов потупим,
На горды выи их наступим,
На грозных станем мы валах.

Коль наша радость справедлива!
Нас красит сладостный покой;
О коль, Россия, ты счастлива
Елисаветиной рукой!
Противны сил ее страшатся
И купно милости чудятся.
Таков Екатеринин лик
Был щедр и кроток и прекрасен;
Таков был Петр врагам ужасен,
Своим отец, везде велик.

Что вы, о поздные потомки,
Помыслите о наших днях?
Дела Петровой дщери громки
Представив в мысленных очах
И видя зрак изображенный
Среди героев вознесенный,
Что молвите между собой?
Не всяк ли скажет быть чудесно,
Увидев мужество совместно
С толикой купно красотой?

Велико дело есть и знатно
Сердца народов привлещи,
И странно всем и непонятно
Полсвета взять в одной нощи!
Но кое сердце толь жестоко,
Которо б сей богини око
Не сильно было умягчить?
И кая может власть земная,
На дщерь и дух Петров взирая,
Себя противу ополчить?

Пять крат под сча́стливой державой
Цветами красилась земля;
Стократной облеклися славой
Российски грады и поля:

Стоят трофеи вознесенны,
Цветут оливы, насажденны
Елисаветиной рукой,
Что новых светов досягает;
От той Европа ожидает,
Чтоб в ней восставлен был покой.

Хотя от смертных сокровенно
Грядущих бытие вещей;
Однако сердце, просвещенно
Величеством богини сей,
На будущие дни взирает
И больше счастье предвещает.
Конец увидим оных дел:
Что ради нашего блаженства
На верьх поставить совершенства
Всходящий в небо Петр велел.

Кто может все хвалы достойно
Сея монархини сказать;
Чья муза толь красно и стройно
Пред нею может возыграть?
Я лиру ныне подверьгаю
Стопам ее и возглашаю:
Подай, о сильно божество!
Да узрят многих лет округи
Ее к отечеству заслуги
И светло днешне торжество.

Да возрастет ее держава,
Богатство, счастье и полки
И купно дел геройских слава,
Как ток великия реки
Чем дале бег свой простирает,
Тем больше вод в себя вмещает
И множество градов поит;
Разлившись, на поля восходит,
Обильный тук на них наводит
И жатвы щедро богатит.

Конец 1746

9. ОДА
НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ, САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКИЯ, 1746 ГОДА

В сей день, блаженная Россия,
Любезна небесам страна,
В сей день от высоты святыя
Елисавет тебе дана,
Воздвигнуть нам Петра по смерти,
Гордыню сопостатов стерти
И в ужас оных привести,
От грозных бед тебя избавить,
Судьей над царствами поставить
И выше облак вознести.

О дщерь гремящего над нами,
О мати всех племен земных,
Натура, чудная делами,
Как если таин ты своих
Меня достойным быть судила,
И если слаба мыслей сила
Проникнуть может в твой чертог,
Представь мне оную годину
И купно бег светил по чину,
Как вышний дал нам сей залог.

Сквозь тучи бывшия печали,
Что лютый рок на нас навел,
Как горы о Петре рыдали
И понт в брегах своих ревел,

Сквозь страшны россам перемены,
Сквозь прах, войнами возмущенный,
Я вижу тот пресветлый час:
Там круг младой Елисаветы
Сияют счастливы планеты,
Я слышу там натуры глас.

Седя на блещущем престоле,
Составленном из твердых гор,
В пространном всех творений поле
Между стихий смиряет спор;
Сосцами реки проливает
И теми всяку тварь питает.
Зелену ризу по лугам
И по долинам расширяя,
Из уст зефирами дыхая,
С веселием вещает к нам:

«Я с вами ныне торжествую,
Мне сих часов краснее нет,
Что Героиню таковую
В сей день произвела я в свет.
В ней хитрость вся моя и сила
Возможность крайню положила;
Я избрала счастливой знак
Надежду показать нелестну:
В пространну высоту небесну
Прилежно возведите зрак.

Се солнце бег свой пременяет
И к вам течет умножить день,
На север взор свой обращает
И оным прогоняет тень,
Являя, что Елисавета
В России усугубит света
Державой и венцем своим.
Ермий, наукам предводитель,
И Марс, на брани победитель,
Блистают совокупно с ним.

Там муж, звездами испещренный,
Свой светлый напрягает лук,

Диана стрелы позлащенны
С ним мещет из прекрасных рук.
Се небо показует ясно,
Коль то с добротами согласно
Рожденныя в признáках сих:
От ней геройство с красотою
Повсюду миром и войною
Лучи пускают дней златых».

Сие предвестие природы
Хотя представило тогда,
Что ты возвеселишь народы,
О глав венчанных красота!
Но вяща радость восхищала
Взирающих и оживляла,
Когда даров твоих признáк
Надежнее в лице открылся,
Что точно в нем изобразился
Родителей великих зрак.

В тебе прекрасный дом создали
Душе великой небеса,
Свое блистание влияли
В твои пресветлы очеса;
Лице всходящия денницы
И бодрость быстрыя орлицы
И в нéжнейших являлись днях;
Уже младенческие взгляды
Предвозвещали те отрады,
Что бедным нынь отъемлют страх.

Ты суд и милость сопрягаешь,
Повинных с кротостью казнишь,
Без гневу злобных исправляешь,
Ты осужденных кровь щадишь.
Так Нил смиренно протекает,
Брегов своих он не терзает,
Но пользой выше прочих рек:
Своею сладкою водою,
В лугах зеленых пролитою,
Златой дает Египту век.

Как ясно солнце воссияло
Свой блеск впервые на тебя,
Уж счастье руку простирало,
Твои приятности любя,
Венец держало над главою
И возвышало пред тобою
Трофеи отческих побед,
Преславных чрез концы земные.
Коль счастлива была Россия,
Когда воззрела ты на свет!

Тогда от радостной Полтавы
Победы Росской звук гремел,
Тогда не мог Петровой славы
Вместить вселенныя предел,
Тогда вандалы побежденны
Главы имели преклоненны
Еще при пеленах твоих;
Тогда предъявлено судьбою,
Что с трепетом перед тобою
Падут полки потомков их.

О сладкой нежности обитель!
О вы, блаженные места,
Где храбрый готов победитель
Лобзал и в очи, и в уста
Впервые плод свой вожделенный,
Свой плод, меж лаврами рожденный,
Вас оных радостных времен
Любезна память услаждает,
И оный день вам пребывает
В бессчетны веки незабвен.

Но се различные языки
От рек великих и морей
Согласные возносят клики,
К тебе, монархине своей,
Сердца и руки простирают
И многократно повторяют:
«Да здравствует Елисавет,
Для росской славы днесь рожденна,

Да будет свыше укрепленна
Чрез множество счастливых лет».

Сие гласит тебе Россия
И купно с ней наук собор.
Предведущая Урани́я
Возводит к верьху быстрый взор,
Небесны беги наблюдает
И с радостию составляет
Венец тебе из новых звезд.
Тебе искусство землемерно
Пространство показать безмерно
Незнаемых желает мест.

Парящей поэзи́и ревность
Дела твои превознесет,
Ни гнев стихий, ни ветха древность
Похвал твоих не пресечет;
Открыты естества уставы
Твоей умножат громкость славы,
Но всё художество свое
Тебе Иппо́крат посвящает
И усугубить тем желает
И век, и здравие твое.

Да будет тое невредимо,
Как верьх высокия горы
Взирает непоколебимо
На мрак и вредные пары;
Не может вихрь его достигнуть,
Ни громы страшные подвигнуть;
Взнесен к безоблачным странам,
Ногами тучи попирает,
Угрюмы бури презирает,
Смеется скачущим волнам.

Конец 1746

10. ОДА
НА ДЕНЬ ВОСШЕСТВИЯ НА ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРЕСТОЛ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ 1747 ГОДА

Царей и царств земных отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство сел, градов ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокруг тебя цветы пестреют
И класы на полях желтеют;
Сокровищ полны корабли
Дерзают в море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.

Великое светило миру,
Блистая с вечной высоты
На бисер, злато и порфиру,
На все земные красоты,
Во все страны свой взор возводит,
Но краше в свете не находит
Елисаветы и тебя.
Ты кроме той всего превыше;
Душа ее зефира тише,
И зрак прекраснее рая́.

Когда на трон она вступила,
Как вышний подал ей венец,

Тебя в Россию возвратила,
Войне поставила конец;
Тебя прияв облобызала:
Мне полно тех побед, сказала,
Для коих крови льется ток.
Я россов счастьем услаждаюсь,
Я их спокойством не меняюсь
На целый запад и восток.

Божественным устам приличен,
Монархиня, сей кроткий глас:
О коль достойно возвеличен
Сей день и тот блаженный час,
Когда от радостной премены
Петровы возвышали стены
До звезд плескание и клик!
Когда ты крест несла рукою
И на престол взвела с собою
Доброт твоих прекрасный лик!

Чтоб слову с оными сравняться,
Достаток силы нашей мал;
Но мы не можем удержаться
От пения твоих похвал.
Твои щедроты ободряют
Наш дух и к бегу устремляют,
Как в понт пловца способный ветр
Чрез яры волны порывает;
Он брег с весельем оставляет;
Летит корма меж водных недр.

Молчите, пламенные звуки,
И колебать престаньте свет;
Здесь в мире расширять науки
Изволила Елисавет.
Вы, наглы вихри, не дерзайте
Реветь, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена.
В безмолвии внимай, вселенна:
Се хощет лира восхищенна
Гласить велики имена.

Ужасный чудными делами
Зиждитель мира искони
Своими положил судьбами
Себя прославить в наши дни;
Послал в Россию Человека,
Каков неслыхан был от века.
Сквозь все препятства он вознес
Главу, победами венчанну,
Россию, грубостью попранну,
С собой возвысил до небес.

В полях кровавых Марс страшился,
Свой меч в Петровых зря руках,
И с трепетом Нептун чудился,
Взирая на российский флаг.
В стенах внезапно укрепленна
И зданиями окруженна,
Сомненная Нева рекла:
«Или я ныне позабылась
И с оного пути склонилась,
Которым прежде я текла?»

Тогда божественны науки
Чрез горы, реки и моря
В Россию простирали руки,
К сему монарху говоря:
«Мы с крайним тщанием готовы
Подать в российском роде новы
Чистейшего ума плоды».
Монарх к себе их призывает,
Уже Россия ожидает
Полезны видеть их труды.

Но ах, жестокая судьбина!
Бессмертия достойный муж,
Блаженства нашего причина,
К несносной скорби наших душ
Завистливым отторжен роком,
Нас в плаче погрузил глубоком!
Внушив рыданий наших слух,
Верьхи Парнасски восстенали,

И музы воплем провождали
В небесну дверь пресветлый дух.

В толикой праведной печали
Сомненный их смущался путь;
И токмо шествуя желали
На гроб и на дела взглянуть.
Но кроткая Екатерина,
Отрада по Петре едина,
Приемлет щедрой их рукой.
Ах если б жизнь ее продлилась,
Давно б Секвана постыдилась
С своим искусством пред Невой!

Какая светлость окружает
В толикой горести Парнас?
О коль согласно там бряцает
Приятных струн сладчайший глас!
Все холмы покрывают лики;
В долинах раздаются клики:
Великая Петрова дщерь
Щедроты отчи превышает,
Довольство муз усугубляет
И к счастью отверзает дверь.

Великой похвалы достоин,
Когда число своих побед
Сравнить сраженьям может воин
И в поле весь свой век живет;
Но ратники, ему подвластны,
Всегда хвалы его причастны,
И шум в полках со всех сторон
Звучащу славу заглушает,
И грому труб ее мешает
Плачевный побежденных стон.

Сия тебе единой слава,
Монархиня, принадлежит,
Пространная твоя держава
О как тебе благодарит!
Воззри на горы превысоки,

Воззри в поля свои широки,
Где Волга, Днепр, где Обь течет;
Богатство, в оных потаенно,
Наукой будет откровенно,
Что щедростью твоей цветет.

Толикое земель пространство
Когда всевышний поручил
Тебе в счастливое подданство,
Тогда сокровища открыл,
Какими хвалится Индúя;
Но требует к тому Россия
Искусством утвержденных рук.
Сие злату́ очистит жилу;
Почувствуют и камни силу
Тобой восставленных наук.

Хотя всегдашними снегами
Покрыта северна страна,
Где мерзлыми борей крылами
Твои взвевает знамена;
Но бог меж льдистыми горами
Велик своими чудесами:
Там Лена чистой быстриной,
Как Нил, народы напояет
И бреги наконец теряет,
Сравнившись морю шириной.

Коль многи смертным неизвестны
Творит натура чудеса,
Где густостью животным тесны
Стоят глубокие леса,
Где в роскоши прохладных теней
На пастве скачущих еленей
Ловящих крик не разгонял;
Охотник где не метил луком;
Секирным земледелец стуком
Поющих птиц не устрашал.

Широкое открыто поле,
Где музам путь свой простирать!

Твоей великодушной воле
Что можем за сие воздать?
Мы дар твой до небес прославим
И знак щедрот твоих поставим,
Где солнца всход и где Амур
В зеленых берегах крутится,
Желая паки возвратиться
В твою державу от Манжур.

Се мрачной вечности запону
Надежда отверзает нам!
Где нет ни правил, ни закону,
Премудрость тамо зиждет храм;
Невежество пред ней бледнеет.
Там влажный флота путь белеет,
И море тщится уступить:
Колумб российский через воды
Спешит в неведомы народы
Твои щедроты возвестить.

Там тьмою островов посеян,
Реке подобен Океан;
Небесной синевой одеян,
Павлина посрамляет вран.
Там тучи разных птиц летают,
Что пестротою превышают
Одежду нежныя весны;
Питаясь в рощах ароматных
И плавая в струях приятных,
Не знают строгия зимы.

И се Минерва ударяет
В верьхи Рифейски копием;
Сребро и злато истекает
Во всем наследии твоем.
Плутон в расселинах мятется,
Что россам в руки предается
Драгой его металл из гор,
Которой там натура скрыла;
От блеску дневного светила
Он мрачный отвращает взор.

О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастной случай берегут;
В домашних трудностях утеха
И в дальних странствах не помеха.
Науки пользуют везде,
Среди народов и в пустыне,
В градском шуму и наеди́не,
В покое сладки и в труде.

Тебе, о милости источник,
О ангел мирных наших лет!
Всевышний на того помощник,
Кто гордостью своей дерзнет,
Завидя нашему покою,
Против тебя восстать войною;
Тебя зиждитель сохранит
Во всех путях беспреткновенну
И жизнь твою благословенну
С числом щедрот твоих сравнит.

Конец 1747

11. ОДА
НА ДЕНЬ ВОСШЕСТВИЯ НА ПРЕСТОЛ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ 1748 ГОДА

Заря багряною рукою
От утренних спокойных вод
Выводит с солнцем за собою
Твоей державы новый год.
Благословенное начало
Тебе, богиня, воссияло.
И наших искренность сердец
Пред троном вышнего пылает,
Да счастием твоим венчает
Его средину и конец.

Да движутся светила стройно
В предписанных себе кругах,
И реки да текут спокойно
В тебе послушных берегах;
Вражда и злость да истребится,
И огнь и меч да удалится
От стран твоих и всякий вред;
Весна да рассмеется нежно,
И земледелец безмятежно
Сторичный плод да соберет.

С способными ветрами споря,
Терзать да не дерзнет борей
Покрывшего судами моря,
Пловущими к земли твоей.

Да всех глубокий мир питает;
Железо браней да не знает,
Служа в труде безмолвных сел.
Да злобна зависть постыдится,
И славе свет да удивится
Твоих великодушных дел.

Священны да хранят уставы
И правду на суде судьй,
И время твоея державы
Да ублажат рабы твои.
Соседы да блюдут союзы;
И вам, возлюбленные музы,
За горьки слезы и за страх,
За грозно время и плачевно
Да будет радость повседневно,
При Невских обновясь струях.

Годину ту воспоминая,
Среди утех мятется ум!
Еще крутится мгла густая,
Еще наносит страшный шум!
Там буря искры завивает,
И алчный пламень пожирает
Минервин с громким треском храм!
Как медь в горниле, небо рдится!
Богатство разума стремится
На низ к трепещущим ногам!

Дражайши музы, отложите
Взводить на мысль печали тень;
Веселым гласом возгремите
И пойте сей великий день,
Когда в отеческой короне
Блеснула на российском троне
Яснее дня Елисавет;
Как ночь на полдень пременилась,
Как осень нам с весной сравнилась,
И тьма произвела нам свет.

В луга, усыпанны цветами,
Царица трудолюбных пчел,

Блестящими шумя крылами,
Летит между прохладных сел;
Стекается, оставив розы
И сотом напоенны лозы,
Со тщанием отвсюду рой,
Свою царицу окружает
И тесно вслед ее летает
Усердием вперенный строй.

Подобным жаром воспаленный
Стекался здесь российский род,
И радостию восхищенный,
Теснясь, взирал на твой приход.
Младенцы купно с сединою
Спешили следом за тобою.
Тогда великий град Петров
В едину стогну уместился,
Тогда и ветр остановился,
Чтоб плеск всходил до облаков.

Тогда во все пределы света
Как молния достигнул слух,
Что царствует Елисавета,
Петров в себе имея дух.
Тогда нестройные соседы
Отчаялись своей победы
И в мысли отступали вспять.
Монархиня, кто россов знает
И ревность их к тебе внимает,
Помыслит ли противу стать?

Что Марс кровавый не дерзает
Руки своей простерти к нам,
Твои он силы почитает
И власть, подобну небесам.
Лев ныне токмо зрит ограду,
Чем путь ему пресечен к стаду.
Но море нашей тишины
Уже пределы превосходит,
Своим избытком мир наводит,
Разлившись в западны страны.

Европа, утомленна в брани,
Из пламени подняв главу,
К тебе свои простерла длани
Сквозь дым, курение и мглу.
Твоя кротчайшая природа,
Чем для блаженства смертных рода
Всевышний наш украсил век,
Склонилась для ее защиты,
И меч твой, лаврами обвитый,
Не обнажен, войну пресек.

Европа и весь мир свидетель,
Народов разных миллион,
Колика ныне добродетель
Российский украшает трон.
О как сие нас услаждает,
Что вся вселенна возвышает,
Монархиня, твои дела!
Народов твоея державы
Различна речь, одежда, нравы,
Но всех согласна похвала.

Единым гласом все взываем,
Что ты защитница и мать,
Твои доброты исчисляем,
Но всех не можем описать.
Когда воспеть щедроты тщимся,
Безгласны красоте чудимся.
Победы ль славить мысль течет,
Как пали готы пред тобою?
Но больше мирною рукою
Ты целой удивила свет.

Весьма необычайно дело,
Чтоб всеми кто дарами цвел:
Тот крепкое имеет тело,
Но слаб в нем дух и ум незрел;
В другом блистает ум небесный,
Но дом себе имеет тесный,
И духу сил недостает.
Иной прославился войною,

Но жизнью мир порочит злою
И сам с собой войну ведет.

Тебя, богиня, возвышают
Души и тела красоты,
Что в многих разделясь блистают,
Едина все имеешь ты.
Мы видим, что в тебе единой
Великий Петр с Екатериной
К блаженству нашему живет.
Похвал пучина отворилась!
Смущенна мысль остановилась,
Что слов к тому недостает!

Однако дух еще стремится,
Еще кипит сердечный жар,
И ревность умолчать стыдится:
О муза, усугубь твой дар,
Гласи со мной в концы земные,
Коль ныне радостна Россия!
Она, коснувшись облаков,
Конца не зрит своей державы;
Гремящей насыще́нна славы,
Покоится среди лугов.

В полях, исполненных плодами,
Где Волга, Днепр, Нева и Дон,
Своими чистыми струями
Шумя, стадам наводят сон,
Седит и ноги простирает
На степь, где Хину отделяет
Пространная стена от нас;
Веселый взор свой обращает
И вкруг довольства исчисляет,
Возлегши лактем на Кавказ.

Се нашею, рекла, рукою
Лежит поверженный Азов;
Рушитель нашего покою
Огнем казнен среди валов.
Се знойные Каспийски бреги,
Где, варварски презрев набеги,

Сквозь степь и блата Петр прошел,
В средину Азии достигнул,
Свои знамена там воздвигнул,
Где день скрывали тучи стрел.

В моей послушности крутятся
Там Лена, Обь и Енисей,
Где многие народы тщатся
Драгих мне в дар ловить зверей;
Едва покров себе имея,
Смеются лютости борея;
Чудовищам дерзают вслед,
Где верьх до облак простирает,
Угрюмы тучи раздирает,
Поднявшись с дна морского, лед.

Здесь Днепр хранит мои границы,
Где гот гордящийся упал
С торжественныя колесницы,
При коей в узах он держал
Сарматов и саксонов пленных,
Вселенну в мыслях вознесенных
Единой обращал рукой.
Но пал, и звук его достигнул
Во все страны, и страхом двигнул
С Дунайской Вислу быстриной.

В стенах Петровых протекает
Полна веселья там Нева,
Венцем, порфирою блистает,
Покрыта лаврами глава.
Там равной ревностью пылают
Сердца, как стогны все сияют
В исполненной утех ночи.
О сладкий век! О жизнь драгая!
Петрополь, небу подражая,
Подобны испустил лучи.

Сие Россия восхищенна
В веселии своем гласит:
Москва едина на колена
Упав перед тобой стоит,

Власы седые простирает,
Тебя, богиня, ожидает,
К тебе единой вопия:
Воззри на храмы опаленны,
Воззри на стены разрушенны;
Я жду щедроты твоея.

Гряди, краснейшая денницы,
Гряди, и светлостью лица
И блеском чистой багряницы
Утешь печальные сердца,
И время возврати златое.
Мы здесь в возлюбленном покое
К полезным припадем трудам.
Отсутствуя, ты будешь с нами:
Покрытым орлими крилами
Кто смеет прикоснуться нам?

Но если гордость ослепленна
Дерзнет на нас воздвигнуть рог,
Тебе, в женах благословенна,
Против ее помощник бог.
Он верьх небес к тебе преклонит
И тучи страшные нагонит
Во сретенье врагам твоим.
Лишь только ополчишься к бою,
Предъидет ужас пред тобою,
И следом воскурится дым.

Конец 1748

12. ОДА,
В КОТОРОЙ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВУ БЛАГОДАРЕНИЕ ОТ СОЧИНИТЕЛЯ ПРИНОСИТСЯ ЗА ОКАЗАННУЮ ЕМУ ВЫСОЧАЙШУЮ МИЛОСТЬ В САРСКОМ СЕЛЕ АВГУСТА 27 ДНЯ 1750 ГОДА

Какую радость ощущаю?
Куда я ныне восхищен?
Небесну пищу я вкушаю,
На верьх Олимпа вознесен!
Божественно лице сияет
Ко мне и сердце озаряет
Блистающим лучем щедрот!
Коль нежно Флоры здесь богатство!
Коль сродно воздуха приятство
Богине красных сих высот!

Что ж се? Диане я прекрасной
Уже последую в лесах,
От коей хитростью напрасной
Укрыться хочет зверь в кустах!
Уже и купно со денницей
Великолепной колесницей
В безоблачных странах несусь!
Блаженство мыслям непонятно!
Благополучен многократно,
Когда нетщетным сном я льщусь!

Престань сомненьем колебаться,
Смятенный дух мой, и поверь:
Не ложны то мечтанья зрятся,
Но истинно Петрова дщерь
К наукам матерски снисходит,

Щедротою в восторг приводит.
Ты, муза, лиру приими,
И чтоб услышала вселенна,
Коль жизнь наукам здесь блаженна,
Возникни, вознесись, греми.

Где древним именем Славена
Гордяся пролились струи,
Там видя нимфа изумленна
Украшенны луга свои,
Златые кровы оком мерит
И в ужасе себе не верит.
Но кажду обозревши часть,
С веселием сие вещает:
«То само небо созидает
Или Петровой дщери власть».

Рекла, и влагу рассекая,
Пустилась тщательно к Неве;
Волна, во бреги ударяя,
Клубится пеною в траве.
Во храм, сияющий металлом,
Пред трон, украшенный кристаллом,
Поспешно простирает ход;
Венцем зеленым увязенной
И в висс, вещает, облеченной
Владычице российских вод.

Река, которой проливают
Великие озера дань
И кою громко прославляют
Во всей вселенной мир и брань!
Ты счастлива трудом Петровым;
Тебя и ныне красит новым
Рачением Елисавет.
Но малые мои потоки
Прими в себя, как Нил широкий,
Который из рая́ течет.

Мои источники венчает
Эдемской равна красота,

Где сад богиня насаждает,
Прохладны возлюбив места;
Поля, где небу подражают,
Себя цветами испещряют.
Не токмо нежная весна,
Но осень тамо юность года;
Всегда роскошствует природа,
Искусством рук побуждена.

Когда заря багряным оком
Румянец умножает роз,
Тогда на ветвии высоком
И посреде зеленых лоз
Со свистом птицы воспевают,
От сна к веселью возбуждают,
Что царствует в моих лугах.
И солнце восходя дивится,
Цветы, меж коих Инд крутится,
Увидев при моих ключах.

В средине жаждущего лета,
Когда томит протяжный день,
От знойной теплоты и света
Прохладна покрывает тень,
Где ветви преклонясь зелены,
В союз взаимной сопряженны,
Отводят жаркие лучи.
Но коль великая отрада
И томным чувствам тут прохлада,
Как ро́су пьют цветы в ночи!

Елисаветиным добротам
Везде подобна красота;
Примера многим лишь щедротам
Не смеет скудна дать вода
И орошать скаканьем по́ля;
Однако ежель оной воля
Охоту ободрит мою,
Великой в похвалу богине
Я воды обращу к вершине;
Речет — и к небу устремлю.

Коль часто долы оживляет
Ловящих шум меж наших гор,
Когда богиня понуждает
Зверей чрез трубный глас из нор!
Ей ветры вслед не успевают;
Коню бежать не воспящают
Ни рвы, ни частых ветвей связь:
Крутит главой, звучит браздами
И топчет бурными ногами,
Прекрасной всадницей гордясь!

Как если зданием прекрасным
Умножить должно звезд число,
Созвездием являться ясным
Достойно Сарское Село.
Чудовища, что легковерным
Раченьем древность и безмерным
Подняв на твердь вместила там,
Укройтесь за пределы света:
Се зиждет здесь Елисавета
Красу приличну небесам.

Великия Семирамиды
Рассыпанна окружность стен,
И вы, о горды пирамиды,
Чем Нильский брег отягощен,
Хотя бы чувства вы имели
И чудный труд лет малых зрели,
Вам не было бы тяжко то,
Что строены вы целы веки:
Вас созидали человеки,
Здесь созидает божество.

Великолепными верьхами
Восходят храмы к небесам;
Из них пресветлыми очами
Елисавет сияет к нам;
Из них во все страны́ взирает
И наеди́не представляет
Врученный свет под скипетр свой,
Подобно как орел парящий

От самых облак зрит лежащи
Поля и грады под собой.

О коль правдиво возвышает,
Монархиня, сей нимфа глас!
Коль взор твой далеко блистает,
То ныне чувствовал Парнас,
Как ты от мест преиспещренных
И летней неге посвященных
Воззрела матерски к нему.
Являя такову щедроту,
Колику к знаниям охоту
Даешь народу твоему!

Что дым и пепел отрыгая,
Мрачил вселенну Энцелад,
Ревет под Этною рыдая
И телом наполняет ад;
Зевесовым пронзен ударом,
В отчаяньи трясется яром,
Не может тяготу поднять,
Великою покрыт горою,
Без пользы движется под тою
И тщетно силится восстать.

Так варварство твоим перуном
Уже повержено лежит,
Когда при шуме сладкострунном
Поющих муз твой слух звучит,
Восток и запад наполняет
Хвалой твоей и возвышает
Твои щедроты выше звезд.
О вы, счастливые науки!
Прилежны простирайте руки
И взор до самых дальних мест.

Пройдите землю, и пучину,
И степи, и глубокий лес,
И нутр Рифейский, и вершину,
И саму высоту небес.
Везде исследуйте всечасно,

Что есть велико и прекрасно,
Чего еще не видел свет;
Трудами веки удивите,
И сколько может, покажите
Щедротою Елисавет.

Из гор иссеченны колоссы,
Механика, ты в честь возвысь
Монархам, от которых россы
Под солнцем славой вознеслись,
Наполни воды кораблями,
Моря соедини реками
И рвами блата иссуши,
Военны облегчи громады,
Петром основанные грады
Под скиптром дщери соверши.

В земное недро ты, Химѝя,
Проникни взора остротой,
И что содержит в нем Россия,
Драги сокровища открой;
Отечества умножить славу
И вяще укрепить державу
Спеши за хитрым естеством,
Подобным облекаясь цветом,
И что прекрасно токмо летом,
Ты сделай вечно мастерством.

В небесны, Уранѝя, круги
Возвыси посреде лучей
Елисаветины заслуги,
Чтоб тамо в вечну славу ей
Сияла новая планета.
Российского пространство света
Собрав на малы чертежи,
И грады, оною спасенны,
И села, ею же блаженны,
Географѝя, покажи.

Наука легких метеоров,
Премены неба предвещай

И бурный шум воздушных споров
Чрез верны знаки предъявляй,
Чтоб земледелец выбрал время,
Когда земли поверить семя
И дать когда покой браздам;
И чтобы, не боясь погоды,
С богатством дальны шли народы
К Елисаветиным брегам.

А ты, возлюбленная лира,
Правдивым счастьем веселись,
К блистающим пределам мира
Шумящим звоном вознесись
И возгласи, что нет на свете,
Кто б равен был Елисавете
Таким блистанием хвалы.
Но что за громы ударяют?
Се глас мой звучно повторяют
Земля, и ветры, и валы!

Вторая половина 1750 или начало 1751

13. ОДА
НА ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ДЕНЬ ВОСШЕСТВИЯ НА ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРЕСТОЛ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА ВЕЛИКИЯ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ НОЯБРЯ 25 ДНЯ 1752 ГОДА

Российско солнце на восходе,
В сей обще вожделенный день,
Прогнало в ревностном народе
И ночи и печали тень.
Воспомянув часы веселы,
Красуйтесь, счастливы пределы,
В сердцах усугубляйте жар.
Поля и горы, восклицайте
И совокупно возвышайте
Усердием небесный дар.

Что часто солнечным сравняем
Тебя, монархиня, лучам;
От нужды дел не прибегаем
К одним толь много крат речам:
Когда ни начинаем слово,
Сияние в тебе зрим ново
И нову красоту доброт.
Лишь только ум к тебе возводим,
Мы ясность солнечну находим
И многих теплоту щедрот.

Когда премудростью своею
Всевышний солнце сотворил,

Пути различны над землею
В течении определил.
Согрев полночну часть Европы,
Сияет в южны Эфиопы
И паки к нам приходит вспять;
Полсвета дневной теплотою,
Полсвета тучной в ночь росою
Пременно тщится оживлять.

Так ты, монархиня, сияешь
В концы державы твоея,
Когда по оным протекаешь,
Отраду, радость, жизнь дая.
От славных вод Балтийских края
К востоку путь свой простирая,
Являешь полдень над Москвой.
Ты многим как заря восходишь,
Иным прохладну тень наводишь
И обще всем даешь покой.

В пути, которым пролетаешь,
Как быстрой в высоте орел,
Куда свой зрак ни обращаешь,
По множеству градов и сел,
От всех к тебе простерты взоры,
Тобой всех полны разговоры,
К тебе всех мысль, к тебе всех труд.
Дитя родивших вопрошает:
Не тая ли на нас взирает,
Что материю все зовут?

Иной от старости нагбенный
Простерть старается хребет,
Главу и очи утомленны
Возводит, где твой блещет свет.
Там видя возраст бессловесный,
Монархиня, твой зрак небесный
Любезну оставляет грудь;
Чего язык не изъясняет,
Усмешкой то изображает,
Последуя очами в путь.

Среди наследныя державы,
На древней предков высоте,
Во громком звуке вечной славы,
В любезной мира красоте,
Надеясь твоего прихода,
Колико множество народа
Тебе во сретенье течет!
Встают верьхи Рифейски выше;
Течет Двина, Днепр, Волга тише,
Желая твой увидеть свет.

Но вы, о коль благополучны,
Москву поящие струи!
Вы, ударяючи во бреги тучны
И проходя поля свои,
Ликуйте, светло веселитесь:
Вы скоро, скоро насладитесь
Богини щедрыя очей.
Здесь нимфы Невской Иппокрены,
Видения ее лишенны,
Сердцами пойдут вслед за ней.

Сердцами пойдут и устами
В восторге сладком возгласят,
Коль славными она делами
Петров распространила град;
И как о светлом оной взоре
Возвеселясь, подвиглось море
И к звуку приложило шум.
Каким необычайным треском,
Каким молниевидным блеском
Восхитился внезапно ум?

Кто в громе радостные клики
И огнь от многих вод дает?
И кто ведет в перунах лики?
Великая Елисавет
Дела Петровы совершает
И глубине повелевает
В средину недр земных вступить!
От гласа россиия Паллады

Подвиглись сильные громады
Врата пучине отворить!

О полны чудесами веки!
О новость непонятных дел!
Текут из моря в землю реки,
Натуры нарушив предел!
Уже в них корабли вступают,
От коих волны отбегают,
И стонет страшный Океан.
Помысли, земнородных племя,
Бывал ли где в минувше время
Пример сего чуднее дан?

Помысли, зря дела толики
И труд, что можем понести,
Что может ныне Петр Великий
Чрез дщерь свою произвести!
Напрасно строгая природа
От нас скрывает место входа
С брегов вечерних на восток.
Я вижу умными очами:
Колумб российский между льдами
Спешит и презирает рок.

Там счастие Елисаветы
Предходит кораблям в пути,
Отводит всех стихий наветы
И вслед себе велит идти.
Ни бури, мразом изощренны,
Ни волны, льдом отягощенны,
Против его не могут стать!
Божественны ее щедроты
К чему не могут нам охоты
И сил непобедимых дать?

О вы, российски героини,
Что в вечности превыше звезд
Сияете уже богини,
Земных оставя низкость мест!
Вы пола превышая свойство,

Явили мужеско геройство
Чрез славные свои дела.
Воззрите с высоты святыя,
Коль светло в наши дни Россия
Петровой дщерью процвела!

Супружню, Ольга, смерть отмщая,
Казнишь искусством Искорест,
И тьмы неверства избегая,
Спешишь до просвещенных мест.
Премудрость, храбрость и святыня
Тобой, блаженная княгиня,
Из древности сияет к нам.
Твои в делах святыя веры
Дает Петрова дщерь примеры;
Но мстит умеренно врагам.

Елена,[1] грозного героя
Великая делами мать,
Среди врагов ты грады строя
Россию тщилась защищать.
Напрасно дерзки сопостаты,
Свирепы орды и сарматы,
Стремились на твое вдовство:
Сыновняя тобою младость
Была страна́м российским радость,
Врагам ужасно сиротство.

Ты, многой силой защищаясь,
Сдержала злость врагов твоих;
Елисавета возвышаясь
На трон, низвергнула своих;
И ныне посреде покоя
Прекрасны храмы, грады строя,
Россию тщится украшать.
Одни российских воинств следы

[1] Великая княгиня Московская Елена Васильевна, супруга великого князя Василия Иоанновича, рождением княжна Глинская, мать великого государя царя Иоанна Васильевича, правила с ним в его младенчество Российское государство по завещанию супруга своего четыре года с половиною.

И чудные ее победы
Противных могут устрашать.

И ты в женах благословенна,
Чрез кою храбрый Алексей
Нам дал монарха несравненна,
Что свет открыл России всей,
Велика тем, что ты родила;
Но больше, что нам сохранила
Петра от внутренних врагов!
Мы ныне в страхе обмираем,
Когда злодеев представляем
Рыкающих, как лютых львов!

Воззри на венценосну внуку,
Что злых советы разоря,
Приемлет скиптр в геройску руку,
Другую движет чрез моря;
Противных силы устрашает,
Петра в Россию возвращает,
Коварства их рассыпав мрак;
Путем приводит безопасным;
С плесканием везде согласным
Крепит наследие и брак.

О ты, которого Россия
Давно от чресл Петровых ждет,
Для коего мольбы святые
Елисавета к богу льет,
Гряди, гряди, гряди поспешно:
О сем едином безутешно
Вздыхают россы всякой час!
О небо, предвари судьбину,
Снабди плодом Екатерину,
Внуши народов многих глас!

Великих, славных, несравненных
Участница Петровых дел,
Екатерина, погруженных
Нас в горести, как он отшел,
Утешила ты в слезно время,

Нося толь тягостное бремя,
Что сам он на тебя взложил.
Возвеселися ныне тою,
Котору он для нас тобою
Подобну обои́м родил.

Что должно оной по наследству,
Геройством возмогла дойти.
Какому ты подверглась бедству,
Монархиня, чтоб нас спасти.
Мы час тот ныне представляем;
Представив, вне себя бываем:
Надежда, радость, страх, любовь
Живит, крепит, печалит, клонит,
Противна страсть противну гонит,
Густеет и кипит в нас кровь!

Однако в силах бог великий
Тебе венец, нам радость дал;
В тебе одной хвалы толики
Российских героинь послал.
В тебе одной всех почитаем;
И к вышнему всегда взываем:
Подай Елисавете век
Обилен, радостен, спокоен,
Таков, коль долго жить достоен
Тебе подобный человек!

Вторая половина 1752

14. ОДА
НА РОЖДЕНИЕ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА СЕНТЯБРЯ 20 1754 ГОДА

Надежда наша совершилась,
И слава в путь свой устремилась.
Спеши, спеши, о муза, вслед
И, лиру согласив с трубою,
Греми, что вышнего рукою
Обрадован российский свет!
На глас себя он наш склоняет,
На жар, что в искренних сердцах:
Петрова первенца лобзает
Елисавета на руках.

Се радость возвещают звуки!
Воздвиг Петрополь к небу руки,
Веселыми устами рек:
«О боже, буди препрославлен!
Сугубо ныне я восставлен,
Златой мне усугублен век!»
Безмерна радость прерывала
Его усерднейшую речь
И нежны слéзы испускала,
В восторге принуждая течь.

Когда на холме кто высоком
Седя, в округ объемлет оком

Поля в прекрасный летней день,
Сады, долины, рощи злачны,
Шумящих вод ключи прозрачны
И древ густых прохладну тень,
Стада, ходящи меж цветами,
Обильность сельского труда
И желты класы меж браздами, —
Что чувствует в себе тогда?

Так ныне град Петров священный,
Толиким счастьем восхищенный,
Восшед отрад на высоту,
Вокруг веселия считает
И края им не обретает;
Какую зрит он красоту!
Там многие народа лики
На стогнах ходят и брегах;
Шумят там праздничные клики
И раздаются в облаках.

Там слышны разны разговоры.
Иной, взводя на небо взоры:
«Велик господь мой, — говорит, —
Мне видеть в старости судилось
И прежде смерти приключилось,
Что в радости Россия зрит!»
Иной: «Я стану жить дотоле
(Гласит, младой свой зная век),
Чтобы служить под ним мне в поле,
Огонь пройти и быстрость рек!»

Уже великими крилами
Парящая над облаками
В пределы слава стран звучит.
Труды народы оставляют
И гласу новому внимают,
Что промысл им чрез то велит?
Пучина преклонила волны,
И на брегах умолкнул шум;
Безмолвия все земли полны;
Внимает славе смертных ум.

Но грады росские в надежде,
Котора их питала прежде,
Подвиглись слухом паче тех;
Верьхами к высоте несутся
И тщатся облакам коснуться.
Москва, стоя в средине всех,
Главу, великими стенами
Венчанну, взводит к высоте,
Как кедр меж низкими древами,
Пречудна в древней красоте.

Едва желанную отраду
Великому внушил слух граду,
Отверстием священных уст,
Трясущи сединой, вещает:
«Теперь мне небо утверждает,
Что дом Петров не будет пуст!
Он в нем вовеки водворится;
Премудрость, мужество, покой,
И суд, и правда воцарится;
Он рог до звезд возвысит мой».

Сие все грады велегласно,
Что время при тебе прекрасно,
Монархиня, живут и чтят;
Сие все грады повторяют
И речи купно сообщают,
И с ними села все гласят,
Как гром от тучей удаленных,
В горах раздавшись, множит слух,
Как брег шумит от волн надменных
По буре, укротевшей вдруг.

Ты, слава, дале простираясь,
На запад солнца устремляясь,
Где Висла, Рен, Секвана, Таг,
Где славны войск российских следы,
Где их еще гремят победы,
Где верный друг, где скрытый враг, —
Везде рассыплешь слухи громки,
Коль много нас ущедрил бог!

Петра Великого потомки
Даются в милости залог.

Что россов мужество крепится;
И ныне кто лишь возгордится,
Сугубу ревность ощутит!
Не будет никому измены;
Падут в дыму противных стены,
Погибнет в прахе древней вид.
Ты скажешь, слава справедлива,
Во весь сие вострубишь свет;
Меня любовь нетерпелива
Обратно в град Петров зовет.

Богиня власти несравненной,
Хвала и красота вселенной,
Отрада россов и любовь!
В восторге ныне мы безмерном,
Что в сердце ревностном и верном
И в жилах обновилась кровь.
Велика радость нам родилась!
Но больше с радостью твоей
О как ты сим возвеселилась!
Коль ясен был твой свет очей!

Когда ты на престол достигла,
Петра Великого воздвигла
И жизнь дала ему собой.
Он паки ныне воскресает,
Что в правнуке своем дыхает
И род в нем восставляет свой.
Мы долго обоих желали!
Лишались долго обоих!
Но к общей радости прияли,
О небо, от щедрот твоих!

А вам, дражайшие супруги,
Вам плещут ныне лес и луги,
Вам плещут реки и моря.
Представьте радость вне и в граде,
Взаимно на себя в отраде
И на младого Павла зря.

Зачни, дитя, зачни любезно
Усмешкой родших познавать:
Богов породе бесполезно
Не должно сроку ожидать.

Расти, расти, расти, крепися,
С великим Прадедом сравнися,
С желаньем нашим восходи.
Велики суть дела Петровы,
Но многие еще готовы
Тебе остались напреди.
Когда взираем мы к востоку,
Когда посмотрим мы на юг,
О коль пространность зрим широку,
Где может загреметь твой слух!

Там вкруг облег Дракон ужасный
Места святы, места прекрасны
И к облакам сто глав вознес!
Весь свет чудовища страшится,
Един лишь смело устремиться
Российский может Геркулес.
Един сто острых жал притупит
И множеством низвержет ран,
Един на сто голов наступит,
Восставит вольность многих стран.

Пространными Китай стенами
Закрыт быть мнится перед нами,
И что пустой земли хребет
От стран российских отделяет,
Он гордым оком к нам взирает,
Но в них ему надежды нет.
Внезапно ярость возгорится,
И огнь, и месть между стеной.
Сие всё может совершиться
Петрова племени рукой.

В своих увидишь предках явны
Дела велики и преславны,
Что могут дух природе дать.
Уже младого Михаила

Была к тому довольна сила
Упадшую Москву поднять
И после страшной перемены
В пределах удержать врагов,
Собрать рассыпанные члены
Такого множества градов.

Сармат с свирепостью своею
Трофеи отдал Алексею.
Он суд и правду положил,
Он войско правильное вскоре,
Он новой флот готовил в море,
Но всё то бог Петру судил.
Сего к Отечеству заслуги
У всей подсолнечной в устах,
Его и кроткия супруги
Пример зрим в наших временах.

Пример в его великой дщери.
Широки та отверзла двери
Наукам, счастью, тишине.
Склоняясь к общему покою,
Щедротой больше, как грозою,
В российской царствует стране.
Но ты, о гордость вознесенна,
Блюдися с хитростью своей.
Она героями рожденна,
Геройской дух известен в ней.

Но ныне мы, не зная брани,
Простpем сердца, и мысль, и длани
С усердным гласом к небесам.
«О боже, крепкий вседержитель,
Пределов росских расширитель,
Коль милостив бывал ты нам!
Чрез семь сот лет едино племя
Ты с росским скиптром сохранил;
Продли сему по мере время,
Как нынь Россию расширил.

Воззри к нам с высоты святыя,
Воззри, коль широка Россия,

Которой дал ты власть и цвет.
От всех полей и рек широких,
От всех морей и гор высоких
К тебе взывали девять лет.
Ты подал отрасль нам едину;
Умножа благодать, посли
И впредь с Петром Екатерину
Рождением возвесели.

Пред мужем, некогда избранным,
Ты светом клялся несозданным
Хранить вовек престол и плод.
Исполни то над поздным светом
И таковым святым обетом
Благослови российский род.
Для толь великих стран покою,
Для счастья множества веков
Поставь, как солнце пред тобою
И как луну, престол Петров».

Сентябрь 1754

15. ОДА

ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШЕЙ ДЕРЖАВНЕЙШЕЙ ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕЛИСАВЕТЕ ПЕТРОВНЕ, САМОДЕРЖИЦЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ, НА ПРЕСВЕТЛЫЙ И ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ПРАЗДНИК РОЖДЕНИЯ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА И ДЛЯ ВСЕРАДОСТНОГО РОЖДЕНИЯ ГОСУДАРЫНИ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ АННЫ ПЕТРОВНЫ, ПОДНЕСЕННАЯ ОТ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК ДЕКАБРЯ 18 ДНЯ 1757 ГОДА

Красуйтесь, многие народы:
Господь умножил дом Петров.
Поля, леса, брега и воды!
Он жив, надежда и покров,
Он жив, во все страны взирает,
Свою Россию обновляет,
Полки, законы, корабли
Сам строит, правит и предводит,
Натуру духом превосходит —
Герой в морях и на землй.

О божеской залог! о племя!
Чем наша жизнь обновлена,
Возвращено Петрово время,
О вы, любезны имена!
О твердь небесного завета,
Великая Елисавета,
Екатерина, Павел, Петр,
О новая нам радость — Анна,
России свыше дарованна,
Божественных порода недр!

Смотрите в солнцевы пределы
На ранней и вечерней дом;
Смотрите на сердца веселы,
Внемлите общих плесков гром.
Устами целая Россия
Гласит: «О времены златые!
О мой всевожделенной век!
Прекрасна Анна возвратилась,
Я, с нею разлучась, крушилась,
И слез моих источник тек!»

Здесь нимфы с воплем провожали
Богиню родом, красотой,
Но ныне громко восплескали,
Младая Анна, пред тобой;
Тебе песнь звучну воспевают,
Героя в мужа предвещают,
Геройских всех потомков плод.
Произошли б земны владыки,
Родились бы Петры велики,
Чтоб просветить весь смертных род.

Умолкни ныне, брань кровава;
Нам всех приятнее побед,
Нам больше радость, больше слава,
Что Петр в наследии живет,
Что дщерь на троне зрит Россия.
На что державы ей чужие?
Ей жалоб был наполнен слух.
Послушайте, концы вселенной,
Что ныне, в брани воспаленной,
Вещал ее на небо дух:

«Великий боже, вседержитель,
Святый твой промысл и совет
Имея в сердце, мой родитель
Вознес под солнцем росский свет.
Меня, оставлену судьбою,
Ты крепкою возвел рукою
И на престоле посадил.
Шестнадцать лет нося порфиру,

Европу я склоняла к миру
Союзами и страхом сил.

Как славны дал ты нам победы,
Всего превыше было мне,
Чтоб род российской и соседы
В глубокой были тишине.
О безмятежной жизни света
Я все усердствовала лета,
Но ныне я скорблю душей,
Зря бури, царствам толь опасны,
И вижу, что те несогласны
С святой правдивостью твоей.

Присяжны преступив союзы,
Поправши нагло святость прав,
Царям навергнуть тщится узы
Желание чужих держав.
Творец, воззри в концы вселенны,
Воззри на земли утесненны,
На помощь страждущим восстань,
Позволь для общего покою
Под сильною твоей рукою
Воздвигнуть против брани брань».

Сие рекла Елисавета,
Геройской свой являя вид;
Небесного очами света
На сродное им небо зрит.
Надежда к богу в них сияет,
И гнев со кротостью блистает,
Как видится зарница нам.
Что громко в слух мой ударяет?
Земля и море отвещает
Елисаветиным словам!

Противные страны трепещут,
Вопль, шум везде, и кровь, и звук.
Ужасные перуны мещут
Размахи сильных росских рук.
О ты, союзна Героиня
И сродна с нашею Богиня!

По вас поборник вышний бог.
Он правду вашу защищает,
Обиды наглые отмщает,
Над злобою возвысил рог.

Когда в нем милость представляем,
Ему подобных видим вас;
Как гнев его изображаем,
Оружий ваших слышим глас;
Когда неправды он карает,
То силы ваши ополчает;
Его земля и небеса,
Закон и воля повсеместна,
Поколь нам будет неизвестна
Его щедрота и гроза.

Правители, судьи, внушите,
Услыши вся словесна плоть,
Народы с трепетом внемлите:
Сие глаголет вам господь
Святым своим в пророках духом;
Вспери всяк ум и вникни слухом:
Божественный певец Давид
Священными шумит струнами,
И бога полными устами
Исайя восхищен гремит.

«Храните праведны заслуги
И милуйте сирот и вдов,
Сердцам нелживым будьте други
И бедным истинный покров,
Присягу сохраняйте верно,
Приязнь к другам нелицемерно,
Отверзите просящим дверь,
Давайте страждущим отраду,
Трудам законную награду,
Взирайте на Петрову дщерь.

В сей день для общего примера
Ее на землю я послал.
В ней бодрость, кротость, правда, вера;
Я сам в лице ее предстал.

Соделал знамение ново,
Украсив торжество Петрово
Наследницей великих дел,
Мои к себе щедроты знайте,
Но твердо все то наблюдайте,
Что Петр, она и я велел.

В моря, в леса, в земное недро
Прострите ваш усердной труд,
Повсюду награжду вас щедро
Плодами, паствой, блеском руд.
Пути все отворю к блаженству,
К желаний наших совершенству.
Я кротким оком к вам воззрю;
Жених как идет из чертога,
Так взойдет с солнцем радость многа;
Врагов советы разорю».

Ликуй, страна благословенна,
Всевышнего обетам верь;
Пребудешь оным покровенна,
Его щедротой счастье мерь;
Взирай на нивы изобильны,
Взирай в полки велики, сильны
И на размноженной народ;
Подобно как в Ливане кедры,
К трудам их крепки мышцы, бедры
Среди жаров, морозов, вод.

Свирепой Марс в минувши годы
В России по снегам ступал,
Мечем и пламенем народы
В средине самой устрашал,
Но ныне и во время зноя
Не может нарушить покоя;
Как сверженной гигант, ревет,
Попран российскою ногою,
Стиснен, как страшною горою,
Напрасно тяжки узы рвет.

Там мрак божественного гневу
Подвергнул грады и полки

На жертву алчной смерти зеву,
Терзанью хладныя руки;
Там слышен вой в оружном треске;
Из туч при смертоносном блеске
Кровавы трупы множат страх.
А ты, Отечество драгое,
Ликуй при внутреннем покое
В Елисаветиных лучах.

<Декабрь> 1757

16. ОДА
ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШЕЙ ДЕРЖАВНЕЙШЕЙ ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕЛИСАВЕТЕ ПЕТРОВНЕ, САМОДЕРЖИЦЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ, НА ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ПРАЗДНИК ТЕЗОИМЕНИТСТВА ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА СЕНТЯБРЯ 5 ДНЯ 1759 ГОДА И НА ПРЕСЛАВНЫЕ ЕЕ ПОБЕДЫ, ОДЕРЖАННЫЕ НАД КОРОЛЕМ ПРУССКИМ НЫНЕШНЕГО 1759 ГОДА, КОТОРОЮ ПРИНОСИТСЯ ВСЕНИЖАЙШЕЕ И ВСЕУСЕРДНЕЙШЕЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ ОТ ВСЕПОДДАННЕЙШЕГО РАБА МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА

Щедрот источник, ангел мира,
Богиня радостных сердец,
На коей как заря порфира,
Как солнце тихих дней венец;
О мыслей наших рай прекрасный,
Небес безмрачных образ ясный,
Где видим кроткую весну
В лице, в устах, в очах и нраве!
Возможно ль при твоей державе
В Европе страшну зреть войну?

Позволь, мне жар велит сердечный,
Монархиня, в сей светлый день,
Как в имени твоем предвечный
Поставил нам покоя сень,
Безмолвно предвещая царство,
Чтоб миром свергла ты коварство;
Позволь мне духа взор простерть
На брань и сродство милосердо,
Где кротости жилище твердо,
Жалка и сопостатов смерть.

О коль мечтания противны
Объемлют совокупно ум!
Доброты вижу здесь предивны!
Там пламень, звук и вопль, и шум!
Здесь полдень милости и лето,
Щедротой общество нагрето;
Там смертну хлябь разинул ад!
Но промысл мрак сей разгоняет
И волны в мыслях укрочает:
Отверзся в славе божий град.

Эфир, земля и преисподня
Зиждителя со страхом ждут!
Я вижу отрока господня,
Приемлюща небесный суд.
Всесильный властию своею
Вещает свыше к Моисею:
«Я в ярости ожесточу
Египту сердце вознесенно;
Израиля неодоленно
Пресветлой силой ополчу».

Сие ж явил бог в наши лета,
Неистову воздвигнув рать,
Дабы тебе, Елисавета,
Венцы побед преславных дать.
Позволил вознестись гордыне,
Чтоб нашей кроткой героине
Был жребий высша в славе часть;
Чтоб враг делам российским верил
И опытом своим измерил,
Каков наш род, мочь, верность, власть.

Парящей слыша шум Орлицы,
Где пышный дух твой, Фридерик?
Прогна́нный за свои границы,
Еще ли мнишь, что ты велик?
Еще ль смотря на рок саксонов,
Всеобщим дателем законов
Слывешь в желании своем!
Лишенный собственныя власти,

Еще ль стремишься в буйной страсти
Вселенной наложить ярем?

Взирая на пожар Кистрина,
На прочи грады оглянись:
Что им не равная судьбина;
Не храбростью своей гордись.
Что земли, где твоя корона,
Не слышат гибельного стона,
Не видят пламенной зари,
Дивятся и в войне покою:
Победоносной над тобою
Монархине благодари.

Велика божеством природным,
Восходит выше тишиной;
Чтоб жить союзникам свободным,
Жалея, двигнулась войной;
Узрев растерзанны союзы,
Наверженные скиптрам узы,
Рекла: как злых не укрочу;
Алчбе их света недостанет:
Пускай на гордых гнев мой грянет,
Соблещет молния мечу.

От стран, родящих град и снеги,
С Атлантской буря высоты
Стремится чрез бугристы бреги,
Являя страшные следы.
С дубами камни похищает,
И горы двигнув раздирает.
Налегши на морской хребет,
Волнам встречается волнами,
Песок валит со дна с китами;
Там в пене стонет новой свет.

Так россов мужество в походы
Течет противников терзать;
И роет чрез поля и воды,
Услышав щедру в гневе мать!
Где ныне королевско слово,

Что страшно воинство готово
На запад путь наш прекратить?
Уже окровавленна Прегла,
Крутясь в твоей земли, пробегла
Российску силу возвестить.

Там Мемель в виде Фаэтонта
Стремглав летя, нимф прослезил,
В янтарного заливах понта
Мечтанье в правду претворил.
За Вислой и за Вартой грады
Падения или отрады
От воли росской власти ждут;
И сердце гордого Берлина,
Неистового исполина,
Перуны, близ гремя, трясут.

Еще не допустя до року,
С отвагой сопрягшись талан
Гиганту приложили сроку,
Дабы ему умножить ран.
Цорндорфские пески глубоки,
Его и нашей крови токи
Соединясь, кипели в вас!
Нам правда отдает победу;
Но враг такого после вреду
Еще дерзает против нас.

Богини нашей важность слова
К бессмертной славе совершить
Стремится сердце Салтыкова,
Дабы коварну мочь сломить.
Ни польские леса глубоки,
Ни горы Шлонские высоки
В защиту не стоят врагам;
Напрасно путь нам возбраняют:
Российски стопы досягают
Чрез трупы к франкфуртским стенам.

С трофея на трофей ступая,
Геройство росское спешит.

О муза, к облакам взлетая,
Представь их раздраженный вид!
С железом сердце раскаленным,
С перуном руки устремленным,
С зарницей очи равны зрю!
Противник, следуя Борею,
Сказал: я буйностью своею
Удар ударом предварю.

Подобно граду он густому
Летяще воинство стеснил,
Искал со стороны пролому
И рвался в сердце наших сил.
Но вихря крутость прежестока,
В стремленьи вечного востока,
Коль долго простирает ход?
Обрушась тягостным уроном,
Внезапно с шумом, ревом, стоном
Преобратился в сонмы вод.

Бегущих горды пруссов плечи
И обращенные хребты
Подвержены кровавой сечи.
Главы валятся, как листы,
Теперь с готовыми трубами
Перед берлинскими вратами
Победы нашей дайте звук.
Что ваш король, полки, снаряды
Не могут вам подать отрады,
Рассыпаны от наших рук.

О честь российского народа,
В дни наши воинов пример,
Что силой первого похода
Двукратно сопостатов стер!
Тебе тот лавры уступает,
Кто прочим храбро исторгает;
Кто вне привыкнул побеждать,
При дверях дом свой защищая
И крайни силы напрягая,
Не мог против себя стоять.

Такие у тебя герои,
Монархиня, в златой твой век,
Такие бог полков дал строи,
Как царствовать тебя нарек.
Во всем послал тебе успехи,
И в мире и в войне утехи:
О коль блаженны мы тобой!
Искусства, нивы, торг, науки,
Победоносны слыша звуки,
Блажат свой внутренный покой.

Какого светлость зрю собора?
Подвижники меж звезд стоят,
Петрова наслаждаясь взора,
Красуйтесь, к сродникам гласят:
Мы стерли мужеством гордыню,
Мы смерть прияли за богиню,
Что мертвым отдает живот,
От казни винных свобождая,
Щедротой бедных воскрешая
И дух вливая тем в народ.

Ревнуйте нашему примеру:
Поможет бог, как нам помог;
Ее, отечество и веру
Представив, презирайте рок.
Не ускорят вам дни спокойны?
Явитесь в брани нас достойны
И детям сей внушите глас.
Герои семени Петрова,
На зависть устремляясь снова,
В потомках наших спросят нас.

Воздвигнися в сей день, Россия,
И очи окрест возведи;
К тебе гласят концы земные:
«Меж нами распри ты суди
Елисаветиной державой:
Ее великолепной славой
Вселенной преисполнен слух.
Мы равно ныне восклицаем,

Желаний жертву воссылаем
Как верных ей россиян дух.

Ее неодолимо войско
По правде ходит поборать;
И сердце с кротостью геройско
С пощадой знает побеждать.
Коль тщетно пышное упорство,
Надеясь на свое проворство,
Сбирает беглые полки;
В пределы кроткого зефира
Златого не приемлет мира:
Еще кровавой ждет реки».

С верьхов цветущего Парнаса
Смотря на рвение сердец,
Мы ждем желаемого гласа:
«Еще победа, и конец,
Конец губительныя брани».
О боже! мира бог, восстани,
Всеобщу к нам любовь пролей,
По имени Петровой дщери
Военны запечатай двери,
Питай нас тишиной твоей.

Иль мало смертны мы родились
И должны удвоять свой тлен?
Еще ль мы мало утомились
Житейских тягостью бремен?
Воззри на плач осиротевших,
Воззри на слезы престаревших,
Воззри на кровь рабов твоих.
К тебе, любовь и радость света,
В сей день зовет Елисавета:
Низвергни брань с концев земных.

Между 20 августа и 2 сентября 1759

17. ОДА
ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШЕЙ ДЕРЖАВНЕЙШЕЙ ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕЛИСАВЕТЕ ПЕТРОВНЕ, САМОДЕРЖИЦЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ, НА ПРЕСВЕТЛЫЙ ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ПРАЗДНИК ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА ВОСШЕСТВИЯ НА ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРЕСТОЛ НОЯБРЯ 25 ДНЯ 1761 ГОДА, В ОКАЗАНИЕ ИСТИННОЙ РАДОСТИ И РЕВНОСТНОГО УСЕРДИЯ ВСЕНИЖАЙШЕ ПО́ДНЕСЕННАЯ ОТ ВСЕПОДДАННЕЙШЕГО РАБА МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА

Владеешь нами двадцать лет,
Иль лучше, льешь на нас щедроты,
Монархиня, коль благ совет
Для россов вышния доброты!
О коль к нам склонны небеса!
О коль преславны чудеса!
Геройского восхода слéды
Приосеняет благодать;
Война и мир дают победы:
О боже, чем тебе воздать?

Еще, еще бодрись, воспой,
Златая лира, дщерь Петрову,
Гласи и брани и покой;
И, силу восприявши нову,
В преклонной век мой возлетай,
Младые лета превышай.
Она щедроты умножает,
Ты возноситься не престань;
Ей свет довольства посвящает,
И ты сугубь желаний дань.

Красуйся в сей блаженный час,
Как вдруг триумфы воссияли;
Тем вяще озарили нас,
Чем были мрачнее печали.
О радость, дай воспомянуть!
О радость, дай на них взглянуть!
Мы больше чувствуем отрады,
Как скорби видим за тобой:
Злочастья ненавистны взгляды
Любезный красят образ твой.

Безгласна видя на одре
Защитника, отца, героя,
Рыдали россы о Петре;
Везде наполнен воздух воя,
И сетовали все места:
Земля казалася пуста;
Взглянуть на небо — не сияет;
Взглянуть на реки — не текут,
И гор высокость оседает;
Натуры всей пресекся труд.

Екатерине скиптр вручен
Отечеством и домом править:
Народ наш тщился ободрен
Трудов Петровых не оставить.
Но ах, свирепа наша часть!
Любезная нам жизнь и власть
И мужеск пол за ней пресекся;
И унывающий народ
В печали вретище облекся,
Что отлучен Петров был плод.

Ужасны хляби, стремнины
Стоят против Петровой дщери,
И твердость тяжкия стены,
И ввек заклепанные двери,
И непроходных страх морей
Лишают нас надежды всей;
Нет способа и нет совета!
Но вышний наш услышал глас:

Великая Елисавета
Се царствует и щедрит нас.

Поставил бог и россов дух,
И не подвигнется вовеки.
Какая речь пленяет слух:
Гласят моря, леса и реки,
Там нимфы повторяют речь,
Как в стречу ей спешили течь:
«Кто ты? Минерва иль Диана?
Кто мать тебе и кто отец?
Богиней в свете быть избранна,
Достойная носить венец!

Не ты ли, коей долго ждем,
Желаем, льем потоки слезны?
Она и станом и лицем;
Екатеринин взор любезный,
Подобие и дух Петров,
Отрада наша и покров».
О дщери российские, играйте:
Надежда ваша вас не льстит,
И с удовольствием внимайте,
Что вам богиня говорит.

«На отческой престол всхожу
Спасти от злобы утесненных
И щедрой властью покажу
Свой род, умножу просвещенных.
Моей державы кротка мочь
Отвергнет смертной казни ночь;
Владеть хочу зефира тише;
Мои все мысли и залог
И воля, данная мне свыше,
В устах прощенье, в сердце бог».

О делом совершенный глас!
Благодеяние твоя держава,
Щедрот исполнен всякой час!
Едина токмо брань кровава
Принудила правдивой меч

Противу гордости извлечь,
Как стену росску грудь поставить
В защиту дружеских держав
И от насильных рук избавить,
В союзе верность показав.

Как вожделенный солнца луч
Хотя не престая сияет;
Скрывается от мрачных туч
И не повсюду согревает, —
Подобно милосерда власть,
Любя себе врученну часть,
Сияние дает всечасно,
Чтоб греть и освещать народ;
Но терпит действие прекрасно
Урон от бранных непогод.

Необходимая судьба
Во всех народах положила,
Дабы военная труба
Унылых к бодрости будила,
Чтоб в недрах мягкой тишины
Не зацвели водам равны,
Что вкруг защищены горами,
Дубравой, неподвижны спят
И под ленивыми листами
Презренной производят гад.

Война плоды свои растит,
Героев в мир рождает славных,
Обширных областей есть щит,
Могущество крепит державных.
Воззрим на древни времена;
Российска повесть тем полна,
Уже из тьмы на свет выходит,
За ней великих полк мужей,
Что на театр всесветный взводит
Одетых солнечной зарей.

Се бодрый воин Святослав
Славян и скифов с печенеги

И бо́лгар с турками собрав,
Дунайски наполняет бреги;
И победитель всем гласит:
«Здесь сердце стран моих лежит:
Смарагды, шелк дают мне греки,
Вино и злато угров труд;
Народ и хлеб — велики реки,
Что в о́тчестве моем текут».

Ему геройством равный сын
Владимир, превосходный верой,
Войной и миром исполин,
Отмстив за брата равной мерой,
С Дунайских и до Камских вод
Вливает свет христов в народ;
Счетав с любовью постоянство,
Густую разбивает тень;
На Перуна и на поганство
Ступив, восшедший кажет день.

Не то ли храбрый Мономах?
Он меч вознес на Византию,
И Комнин, облеченный в страх,
Венец взлагает на Россию.
Там плещут Невски берега,
Низвергнув дерзкого врага
Петрова мужеством предтечи:
От Запада защитник он.
Се Дмитриевы сильны плечи
Густят татарской кровью Дон.

Тезоименны дед и внук [1]
Разбитые бросают узы
И кажут всей вселенной вкруг
Державу, права, меч, союзы;
Там равный сродник Алексей,
О Висла, до твоих зыбей
Границы дел своих поставил,
Прошел бы далей; мало жил!

[1] Государи: великий князь Иван Васильевич и царь Иван Васильевич.

Но плод геройских дел оставил,
Какого сына он родил!

Бодрись, мой дух, смотри, внимай:
Сквозь дым небесный луч блистает!
Сквозь волны, пламень вижу рай;
Там бог десницу простирает
И крепость неизмерных сил,
Петру на свете поручил:
«Низвергни храбростью коварство,
Войнами укроти войны,
Одень оружьем новым царство,
Полночны оживи страны».

Ведет творец, он и́дет вслед;
Воздвиг нас. Россы, ускоряйте,
На образ в знак его побед
Рифейски горы истощайте:
Дабы его бессмертный лик,
Как солнце светел и велик,
Сиял во все концы земные,
От неизвестных зрим был мест,
И небу равная Россия
Казала дел коль много звезд.

Посмотрим в Западны страны́:
От стрел российския Дианы
Из превеликой вышины
Стремглавно падают титаны;
Ты, Мемель, Франкфурт и Кистрин,
Ты, Швейдниц, Кенигсберг, Берлин,
Ты, звук летающего строя,
Ты, Шпрея, хитрая река,
Спросите своего героя:
Что может росская рука.

Великая Елисавет
И силу кажет и державу;
Но в сердце держит сей совет:
Размножить миром нашу славу,
И выше как военной звук
Поставить красоту наук.

По мне, хотя б руно златое
Я мог, как Я́зон, получить,
То б музам, для житья в покое,
Не усумнелся подарить.

В войну кипит с землею кровь,
И суша с морем негодует;
Владеет в мирны дни любовь,
И вся натура торжествует.
Там заглушают мысли шум;
Здесь красит все довольства ум.
Се милость истинну сретает,
Воззрите, смертны, в высоту!
И правда тишину лобзает,
Я вижу вечну красоту.

Среди разгнанных мрачных бурь
Всего пресветлее сияет
Вокруг и злато и лазурь;
Всесильный Мир себя являет:
Оливна ветвь, лавр, слава, меч!
Внимай, подсолнечная, речь:
«Петрова дщерь вам ввек залогом.
Я жив и обладает Петр,
Пребуду вечно вашим богом
И, как Елисавета, щедр».

Между 5 октября и 25 ноября 1761

18. ОДА
ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШЕМУ ДЕРЖАВНЕЙШЕМУ ВЕЛИКОМУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ ПЕТРУ ФЕОДОРОВИЧУ, САМОДЕРЖЦУ ВСЕРОССИЙСКОМУ, ПРЕСВЕТЛЕЙШЕМУ ВЛАДЕТЕЛЬНОМУ ГЕРЦОГУ ГОЛСТИНСКОМУ, ВЫСОКОМУ НАСЛЕДНИКУ НОРВЕЖСКОМУ И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕМУ ГОСУДАРЮ, КОТОРУЮ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ НА ВСЕРАДОСТНОЕ ВОСШЕСТВИЕ НА ВСЕРОССИЙСКИЙ НАСЛЕДНЫЙ ИМПЕРАТОРСКИЙ ПРЕСТОЛ И КУПНО НА НОВЫЙ 1762 ГОД В ИЗЪЯВЛЕНИЕ ИСТИННЫЯ РАДОСТИ, УСЕРДИЯ И БЛАГОГОВЕНИЯ ВСЕНИЖАЙШЕ ПРИНОСИТ ВСЕПОДДАННЕЙШИЙ РАБ МИХАЙЛО ЛОМОНОСОВ

Сияй, о новый год, прекрасно
Сквозь густоту печальных туч.
Прошло затмение ужасно;
Умножь, умножь отрады луч.
Уже плачевная утрата,
Дражайшая сокровищ злата,
Сугубо нам возвращена.
Благополучны мы стократно:
Петра Великого обратно
Встречает Росская страна.

Петра воздвиг с Екатериной
И с Павлом, о драгой залог!
Послал нам радость за судьбиной
В щедротах неизмерный бог.
Орел великий обновился,
На высоте своей явился
И над Европою парит.

Россияне руками плещут,
Враги в унынии трепещут,
Познав, кто носит скиптр, меч, щит.

Премудрая Елисавета,
На отческий престол восшед,
Движеньем вышнего совета
Блюла Отечество от бед.
Достигнув мужеским геройством,
Отвсюду облекла спокойством
Свое наследство утвердив,
Чтоб был для россов счастья, славы
Без пресечения державы
Великий Петр вовеки жив.

Ее советы совершились:
На трон наследный ты вступил,
Монарх; мы ввек ее лишились,
Но ты восходом оживил.
Приемлешь скиптр, она вручает
И, в вечность отходя, вещает:
«Владей, храни, возвысь народ,
Моей опасностью спасенный,
Уверь всех, мной благословенный,
Что ты — Петров и Аннин плод.

Когда я с нею разлучалась
И в ложеснах ее с тобой,
Коль горестно тогда терзалась,
Отчаянна в судьбине злой.
Но больше ощущала радость,
Твою возлюбленную младость
В объятия свои приняв,
И ныне отхожу с покоем:
Отечество тобой, героем,
Превыше будет всех держав».

Уже ко предстоящим слезным
От облак обратила вид
И, умилением любезным
Озревшись, к высоте спешит.

Освободясь от части тленной,
Восходит к жизни непременной.
Молчите, горы и леса,
Моря и ветры беспокойны,
Внимайте мне и будьте стройны:
Мой ум вперился в небеса.

Отворенный Елисавете
Ее преславных предков храм
Сияет в бесконечном свете,
По звездным распростерт полям.
Среди геройского собора
Лучем божественного взора
Яснейший прочих дух Петров
При входе светозарной двери,
Десницу простирая дщери,
К себе в небесный вводит кров.

«Гряди к блаженному покою,
Гряди к нам в вечно торжество,
Гряди и царствуй здесь со мною,
Так хочет вышне божество.
Ты жить с бессмертными достойна;
Россия по тебе спокойна:
Ты возвратила в ней урон,
Ты кровь мою возобновила,
В наследстве внука утвердила;
Тобою он восшел на трон.

Великодушия, щедроты
И мужества дала пример,
Чтоб руку он к своим для льготы
И меч против врагов простер.
Тобой цветет мой град любезный,
Петрополь славный и полезный,
Но будет выше древних див.
Пределы ты распространила,
Его благословенна сила
Поставит, вечно утвердив.

За истинную добродетель
Земля тебе давала плод;

Всегда преклонен был содетель,
В довольстве множил твой народ.
Наследник, тою же стезею
Ступая ревностью своею,
Преклонит вышнее добро.
Была, как ты, натура щедра,
Открыла гор с богатством недра;
Ему сторично даст сребро.

Ты награждала всем науки,
И он щедротой оживит,
Искусством обученны руки
Снабдит, умножит, просветит.
Он постыдит, как ты, злодеев.
Оставлен посреде трофеев,
До облак оны вознесет;
И на пространной света части
Конец своей положит власти,
Где знак стоит твоих побед.

Но больше чту сию заслугу,
Что ты, усердствуя к нему,
Достойную дала супругу,
Любезну Отчеству всему.
Уже из общей их любови
Цветет от нашей отрасль крови,
Дражайший Павел, правнук мой.
Продлит господь его потомки,
Дела их возвеличит громки,
Прославит брани и покой».

Богиня новыми лучами
Красуется окружена
И звезды видит под ногами,
Светлее оных, как луна.
Уже торжественные лики,
И радостных героев клики,
И бренным нестерпимый свет
Всю силу ока притупляют,
Вниманье слуха заглушают:
Видения закрылся след.

Оставив высоту прекрасну,
Я небо вижу на земли:
Народов ревность всех согласну,
Как в веки все светила шли.
От Юга, Запада, Востока
Полями, славою широка,
Россия кажет верной дух.
И, как Елисавете твердо,
Петру вдает себя усердо,
Едва лишь где достигнул слух.

Хребты полей прекрасных, тучных,
Где Волга, Дон и Днепр текут,
Дел послухи Петровых звучных
С весельем поминая труд,
Тебе обильны движут воды,
Тебе, монарх, плодят народы,
Несут довольство всех потреб,
Что воздух и вода рождает,
Что мягкая земля питает
И жизни главну крепость — хлеб.

Там мерзлыми шумит крилами
Отец густых снегов борей
И отворяет ход меж льдами
Дать воле путь в восток твоей,
Чтоб Хины, Инды и Японы
Подверглись под твои законы.
Тебе от верной глубины
Руками плещут воды белы,
Ликуют Западны пределы,
Предвидя счастие войны.

Европа, ныне восхищенна,
Внимая смотрит на Восток
И ожидает изумленна,
Какой определит ей рок:
То видит зрак твой пред полками,
Подобный Марсу меж врагами,
То представляет общей пир,
Отрады ради утомленных,

Избавы ради разоренных,
Тобою обновленный мир.

Когда по глубине неверной
К неведомым брегам пловец
Спешит по дальности безмерной,
И не является конец,
Прилежно смотрит птиц полеты,
В воде и в воздухе приметы,
И как уж томную главу
На брег желанный полагает,
В слезах от радости лобзает
Песок и мягкую траву.

Германия сему подобно
По собственной крови плывет,
Во время смутно, неспособно
Конца своих не видит бед;
На Фарос сил твоих взирает,
К тебе дорогу направляет
Тебе себя в покров отдать;
В согласии желает стройном
В твоем пристанище спокойном
Оливны ветви целовать.

Тогда по славнейших победах,
Как общий ускоришь покой,
Пребудешь знатнейший в соседах,
Прехвален миром и войной.
Тогда в трудах, тебе любезных,
Российским областям полезных,
Всё время будешь провождать;
И каждой день златого веку,
Коль долго можно человеку,
Благодеяньями венчать.

Когда пучину не смущает
Стремление насильных бурь,
В зерцале жидком представляет
Небесной ясности лазурь
И солнце с высоты дивится,

Что само толь глубоко зрится, —
Так ты, о наших дней венец,
Во внутренних грудях сияешь
И светлый лик изображаешь
В спокойной радости сердец.

Великолепно облекися,
Российский радостный Сион,
Главой до облак вознесися:
Сампсон, Давид и Соломон
В Петре тобою обладают
И Голияфов презирают.
Сильнее тигров он и львов,
Геройска бодрость в нем избранна:
Иссохнет на земли попранна
Свирепость змиевых голов.

Голстиния, возвеселися,
Что от тебя цветет наш крин.
Ты к морю в празднестве стремися,
Цветущий славою Цвейтин.
Хотя не силен ты водою,
Но радостью сравнись с Невою,
До Зунда шум твой распростри.
Соединенные Российским
Поставь по берегам Балтийским
Желаний верных олтари.

Спеши, спеши, весна златая,
Умножь отраду теплотой
И, новы веки начиная,
Стихии здравием напой;
Вели благоухать зефиру;
С Петром поля одень в порфиру
И всем приятностям твоим
Подобную Екатерину,
Надежды нашея причину,
Снабди, снабди Плодом драгим.

Небес и всех веков зиждитель,
Источник всякого добра,

Царей и царств земных правитель,
Ты оправдал владеть Петра
Подсолнечной великой частью;
Утешь его народы властью,
Преславный век ему подай,
Супруге, ветви вожделенной,
И больше, как во всей вселенной,
В Петрове доме обитай.

Между 25 и 28 декабря 1761

19. ОДА

ТОРЖЕСТВЕННАЯ ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШЕЙ ДЕРЖАВНЕЙШЕЙ ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕКАТЕРИНЕ АЛЕКСЕЕВНЕ, САМОДЕРЖИЦЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ, НА ПРЕСЛАВНОЕ ЕЕ ВОСШЕСТВИЕ НА ВСЕРОССИЙСКИЙ ИМПЕРАТОРСКИЙ ПРЕСТОЛ ИЮНЯ 28 ДНЯ 1762 ГОДА, В ИЗЪЯВЛЕНИЕ ИСТИННОЙ РАДОСТИ И ВЕРНОПОДДАННОГО УСЕРДИЯ ИСКРЕННЕГО ПОЗДРАВЛЕНИЯ ПРИНОСИТСЯ ОТ ВСЕПОДДАННЕЙШЕГО РАБА МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА

Внемлите все пределы света
И ведайте, что может бог!
Воскресла нам Елисавета:
Ликует церьковь и чертог.
Она! или Екатерина!
Она из обоих едина!
Ее и бодрость и восход
Златой наукам век восставит
И от презрения избавит
Возлюбленный российский род.

Российский род, коль ты ужасен
В полях против своих врагов;
Толь дом твой в недрах безопасен.
Ты вне гроза, ты внутрь покров.
Полки сражая, вне воюешь;
Но внутрь без крови торжествуешь.
Ты буря там, здесь тишина.
Умеренность тебе в кровь бранну,
В главу, победами венчанну,
От трех в сей век богинь дана.

Петра Великого супруга,
Взведенная самим на трон,
Краса и честь земного круга
И слава скиптров и корон,
Прехраброму сему Герою
Среди пылающего строю
Дает спасительный совет,
Военно сердце умягчает;
И мир прияв облобызает
Разжженный яростью Магмет.

Елисавета царством мирным
Российские мягчит сердца
И как дыханием зефирным
Взираньем кроткого лица
Вливает благосклонность в нравы,
В войнах не умаляя славы.
Возложенной себе венец
Победой, миром украшает,
Трофеями превозвышает
Державы своея конец.

В сии прискорбны дни природным
Российским истинным сынам
Ослабу духом благородным
Дает Екатерина нам.
Мы, кротости богинь навыкнув
И в счастье ими данно вникнув,
Судьбину тщимся отвратить.
Уже для обществу покрова
Согласно всех душа готова
В ней дщерь Петрову возвратить.

Слыхал ли кто из в свет рожденных,
Чтоб торжествующий народ
Предался в руки побежденных?
О стыд, о странной оборот!
Чтоб кровью купленны трофеи
И победителей злодеи
Приобрели в напрасной дар,
И данную залогом веру.

В тебе, Россия, нет примеру;
И ныне отвращен удар.

Любовь твоя к Екатерине,
Екатеринина к тебе
Победу даровала ныне;
И небо верной сей рабе,
Без раздробляющего звуку,
Крепит благословенну руку
На наших буйных сопостат.
О коль видение прекрасно!
О коль мечтание ужасно!
Что смотрит сей, что слышит град?

Не мрак ли в облаках развился?
Или открылся гроб Петров?
Он взором смутен пробудился
И произносит глас таков:
«Я мертв терплю несносну рану!
На то ли вселюбезну Анну
В супружество я поручил,
Дабы чрез то моя Россия
Под игом области чужия
Лишилась власти, славы, сил?

На то ль, чтоб все труды несчетны
И приобретенны плоды
Разрушились и были тщетны
И новы возросли беды?
На то ль воздвиг я град священный,
Дабы, врагами населенный,
Россиянам ужасен был
И вместо радостной столицы
Тревожил дальные границы,
Которы я распространил?»

О Тень великая, спокойся:
Мы помним тьмы твоих заслуг;
Безмолвна в вечности устройся:
Твой труд меж нами жив вокруг.
Не предадим твоей любови,
Не пощадим последней крови:

Спешим отечество покрыть
Вослед премудрой героине,
Любезной всем Екатерине,
Любезны ей и верны быть.

Что чаяли вы, невски музы,
В великий оный громкий час?
«Согласны мыслей всех союзы
Веселый возвышали глас!»
Как звали ревностну присягу?
«Благословенную отвагу!»
Что зрели, как закрылся день?
«Нам здешние брега и волны
Величества, приятства полны
Сквозь тонкую казались тень!

Среди избраннейших героев,
Между блистающим ружьем,
Среди непобедимых строев
Сверкает красота мечем,
И нежность пола уважает,
И тою храбрость украшает,
Обеими сердца влечет.
Всяк видя, следуя за нею,
Гласит устами и душею:
Так шла на трон Елисавет!»

Гряди, российская отрада,
Гряди, желание сердец,
И буди от врагов ограда,
Поставь опасностям конец;
И оправдай Елисавету,
Всему доказывая свету,
Что полная триумфов брань
Постыждена поносным миром,
И сопостат, почтен кумиром,
От нас приемлет в жертву дань.

Уже нам днéвное светило
Свое пресветлое лице
Всерадостным очам явило
Лучей прекрасных во венце.

Туманы, мраки разгоняя
И радость нашу предваряя,
Поля, леса, брега живит;
В росе, в струях себя являет.
Ему подобный к нам сияет
Избавившей богини вид.

В удвоенном Петрополь блеске
Торжественный подъемлет шум,
При громком восхищаясь плеске
Отрадой возвышает ум.
Взирая на свою избаву,
На мысль приводит прежню славу.
В церьквах, по стогнам, по домам
Несчетно множество народу
Гремящу представляет воду,
Что глас возносит к небесам.

Теперь злоумышленье в яме
За гордость свержено лежит;
Екатерина в божьем храме
С благоговением стоит.
Хвалу на небо воссылает
И купно сердце всех пылает
О целости ее и нас;
Что вышний крепкою десницей
Богиню нам подав царицей,
От гибели невинных спас.

Услышьте, судии земные
И все державные главы:
Законы нарушать святые
От буйности блюдитесь вы
И подданных не презирайте,
Но их пороки исправляйте
Ученьем, милостью, трудом.
Вместите с правдою щедроту,
Народну наблюдайте льготу;
То бог благословит ваш дом.

О коль велико, как прославят
Монарха верные раби!

О коль опасно, как оставят,
От тесноты своей, в скорби!
Внимайте нашему примеру,
Любите их, любите веру.
Она свирепости узда,
Сердца народов сопрягает
И вам их верно покоряет,
Твердее всякого щита.

А вы, которым здесь Россия
Дает уже от древних лет
Довольство вольности златыя,
Какой в других державах нет,
Храня к своим соседям дружбу,
Позволила по вере службу
Беспреткновенно приносить;
На то ль склонились к вам монархи
И согласились иерархи,
Чтоб древний наш закон вредить?

И вместо чтоб вам быть меж нами
В пределах должности своей,
Считать нас вашими рабами
В противность истины вещей.
Искусство нынешне довóдом,
Что было над российским родом
Умышлено от ваших глав
К попранью нашего закона,
Российского к паденью трона,
К рушению народных прав.

Обширность наших стран измерьте,
Прочтите книги славных дел
И чувствам собственным поверьте,
Не вам подвергнуть наш предел.
Исчислите тьму сильных боев,
Исчислите у нас героев
От земледельца до царя
В суде, в полках, в морях и в селах,
В своих и на чужих пределах
И у святого олтаря.

О коль монарх благополучен,
Кто знает россами владеть!
Он будет в свете славой звучен
И всех сердца в руке иметь.
Тебя толь счастливу считаем,
Богиня, в коей признаваем
В единой все доброты вдруг,
Щедроты, веру, справедливость,
И с постоянством прозорливость,
И истинной геройской дух.

Осьмнадцать лет ты украшала
Благословенный дом Петров,
Елисавете подражала
В монарших высоте даров.
Освобождая утесненных
И ободряя оскорбленных,
Склонила высоту небес
От злой судьбы тебя избавить,
Над нами царствовать поставить
И отереть нам токи слез.

Науки, ныне торжествуйте:
Взошла Минерва на престол.
Пермесски воды, ликовствуйте,
Шумя крутитесь в злачный дол.
Вы в реки и в моря спешите
И нашу радость возвестите
Лугам, горам и островам:
Скажите, что для просвещенья
Повсюду утвердит ученья,
Создав прекрасны храмы вам.

А ты, о отрасль вожделенна,
Спасенная от сильных рук,
Будь жизнь твоя благословенна,
Прекрасна посреде наук;
Дражайший Павел наш, мужайся,
В объятьях рождшей утешайся
И бывши скорби забывай.
Она все бури успокоит;

Щедротой, ревностью устроит
Тебе и нам прекрасный рай.

Герои храбры и усерды,
Которым промысл положил
Приять намерения тверды
Противу беззаконных сил,
В защиту нашей героине
Красуйтесь, веселитесь ныне:
На вас лавровые венцы
В несчетны веки не увянут,
Доколе россы не престанут
Греметь в подсолнечной концы.

Между 28 июня и 8 июля 1762

20. ОДА

ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШЕЙ ДЕРЖАВНЕЙШЕЙ ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕКАТЕРИНЕ АЛЕКСЕЕВНЕ, САМОДЕРЖИЦЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ, КОТОРОЮ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО В НОВЫЙ 1764 ГОД ВСЕНИЖАЙШЕ ПОЗДРАВЛЯЕТ ВСЕПОДДАННЕЙШИЙ РАБ МИХАЙЛО ЛОМОНОСОВ

Пою наставший год: он славен,
Он будет красота веков,
Твоим намерениям равен,
Богиня, радость и покров!
Не обинуясь предвещаю,
Что глас мой править поручаю
Послушнице твоей, судьбе;
И можно ль, чтобы наши лета
Российского отраде света
Не уподобились тебе?

Геройских подвигов хранитель
И проповедатель Парнас,
Времен и рока победитель,
Возвыси ныне светлый глас,
Приближи к небесам вершины;
И для похвал Екатерины
Как наша радость расцветай.
Шуми ручьями с гласом лиры,
Бореи преврати в зефиры,
Представь зимой в полнощи рай.

Среди торжественного звуку
О ревности моей уверь,

Что ныне, чтя, Петрову внуку
Пою, как пел Петрову дщерь.
Ни моего преклонность века,
Что слабит дух у человека,
Нижé гонящий в гроб недуг,
Нижé завистливы злодеи,
Чрез вредны воспятят затеи
Почтительный к монархам дух.

Усыновленна добродетель
Российский украшает свет,
Тому начало и свидетель
Избранием Елисавет.
Усердие всего народа
Крепит, как кровная природа.
О скиптр, венец, о трон, чертог,
Сужденны вновь Екатерине,
Красуйтесь о второй богине!
Той Петр вручил, сей вверил бог!

Сам бог ведет, и кто противу?
Кто ход его остановит?
Как Океанских вод разливу
Навстречу кто поставит щит?
Где звуки? где огни и страхи?
Где, где всегдашний дым и прахи?
В них вышний не благоволил!
В свою не принял благостыню;
Но щедря кротку героиню,
Покрыл, воздвиг, венцем почтил.

Превыше облак восходящий
Недвижно зрит от звезд Атлант
На вихрь, в подножиях шумящий;
Так блещущий ее талант
Души и тела красотою,
Над мрачною налогов мглою
В лучах небесных вознесен,
Туманы, бури презирает,
И дни нестройны пременяет
На ясность радостных времен.

О ты, пресветлый предводитель
От вечности текущих лет,
Цветущих, дышущих живитель,
Ты, око и душа планет,
Позволь ко твоему мне дому,
Ко храму твоему златому,
Позволь, приближившись, воззреть!
Уже из светлых врат сафирных
Направил коней ты эфирных,
Ржут, топчут твердь, спешат лететь.

Ты, с новым торжествуя годом,
Между блистающих колес
Лазуревым пустился сводом,
Течешь на крутизну небес;
Стремясь к приятствам вешней неги,
Одолеваешь зиму, снеги.
Таков Екатеринин нрав,
Народну грубость умягчает
И всех к блаженству приближает
Теченьем обновленных прав.

Потóм сильнейшими лучами
Сияя в бóльшей высоте,
Прольешь источники полями
В цветущих злаков красоте,
Листами увенчаешь лéсы;
В кустах кругом младой Цересы
Возбудишь сладкогласных птиц.
Туда растущим сел богатством,
Туда ты привлечешь приятством
Поющих юнош и девиц.

Екатеринины доброты
Сияли к нам из мрачных туч;
Но больше тем ее щедроты,
Чем выше и яснее луч:
Державы своея весною
К довольству, славе и покою
Обильно сыплет семена,
Печется, ограждает, греет.

О коль богатый плод поспеет
В тебе, Российская страна!

Когда с превыспренних несносной
Приближится на землю жар,
То дождь прольет нам плодоносной,
Подняв, сгустив во облак пар.
Умеришь тем прекрасно лето,
Как сердце российское нагрето
Екатерининым лучем.
Ты сладостной росой прохладу,
Она щедротою отраду
Подаст и удовольство всем.

Украсить тщась лице земное,
Ночную сокращаешь тень;
Она о подданных покое
Печется, ночь вменяя в день.
Россияне, народ послушной
Монархине великодушной,
Примером неусыпных пчел
В трудах царице подражайте
И сладость счастья умножайте
Успехами полезных дел.

Уже по изобильном лете
Достигнет Солнце, где Весы
Равняют день и ночь на свете,
И следом летния красы
Приспеет по трудах отрада,
Как сладостной из винограда
Потоками прольется сок.
Тогда дыхания способны
С богатством в пристани удобны
Поставят корабли на срок.

Я слышу нимф поющих гласы,
Носящих сладкие плоды,
Там в гумнах чистят тучны класы:
Шумят огромные скирды.
Среди охотничей тревоги

Лесами раздаются роги,
В покое представляя брань.
Сие богине несравненной
В избыток принесут осенной
Земля, вода, лес, воздух дань.

В сии часы благословенны,
Когда всевышний оградил
Помазаньем твой верьх священный
И славою венца покрыл,
Когда по ожиданьи многом
Снабдил дражайшим нас залогом,
Младого Павла даровав;
Какого мы добра представить
Не можем и творца прославить,
Толикие дары прияв.

На трон взошла Екатерина
Не токмо, чтоб себя спасти
От бед, что ближила судьбина,
Но чтоб россиян вознести.
Предвидя общие напасти,
Чем угрожали вредны страсти,
Готова с нами пострадать,
Чрез отменитое геройство
Себе и нам дала спокойство,
Как истинная чадам мать.

Блаженны мы, что ей послушны:
Покорность наша к счастью путь!
О вы, страны единодушны,
Согласием едина грудь
Обыкши жить в монаршей воле,
Ликуйте: Правда на престоле,
И ей премудрость приседит,
Небесными блеснув очами,
Богини нашея устами
Законы вечные гласит:

«Цветут во славе мною царства,
И пишут правой суд цари;

Гнушаясь мерзостью коварства,
Решу нелицемерно при.
Могу дела исчислить задни
И что рождается повсядни;
О будущем предвозвещу;
Мои полезны всем советы;
От чтителей моих наветы
Предупреждая отвращу.

Господь творения начало
Премудростию положил;
При мне впервые воссияло
На тверди множество светил;
И в недрах неизмерной бездны
Назначил словом беги звездны.
Со мною солнце он возжег.
В стихиях прекратил раздоры,
Унизил дол, возвысил горы
И предписал пучине брег».

Премудрый глас сей Соломонов,
Монархиня, сей глас есть твой,
Пребудет твердь твоих законов,
Ограда истины святой.
Он предварил тебя веками,
Превзо́йдешь ты его делами,
В чем власть господствует ума,
По ясных знания восходах
В поверенных тебе народах
Невежества исчезнет тьма.

Твой труд для нас обогащенье,
Мы чтим стеною подвиг твой;
Твой разум наше просвещенье
И неусыпность наш покой.
О Пиндар, если б в оны веки
Под сею властью жили греки,
То б пел ты о своих богах,
Что могут завсегда в забаве,
Не мысля о земной управе,
Свой нектар пить на небесах.

Какие представляет виды
Отрадой восхищенный ум?
Не вы, угрюмые друиды,
Не мрачной лес, не грозной шум;
Не из дымящейся пещеры
Звереобразны изуверы
Дают глухим вытьем ответ, —
Ко мне пророчицы согласны,
Кастальские сестры прекрасны
С Парнаса льют и глас и свет.

«Смотри, смотри, внимай, — вещают, —
В обширны российские края,
Где сильны реки протекают,
Народы многие поя;
Из них чрез гор хребты высоки
Прольются новые потоки
Екатерининой рукой,
Дабы, чрез сочетанны воды
Друг другом пользуясь, народы
Размножили избыток свой.

Дабы сердец, как струй, союзы
Удобный нам отверзли ход,
Дабы усердныя мы музы
Повсюду приносили плод.
И се богиня несравненна,
Возлюбленна и просвещенна
Сияет радостным лицем,
Обитель нашу посвящает
И дверь ученьям отверзает
Во всем владычестве своем.

На полночь кажет Урани́я:
Се здесь сквозь холмы льдов, сквозь град
Руно златое взять Россия
Денницы достигает врат;
Язоны, Тиф<ю>сы, Алкиды,
В российской волю Амфитриды
Отдавшись, как в способной ветр,
Препятства, страхи презирают

И счастьем Павловым кончают,
Чего желал великий Петр.

Озрися на страну лесную,
Где напыщённый исполин
Седит и чает, что земную
Рукою держит власть един;
Толсты́ми окружен стенами
И отдаленными морями,
В ничто вменяет прочей свет;
Не зная, что обширны силы
Без храброго искусства гнилы,
Каким Европы край цветет.

Китай, предупреждая бедство,
Не тратя времени, блюдись
Гордыней раздражить соседство,
И гневу росского страшись.
Бесплодны степи и пустые
И тучи стрел твоих густые
Послужат в неизбежной стыд.
И сей послушный наш любитель,
Каков твой бег и победитель,
С Парнаса свету возвестит».

Сии желания сердечны
Героев дух и суд небес
Исполнит и поставит вечны.
В надежде таковых чудес,
Россия оком умиленным
И сердцем, в счастьи услажденным,
Какой в восторге кажет вид!
Взирая как на нежны крины,
В объятиях Екатерины
Младому Павлу говорит:

«О ты, цветущая отрада,
О верность чаяний моих,
Тебя родила мне Паллада
Для продолженья дней златых;
О плод божественныя крови,

Расти, крепись в ее любви,
Вослед трудов ее взирай,
Как с радостью носить державу,
Хранить свою с моею славу
Ее примерам подражай.

О чада ревностны, усерды,
Славенов в свете славный род,
О корень, верностию твердый,
Владетель многих царств и вод,
Покрытый орлими крылами,
Украшенный ее делами,
Чем долг богине возвратить?
В трудах полезных обращайся
В сей год и завсегда старайся
Достоинства ее почтить».

Талан высокое рожденье,
Дала натура красоту,
Елисавета присвоенье,
Как небо духа высоту,
Планета быть любезной миру,
Судьба корону и порфиру, —
Что ж, россы, посвятим ей в дар?
За наш покров, за царство стройно
Что можем принести достойно?
Усердия бессмертный жар!

Катитесь, счастливы светила,
Во весь Екатеринин век;
Живительная ваша сила
С приятностью эдемских рек
Вливайся в сердце ей и в члены,
И в очи, духом ободренны,
И на прекрасное чело:
Чтоб здравие ее бесценно
Для нашей пользы беспременно,
Как вечная весна, цвело!

Декабрь 1763

21. ПРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА 1

Блажен, кто к злым в совет не ходит,
Не хочет грешным в след ступать
И с тем, кто в пагубу приводит,
В согласных мыслях заседать.

Но волю токмо подвергает
Закону божию во всем
И сердцем оный наблюдает
Во всем течении своем.

Как древо, он распространится,
Что близ текущих вод растет,
Плодом своим обогатится,
И лист его не отпадет.

Он узрит следствия поспешны
В незлобивых своих делах;
Но пагубой смятутся грешны,
Как вихрем восхищенный прах.

И так злодеи не восстанут
Пред вышнего творца на суд,
И праведны не воспомянут
В своем соборе их отнюд.

Господь на праведных взирает
И их в пути своем хранит;
От грешных взор свой отвращает
И злобный путь их погубит.

Между 1743 и началом 1751

22. ПРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА 14

Господи, кто обитает
В светлом доме выше звезд?
Кто с тобою населяет
Верьх священный горних мест?

Тот, кто ходит непорочно,
Правду завсегда хранит
И нелестным сердцем точно,
Как язы́ком говорит.

Кто устами льстить не знает,
Ближним не наносит бед,
Хитрых сетей не сплетает,
Чтобы в них увяз сосед.

Презирает всех лукавых,
Хвалит вышнего рабов
И пред ним душею правых,
Держится присяжных слов.

В лихву дать сребро стыдится,
Мзды с невинных не берет.
Кто так жить на свете тщится,
Тот вовеки не падет.

Между 1743 и 1747

23. ПРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА 26

Господь спаситель мне и свет,
Кого я убоюся?
Господь сам жизнь мою блюдет,
Кого я устрашуся?

Во злобе плоть мою пожрать
Противны устремились;
Но злой совет хотя начать,
Упадши, сокрушились.

Хоть полк против меня восстань,
Но я не ужасаюсь.
Пускай враги воздвигнут брань,
На бога полагаюсь.

Я только от творца прошу,
Чтоб в храм его вселиться;
И больше в свете не ищу,
Как в оном веселиться.

В селении своем покрыл
Меня он в день печали,
И неподвижно укрепил,
Как злые окружали.

Возвысил он мою главу
Над всех врагов ужасных;
Я, жертву принося, зову
Ему в псалмах согласных.

Услыши, господи, мой глас,
Когда к тебе взываю,
И сохрани на всякой час:
К тебе я прибегаю.

Ко свету твоего лица
Вперяю взор душевный
И от всещедрого творца
Приемлю луч вседневный.

От грешного меня раба,
Творец, не отвратися;
Да взыдет пред тебя мольба,
И в гневе укротися.

Меня оставил мой отец
И мать еще в младенстве;
Но восприял меня творец
И дал жить в благоденстве.

Настави, господи, на путь
Святым твоим законом,
Чтоб враг не мог поколебнуть
Крепящегося в оном.

Меня в сей жизни не отдай
Душам людей безбожных,
Твоей десницей покрывай
От клеветаний ложных.

Я чаю видеть на земли
Всевышнего щедроты
И не лишиться николи
Владычния доброты.

Ты, сердце, духом укрепись,
О господе мужайся,
И бедствием не колеблись,
На бога полагайся.

Между 1743 и началом 1751

24. ПРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА 34

Суди обидящих, зиждитель,
И от борющихся со мной
Всегдашний буди покровитель,
Заступник и спаситель мой.

На глас мой ныне преклонися,
Прими оружие и щит,
И мне на помощь ополчися,
Когда противник мне грозит.

Сдержи стремление гонящих,
Ударив пламенным мечем.
Уверь в напастях обстоящих,
Что я в покрытии твоем.

Гонители да постыдятся,
Что ищут зла души моей,
И с срамом вспять да возвратятся,
Смутившись в памяти своей.

Да сильный гнев твой злых восхитит,
Как бурным вихрем легкий прах.
И ангел твой да не защитит
Бегущих, умножая страх.

Да помрачится путь их мглою,
Да будет ползок и разрыт,
И ангел мстящею рукою
Их, вслед гоня, да устрашит.

Сие гонение ужасно
Да оскорбит за злобу их,
Что, зляся на меня напрасно,
Скрывали мрёжу злоб своих.

Глубокий, мрачный ров злодею
В пути да будет сокровен;
Да будет сетию своею,
Что мне поставил, уловлен.

Душа моя возвеселится
О покровителе своем,
И радостию ободрится
О заступлении твоем.

С тобою кто себя сравняет?
Все кости, боже мой, гласят:
Твоя власть сильных сокрушает,
Что бедных растерзать хотят.

Уже свидетели восстали
Неправедные на меня
И, стыд оставив, вопрошали
О том, чего не знаю я.

Наносят мне вражду и злобу,
Чтоб тем мне за добро воздать
И бедной дух мой и утробу
Досадой и тоской терзать.

Но как они ослабевали,
Тогда постом я и мольбой
Смирял себя, дабы восстали
Противники мои в покой.

Как брату своему, я тщился,
Как ближним, так им угождать,
И, сетуя об них, крушился
И слез своих не мог держать.

Они, однако, веселятся,
Как видят близ мою напасть;
И на меня согласно злятся,
Готовя ров, где мне упасть.

Смятенный дух во мне терзают,
Моим паденьем льстя себя;
Смеются, нагло укоряют,
Зубами на меня скрыпя.

Доколе, господи, без гневу
На злость их будешь ты взирать?
Не дай, не дай ты львову чреву
Живот мой до конца пожрать!

Во храме возвещу великом
Преславную хвалу твою,
Веселым гласом и языком
При тьмах народа воспою.

Не дай врагам возвеселиться
Неправедной враждой своей,
Не дай презорством возгордиться
И помизанием очей.

Хоть мирные слова вещали
И ласков вид казали вне,
Но в сердце злобу умышляли
И сети соплетали мне.

Мне пагубы, конечно, чая,
Все купно стали восклицать,
Смеяться, челюсть расширяя:
«Нам радостно на то взирать!»

Ты видел, господи, их мерзость:
Отмсти и злобным не стерпи,
Отмсти бессовестную дерзость
И от меня не отступи.

Восстани, господи зиждитель,
Взойди на твой святый престол
И буди нашей при решитель,
Спаси от нестерпимых зол.

Подвигнись правдою святою,
Суди нас, господи, суди,
Не дай им поругаться мною,
Суди и мне не снисходи.

Не дай им в злобе похвалиться
И мне в ругательство сказать:
«О как в нас сердце веселится,
Что мы могли его пожрать».

Посрамлены да возмятутся,
Что ради злым моим бедам;
И с верьх главы да облекутся
Мои противны в студ и в срам.

Но тем дай вечную награду,
Что оправдать меня хотят;
Взирая на мою отраду,
«Велик господь наш», — говорят.

Язык мой правде поучится
И истине святой твоей.
Тобой мой дух возвеселится
Чрез всё число мне данных дней.

Между 1743 и началом 1751

25. ПРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА 70

В тебе надежду полагаю,
Всесильный господи, всегда,
К тебе и ныне прибегаю,
Да ввек спасуся от студа.

Святою правдою твоею
Избавь меня от злобных рук,
Склонись молитвою моею
И сокруши коварных лук.

Поборник мне и бог мой буди
Против стремящихся врагов,
И бренной сей и тленной груди
Стена, защита и покров.

Спаси меня от грешных власти
И преступивших твой закон,
Не дай мне в челюсти их впасти,
Зияющи со всех сторон.

В терпении моем, зиждитель,
Ты был от самых юных дней
Помощник мой и покровитель,
Пристанище души моей.

От чрева матерня тобою
И от утробы укреплен,
Тебя превозношу хвалою,
Усердием к тебе возжжен.

Враги мои чудясь смеются,
Что я кругом объят бедой,
Однако мысли не мятутся,
Когда господь заступник мой.

Превозносить твою державу
И воспевать на всякой час
Великолепие и славу
От уст да устремится глас.

Во время старости глубокой,
О боже мой, не отступи,
Но крепкой мышцей и высокой
Увядши члены укрепи.

Враги, которые всечасно
Погибели моей хотят,
Уже о мне единогласно
Между собою говорят:

«Погоним; бог его оставил;
Кого он может преклонить,
От нас бы кто его избавил?
Теперь пора его губить».

О боже мой, не удалися,
Покрой меня рукой своей
И помощь ниспослать потщися
Объятой злом душе моей.

Да в вечном сраме погрузятся
Которые мне ищут зла,
Да на главу их обратятся
Коварства, плевы и хула.

Надежду крепку несомненно
В тебе едином положу
И, прославляя беспременно,
В псалмах и песнях возглашу.

От уст моих распространится
О истине твоей хвала,
Благодеяний слух промчится
Тобой мне бывших без числа.

Твою я крепость, вседержитель,
Повсюду стану прославлять;
И что ты мой был покровитель,
Вовеки буду поминать.

Тобою, боже, я наставлен
Хвалить тебя от юных лет,
И ныне буди препрославлен
Чрез весь тобой созданный свет.

Доколе дряхлость обращаться
Не возбранит моим устам,
Твоя в них крепость прославляться
Грядущим будет всем родам.

Твоя держава возвестится
И правда мною до небес.
О боже, кто тебе сравнится
Великим множеством чудес?

Ты к пропасти меня поставил,
Чтоб я свою погибель зрел;
Но скоро, обратясь, избавил
И от глубоких бездн возвел.

Щедроту ты свою прославил,
Меня утешить восхотел,
И скоро, обратясь, избавил
И от глубоких бездн возвел.

Среди народа велегласно
Поведаю хвалу твою
И на струнах моих всечасно
Твои щедроты воспою.

Уста мои возвеселятся,
Когда возвышу голос мой,
И купно чувства насладятся
Души, спасенныя тобой.

Еще язык мой поучится
Твои хвалити правоты,
Коварных сила постыдится,
Которы ищут мне беды.

Между 1743 и началом 1751

26. ПРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА 103

Благослови душа моя господа, господи боже мой, возвеличился еси зело.

Да хвалит дух мой и язык
Всесильного творца державу,
Великолепие и славу.
О боже мой, коль ты велик!

Одеян чудной красотой,
Зарей божественного света,
Ты звезды распростер без счета
Шатру подобно пред тобой.

Покрыв водами высоты,
На легких облаках восходишь,
Крилами ветров шум наводишь,
Когда на них летаешь ты.

И воли твоея послы
Как устремления воздушны,
Всесильным маниям послушны,
Текут, горят, не зная мглы.

Ты землю твердо основал,
И для надежныя окрепы
Недвижны положил заклепы
И вечну непреклонность дал.

Ты безднóю ее облек,
Ты повелел водам парами
Всходить, сгущаяся над нами,
Где дождь рождается и снег.

Их воля твой единый взгляд,
От запрещения мутятся,
И в тучи, устрашась, теснятся;
Лишь грянет гром твой, вниз шумят.

Восходят горы в высоту;
Крутые ставишь ты стремнины
И стелешь злачные долины,
Угрюмством множа красоту.

Предел верьхам их положил,
Чтоб землю скрыть не обратились,
Ничем бы вниз не преклонились,
Опричь твоих безмерных сил.

Из гор в долины льешь ключи
И прохлаждаешь тем от зноя;
Журчат для сладкого покоя,
Между горами текучи.

И напоют всех зверей,
Что окрест сел себя питают;
И ждут ослы, как в жажде тают,
Отрады от руки твоей.

Слетаясь тамо птицы в тень
Возносят пение и свисты,
Живят вертепы каменисты
И тем проводят жаркой день.

Ты свыше влагу льешь горам,
Плодами землю насаждаешь,
И все народы насыщаешь,
Свидетелей твоим делам.

Растишь в полях траву для стад;
Нам разны зелия в потребу
Обильно прилагаешь к хлебу,
Щедротою ко всем богат.

Хлеб силой нашу грудь крепит,
Нам масло члены умягчает;
Вино в печали утешает
И сердце радостью живит.

Древам даешь обильный тук;
Поля венчаешь ими, щедрый.
Насаждены в Ливане кедры
Могуществом всесильных рук.

Между 1743 и январем 1749

27. ПРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА 143

Благословен господь мой бог,
Мою десницу укрепивый
И персты в брани научивый
Сотреть врагов взнесенный рог.

Заступник и спаситель мой,
Покров, и милость, и отрада,
Надежда в брани и ограда,
Под власть мне дал народ святой.

О боже, что есть человек?
Что ты ему себя являешь,
И так его ты почитаешь,
Которого толь краток век.

Он утро, вечер, ночь и день
Во тщетных помыслах проводит;
И так вся жизнь его проходит,
Подобно как пустая тень.

Склони, зиждитель, небеса,
Коснись горам, и воздымятся,
Да паки на земли явятся
Твои ужасны чудеса.

И молнией твоей блесни,
Рази от стран гремящих стрелы,
Рассыпь врагов твоих пределы,
Как бурей плевы разжени.

Меня объял чужой народ,
В пучине я погряз глубокой,
Ты с тверди длань простри высокой,
Спаси меня от многих вод.

Вещает ложь язык врагов,
Десница их сильна враждою,
Уста обильны суетою;
Скрывают в сердце злобный ков.

Но я, о боже, возглашу
Тебе песнь нову повсечасно;
Я в десять струн тебе согласно
Псалмы и песни приношу.

Тебе, спасителю царей,
Что крепостью меня прославил,
От лютого меча избавил,
Что враг вознес рукой своей.

Избавь меня от хищных рук
И от чужих народов власти,
Их речь полна тщеты, напасти,
Рука их в нас наводит лук.

Подобно масличным древам
Сынов их лета процветают,
Одеждой дщери их блистают,
Как златом испещренный храм.

Пшеницы полны гумна их,
Несчетно овцы их плодятся,

На тучных пажитях хранятся
Стада́ в траве волов толсты́х.

Цела обширность крепких стен,
Везде столпами укрепленных,
Там вопля в стогнах нет стесненных,
Не знают скорбных там времен.

Счастлива жизнь моих врагов!
Но те светлее веселятся,
Ни бурь, ни громов не боятся,
Которым вышний сам покров.

Вторая половина 1743

28. ПРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА 145

Хвалу всевышнему владыке
Потщися, дух мой, воссылать;
Я буду петь в гремящем лике
О нем, пока могу дыхать.

Никто не уповай вовеки
На тщетну власть князей земных:
Их те ж родили человеки,
И нет спасения от них.

Когда с душею разлучатся
И тленна плоть их в прах падет,
Высоки мысли разрушатся,
И гордость их и власть минет.

Блажен тот, кто себя вручает
Всевышнему во всех делах
И токмо в помощь призывает
Живущего на небесах,

Несчетно многими звездами
Наполнившего высоту
И непостижными делами
Земли и моря широту,

Творящего на сильных нищу
По истине в обидах суд,
Дающего голодным пищу,
Когда к нему возопиют.

Господь оковы разрешает
И умудряет он слепцов,
Господь упадших возвышает
И любит праведных рабов.

Господь пришельцев сохраняет
И вдов приемлет и сирот.
Он дерзкий грешных путь скончает,
В Сионе будет в род и род.

Между 1743 и 1747

29. ОДА, ВЫБРАННАЯ ИЗ ИОВА,
ГЛАВЫ 38, 39, 40 И 41

О ты, что в горести напрасно
На бога ропщешь, человек,
Внимай, коль в ревности ужасно
Он к Иову из тучи рек!
Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь град блистая
И гласом громы прерывая,
Словами небо колебал
И так его на распрю звал:

Сбери свои все силы ныне,
Мужайся, стой и дай ответ.
Где был ты, как я в стройном чине
Прекрасный сей устроил свет;
Когда я твердь земли поставил
И сонм небесных сил прославил
Величество и власть мою?
Яви премудрость ты свою!

Где был ты, как передо мною
Бесчисленны тьмы новых звезд,

Моей возжженных вдруг рукою
В обширности безмерных мест,
Мое величество вещали;
Когда от солнца воссияли
Повсюду новые лучи,
Когда взошла луна в ночи?

Кто море удержал брегами
И бездне положил предел,
И ей свирепыми волнами
Стремиться дале не велел?
Покрытую пучину мглою
Не я ли сильною рукою
Открыл и разогнал туман
И с суши сдвигнул Океан?

Возмог ли ты хотя однажды
Велеть ранее утру быть,
И нивы в день томящей жажды
Дождем прохладным напоить,
Пловцу способный ветр направить,
Чтоб в пристани его поставить,
И тяготу земли тряхнуть,
Дабы безбожных с ней сопхнуть?

Стремнинами путей ты разных
Прошел ли моря глубину?
И счел ли чуд многообразных
Стада, ходящие по дну?
Отверзлись ли перед тобою
Всегдашнею покрыты мглою
Со страхом смертные врата?
Ты спер ли адовы уста?

Стесняя вихрем облак мрачный,
Ты солнце можешь ли закрыть,
И воздух сгустить прозрачный,
И молнию в дожде родить,
И вдруг быстротекущим блеском
И гор сердца трясущим треском
Концы вселенной колебать
И смертным гнев свой возвещать?

Твоей ли хитростью взлетает
Орел, на высоту паря,
По ветру крила простирает
И смотрит в реки и моря?
От облак видит он высоких
В водах и в пропастях глубоких,
Что в пищу я ему послал.
Толь быстро око ты ли дал?

Воззри в леса на бегемота,
Что мною сотворен с тобой;
Колючей терн его охота
Безвредно попирать ногой.
Как верьви сплетены в нем жилы.
Отведай ты своей с ним силы!
В нем ребра как литая медь;
Кто может рог его сотреть?

Ты можешь ли Левиафана
На уде вытянуть на брег?
В самой средине Океана
Он быстрой простирает бег;
Светящимися чешуями
Покрыт, как медными щитами,
Копье, и меч, и молот твой
Считает за тростник гнилой.

Как жернов сердце он имеет,
И зубы страшный ряд серпов;
Кто руку в них вложить посмеет?
Всегда к сраженью он готов;
На острых камнях возлегает
И твердость оных презирает.
Для крепости великих сил
Считает их за мягкой ил.

Когда ко брани устремится,
То море, как котел, кипит,
Как печь, гортань его дымится,
В пучине след его горит;
Сверкают очи раздраженны,

Как угль, в горниле раскаленный,
Всех сильных он страшит, гоня.
Кто может стать против меня?

Обширного громаду света
Когда устроить я хотел,
Просил ли твоего совета
Для множества толиких дел?
Как персть я взял в начале века,
Дабы создати человека,
Зачем тогда ты не сказал,
Чтоб вид иной тебе я дал?

Сие, о смертный, рассуждая,
Представь зиждителеву власть,
Святую волю почитая,
Имей свою в терпеньи часть.
Он всё на пользу нашу строит,
Казнит кого или покоит.
В надежде тяготу сноси
И без роптания проси.

Между 1743 и началом 1751

80. ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ О БОЖИЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ ПРИ СЛУЧАЕ ВЕЛИКОГО СЕВЕРНОГО СИЯНИЯ

Лице свое скрывает день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна тень;
Лучи от нас склонились прочь;
Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.

Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкий прах,
В свирепом как перо огне,
Так я, в сей бездне углублен,
Теряюсь, мысльми утомлен!

Уста премудрых нам гласят:
Там разных множество светов;
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков:
Для общей славы божества
Там равна сила естества.

Но где ж, натура, твой закон?
С полночных стран встает заря!
Не солнце ль ставит там свой трон?
Не льдисты ль мещут огнь моря?
Се хладный пламень нас покрыл!
Се в ночь на землю день вступил!

О вы, которых быстрый зрак
Пронзает в книгу вечных прав,
Которым малый вещи знак
Являет естества устав,
Вам путь известен всех планет, —
Скажите, что нас так мятет?

Что зыблет ясный ночью луч?
Что тонкий пламень в твердь разит?
Как молния без грозных туч
Стремится от земли в зенит?
Как может быть, чтоб мерзлый пар
Среди зимы рождал пожар?

Там спорит жирна мгла с водой;
Иль солнечны лучи блестят,
Склонясь сквозь воздух к нам густой;
Иль тучных гор верьхи горят;
Иль в море дуть престал зефир,
И гладки волны бьют в эфир.

Сомнений полон ваш ответ
О том, что óкрест ближних мест.
Скажите ж, коль пространен свет?
И что малейших дале звезд?
Несведом тварей вам конец?
Скажите ж, коль велик творец?

1743

31. УТРЕННЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ О БОЖИЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ

Уже прекрасное светило
Простерло блеск свой по земли
И божие дела открыло:
Мой дух, с веселием внемли;
Чудяся ясным толь лучам,
Представь, каков зиждитель сам!

Когда бы смертным толь высоко
Возможно было возлететь,
Чтоб к солнцу бренно наше око
Могло, приближившись, воззреть,
Тогда б со всех открылся стран
Горящий вечно Океан.

Там огненны валы стремятся
И не находят берегов;
Там вихри пламенны крутятся,
Борющись множество веков;
Там камни, как вода, кипят,
Горящи там дожди шумят.

Сия ужасная громада
Как искра пред тобой одна.
О коль пресветлая лампада
Тобою, боже, возжжена
Для наших повседневных дел,
Что ты творить нам повелел!

От мрачной ночи свободились
Поля, бугры, моря и лес
И взору нашему открылись,
Исполненны твоих чудес.
Там всякая взывает плоть:
Велик зиждитель наш господь!

Светило дневное блистает
Лишь только на поверхность тел;
Но взор твой в бездну проницает,
Не зная никаких предел.

От светлости твоих очей
Лиется радость твари всей.

Творец! покрытому мне тьмою
Простри премудрости лучи
И что угодно пред тобою
Всегда творити научи,
И на твою взирая тварь,
Хвалить тебя, бессмертный царь.

1743(?)

32. НАДПИСЬ 1
К СТАТУЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Се образ изваян премудрого Героя,
Что, ради подданных лишив себя покоя,
Последний принял чин и царствуя служил,
Свои законы сам примером утвердил,
Рожденны к скипетру, простер в работу руки,
Монаршу власть скрывал, чтоб нам открыть науки.
Когда он строил град, сносил труды в войнах,
В землях далеких был и странствовал в морях,
Художников сбирал и обучал солдатов,
Домашних побеждал и внешних сопостатов;
И словом, се есть Петр, отечества отец;
Земное божество Россия почитает,
И столько олтарей пред зраком сим пылает,
Коль много есть ему обязанных сердец.

33. НАДПИСЬ 2
К ТОЙ ЖЕ

Елисавета здесь воздвигла зрак Петров
К утехе россов всех, но кто он был таков,
Гласит сей град и флот, художества и войски,
Гражданские труды и подвиги геройски.

34. НАДПИСЬ 3
К ТОЙ ЖЕ

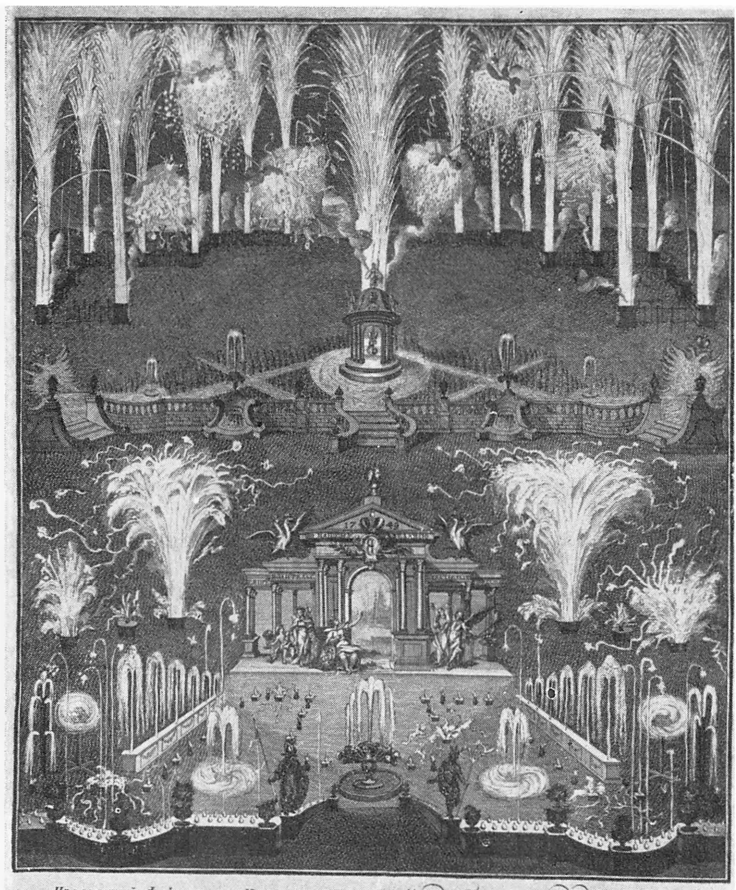
Металл, что пламенем на брани устрашает,
В Петрове граде се россиян утешает,
Изобразив в себе лица его черты;
Но если бы его душевны красоты
Изобразить могло притом раченье наше,
То был бы образ сей всего на свете краше.

35. НАДПИСЬ 4
К ТОЙ ЖЕ

Зваянным образам, что в древни времена
Героям ставили за славные походы,
Невежеством веков честь божеска дана,
И чтили жертвой их последовавши роды,
Что вера правая творить всегда претит.
Но вам простительно, о поздые потомки,
Когда услышав вы дела Петровы громки
Поставите олтарь пред сей Геройский вид;
Мы вас давно своим примером оправдали:
Чудясь делам его, превысшим смертных сил,
Не верили, что он един от смертных был,
Но в жизнь его уже за бога почитали.

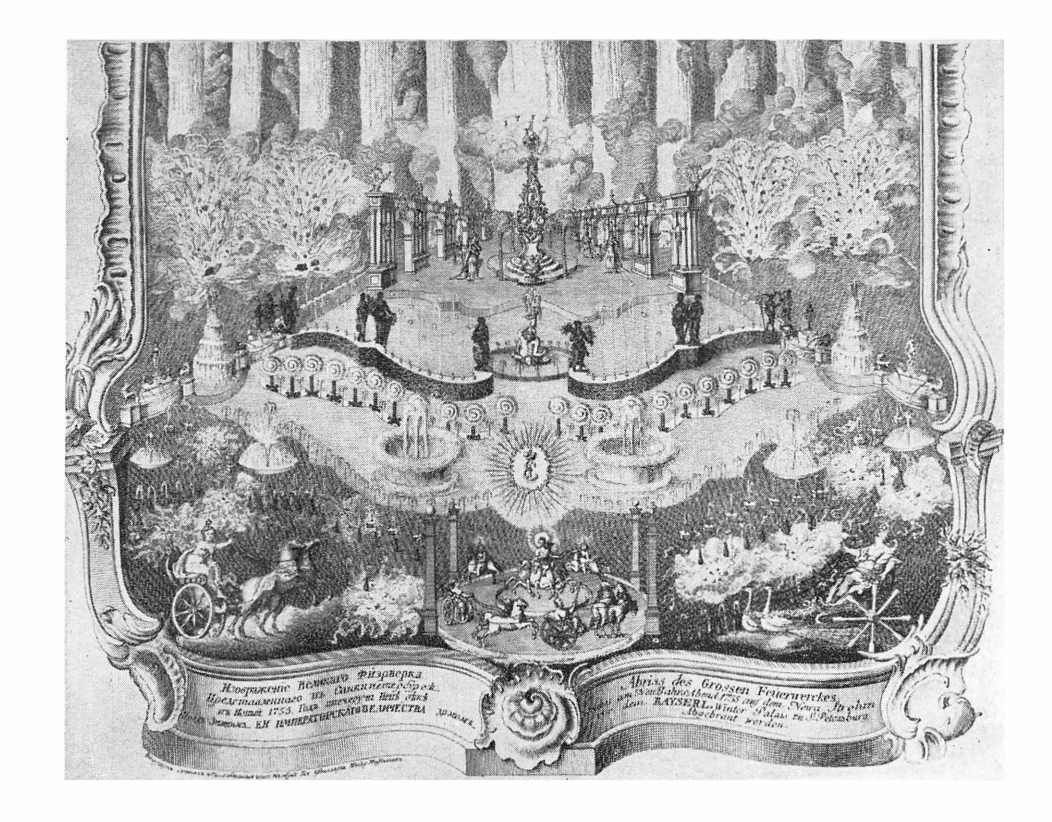
36. НАДПИСЬ 5
К ТОЙ ЖЕ

Гремящие по всем концам земным победы,
И россов чрез весь свет торжествовавших следы,
Собрание наук, исправленны суды,
Пременное в реках течение воды,
Покрытый флотом понт, среди волн грады новы
И прочие дела увидев смерть Петровы
Рекла: сей человек предел мой нарушйл
И доле в мире сем Мафусаила жил.
Так лета по делам считая, возгласила
И в гроб великого сего Героя скрыла.

Изображенїе Фейэрверка и Иллуминацїи которыя въ новый 1749 годъ предъ лѣтнимъ Е. Я. ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА домомъ въ Москвѣ представлены были.

Abriße des Feüerwercks und der Illumination welche an dem neüen Jahrs-Tage 1749 vor IHRO KAYSERL. MAYESTÄT Sömer-Pallast in Moskau vorgestellet worden.

Изображенiе Великаго Фейерверка
Abriss des Grossen Feuerwerckes,
vor dem KAYSERL. Winter Palais zu S. Petersburg
abgebrant worden.

Но образом его красуется сей град.
Взирая на него, Перс, Турок, Гот, Сармат
Величеству лица Геройского чудится
И мертвого в меди́ бесчувственной страшится.

Между 1743 и 1747

37. НАДПИСЬ
НА ИЛЛУМИНАЦИЮ, ПРЕДСТАВЛЕННУЮ ПЕРЕД ЛЕТНИМ ДОМОМ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ В ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА ЕЕ 1747 ГОДУ, ГДЕ ИЗОБРАЖЕНА БЫЛА МИНЕРВА В ХРАМЕ, ЗНАЧАЩАЯ ПРЕМУДРОСТЬ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА, ПО СТОРОНАМ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ МИРА И ВОЙНЫ И ПРОЧАЯ

Ты миром и войной в подсолнечной сияешь,
И тем людей своих веселье умножаешь.
Тебе с усердием, Минерве мы своей,
Приносим радостных сияние огней.
Но если б с нашею любовью то сравнилось,
То б солнце перед ним в полудни устыдилось.

Между 26 июня и 8 июля 1747

38. НАДПИСЬ
НА ИЛЛУМИНАЦИЮ, ПРЕДСТАВЛЕННУЮ В ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ДЕНЬ ВОСШЕСТВИЯ НА ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРЕСТОЛ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА 1747 ГОДА ПЕРЕД ЗИМНИМ ДОМОМ, НА КОТОРОЙ ИЗОБРАЖЕНА БЫЛА КРИСТАЛЬНАЯ ГОРА, А НА НЕЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ ПРЕСТОЛ С ОКОЛО СТОЯЩИМИ ИМПЕРАТОРСКИМИ НА СТОЛПАХ ПРИЗНАКАМИ, А НАД ТРОНОМ ВЕНЗЛОВОЕ ИМЯ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА

Как вечная гора стоит блаженство наше,
Крепчае мрамора, рубина много краше.
И твой, монархиня, престол благословен,
На нашей верности недвижно утвержден.
Пусть мнимая других свобода угнетает,
Нас рабство под твоей державой возвышает.

Между 28 сентября и 5 октября 1747

39. НАДПИСЬ
НА ИЛЛУМИНАЦИЮ, ПРЕДСТАВЛЕННУЮ В ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ДЕНЬ КОРОНОВАНИЯ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА 1748 ГОДА ПЕРЕД ЗИМНИМ ДОМОМ, ГДЕ ПРЕДСТАВЛЕН БЫЛ В ХРАМЕ ОЛТАРЬ, ИЗ СЕРДЕЦ СЛОЖЕННОЙ, НА ВЕРЬХУ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЕНЕЦ, ПО СТОРОНАМ ГАЛЕРЕИ К ВОСХОДЯЩЕМУ И ЗАХОДЯЩЕМУ СОЛНЦУ

Во храме ревности, на олтаре сердец
К подавшему тебе с высот своих венец
От подданных твоих чистейший огнь пылает,
Да счастием твоим Россию увенчает,
Да солнце, восходя и заходя, дивится,
Что всюду красота твоих триумфов зрится.

Апрель 1748

40. НАДПИСЬ
НА ИЛЛУМИНАЦИЮ, ПРЕДСТАВЛЕННУЮ В ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА 1748 ГОДА СЕНТЯБРЯ 5 ДНЯ, ПЕРЕД ЛЕТНИМ ДОМОМ, НА КОТОРОЙ ИЗОБРАЖЕН БЫЛ ФОНТАН, А ПО СТОРОНАМ ХРАМЫ МИРА И ВОЙНЫ

Богиня красотой, породой ты богиня,
Повсюду громкими делами героиня,
Ты мать щедротами, ты именем покой:
Смущенный бранью мир мирит господь тобой.
Российска тишина пределы превосходит
И льет избыток свой в окрестные страны:
Воюет воинство твое против войны;
Оружие твое Европе мир приводит.

Между 9 июля и 5 сентября 1748

41. НАДПИСЬ
НА СПУСК КОРАБЛЯ, ИМЕНУЕМОГО СВЯТОГО АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО, 1749 ГОДА

Гора, что Горизонт на суше закрывала,
Внезапно с берегу на быстрину сбежала,
Между палат стоит, где был недавно лес;
Мы веселимся здесь в средине тех чудес.
Но мы бы в лодочке на луже чуть сидели,
Когда б великого Петра мы не имели.

Май 1749

42. НАДПИСЬ
НА ПРИБЫТИЕ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ ИЗ МОСКВЫ В САНКТПЕТЕРБУРГ 1749 ГОДА

Поднявшись солнце вверх возводит взор по свету,
Спешащу зрит во град Петров Елисавету,
Дивится, что зима покорна ей и снег,
И что по оному толь быстрой видит бег;
На коней пламенных зардевшись негодует
И огненным бичем за леность наказует.
О солнце, не стыдись: краснейшая луны
Богиня к нам грядет Российския страны;
Мы блеску твоего не столько ожидаем,
Как видеть светлое лице ее желаем.

Декабрь 1749

43. НАДПИСЬ,
КОТОРАЯ ИЗОБРАЖЕНА НА ВЕЛИКОЛЕПНОЙ СЕРЕБРЯНОЙ РАКЕ СВЯТОМУ, БЛАГОВЕРНОМУ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ АЛЕКСАНДРУ НЕВСКОМУ, ПОСТРОЕННОЙ ВЫСОЧАЙШИМ ПОВЕЛЕНИЕМ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ В ТРОИЦКОМ АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОМ МОНАСТЫРЕ

Святый и храбрый князь здесь телом почивает;
Но духом от небес на град сей призирает
И на брега, где он противных побеждал
И где невидимо Петру споспешствовал.

Являя дщерь его усердие святое,
Сему защитнику воздвигла раку в честь
От первого сребра, что недро ей земное
Открыло, как на трон благоволила сесть.

Первая половина 1750

44. НАДПИСЬ
НА ИЛЛУМИНАЦИЮ, ПРЕДСТАВЛЕННУЮ ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ОТ ИХ ИМПЕРАТОРСКИХ ВЫСОЧЕСТВ В ОРАНИЕНБАУМЕ 1750 ГОДА ИЮЛЯ 31 ДНЯ, ГДЕ ИЗОБРАЖЕНЫ БЫЛИ ДВА СОЕДИНЕННЫЕ СЕРДЦА, ПЫЛАЮЩИЕ НА ОЛТАРЕ К СИЯЮЩЕМУ НАД НИМИ СОЛНЦУ; ПО СТОРОНАМ МЛАДОЙ МЕСЯЦ И ВОСХОДЯЩАЯ ДЕННИЦА

Как солнце с высоты, Богиня, к нам сияешь
И в наших жар сердцах усерднейший рождаешь.
Мы оба, чувствуя любовь твою к себе,
Приносим ревности взаимно жар тебе.
Монархиня, ты всем един источник света,
Российский Горизонт тобою освещен,
Тобою наш восход на оном озарен.
Мы свет заимствуем, дает Елисавета.

Вторая половина июля 1750

45. НАДПИСЬ
НА ИЛЛУМИНАЦИЮ, ПРЕДСТАВЛЕННУЮ В ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ДЕНЬ ВОСШЕСТВИЯ НА ПРЕСТОЛ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА НОЯБРЯ 25 ДНЯ 1750 ГОДА, ПЕРЕД ЗИМНИМ ДОМОМ, ГДЕ ИЗОБРАЖЕН БЫЛ ВАВИЛОН, ОКРУЖЕННЫЙ ЗЕЛЕНЕЮЩИМ САДОМ; ПО СТОРОНАМ ТОРЖЕСТВЕННЫЕ СТОЛПЫ

Во время твоея, монархиня, державы
Сугубой счастливы мы лета красотой.
Одну дает нам бог, округ веков создавый,
Другую дарствует приход, Богиня, твой.

Из Вавилона бед изведены тобою,
Вошли спокойствия в прекрасные сады
И, ставя нынь столпы с твоею похвалою,
Вкушаем радости приятные плоды.

Первая половина октября 1750

46. НАДПИСЬ
НА ИЛЛУМИНАЦИЮ, ПРЕДСТАВЛЕННУЮ В ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА ДЕКАБРЯ 18 ДНЯ 1750 ГОДА ПЕРЕД ЗИМНИМ ДОМОМ, ГДЕ ИЗОБРАЖЕНА БЫЛА СИЯЮЩАЯ ЗВЕЗДА НАД ОЛТАРЕМ, НА КОТОРОМ ПЫЛАЕТ СЕРДЦЕ; ПО СТОРОНАМ ХРАМЫ

Счастливая звезда на Горизонт блистала,
Когда Елисавет России воссияла.
Монархиня, твой к нам сверькнул пресветлый луч,
Возжег и осветил всех сердце после туч.
Единым сердцем все равно к тебе пылаем
И тое на олтарь усердий возлагаем.
Из храмов ревности желания гласят,
Да вышний даст сей день торжествовать стократ.

Начало декабря 1750

47. НАДПИСЬ
НА ИЛЛУМИНАЦИЮ В НОВЫЙ 1751 ГОД, ПРЕДСТАВЛЕННУЮ ПЕРЕД ЗИМНИМ ДОМОМ, ГДЕ ИЗОБРАЖЕН БЫЛ ЗЕМНОЙ ГЛОБУС, НА КОТОРОМ СТОЯЛО ВЕНЗЛОВОЕ ИМЯ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА И ЧИСЛО НОВОГО ГОДА; ПО СТОРОНАМ ОТВЕРСТЫЕ ХРАМЫ И ОЛТАРИ С ВОЗЖЖЕННЫМ НА НИХ ПЛАМЕНЕМ

Отверсты храмы все, и олтари дымятся,
Желанья всех к тебе, монархиня, стремятся,
И ревность подданных со временем растет,
И оных счастие с числом восходит лет.
Полсвета, что твоя десница управляет,
Согласный шум до звезд усердно возвышает,
Да Вышний новый год с тобой благословит
И слух твой и другу́ полсвета удивит.

Начало декабря 1750

48. НАДПИСЬ

К ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕЛИСАВЕТЕ ПЕТРОВНЕ НА МАСКАРАДЫ 1751 ГОДА

Природа как тебя на свет производила,
На то истощена была ее вся сила,
Дабы ни одного таланта не отнять.
Велик был твой отец, была прекрасна мать;
Герой тебя родил, носила героиня:
Какой быть должен плод? Не инной, как богиня.
Но сколько смертных ты превыше почтена,
Ты столько сердцем к ним и щедра, и склонна.
И в те часы, когда лице свое скрываешь,
К народу своему щедротою сияешь.

49. НАДПИСЬ

НА ТЕ ЖЕ

Увидев множество одежд и лиц отменных,
Я в мыслях ныне зрю, восторгом восхищенных,
Монархиня, концы державы твоея
И в оных нахожу утехи вид сея.
От тихих всточных вод до берегов Балтийских,
От непроходных льдов до теплых стран Каспийских
В одеждах много коль и в лицах перемен!
Сугубым ныне я виденьем удивлен!
Я слышу там, как здесь, приятную музы́ку;
Там от усердного народов разных клику
Чрез горы, чрез поля согласный шум течет,
Что ты едина всем покров, отрада, свет.

Между концом декабря 1750 и 15 февраля 1751

50. НАДПИСЬ

НА ИЛЛУМИНАЦИЮ, ПРЕДСТАВЛЕННУЮ В ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ДЕНЬ КОРОНОВАНИЯ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА АПРЕЛЯ 25 ЧИСЛА 1751 ГОДА ПЕРЕД ЗИМНИМ ДОМОМ, ГДЕ ИЗОБРАЖЕНА В АМФИТЕАТРЕ ОКРУЖЕННАЯ СИЯНИЕМ ИМПЕРАТОРСКАЯ КОРОНА И СКИПЕТР НА УКРАШЕННОМ ПОСТАМЕНТЕ С ВЕНЗЛОВЫМ ИМЕНЕМ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА, ПО ОБЕИМ СТОРОНАМ ДВА ПОРТАЛА ДАЛЕЧЕ ПРОСТИРАЮЩИХСЯ АЛЛЕЙ, ПРИ КОТОРЫХ ПОСТАВЛЕНЫ ГРУДНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЧЕТЫРЕХ ЧАСТЕЙ СВЕТА

Лучи от твоего, монархиня, венца
В четыре разлились вселенныя конца.
Европа, Африка, Америка, Азия́
Чудятся ясности, от коея Россия
Сияет, чрез концы земны просвещена.
О ты, блаженная в подсолнечной страна,
Взведи свой умный взор к божественному свету,
Дабы венчанную в сей день Елисавету
На много лет своим блистаньем окружил
И с нами север весь спокойством озарил.

Первая половина 1751

51. НАДПИСЬ

НА ИЛЛУМИНАЦИЮ, ПРЕДСТАВЛЕННУЮ В ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА СЕНТЯБРЯ 5 ДНЯ 1751 ГОДА

Повсюду ныне мир возлюбленный цветет,
Лежит оружие и с кровью слез не льет;
И земледелец плуг выносит безопасно:
Спокойство с именем твоим везде согласно.
По правде божий мир, монархиня, слывешь,
Когда ты тишину Европе всей даешь.
С почтением она главу свою склоняет
И славы храм тебе бессмертный возвышает.
Напрасно лютая война шуметь спешит,
Где имя кроткия Богини в свет гремит.

Между концом июля и началом сентября 1751

52. НАДПИСЬ
НА СПУСК КОРАБЛЯ, ИМЕНУЕМОГО ИОАННА ЗЛАТОУСТОГО, ГОДА, ДНЯ

Сойди к нам, Златоуст, оставив небеса,
Достойна твоего здесь зрения краса:
Петрова дщерь тебе корабль сей посвящает
И именем твоим всё море наполняет.
Когда ты по́йдешь в путь на нем между валов,
Греми против ее завистливых врагов.
Златыми прежде ты гремел в церьквах устами,
Но пламенными впредь звучи в водах словами.

8 сентября 1751

53

Желая к храму нас блаженства возвести,
Ты трудной путь сама должна была пройти,
Там горы, хляби там, бугры, стремнины, реки,
Препятствия везде, неслыханны во веки.
Но что, монархиня, могло твой дух сдержать?
Как промысл сам тебя воздвигнул нас спасать?
Внезапно воссиял твой луч всех бедствий выше.
И трудной толь восход минул зефира тише.
Надежда, верность нам и радость, и любовь
Тот день приводят в ум и представляют вновь.
Коль счастлива твоим восшествием Россия,
Что с оным привела ты дни в нее златые.

Первая половина октября 1751

54

Среди прекрасного Российского рая́,
Монархиня, цветет дражайша жизнь твоя,
Рукою вышнего нас ради насажденна
И силою его отвсюду покровенна.
Мы, сердце возводя и очи к небесам,
Согласно просим все: «Подай, о боже, нам,
Да солнце милости сиять к ней не престанет
И толь дражайший плод вовеки не увянет.

Между 19 и 23 ноября 1751

55

Веселием сердца год новый оживляет
И ново счастие в России утверждает.
Довольство, здравие и счастие цветет,
Где светит именем своим Елисавет.
Россия веселясь блажит ее державу,
Что каждый год свою растущу видит славу.

Между 19 и 23 ноября 1751

56. НАДПИСЬ

НА ИЛЛУМИНАЦИЮ, ПРЕДСТАВЛЕННУЮ В ДЕНЬ КОРОНОВАНИЯ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА АПРЕЛЯ 25 ДНЯ 1752 ГОДА, НА КОТОРОЙ ИЗОБРАЖЕН БЫЛ ЗОДИАК С ВЕШНИМИ ЗОДИЯМИ И С ТЕКУЩИМ ПОСРЕДИ ЕГО СОЛНЦЕМ, ВНИЗУ МЕЖ ОБЕЛИСКОМ И ОЛТАРЬ С ПЛАМЕНЕМ

Монархиня, нося порфиру десять лет,
Гремящей славой ты наполнила весь свет.
Геройской был восход, и следствие — победы;
Тобой побеждены и спасены соседы.
Тобою ускоре́н во всей Европе мир,
Тобою дышит в ней спокойствия зефир.
Во упокоенном ты свете нынь сияешь
И славу дел своих с числом лет умножаешь.
Державства твоего светящий зодиак
Повседни кажет нам благополучный знак.
И ныне, празднуя, как ты венчанна богом,
Венчанну зрим тебя спокойствия залогом.
Нам радуга твое приятие венца,
Поставлена весной в созвездие Тельца,
Довольство, и покой, и радость изъявляет,
И здравие тебе, и крепость обещает.
Ликуя, веселясь мы празднеством твоим,
Усердно все в тебе усердно сердце чтим.

Между 29 февраля и 12 марта 1752

57. НАДПИСЬ
НА ИЛЛУМИНАЦИЮ, ПРЕДСТАВЛЕННУЮ В ТЕЗОИМЕНИТСТВО ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА СЕНТЯБРЯ 5 ДНЯ 1752 ГОДА, ГДЕ ИЗОБРАЖЕНА БЫЛА ПРИСТАНЬ С КОЛОССОМ НАПОДОБИЕ РОДСКОГО

Желая некогда преславный остров Род
Пловущих по морю спасать от непогод,
Себе хвалу снискать, другим давать отраду,
Поставил на брегу пречудную громаду;
Великий исполин семидесят лактей
Светильник чрез всю ночь держал поверьх зыбей,
Далече блеск пускал чрез море неустройно,
И корабли вводил в пристанище спокойно.
Ты именем и всем, монархиня, покой,
Твой слух, как исполин, касаясь звезд главой,
Лучем доброт твоих вселенну освещает
И именем восток и запад наполняет.
Спасайтесь здесь от бурь, у нас Елисавет
Отраду в тишине с довольством подает.

Начало июля 1752

58. НАДПИСЬ
НА ИЛЛУМИНАЦИЮ, ПРЕДСТАВЛЕННУЮ НА ДЕНЬ ВОСШЕСТВИЯ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА НА ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРЕСТОЛ НОЯБРЯ 25 ДНЯ 1752 ГОДА, ГДЕ ИЗОБРАЖЕНО БЫЛО ВОСХОДЯЩЕЕ СОЛНЦЕ И ВАЗЫ С ЧУВСТВИТЕЛЬНЫМИ ТРАВАМИ

Когда ночная тьма скрывает горизонт,
Скрываются поля, леса, брега и понт.
Чувствительны цветы во тьме себя сжимают,
От хладу кроются и солнца ожидают.
Но только лишь оно в луга свой луч прольет,
Открывшись в теплоте сияет каждой цвет,
Богатство красоты пред оным отверзает
И свой приятной дух, как жертву, проливает.
Подобен солнцу твой, монархиня, восход,
Которой осветил во тьме российский род.
Усердны пред тобой сердца мы отверзаем,
И жертву верности тебе все изливаем.

Между 31 августа и 11 сентября 1752

59. НАДПИСЬ
НА ИЛЛУМИНАЦИЮ, ПРЕДСТАВЛЕННУЮ В МОСКВЕ НА НОВОЙ 1753 ГОД, ГДЕ ИЗОБРАЖЕН БЫЛ ОРЕЛ, ПРИЛЕТАЮЩИЙ ОТ САНКТПЕТЕРБУРГА К МОСКВЕ И НА ВОСТОК И НА ЗАПАД ВЗИРАЮЩИЙ

В любезной тишине наставший новый год
И твой, монархиня, всерадостный приход
Сугубой радостью сей город оживляет,
Сугубо счастие России обещает.
Военной укротив во всей Европе шум,
К однем вперяешь нам божественный твой ум.
Подобием орла на высоту восходишь,
Повсюду от среды свой быстрый взор возводишь,
На север и на юг, на запад и восток,
Где Волга, Днепр, Двина, где чистый Невский ток
Между Петровых стен ликуя протекает;
В отсутствии тебя, богиня, ощущает.
Россия вся твоей щедротой такова,
Как ныне зря тебя, красуется Москва,
Гласит: о боже, дай, чтобы Елисавета
С усердьем нашим к ней свои сравнила лета.

Между 30 октября и 16 ноября 1752

60. НАДПИСЬ
НА ОТЪЕЗД ИЗ САНКТПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА 1752 ГОДА ДЕКАБРЯ ДНЯ

Что воздух тих стоит по толь бурливых днях?
Простерся мягкий снег в спокойстве на полях?
Елисавета в путь прещедра поспешает.
Монархиня, твой взор к тебе всё привлекает.
Не токмо на земли твоя любезна власть,
Но небо шлет свою тебе под ноги часть.

Вторая половина декабря 1752

61. НАДПИСЬ

НА ИЛЛУМИНАЦИЮ, ПРЕДСТАВЛЕННУЮ В МОСКВЕ НА ДЕНЬ КОРОНОВАНИЯ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА АПРЕЛЯ 25 ДНЯ 1753 ГОДА, ГДЕ ИЗОБРАЖЕНО БЫЛО ВЕНЧАННОЕ ВЕНЗЛОВОЕ ИМЯ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА, НА ТОРЖЕСТВЕННОЙ КОЛЕСНИЦЕ В ТРИУМФАЛЬНЫЕ ВОРОТА ВЪЕЗЖАЮЩЕЙ

Победе следует весело торжество,
Герой приемлет честь и жертву божество.
Звучат в полках трубы́, на пленниках оковы,
В противничей крови несут щиты багровы.

Победа твой восход, триумф твой праздник сей,
Монархиня, мы что явим к хвале твоей?
Не город ты один, ниже́ едино войско
В свою приняла власть чрез мужество геройско;
Но царство многих царств, порфиру и венец
И многи тьмы к тебе пылающих сердец.
Не кровию земля кипящей обагрилась,
Но в радости струях Россия насладилась.
Не ярый нас страшил пожар горящих стен,
Но ревностью пылал народ к тебе возжжен.
Не тяжкие на нас в плену звучали узы,
Но с плеском ставили мы верности союзы.
Когда толь радостно тобой плененным быть,
Коль громка похвала победу получить!
Богиня, торжествуй тем долее над нами,
Чем выше смертных ты бессмертными делами.
Торжественны врата, трофеи, колесница,
В нас верные сердца и радостные лица.

Между 29 января и 8 февраля 1753

62. НАДПИСЬ

НА ОКАЗАНИЕ ВЫСОЧАЙШЕЙ МИЛОСТИ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА В МОСКВЕ 1753 ГОДА

Монархиня, твоя прещедрая рука
Обилие нам льет и радость, как река,
Сильнее, нежели ключей Кастальских токи,
Стремление к стихам и дух дает высокий.

О радостной восторг! куда я полечу?
Но большее язык богатство слов являет,
Когда умеренно веселие бывает;
Веселие мое безмерно, я молчу.

Вторая половина марта 1753

63. НАДПИСЬ
НА ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА 1753 ГОДА, ГДЕ РОССИЙСКОЙ ПОКОЙ УПОДОБЛЯЕТСЯ ПРЕКРАСНОМУ СЕЛЕНИЮ С ВЕЛИКОЛЕПНЫМИ ЗДАНИЯМИ

Хотя счастливые военные дела —
Монархам громкая на свете похвала,
Но в ясной тишине возлюбленного мира
Прекраснее ко всем сияет их порфира.
Велико дело в том, чтоб часто побеждать
Но более того всегдашней мир держать.
В победах надлежит полкам большая доля,
В победах счастию почти дана вся воля
Спокойной мир хранит одна премудра власть,
Не может войску быть, ни счастию в том часть
Производить плоды природно только лету,
И кроткий мир един дает богатство свету.
То правда надлежит и зиму тем хвалить,
Что может суровство поветрий отвратить
И вредны умертвить в лесах и нивах гады;
Подобные дает счастлива брань отрады.
Но как между стихий с зимой минет война
И нам является прекрасная весна,
От ней неистовы бореи убегают,
От ней приятные зефиры вылетают,
Дыхая по земле, дыхая по водам,
Велят всходить цветам, велят упасть волнам,
Ведут суда в моря и земледельца в нивы,
Готовят сладкий плод и в пристань путь счастливый,
Льют радость в понт, в луга и в воздух и в эфир —
Толь счастливы места, где дом имеет мир.
Но где прекраснее селение покою
Как то, монархиня что дал нам бог тобою?

Поставлена чужим тобою тишина,
То коль спокойна быть должна твоя страна!
Ты твердость общему покою положила;
Не может оного подвигнуть вредна сила.
Подобен крепости великих пирамид,
Среди счастливых мест недвижимо стоит.
Возлегши на него, блаженная Россия
Под скипетром твоим считает дни златые.
В довольстве спеет труд, довольствие в труде,
Взаимно друг другу́ способствуя везде,
Как вьется виноград на илиме высоком,
Держась их и его питая сладким соком,
Толиким множеством божественных даров
Довольствуемся мы, имея всем покров
В тебе, монархине, от бога просвещенной,
К нему и к отчеству любовию возжженной.
В сей праздник, веселясь веселием твоим,
С торжественным огнем мы к вышнему горим,
Да продолжит тобой дни мирны и прекрасны,
Со кротостью твоей и с именем согласны.

Между 22 марта и 17 апреля 1753

64. НАДПИСЬ
НА ДЕНЬ ВОСШЕСТВИЯ НА ПРЕСТОЛ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА 1753 ГОДА, ГДЕ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО УПОДОБЛЯЕТСЯ МИНЕРВЕ, МОЛНИЕЮ ПОРАЖАЮЩЕЙ ДРАКОНА МНОГОГЛАВНОГО

О древность, славная пречудными делами,
Что Пиндар до небес трубящими устами
Чрез множество веков в концы земны гремит,
Геройских подвигов изображая вид.
И вы, великого амфитеатры града,
Народа по войнах латинского отрада,
В сей день скончайте ваш доныне слышный плеск:
Яснее воссиял Елисаветин блеск.
Не зубы стер боец пред римлянами львице,
Ниже́ кто облетел всех прочих в колеснице,
Но мужеством прешла мужей Елисавет,
И подвига ее смотритель целой свет!

Седмь глав зияли <к ней>на теле вдруг едином.
Где зависть, в жале яд носящая змеином,
И злобы мерзкия свирепый крокодил,
И вепрь неистовства неодолимых сил,
С языком лисиим пронырливое льщенье,
Зев волчия алчбы, тигр ярый — похищенье
И львины челюсти рыкающей войны
В одном чудовище на дерзость рождены.
Взирая на сего Елисавет дракона,
Лежащего кругом отеческого трона,
Рекла: «Что сей мне враг препятствует восход,
Которого давно желает мой народ?
Не мой ли сей венец? Не я ли дщерь Петрова?
И россы моего все требуют покрова.
Ничто не может мне путь к славе пересечь».
Сию геройскую оканчевая речь,
Сиянием вокруг небесным просветилась
И выше смертныя величеством явилась.
Минервы чудный в ней изображался вид;
Петров дух был ей шлем, любовь россиян — щит.
Без грому молния, из ясности блистая,
В драконовы главы и в сердце ударяя,
Смутила горду кровь, пронзила грозный взор.
Сражен, прогнан, убег Рифейских дале гор.
Угасла молния, одни лучи сияли,
Вселенныя концы руками восплескали.
Тогда, красуясь, росс главу свою вознес,
Петрополь мнил себя превыше быть небес.
Мы ныне, празднуя той час благословенный,
Огнями кажем огнь, во всех сердцах возжженный.
О если б с внутренним огнь внешний равен был,
Он выше бы восшел в ночь блещущих светил.
Монархиня, тобой любовь есть в нас рожденна:
Какая ж в свете вещь с ней может быть сравненна?

Между 13 и 26 мая 1753

65. НАДПИСЬ
НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА, ГДЕ ОНОЕ ВОСХОДЯЩЕЙ ЗАРЕ УПОДОБЛЯЕТСЯ, ВО ВРЕМЯ ТОРЖЕСТВЕННОГО ВЪЕЗДУ ПЕТРА ВЕЛИКОГО ОТ ПОЛТАВЫ

О вы, которы всё по рассужденью злому
Обыкли случаю приписывать слепому,
Уверьтесь нынешним превожделенным днем,
Что промысл вышнего господствует во всем.
Когда готовил он блаженство наших лет,
От чресл Петровых нам послал Елисавет
И знаки предъявил, которы от Полтавы
Тогда наполнили весь свет Петровой славы.
С рождением ее торжественный был въезд.
Тогда взнесла свой глас и дух Москва до звезд.
Младенца в пеленах трофеи окружали,
И воплю первому войск плески отвещали.
Подвиглись радостью земля, моря, эфир.
Петр шествовал во град, Елисавета в мир,
Низвергнув Петр врагов, она в Петровы следы
Ко одержанию подобныя победы.
Коль явственно тогда сам промысл предъявил,
Что после к радости всеобщей совершил!
Родясь, как ясная заря, нам воссияла
И царства своего день светлый предвещала.
Монархиня, мы тем освещены всегда,
Избавились во тьме сокрытого вреда;
И радостным в ночи огнем тебе являем,
Что ночи мы в сердцах и темноты не знаем.

Между 22 июля и 16 сентября 1753

66. НАДПИСЬ
НА НОВЫЙ 1754 ГОД, ГДЕ ВРЕМЯ УПОДОБЛЯЕТСЯ ВЕЛИКОМУ ЗДАНИЮ

Взирая вечности на здание обширно,
На множество веков, на житие всемирно,
Мы видим разность дел со разностию лет:
Там брань горит, там мир возлюбленный цветет,

Там веки, ясностью учений просвещенны,
То в мраке варварства глубоко погруженны;
Терзает смертных там гонение и глад;
Там все довольствия бесчисленных отрад.
Сии неравности прилежно рассуждая,
Зрим ясно, от чего премена таковая.
Монархов милости, премудрость, бодрый дух
О счастье многих стран простерли вечный слух.
Благополучны их державы были лета;
Но лучше ныне нам дает Елисавета.
Подобясь время ей в божественных делах,
Являет образ нам во всех своих частях.
Весна, красясь всегда приятными цветами,
Равнится с льющими отраду всем устами;
И лето с осенью обильные плоды
Нам сыплет, как она, с избытком за труды,
Зима в спокойствии довольством услаждает,
Как миром всем она богатым украшает;
И тщится ускорить щедротой всход наук
И хитрость разную художественных рук.
Россия, ликовствуй и числи лета новы,
Счастливы счастием наследницы Петровы.
Проси, как просишь ты, от вышнего проси
И громкий к небу глас и сердце вознеси;
Да здравием ее всегда пребудем здравы,
И громких дел ее да насладимся славы.

Декабрь 1753

67. НА ИЗОБРЕТЕНИЕ РОГОВОЙ МУЗЫКИ

Ловцов и пастухов меж селами отрада,
Одни ловят зверей, другие смотрят ста́да.
Охотник в рог ревет, пастух свистит в свирель.
Тревожит оной нимф; приятна тиха трель.
Там шумной песей рев; а здесь у тихой речки
Молоденьки блеют по матери овечки.
Здесь нежность и покой, здесь царствует любовь,
Охотнической шум, как Марсов, движет кровь.
Но ныне к обоим вы, нимфы, собирайтесь,
И равно обоей музыкой услаждайтесь:
Что было грубости в охотничьих трубах,

Нарышкин умягчил при наших берегах;
Чего и дикие животны убегали,
В том слухи нежные приятности сыскали.

1753(?)

68. НАДПИСЬ
НА ДЕНЬ КОРОНОВАНИЯ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА 1754 ГОДА, ГДЕ ДОБРОДЕТЕЛИ ЕЕ ПРЕКРАСНОЙ И ВЕЛИКОЙ ГОРЕ УПОДОБЛЯЮТСЯ

Кто знатные дела в натуре рассуждает,
Петровой дщери в них примеры обретает.
Посмотрим в понт, в поля, во весь посмотрим свет;
Что славно на́йдем в них, в чем к ней примера нет?
Коль всех красот число в натуре есть пространно,
Толь множество доброт в ней видим несказанно;
Нельзя представить всех пред мысленный наш взор;
Итак, представим с ней едину славу гор.
Они за облака, они к звездам восходят;
Они нам щит, когда войну враги наводят;
Пловущим в глубине они являют ход.
Из них шумят ключи и токи многих вод;
Поят лице земли, плодом обогащают;
Приятные сады и долы орошают.
Не в сих ли образ всех Елисаветы зрим?
Она взошла к звездам величеством своим;
Мы крепостью ее от сопостат покрыты,
И в бедствия волнах бежим к ней для защиты;
От ней на подданных течет щедрот поток
И разливается на запад и восток.
Прекрасная гора, от бога утвержденна,
Елисавет, венцем и славой увязенна,
Среди Российского рая недвижно стой;
Сие гласит любовь, и верность пред тобой,
И удовольствие с надеждой несомненной
Под тению твоей щедроты несравненной.
Покров твой смежные пребудут небеса;
К нам снидет от тебя всегда отрад роса.
Коль чудные дела Елисавет являет:
Чрез прохлаждение в нас пламень возбуждает.

Между 21 и 31 января 1754

69. НАДПИСЬ
НА ИЛЛУМИНАЦИЮ, ПРЕДСТАВЛЕННУЮ В ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА 1754 ГОДА, ГДЕ ИЗОБРАЖЕН БЫЛ ХРАМ РОССИЙСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ, ПЕРЕД КОТОРЫМ НА ВРАТАХ ОБЕЛИСК С ВЕНЗЛОВЫМ ИМЕНЕМ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА, ПРИТОМ СЕДЯЩАЯ В РАДОСТИ РОССИЯ

Россия, вознося главу на высоту,
Взирает на своих пределов красоту,
Чудится в радости обильному покою,
Что в оной утвержден, монархиня, тобою,
Считая многие довольства, говорит:
«Коль сладкое меня блаженство веселит!
Противники к моим пределам не дерзают,
И алчны мытари внутрь торгу не смущают.
Стал тесен к злобе путь коварникам в судах;
Свобода с тишиной и в селах, и в градах;
Пристанищ, крепостей и храмов всходят стены;
И знания цветут, щедротою снабденны.
Что я монархине своей могу воздать?
И в славу имени ее мне что создать?
Какие радости в сей день представлю виды?
Мне тесны храмы все и низки пирамиды.
Ах, если б ревности сравнилась крепость сил,
То б Кавказ на хребте Рифейском ныне был,
Поставила б ей в честь пречудны обелиски
Превыше облаков, к пределам звездным близки».

11 июля 1754

70. НАДПИСЬ
НА МАСКАРАД 24 ЧИСЛА ОКТЯБРЯ 1754 ГОДА В ДОМЕ ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО КАМЕРГЕРА И КАВАЛЕРА ИВАНА ИВАНОВИЧА ШУВАЛОВА

Европа что родит, что прочи части света,
Что осень, что зима, весна и кротость лета,
Что воздух и земля, что море и леса, —
Всё было у тебя, довольство и краса.
Вчера я видел всё и ныне вижу духом,
Музыку, гром и треск еще внимаю слухом.

Я вижу скачущи различны красоты,
Которых, Меценат, подвигл к веселью ты.
Отраду общую своею умножаешь
И радость внутренню со всеми сообщаешь.
Красуемся среди обильных райских рек.
Коль счастлив, коль красéн Елисаветин век!

25 октября 1754

71. НАДПИСЬ
НА ИЛЛУМИНАЦИЮ И МАСКАРАД ЕГО СИЯТЕЛЬСТВА ГРАФА ПЕТРА ИВАНОВИЧА ШУВАЛОВА, ОКТЯБРЯ 26 ДНЯ 1754 ГОДА

Россия некогда чрез грозную судьбину
Повержена свою близ видела кончину!
Что Рурик с скипетром монаршеским приял,
Что Ольга, Святослав, Владимир россам дал.
Что Ярославом мы и храбрым Мономахом
Достигли, как враги взирали к нам со страхом.
Потом, что Александр от бед геройством спас,
Что от врагов покрыл Димитрий в страшный час.
И чем нас вознесли два строги Иоанны, —
Все славны их труды оплакала попранны.
Едва главу свою из пепла подняла
И в прадеде твоем помощника нашла.
Монархиня, он стен развалины восставил,
Нестройства прекратил и от врагов избавил.
Твой дед на высшую степень Россию взвел,
И свету показал хвалу преславных дел.
Великий твой отец широкими стопами
Всходя, возвысил нас над прочими странами;
Но, не дошед верьха, по общей всех судьбе,
Весь труд свой совершить препоручил тебе.
И бодрости твоей всевышний споспешает,
На верхний нас степень тобою поставляет,
Что вечно в нас его пребудет благодать,
Младый в том Павел дан залог нам и печать.
О предков красота, Петрова дщерь и слава!
Прията мужеством твоим его держава,

Чрез снисхождение твое к нам восстает,
И жертва искренних желаний вопиет:
Да милости свои всевидящее око
Поставит над тобой, как верьх небес, высоко.

Между 20 и 26 октября 1754

72. НАДПИСЬ
НА ДЕНЬ ВОСШЕСТВИЯ НА ПРЕСТОЛ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА 1754 ГОДА, ГДЕ ОНОЕ УПОДОБЛЯЕТСЯ ВЕЛИКОМУ СВЕТИЛЬНИКУ, ВОЗЖЖЕННОМУ ОГНЕМ НЕБЕСНЫМ И ЛУЧИ СВОИ ПРОСТИРАЮЩЕМУ НА ТЕАТР, НАПОЛНЕННЫЙ ИЗОБРАЖЕНИЯМИ ДЕЛ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Отца отечества, Великого Петра
Положенны труды для общего добра:
Ужасные врагам полки вооруженны
И флотами моря велики покровенны;
Полезные везде обряды и суды,
Художеств и наук всходящие плоды,
От семени его отъяты, колебались
И темной зависти во мраке покрывались.
Но бог их осиял неизреченным чудом,
Не попустив стоять светильнику под спудом.
Елисаветины доброты как свещи
Открыл, и день блеснул пресветлый нам в нощи.
На трон возвышенна, монархиня, сияешь
И просвещение Петрово умножаешь,
И вышний утвердил чрез Павла нам завет,
Что племени подаст неугасимый свет.

Между 3 и 11 ноября 1754

73. НАДПИСЬ
НА НОВЫЙ 1755 ГОД, ГДЕ ВЛАДЕНИЕ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА УПОДОБЛЯЕТСЯ ПРИСТАНИ С ХРАМОМ УПОКОЕНИЯ И С ХОДЯЩИМИ И ИСХОДЯЩИМИ КОРАБЛЯМИ

По правде вечность есть пространный Океан,
Что вихрям завсегда на колебанье дан;
В ней лета — корабли, что скоро пробегают
И в дальности себя безвестной закрывают.

Кто рока злобного в пучине погружен
Или волнением боязней утомлен,
Тот через стре́мнины и жерла бед глубоки
Не может видеть их сквозь горьких слез потоки.
Но, как пристанища чрез их в себя приход
Богатством веселят и зрением народ,
Подобно кроткая и нам Елисавета
В пристанище щедрот являет долги лета.
Сии наполнены довольством корабли
Мы видим, веселясь, со счастливой земли.
По многим радостям мы долгость лет считаем
И милости ее их мерой признаваем.
Пускай мимо других среди валов летят,
От нашей тишины отъездом не спешат.
В прекрасном острове державы вожделенной
Препровождаем век спокойной, несравненной,
Исшедшим насладясь обильным кораблем,
Что нас увеселил в пристанище твоем.
И нового дождав, монархиня, прихода,
Прими желания от верного народа,
Дабы среди твоих спокойных царства вод
Велик был счастием корабль сей новый год.
Да многие потом довольств увидим полны,
Не ведая, что вихрь, не ведая, что волны.

Между 3 и 19 ноября 1754

74. НАДПИСЬ
НА НОВОЕ СТРОЕНИЕ САРСКОГО СЕЛА

Хотя по царствам Рим поверженным ступал,
Однако семь веков и больше восставал;
Скорее кроткой ты, монархиня, рукою
Россию без войны возводишь за собою
И щедролюбием возносишь нас своим;
Не разрушая царств, в России строишь Рим.
Пример в том Сарской дом; кто видит, всяк чудится,
Сказав, что скоро Рим пред нами постыдится.
Ни время, ни труды, ни подданной весь свет
Там так не успевал, как здесь Елисавет.

Между июлем и августом 1756

75. НАДПИСЬ
НА КОННОЕ, ЛИТОЕ ИЗ МЕДИ ИЗОБРАЖЕНИЕ ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ В АМАЗОНСКОМ УБОРЕ

Увидев Аполлон в меди изображенный
Богини Росския великолепный вид
И бодростью того металл одушевленный,
Со тщанием спешил к нему с Парнасских гор.
Промолвил, восхищен, к строителю перунов:
«Стоял бы и поднесь мой город и Нептунов,
Когда бы защищать Приямов скиптр и трон
Пришла подобна сей царица Амазон.
И тщетна б вся была коварных греков сила,
Елисавета б их в один час низложила».

76. НАДПИСЬ
НА ТО ЖЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ

Великого Отца и Матери прекрасной
Обейм подобну Дщерь металл изобразив,
Геройской бодростью и кротким взором жив.
Вещает, кажется, от вещи к нам безгласной
Надежду, мужество, щедроты, милость, мир.
Приятна, как весна, летает, как зефир.
Светлее злата медь в сем образе сияет,
Что толь великую богиню представляет.

Между 1751 и 1757

77. НА ВСЕРАДОСТНОЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ
О ПРЕВОСХОДСТВЕ НОВОИЗОБРЕТЕННОЙ АРТИЛЛЕРИИ ПРЕД СТАРОЮ ГЕНЕРАЛОМ ФЕЛДЦЕЙГМЕЙСТЕРОМ И КАВАЛЕРОМ ГРАФОМ ПЕТРОМ ИВАНОВИЧЕМ ШУВАЛОВЫМ

Для пользы общества коль радостно трудиться!
От зависти притом коль скучно борониться!
Ты в исправлении гранад, доходов, прав
Сам делом испытал, трудолюбивый Граф!

То ж чувствуют в себе рачители и други,
Которы чтут в тебе к отечеству заслуги.
Стараться о добре, коль дозволяет мочь,
День в пользе провождать и без покоя ночь,
И слышать о себе недоброхотны речи,
Не легче, как стоять против кровавой сечи.
Кто оны победит, тот подлинно герой.
Всем должно поставлять в пример поступок твой.
Рачениям твоим споспешник сам содетель,
И правде в свете их монархиня свидетель.
Нам слава, страх врагам в полках твои огни;
Как прежде, так и впредь, пали, рази, гони!
Велико дело есть повелевать полками,
Торжественно стоять противных над телами
И слышать радостный победоносцев клик,
Презрев с ним смешанный и стон и плач велик;
Стремиться к будущей и брани, и победе,
И тем упорство всё искоренить в соседе;
Покой отечеству со славой принести,
Дабы могло потом в безмолвии цвести.
Великой похвалы и тот в войне достоен,
Кто мыслью со врагом сражается спокоен;
Спокоен брань ведет искусством хитрых рук,
Готовя страх врагам и смертоносный звук.
Не может без того ни мужество геройско,
Ни твердостию сил бесчисленное войско
Против упорного противника стоять.
Тут нужда требует гром громом отражать,
Чтоб прежде мы, не нас противны досягали,
И мы бы их полки на части раздробляли;
И пламень бы врагов в скоропостижный час
От Росской армии не разродясь погас.
Итак, что вымыслом один изобретает,
С разумной храбростью другой употребляет,
Похвальны обоих в сем подвиге труды
Нам мира принесут желанные плоды.
Уже весну ведет к нам светлый предводитель,
И ждет вселенная, кто будет победитель.
Там Варта с Одрою струи свои крутит
И кажет влажности огней ужасный вид,
Что яростно при них из русских рук звучали
И так их кровию противников сгущали.

Секвана и Дунай подъемлют вверьх главы,
Чтоб слышать гром и стук исшедших от Невы.
Там Одра, Темза, Рен кровавы движут волны;
Мутятся во брегах с надеждой, страха полны.
Все ждут, в который край надежда полетит.
Мне весь Парнас сказал: «Туда полком стоит
С Елисаветой бог и храбрость генералов,
Российска грудь, твои орудия, Шувалов».

Вторая половина февраля 1760

78. НА САРСКОЕ СЕЛО
АВГУСТА 24 ДНЯ 1764 ГОДА

Луга, кустарники, приятны высоты,
Пример и образец эдемской красоты,
Достойно похвалить я ныне вас желаю,
Но выше по чему почтить, еще не знаю.
Не тем ли, что везде приятности в садах
И нежны зе́фиры роскошствуют в цветах?
Или́ что ради вас художеств славных сила
Возможность всю свою и хитрость истощила?
Или́ что мещет с вас златая блеск гора,
Откуда видим град Великого Петра?
Гора, или то дом, богам земным пристойной,
К отдохновению величества спокойной?
Всех больше красит сей Екатерина край:
При ней здесь век златой и расцветает рай.
Она все красоты присутством оживляет,
Как свет добротами и славой восхищает.

1764

79. ПИСЬМО К ЕГО ВЫСОКОРОДИЮ ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ШУВАЛОВУ

Прекрасны летни дни, сияя на исходе,
Богатство с красотой обильно сыплют в мир;
Надежда радостью кончается в народе;
Натура смертным всем открыла общий пир.
Созрелые плоды древа отягощают
И кажут солнечным румянец свой лучам!
И руку жадную пригожством привлекают;
Что снят своей рукой, тот слаще плод устам.
Сие довольствие и красота всеместна
Не токмо жителям обильнейших полей
Полезной роскошью является прелестна,
Богинь влечет она приятностью своей.
Чертоги светлые, блистание металлов
Оставив, на поля спешит Елисавет;
Ты следуешь за ней, любезный мой Шувалов,
Туда, где ей Цейлон и в севере цветет,
Где хитрость мастерства преодолев природу,
Осенним дням дает весны прекрасной вид
И принуждает вверьх скакать высоко воду,
Хотя ей тягость вниз и жидкость течь велит.
Толь многи радости, толь разные утехи
Не могут от тебя Парнасских гор закрыть.
Тебе приятны коль российских муз успехи,
То можно из твоей любви к ним заключить.
Ты будучи в местах, где нежность обитает,
Как взглянешь на поля, как взглянешь на плоды,
Воспомяни, что мой покоя дух не знает,
Воспомяни мое раченье и труды.

Меж стен и при огне лишь только обращаюсь;
Отрада вся, когда о лете я пишу;
О лете я пишу, а им не наслаждаюсь
И радости в одном мечтании ищу.
Однако лето мне с весною возвратится,
Я оных красотой и в зиму наслаждусь,
Когда мой дух твоим приятством ободрится,
Которое взнести я на Парнас потщусь.

18 августа 1750

80. ПИСЬМО О ПОЛЬЗЕ СТЕКЛА

К ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬНОМУ ГОСПОДИНУ ГЕНЕРАЛУ-ПОРУЧИКУ, ДЕЙСТВИТЕЛЬНОМУ ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА КАМЕРГЕРУ, МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА КУРАТОРУ И ОРДЕНОВ БЕЛОГО ОРЛА, СВЯТОГО АЛЕКСАНДРА И СВЯТЫЯ АННЫ КАВАЛЕРУ ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ШУВАЛОВУ, ПИСАННОЕ 1752 ГОДА

Неправо о вещах те думают, Шувалов,
Которые Стекло чтут ниже Минералов,
Приманчивым лучем блистающих в глаза:
Не меньше польза в нем, не меньше в нем краса.
Нередко я для той с Парнасских гор спускаюсь;
И ныне от нее на верьх их возвращаюсь,
Пою перед тобой в восторге похвалу
Не камням дорогим, ни злату, но Стеклу.
И как я оное хваля воспоминаю,
Не ломкость лживого я счастья представляю.
Не должно тленности примером тое быть,
Чего и сильный огнь не может разрушить,
Других вещей земных конечный разделитель:
Стекло им рождено; огонь его родитель.

С натурой некогда он произвесть хотя
Достойное себя и оныя дитя,
Во мрачной глубине, под тягостью земною,
Где вечно он живет и борется с водою,
Все силы со́брал вдруг и хляби затворил,
В которы Океан на брань к нему входил.
Напрягся мышцами и рамена подвинул
И тяготу земли превыше облак вскинул.

Внезапно черный дым навел густую тень,
И в ночь ужасную переменился день.
Не баснотворного здесь ради Геркулеса
Две ночи сложены в едину от Зевеса;
Но Этна правде сей свидетель вечный нам,
Которая дала путь чудным сим родам.
Из ней разжженная река текла в пучину,
И свет, отчаясь, мнил, что зрит свою судьбину!
Но ужасу тому последовал конец:
Довольна чадом мать, доволен им отец.
Прогнали долгу ночь и жар свой погасили
И Солнцу ясному рождение открыли.
Но что ж от недр земных родясь произошло?
Любезное дитя, прекрасное Стекло.
Увидев, смертные о как ему дивились!
Подобное тому сыскать искусством тщились.
И было в деле сем удачно мастерство:
Превысило своим раченьем естество.
Тем стало житие на свете нам счастливо:
Из чистого Стекла мы пьем вино и пиво
И видим в нем пример бесхитростных сердец:
Кого льзя видеть сквозь, тот подлинно не льстец.
Стекло в напитках нам не может скрыть примесу;
И чиста совесть рвет притворств гнилу завесу.
Но столько ли уже, Стекло, твоих похвал,
Что нам в тебе вино и мед сам слаще стал?
Никак! сие твоих достоинств лишь начало,
Которы мастерство тебе с природой дало.

Исполнен слабостьми наш краткий в мире век:
Нередко впáдает в болезни человек!
Он ищет помощи, хотя спастись от муки,
И жизнь свою продлить, врачам дается в руки.
Нередко нам они отраду могут дать,
Умев приличные лекарства предписать;
Лекарства, что в Стекле хранят и составляют;
В Стекле одном оне безвредны пребывают.
Мы дóлжны здравия и жизни часть Стеклу:
Какую надлежит ему принесть хвалу!
Хоть вместо оного замысловаты хины
Сосуды составлять нашли из чистой глины;
Огромность тяжкую плода лишенных гор

Художеством своим преобратив в Фарфор,
Красой его к себе народы привлекают,
Что, плавая, морей свирепость презирают.
Однако был бы он почти простой горшок,
Когда бы блеск Стекла дать помощи не мог.
Оно вход жидких тел от скважин отвращает,
Вещей прекрасных вид на нем изображает.
Имеет от Стекла часть крепости Фарфор;
Но тое, что на нем увеселяет взор,
Сады, гульбы, пиры и всё, что есть прекрасно,
Стекло являет нам приятно, чисто, ясно.

Искусство, коим был прославлен Апеллес
И коим ныне Рим главу свою вознес,
Коль пользы от Стекла приобрело велики,
Доказывают то Фини́фти, Мозайки,
Которы ввек хранят геройских бодрость лиц,
Приятность нежную и красоту девиц;
Чрез множество веков себе подобны зрятся
И ветхой древности грызенья не боятся.

Когда неистовой свирепствуя борей
Стисняет мразом нас в упругости своей,
Великой не терпя и строгой перемены,
Скрывает человек себя в толсты́е стены.
Он был бы принужден без свету в них сидеть
Или с дрожанием несносной хлад терпеть.
Но солнечны лучи он сквозь Стекло впускает
И лютость холода чрез то же отвращает.
Отворенному вдруг и запертому быть,
Не то ли мы зовем, что чудеса творить?
Потом как человек зимой стал безопасен,
Еще притом желал, чтоб цвел всегда прекрасен
И в северных странах в снегу зеленой сад;
Цейлон бы посрамил, пренебрегая хлад.
И удовольствовал он мысли прихотливы:
Зимою за Стеклом цветы хранятся живы;
Дают приятной дух, увеселяют взор
И вам, красавицы, хранят себя в убор.
Позволь, любитель муз, я речь свою склоняю
И к нежным сим сердцам на время обращаю.
И музы с оными единого сродства;

Подобна в них краса и нежные слова.
Счастливой младостью твои цветущи годы
И склонной похвала и ласковой природы
Мой стих от оных к сим пренесть не возбранят.
Прекрасной пол, о коль любезен вам наряд!
Дабы прельстить лицом любовных суеверов,
Какое множество вы знаете манеров;
И коль искусны вы убор переменять,
Чтоб в каждой день себе приятность нову дать.
Но было б ваше всё старанье без успеху,
Наряды ваши бы достойны были смеху,
Когда б вы в зеркале не видели себя.
Вы вдвое пригожи́, Стекло употребя.
Когда блестят на вас горящие алмазы,
Двойной кипит в нас жар сугубыя заразы!
Но больше красоты и больше в них цены,
Когда круг них Стеклом цветки наведены.
Вы кажетесь нам в них приятною весною,
В цветах наряженной, усыпанных росою.

Во светлых зданиях убранства таковы.
Но в чем красуетесь, о сельски нимфы, вы?
Природа в вас любовь подобную вложила,
Желанья нежны в вас подобна движет сила;
Вы также украшать желаете себя.
За тем прохладные поля свои любя,
Вы рвете розы в них, вы рвете в них лилеи,
Кладете их на грудь и вяжете круг шеи.
Таков убор дает вам нежная весна!
Но чем вы краситесь в другие времена,
Когда, лишась цветов, поля у вас бледнеют
Или снегами вкруг глубокими белеют,
Без оных что бы вам в нарядах помогло,
Когда бы бисеру вам не дало Стекло?
Любовников он к вам не меньше привлекает,
Как блещущий алмаз богатых уязвляет.
Или еще на вас в нем больше красота,
Когда любезная в вас светит простота!

Так в бисере Стекло подобяся жемчугу,
Любимо по всему земному ходит кругу.

Им красится народ в полунощных степях,
Им красится арап на южных берегах.
В Америке живут, мы чаем, простаки,
Что там драгой металл из сребреной реки
Дают европскому купечеству охотно
И бисеру берут количество несчетно,
Но тем, я думаю, они разумне нас,
Что гонят от своих бедам причину глаз.
Им оны времена не будут ввек забвенны,
Как пали их отцы для злата побиенны.
О коль ужасно зло! на то ли человек
В незнаемых морях имел опасный бег,
На то ли, разрушив естественны пределы,
На утлом дереве обшел кругом свет целый,
За тем ли он сошел на красны берега,
Чтоб там себя явить свирепого врага?
По тягостном труде, снесенном на пучине,
Где предал он себя на произвол судьбине,
Едва на твердый путь от бурь избыть успел,
Военной бурей он внезапно зашумел.
Уже горят царей там древние жилища;
Венцы врагам корысть, и плоть их вранам пища!
И кости предков их из золотых гробов
Чрез стены подают к смердящим трупам в ров!
С перстнями руки прочь и головы с убранством
Секут несытые и златом и тиранством.
Иных, свирепствуя, в средину гонят гор
Драгой металл изрыть из преглубоких нор.
Смятение и страх, оковы, глад и раны,
Что наложили им в работе их тираны,
Препятствовали им подземну хлябь крепить,
Чтоб тягота над ней могла недвижна быть.
Обрушилась гора: лежат в ней погребенны
Бесчастные! или поистине блаженны,
Что вдруг избегли все бесчеловечных рук,
Работы тяжкия, ругательства и мук!

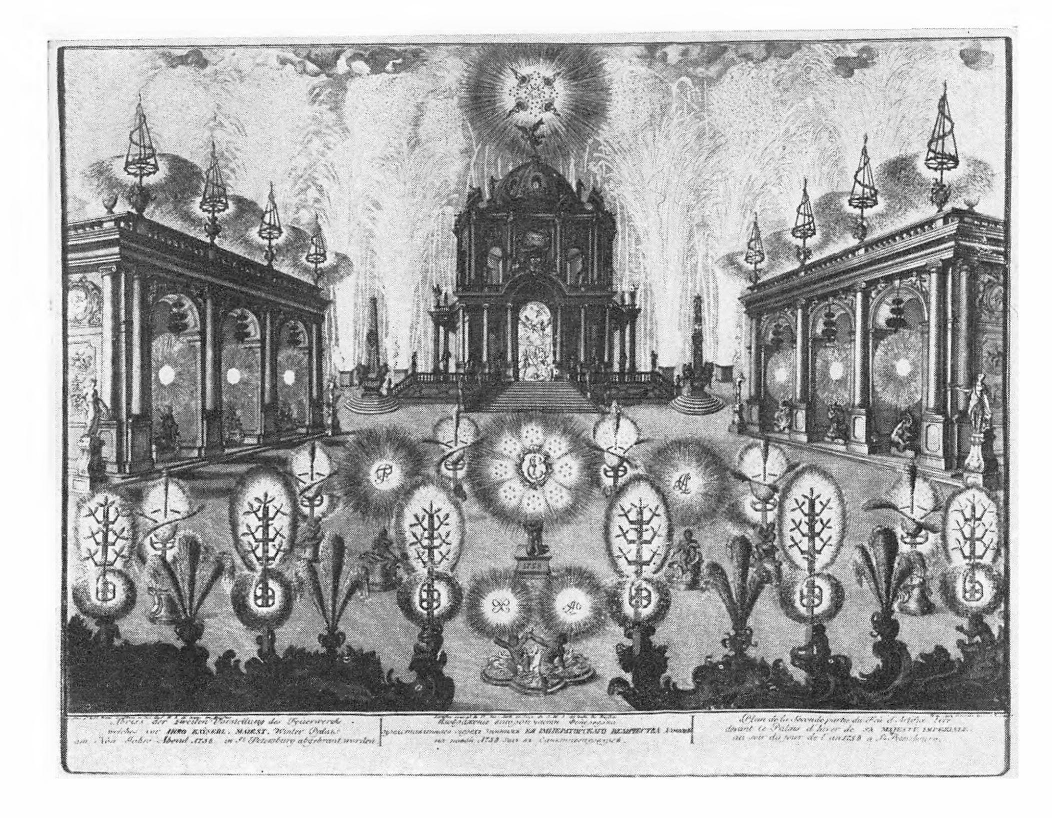
Оставив кастиллан невинность так попранну,
С богатством в отчество спешит по Океану,
Надеясь оным всю Европу вдруг купить.
Но златом волн морских не можно утолить.
Подобный их сердцам борей, подняв пучину,

Навел их животу и варварству кончину,
Погрязли в глубине, с сокровищем своим,
На пищу преданы чудовищам морским.
То бури, то враги толь часто их терзали,
Что редко до брегов желанных достигали.
О коль великой вред! от зла рождалось зло!
Виной толиких бед бывало ли Стекло?
Никак! оно везде наш дух увеселяет:
Полезно молодым и старым помогает.

По долговременном теченьи наших дней
Тупеет зрение ослабленных очей.
Померкшее того не представляет чувство,
Что кажет в тонкостях натура и искусство.
Велика сердцу скорбь лишиться чтенья книг;
Скучнее вечной тьмы, тяжелее вериг!
Тогда противен день, веселие досада!
Одно лишь нам Стекло в сей бедности отрада.
Оно способствием искусныя руки
Подать нам зрение умеет чрез очки!
Не дар ли мы в Стекле божественный имеем,
Что честь достойную воздать ему коснеем?

Взирая в древности народы изумленны,
Что греет, топит, льет и светит огнь возжженный,
Иные божеску ему давали честь;
Иные, знать хотя, кто с неба мог принесть,
Представили в своем мечтанье Прометея,
Что, многи на земли художества умея,
Различные казал искусством чудеса:
За то Минервою был взят на небеса;
Похитил с солнца огнь и смертным отдал в руки.
Зевес воздвиг свой гнев, воздвиг ужасны звуки.
Продерзкого к горе великой приковал
И сильному орлу на растерзанье дал.
Он сердце завсегда коварное терзает,
На коем снова плоть на муку вырастает.
Там слышен страшный стон, там тяжка цепь звучит;
И кровь, чрез камни вниз текущая, шумит,
О коль несносна жизнь! позорище ужасно!
Но в просвещенны дни сей вымысл видим ясно.

Abriss der zweiten Vorstellung des Feuerwerck
welches vor IHRO KAYSERL. MAJEST. Winter Palais
in St. Petersburg abgebrant worden
Plan de la Seconde partie du Feu d'Artifice
devant le Palais d'hiver de SA MAJESTE IMPERIALE

Пииты украшать хотя свои стихи,
Описывали казнь за мнимые грехи.
Мы пламень солнечный Стеклом здесь получаем
И Прометея тем безбедно подражаем.
Ругаясь подлости нескладных оных врак,
Небесным без греха огнем курим табак;
И только лишь о том мы думаем, жалея,
Не свергла ль в пагубу наука Прометея?
Не злясь ли на него, невежд свирепых полк
На знатны вымыслы сложил неправой толк?
Не наблюдал ли звезд тогда сквозь Телескопы,
Что ныне воскресил труд счáстливой Европы?
Не огнь ли он Стеклом умел сводить с небес
И пагубу себе от варваров нанес,
Что предали на казнь, обнесши чародеем?
Коль много таковых примеров мы имеем,
Что зависть, скрыв себя под святости покров,
И груба ревность с ней, на правду строя ков,
От самой древности воюют многократно,
Чем много знания погибло невозвратно!
Коль точно знали б мы небесные страны,
Движение планет, течение луны,
Когда бы Аристарх завистливым Клеантом
Не назван был в суде неистовым Гигантом,
Дерзнувшим землю всю от тверди потрясти,
Круг центра своего, круг солнца обнести;
Дерзнувшим научать, что все домашни боги
Терпят великой труд всегдашния дороги;
Вертится вкруг Нептун, Диана и Плутон
И страждут ту же казнь, как дерзкой Иксион;
И неподвижная земли богиня Веста
К упокоению сыскать не может места.
Под видом ложным сих почтения богов
Закрыт был звездный мир чрез множество веков.
Боясь падения неправой оной веры,
Вели всегдашню брань с наукой лицемеры,
Дабы она, открыв величество небес
И разность дивную неведомых чудес,
Не показала всем, что непостижна сила
Единого творца весь мир сей сотворила;
Что Марс, Нептун, Зевес, всё сонмище богов
Не стоят тучных жертв, нижé под жертву дров;

Что агньцов и волов жрецы едят напрасно;
Сие одно, сие казалось быть опасно.
Оттоле землю все считали посреде.
Астро́ном весь свой век в бесплодном был труде,
Запутан циклами, пока восстал Коперник,
Презритель зависти и варварству соперник.
В средине всех планет он солнце положил,
Сугубое земли движение открыл.
Однем круг центра путь вседневный совершает,
Другим круг солнца год теченьем составляет,
Он циклы истинной Системой растерзал
И правду точностью явлений доказал.
Потом Гугении, Кеплеры и Невтоны,
Преломленных лучей в Стекле познав законы,
Разумной подлинно уверили весь свет,
Коперник что учил, сомнения в том нет.
Клеантов не боясь, мы пишем все согласно,
Что истине они противятся напрасно.
В безмерном углубя пространстве разум свой,
Из мысли ходим в мысль, из света в свет иной.
Везде божественну премудрость почитаем,
В благоговении весь дух свой погружаем.
Чудимся быстрине, чудимся тишине,
Что бог устроил нам в безмерной глубине.
В ужасной скорости и купно быть в покое,
Кто чудо сотворит кроме его такое?
Нас больше таковы идеи веселят,
Как, божий некогда описывая град,
Вечерний Августин[1] душею веселился.
О коль великим он восторгом бы пленился,
Когда б разумну тварь толь тесно не включал,
Под нами б жителей как здесь не отрицал,
Без Математики вселенной бы не мерил!
Что есть Америка, напрасно он не верил:
Доказывает то подземной католи́к,
Кадя златой его в костелах новых лик.
Уже Колумбу вслед, уже за Магелланом
Круг света ходим мы великим Океаном
И видим множество божественных там дел,
Земель и островов, людей, градов и сел,

[1] О граде божии, кн. 16, гл. 9.

Незнаемых пред тем и странных нам животных,
Зверей, и птиц, и рыб, плодов и трав несчетных.
Возьмите сей пример, Клеанты, ясно вняв,
Коль много Августин в сем мнении неправ;
Он слово божие употреблял[1] напрасно.
В Системе света вы то ж делаете власно.
Во зрительных трубах Стекло являет нам,
Колико дал творец пространство небесам.
Толь много солнцев в них пылающих сияет,
Недвижных сколько звезд нам ясна ночь являет.
Круг солнца нашего, среди других планет,
Земля с ходящею круг ней луной течет,
Которую хотя весьма пространну знаем,
Но к свету применив, как точку представляем.
Коль созданных вещей пространно естество!
О коль велико их создавше божество!
О коль велика к нам щедрот его пучина,
Что нá землю послал возлюбленного сына!
Не погнушался он на малой шар сойти,
Чтобы погибшего страданием спасти.
Чем меньше мы его щедрот достойны зримся,
Тем больше благости и милости чудимся.
Стекло приводит нас чрез Оптику к сему,
Прогнав глубокую неведения тьму!
Преломленных лучей пределы в нем неложны,
Поставлены творцем; другие невозможны.
В благословенной наш и просвещенной век
Чего не мог дойти по оным человек?

Хоть острым взором нас природа одарила,
Но близок оного конец имеет сила.
Кромé, что вдалеке не кажет нам вещей
И собранных трубой он требует лучей,
Коль многих тварей он еще не досягает,
Которых малой рост пред нами сокрывает!
Но в нынешних веках нам Микроскоп открыл,
Что бог в невидимых животных сотворил!
Коль тонки члены их, составы, сердце, жилы
И нервы, что хранят в себе животны силы!
Не меньше нежели в пучине тяжкий кит,

[1] О граде божии, кн. 16, гл. 9.

Нас малый червь частей сложением дивит.
Велик создатель наш в огромности небесной!
Велик в строении червей, скудели тесной!
Стеклом познали мы толики чудеса,
Чем он наполнил понт, и воздух, и леса.
Прибавив рост вещей, оно, коль нам потребно,
Являет трав разбор и знание врачебно;
Коль много Микроскоп нам тайностей открыл,
Невидимых частиц и тонких в теле жил!

Но что еще? уже в Стекле нам Баро́метры
Хотят предвозвещать, коль скоро будут ветры,
Коль скоро дождь густой на нивах зашумит,
Иль, облаки прогнав, их солнце осушит.
Надежда наша в том обманами не льстится:
Стекло поможет нам, и дело совершится.
Открылись точно им движения светил:
Чрез то ж откроется в погодах разность сил.
Коль могут счастливы селяне быть оттоле,
Когда не будет зной ни дождь опасен в поле?
Какой способности ждать должно кораблям,
Узнав, когда шуметь или молчать волнам,
И плавать по морю безбедно и спокойно!
Велико дело в сем и гор златых достойно!

Далече до конца Стеклу достойных хвал,
На кои целой год едва бы мне достал.
Затем уже слова похвальны оставляю,
И что об нем писал, то делом начинаю.
Однако при конце не можно преминуть,
Чтоб новых мне его чудес не помянуть.

Что может смертным быть ужаснее удара,
С которым молния из облак блещет яра?
Услышав в темноте внезапной треск и шум
И видя быстрый блеск, мятется слабый ум;
От гневного часа желает где б укрыться;
Причины оного исследовать страшится.
Дабы истолковать что молния и гром,
Такие мысли все считает он грехом.
На бич, он говорит, я посмотреть не смею,
Когда грозит отец нам яростью своею.

Но как он нас казнит, подняв в пучине вал,
То грех ли то сказать, что ветром он нагнал?
Когда в Египте хлеб довольный не родился,
То грех ли то сказать, что Нил там не разлился?
Подобно надлежит о громе рассуждать.
Но блеск и звук его, не дав главы поднять,
Держал ученых смысл в смущении толиком,
Что в заблуждении теряли путь великом
И истинных причин достигнуть не могли,
Поколе действ в Стекле подобных не нашли.
Вертясь, Стеклянный шар дает удары с блеском,
С громо́вым сходственны сверьканием и треском.
Дивился сходству ум; но видя малость сил,
До лета прошлого сомнителен в том был;
Довольствуя одне чрез любопытство очи,
Искал в том перемен приятных дни и ночи;
И больше в том одном рачения имел,
Чтоб силою Стекла болезни одолел;
И видел часто в том успехи вожделенны.
О коль со древними дни наши несравненны!
Внезапно чудный слух по всем странам течет,
Что от громовых стрел опасности уж нет!
Что та же сила туч гремящих мрак наводит,
Котора от Стекла движением исходит,
Что зная правила, изысканны Стеклом,
Мы можем отвратить от храмин наших гром.
Единство оных сил доказано стократно:
Мы лета ныне ждем приятного обратно.
Тогда о истине Стекло уверит нас,
Ужасный будет ли безбеден грома глас?
Европа ныне в то всю мысль свою вперила
И ма́хины уже пристойны учредила.
Я, следуя за ней, с Парнасских гор схожу,
На время ко Стеклу весь труд свой приложу.

Ходя за тайнами в искусстве и природе,
Я слышу восхищен веселый глас в народе.
Елисаветина повсюду похвала
Гласит премудрости и щедрости дела.
Златые времена! о кроткие законы!
Народу своему прощает миллионы;
И пользу общую отечества прозря,

Учению велит расшириться в моря,
Умножив бодрость в нем щедротою своею!
А ты, о Меценат, предстательством пред нею
Какой наукам путь стараешься открыть,
Пред светом в том могу свидетель верной быть.
Тебе похвальны все приятны и любезны,
Что тщатся постигать учения полезны.
Мои посильные и малые труды
Коль часто перед ней воспоминаешь ты!
Услышанному быть ее кротчайшим слухом
Есть новым в бытии животвориться духом!
Кто кажет старых смысл во днях еще младых,
Тот будет всем пример, дожив власов седых.
Кто склонность в счастии и доброту являет,
Тот счастие себе недвижно утверждает.
Всяк чувствует в тебе и хвалит обое,
И небо чаемых покажет сбытие.

Декабрь 1752

81. ПОЗДРАВИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО
ГРИГОРЬЮ ГРИГОРЬЕВИЧУ ОРЛОВУ
ОТ МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА С РУДИЦКИХ ЗАВОДОВ
ИЮЛЯ 19 ДНЯ, 1764 ГОДА

Любитель чистых муз, защитник их трудов,
О взором, бодростью и мужеством Орлов,
Позволь простерть им глас из мест уединенных
Навстречу, где от стран богиня оживленных,
Всех щедря и любя, спешит к Невы струям
Отрады обновить, покой умножить нам;
Где ты усердие и верность к ней являешь,
И сродно с именем, раченьем возлетаешь,
Предвидишь издали благоугодность ей,
Минерве, тысящи достойной олтарей.

Куда ни поспешат стопы ее достигнуть,
Там должно храмы в честь для вечности воздвигнуть.
Лишь только на́чнется пребыстрых мыслей бег,
Предводит польза их и следует успех.

Стократно счастливы ее под кровом нивы,
Где лавры сóбрал Петр, она садит оливы.
Возносят грады там в веселии главы;
О как красуетесь, Балтийски бреги, вы!
Тритоны с нимфами там громко восклицают
И Амфитриты путь российской прославляют.
Кронштадтских вобразив за лето шум валов,
Как радовались те схождению богов,
Екатеринину приходу в длани плещут;
Торжественны огни среди недр влажных блещут.
Сугубым ревом там и пеною порог
Стремится книзу, чтя монарших святость ног.
Противны некогда, но ныне россам святы
Ликуют в торжестве Ливонские раскаты.
Крутится, веселясь, в струях своих Двина,
Отрадой более, как влагою, полна.
Не страшны там отвне грозящи исполины:
Крепит премудрыя рука Екатерины.
Для безопасности обильных росских недр
Хранит преемница, что там устроил Петр.

Крепит на западе, в восток распространяет,
Судьба ширóки где врата ей отверзает,
Народы многие сыскав, от зла покрыть
И знанием добра и пользы просветить.

Здесь тверды крепости, здесь пристани и флоты,
Прибежище своим и от врагов оплоты.
Снаряды значат все противным страх, не вред,
И в безопасности чтоб мирной был сосед.
В покое богатить монархиня нас мыслит,
Что общее добро своим довольством числит,
Во всем отечестве поставить правый суд
И щедро награждать усердных верный труд,
Блаженство подданных возвысить чрез науки,
Наградой ободрять художественны руки;
Спасать несчáстливых, счастлúвых умножать
И быть рабов своих возлюбленная мать.

Подобно как весны благоприятно время
Живит по всей земли и в море всяко племя,

Владычица красот, натуры щедра дщерь,
Когда богатств своих отверзет только дверь,
Зефиры нежные на воздух вылетают,
Утеху, здравие повсюду разливают,
И пчелы пестрые сосут в лугах цветы,
Сбирая сладостны себе и нам соты.
Поля, стада, леса дают везде надежду,
Готовя нам покров, и пищу, и одежду;
И всё, что видимо в богатом естестве,
Живет и движется в труде и в торжестве.
Не иначе народ в блаженстве успевает,
Что просвещенная богиня покрывает;
В числе монаршеских считает вящих дел
Внутрь области снабдить и укрепить предел.

Се слава по путям Ливонским разглашает:
Монархиня лицем к Петрополю сияет.
В восторге он приняв желаемый сей слух,
От чистых Невских струй возводит взор и дух.
И солнца своего приветствует восходу,
Откуду блещет свет российскому народу.
Желания во всех, как тихих волн игра,
Приемлющих лучи чистейшие сребра,
Повсюду блещущих от одного светила;
Так действует в сердцах доброт монарших сила!

Я зрю здесь в радости довольствий общих вид,
Где Рудица, вьючись сквозь каменья, журчит,
Где действует вода, где действует и пламень,
Чтобы составить мне или превысить камень
Для сохранения геройских славных дел,
Что долг к отечеству изобразить велел.
Где дщерь Петрова мне щедротною рукою
Награду воздала между трудов к покою.
Трудов, что ободрил Екатеринин глас,
И взор жизнь нову влил, и воскресил Парнас!

Он будет сих даров бессмертный проповедник.
А ты, о храбрых дел отеческих наследник,
Что знаешь с мужеством приятность сопрягать,
Блюсти величество и подданных спасать.

Великие дела соединять к отраде,
И Марсу следовать и угождать Палладе.
Блажен родитель[1] твой таких нам дав сынов,
Не именем однем, но свойствами Орлов.
Он храбростью Петру усердствовал на брани;
Ты верны отчеству распростирая длани,
Екатеринин рок и общей отвратил,
Покой и век златой наукам обновил:
Ликуют Северны страны́ в премудрой воле,
Что правда с кротостью сияет на престоле.
О коль прекрасны дни! о коль любезна власть!
Герой, мы до́лжны в том тебе велику часть!

1764

---

[1] Григорей Иванович Орлов служил генералом-маиором и потом новогородским губернатором, с общею от всех похвалою. В бывшую при государе блаженныя памяти императоре Петре Великом Шведскую и Турецкую войну находился при всех баталиях и за отличную его храбрость и претерпенные раны почтен был от государя золотою цепью и портретом его величества. Род Орловых происходит от древних дворян германских из Польской Пруссии.

ИДИЛЛИЯ

Ее императорского величества малороссийскому, обоих сторон Днепра и войск запорожских гетману, действительному камергеру, Академии наук президенту, лейбгвардии Измайловского полку подполковнику и разных орденов кавалеру, сиятельнейшему графу Кирилу Григорьевичу Разумовскому идиллия, которою усердное свое почтение засвидетельствует Академии наук профессор Михайло Ломоносов.

82. ПОЛИДОР

Идиллия,

в которой разговаривают

Каллиопа, муза.
Левкия, Днепрская нимфа.
Дафнис, тамошней пастух.

Каллиопа

Между прохладными Днепровыми струями,
Между зелеными и мягкими кустами
Тебя я посетить пришла с Кастальских гор,
Чтоб радость мне свою соединить с твоею;
Едино счастие с тобою я имею:
Един у нас теперь предстатель Полидор.
Богиня, что поля пространны управляет
И щедрою Парнас рукою украшает,
Ему вручила жезл, чтоб в сих лугах пасти.

Левкия

Доколе будет Днепр в брегах своих крутиться,
Дотоле олтари здесь будут ей куриться
И лавры завсегда торжественны цвести.
Здесь плески на лугах повсюду раздаются,
И с шумом радостным в порогах воды льются,
Избыточно цветы дают свой нежной дух,
И ветвьми дерева, красуяся, качают,

И горы и леса богиню возвышают,
Что к их желанию склонила щедрый слух.
Тебя здесь, Полидор, желали рощи злачны,
Долины тучные, источники прозрачны,
Тебя желали здесь обильные поля.

Каллиопа

Тебя мы, Полидор, имеем там ограду;
И чрез тебя Парнас почувствовал отраду,
Как влагу получив иссохшая земля.

Левкия

Ты, муза, прохладись под тению густою.

Каллиопа

Ты, нимфа, уклонись со мной сюда от зною;
Мы сядем при воде на мягкую траву.
Теперь пристоен час сплетать венки прекрасны
И Полидору петь здесь песни нам согласны.

Левкия

Я ветвей и цветков, Каллиопа́! нарву.
Смотри, как зеленью везде покрылись нивы,
И тихой Днепр в себе изображает ивы,
Что густо по крутым краям его растут.
Играют зе́фиры кудрявых древ листами
И нежат теплыми душистой цвет крилами,
С которого, шумя, свой пчелы мед несут.

Каллиопа

Приятной день теперь нам радость умножает,
Под ветвьми соловей свой свист усугубляет,
Завидуя в лугах поющим пастухам.
И овцы уж траву с ручьями позабыли
И слух к веселой их игре поворотили,
И козы прыгают по звонким их струнам.
Иной кладет пучки, иной в свирелку свищет,
Иной любезныя меж деревами ищет,
Иной сам прячется от ней в зеленой куст.

Левкия

Хотя довольно нас приятность услаждает,
Однако больше всех меня увеселяет

О Полидоре песнь из Дафнисовых уст.
Я вижу, он идет украшен весь цветами,
Цветы на голове, цветы между перстами,
Цветами ўвит вкруг и посох и свирель.
Не так любезно мне по камням вод журчанье,
Не столько голубиц мне мило воркотанье,
И сладких соловьев не так приятна трель,
Как голос Дафнисов здесь рощи оживляет
И имя Полидор стократно повторяет.
Ах, Дафнис! пением своим нас услади.

Каллиопа

Хотя геройских лир мне больше шум угоден,
Однако сельских струн мне сладок звон и сроден,
Ты, Дафнис, звонких птиц в лугах здесь постыди.

Дафнис

Ты, муза, мне вдохни, что ныне петь пристойно,
Что слуху вашего и что сих дней достойно,
Ты, нимфа, ласковым мне взглядом силу дай.

Каллиопа

Зачни великия богини добродетель,
Которой я сама и весь Парнас свидетель;
Потом и сих долин довольства воспевай.

Левкия

Запой, что видел ты, как был в великом граде,
И что при нимфах пел в Палéмоновом стаде.
Мы станем пестрые веночки завивать
И в голос к твоему напеву приставать.

Дафнис

Молчите, шумные пороги,
И слушайте мой новой стих;
Усыпьте, нимфы, здесь дороги
Лилеями из рук своих;
Везде венками украшайте
Пригорки, долы и ручьи.

Каллиопа

Верьхи Парнасски, расцветайте.

Левкия

Красуйтесь, Днепрские струи.

Дафнис

Великой будет пусть богине
Везде прилична красота.
О как я веселюся ныне,
Что видел очи и уста,
От коих радость почерьпают
Широки северны поля.

Каллиопа

Верьхи Парнасски расцветают.

Левкия

Красуется сия земля.

Дафнис

При ней я видел Полидора,
Он пред лицем ее стоял
Среди геройского собора
И ласково ко мне взирал.
О тихи ветры, развевайте
По всем лугам слова мои.

Каллиопа

Верьхи Парнасски, расцветайте.

Левкия

Красуйтесь, Днепрские струи.

Дафнис

Вчерась меня кругом обстали
Пастушки с красных наших гор
И с жадностию понуждали:
Каков, скажи нам, Полидор?
Я дал ответ: он превышает
Собой всех здешних пастухов.

Каллиопа

Верьхи Парнасски украшает.

Левкия

Он здешних будет честь лугов.

Дафнис

Они одна перед другою:
Скажи, скажи о нимфе нам,
Которой Полидор красою
Пленившись торжествует сам.
Я им сказал: вы заплетите
Нарвавши с розами лилей.

Каллиопа и Левкия

На них любуясь поглядите
И думайте при том об ней.

Дафнис

Лозе подобно плодовитой,
Она возлюбленным плодом,
Благословением покрытой,
Наполнит Полидоров дом.
Пребудет радость ввек отныне,
На каждой умножаясь час.

Каллиопа и Левкия

Хвала бессмертная богине,
Украсившей его и нас.

Дафнис

Ему поспешно наливайтесь
Приятной сладостью, плоды,
Сторично, овцы, размножайтесь
И летние волов труды.
Вы сладку росу поспешайте
Сбирать, прилежные рои́.

Каллиопа

Верьхи Парнасски, расцветайте.

Левкия

Красуйтесь, Днепрские струи.

1750

83

Я знак бессмертия себе воздвигнул
Превыше пирамид и крепче меди,
Что бурный Аквилон сотреть не может,
Ни множество веков, ни едка древность.
Не вовсе я умру, но смерть оставит
Велику часть мою, как жизнь скончаю.
Я буду возрастать повсюду славой,
Пока великий Рим владеет светом.
Где быстрыми шумит струями Авфид,
Где Давнус царствовал в простом народе,
Отечество мое молчать не будет,
Что мне беззнатной род препятством не был,
Чтоб внесть в Италию стихи эольски
И перьвому звенеть Алцейской лирой.
Взгордися праведной заслугой, муза,
И увенчай главу дельфийским лавром.

<1747>

84

Ночною темнотою
Покрылись небеса,
Все люди для покою
Сомкнули уж глаза.
Внезапно постучался
У двери Купидон,
Приятной перервался
В начале самом сон.

«Кто так стучится смело?» —
Со гневом я вскричал.
«Согрей обмерзло тело, —
Сквозь дверь он отвечал. —
Чего ты устрашился?
Я мальчик, чуть дышу,
Я ночью заблудился,
Обмок и весь дрожу».
Тогда мне жалко стало,
Я свечку засветил,
Не медливши нимало
К себе его пустил.
Увидел, что крилами
Он машет за спиной,
Колчан набит стрелами,
Лук стянут тетивой.
Жалея о несчастье,
Огонь я разложил
И при таком ненастье
К камину посадил.
Я теплыми руками
Холодны руки мял,
Я крылья и с кудрями
До су́ха выжимал.
Он чуть лишь ободрился,
«Каков-то, — молвил, — лук,
В дожде, чать, повредился».
И с словом стре́лил вдруг.
Тут грудь мою пронзила
Преострая стрела
И сильно уязвила,
Как злобная пчела.
Он громко рассмеялся
И тотчас заплясал:
«Чего ты испугался? —
С насмешкою сказал, —
Мой лук еще годится,
И цел и с тетивой;
Ты будешь век крушиться
Отнынь, хозяин мой».

<1747>

85

Лишь только днéвной шум замолк,
Надел пастушье платье волк,
И взял пастушей посох в лапу,
Привесил к поясу рожок,
На уши вздел широку шляпу
И крался тихо сквозь лесок
На ужин для добычи к стаду.
Увидев там, что Жучко спит,
Обняв пастушку, Фирс храпит,
И овцы все лежали сряду,
Он мог из них любую взять;
Но, не довольствуясь убором,
Хотел прикрасить разговором
И именем овец назвать.
Однако чуть лишь пасть разинул,
Раздался в роще волчей вой.
Пастух свой сладкой сон покинул,
И Жучко с ним бросился в бой;
Один дубиной гостя встретил,
Другой за горло ухватил;
Тут поздно бедной волк приметил,
Что чересчур перемудрил,
В полах и в рукавах связался,
И волчьим голосом сказался.
Но Фирс недолго размышлял,
Убор с него и кожу снял.
Я притчу всю коротким толком
Могу вам, господа, сказать:
Кто в свете сем родился волком,
Тому лисицой не бывать.

<1747>

86

Жениться хорошо, да много и досады.
Я слова не скажу про женские наряды:
Кто мил, на том всегда приятен и убор;
Хоть правда, что при том и кошелек неспор.

Всего несноснее противные советы,
Упрямые слова и спорные ответы.
Пример нам показал недавно мужичок.
Которого жену в воде постигнул рок.
Он, к берегу пришед, увидел там соседа:
Не усмотрел ли он, спросил, утопшей следа.
Сосед советовал вниз берегом идти:
Что быстрина туда должна ее снести.
Но он ответствовал: «Я, братец, признаваюсь,
Что век она жила со мною вопреки;
То истинно теперь о том не сумневаюсь,
Что, потонув, она плыла против реки».

<1747>

87

Послушайте, прошу, что старому случилось,
Когда ему гулять за благо рассудилось.
Он ехал на осле, а следом парень шел;
И только лишь с горы они спустились в дол,
Прохожей осудил тотчас его на встрече:
«Ах, как ты малому даешь брести толь далече?»
Старик сошел с осла и сына посадил,
И только лишь за ним десяток раз ступил,
То люди начали указывать перстами:
«Такими вот весь свет наполнен дураками:
Не можно ль на осле им ехать обоим?»
Старик к ребенку сел и едет вместе с ним.
Однако, чуть минул местечка половину,
Весь рынок закричал: «Что мучишь так скотину?»
Тогда старик осла домой поворотил
И, скуки не стерпя, себе проговорил:
«Как стану я смотреть на все людские речи,
То будет и осла взвалить к себе на плечи».

<1747>

88

Женился Стил, старик без мочи,
На Стелле, что в пятнадцать лет,
И не дождавшись первой ночи,
Закашлявшись, оставил свет.
Тут Стелла бедная вздыхала,
Что на супружню смерть не тронута взирала.

Октябрь 1748

89. НА ШИШКИНА

Смеется и поет, он о звездáх толкует,
То нюхает табак, то карт игру тасует,
То слушает у всех, со всеми говорит
И делает стихи наш друг архипиит!
Увенчан лавром был Марон за стихотворство,
Нам чем свово почтить за таково проворство?
Уж плохи для него лавровые венки,
Нельзя тем увенчать премудрые виски.
О чем я так тужу? он будет увенчан:
За грош один купить капусты лишь кочан.

<1751>

90. НА СОЧЕТАНИЕ СТИХОВ РОССИЙСКИХ

Я мужа бодрого из давных лет имела,
Однако же вдовой без оного сидела.
Штивелий уверял, что муж мой худ и слаб,
Бессилен, подл, и стар, и дряхлой был арап;
Сказал, что у меня кривясь трясутся ноги
И нет мне никакой к супружеству дороги.
Я думала сама, что вправду такова,
Не годна никуда, увечная вдова.
Однако ныне вся уверена Россия,
Что я красавица, Российска поэзи́я,
Что мой законной муж завидный молодец,
Кто сделал моему несчастию конец.

Между 1751 и 1753

91. К ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ШУВАЛОВУ

Спасибо за грибы, челом за ананас,
За вина сладкие; я рад, что не был квас.
Российско кушанье сразилось с перуанским,
А если бы и квас влился в кишки с шанпанским,
То сделался бы в них такой же разговор,
Какой меж стряпчими в суде бывает спор.
Я думал уж и так, что в брюхо ... забился,
И, выпустить хотя, я чуть не надсадился.

Между 1752 и 1753

92

Отмщать завистнику меня вооружают,
Хотя мне от него вреда отнюдь не чают.
Когда зоилова хула мне не вредит,
Могу ли на него за то я быть сердит?
Однако ж осержусь! я встал, ищу обуха;
Уж поднял, я махну! а кто сидит тут? муха!
Как жаль мне для нее напрасного труда.
Бедняжка, ты летай, ты пой: мне нет вреда.

Первая половина ноября 1753

93

Златой младых людей и беспечальной век
Кто хочет огорчить, тот сам не человек.
Такого в наши дни мы видим Балабана,
Бессильного младых и глупого тирана,
Которой полюбить всё право потерял
И для ради того против любви восстал.
Но вы, красавицы, того не опасайтесь:
Вы веком пользуйтесь и грубостью ругайтесь.
И знайте, что чего теперь не смеет сам,
То хочет запретить ругательствами вам.
Обиду вы свою напрасную отмстите
И глупому в глаза насмешнику скажите:
«Не смейся, Балабан, смотря на наш наряд,
И к нам не подходи; ты, Балабан, женат,
Мы помним, как ты сам, хоть ведал перед браком,

Что будешь подлинно на перву ночь свояком,
Что будешь вотчим слыть, на девушке женясь,
Или отец княжне, сам будучи не князь.
Ты, всё то ведая, старался дни и ночи
Наряды прибирать сверх бедности и мочи,
Но если б чистой был Дияне мил твой взгляд
И был бы, Балабан, ты сверх того женат,
То б ты на пудре спал и ел всегда помаду,
На беса б был похож и с переду и с заду.
Тогда б перед тобой и самой вертопрах
Как важной был Катон у всякого в глазах».
Вы всё то, не стыдясь, скажите Балабану,
Чтоб вас язвить забыл, свою лечил бы рану.

Первая половина ноября 1753

94

Искусные певцы всегда в напевах тщатся,
Дабы на букве *А* всех доле остояться;
На *Е*, на *О* притом умеренность иметь;
Чрез *У* и через *И* с поспешностью лететь:
Чтоб оным нежному была приятность слуху,
А сими не принесть несносной скуки уху.
Великая Москва в язы́ке толь нежна,
Что *А* произносить за *О* велит она.
В музы́ке что распев, то над словами сила;
Природа нас блюсти закон сей научила.
Без силы *бе́реги*, но с силой *берега́*,
И *сне́ги* без нее мы говорим *снега́*.
Довольно кажут нам толь ясные householdдово́ды,
Что ищет наш язык везде от *И* свободы.
Или уж стало *иль; коли* уж стало *коль;*
Изволи ныне все везде твердят *изволь*.
За *спиши спишь*, и *спать* мы говорим за *спати*.
На что же, Трисотин, к нам тянешь *И* некстати?
Напрасно злобной сей ты предприял совет,
Чтоб, льстя тебе, когда российской принял свет
Свиныи визги вси и дикии и злыи
И истинныи ти, и лживы и кривыи.
Языка́ нашего небесна красота
Не будет никогда попранна от скота.

От яду твоего он сам себя избавит
И вред сей выплюнув, поверь, тебя заставит
Скончать твой скверной визг стонанием совы,
Негодным в русской стих и пропастным *увы!*

Первая половина ноября 1753

95. О СОМНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗНОШЕНИИ БУКВЫ Г В РОССИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Бугристы берега, благоприятны влаги,
О горы с гроздами, где греет юг ягнят.
О грады, где торги, где мозгокружны браги,
И деньги, и гостей, и годы их губят.
Драгие ангелы, пригожие богини,
Бегущие всегда от гадкия гордыни,
Пугливы голуби из мягкого гнезда,
Угодность с негою, огромные чертоги,
Недуги наглые и гнусные остроги,
Богатство, нагота, слуги и господа.
Угрюмы взглядами, игрени, пеги, смуглы,
Багровые глаза, продолговаты, круглы,
И кто горазд гадать и лгать, да не мигать,
Играть, гулять, рыгать и ногти огрызать,
Ногаи, бóлгары, гуроны, геты, гунны,
Тугие головы, о йготи чугунны,
Гневливые враги и гладкословный друг,
Толпыги, щеголи, когда вам есть досуг.
От вас совета жду, я вам даю на волю:
Скажите, где быть *га* и где стоять *глаголю*?

Между 1748 и 1754

96. <НА ФРИДРИХА II, КОРОЛЯ ПРУССКОГО СОЧИНЕНИЕ ГОСПОДИНА ВОЛЬТЕРА, ПЕРЕВЕДЕННОЕ ГОСПОДИНОМ ЛОМОНОСОВЫМ>

Монарх и филозóв, полночный Соломон,
Весь свет твою имел премудрость пред очами;
Разумных множество теснясь под твой закон,
Познали Грецию над шпрейскими струями.
Вселенная чудясь молчала пред тобой;

Берлин на голос твой главу свою воздвигнул,
С Парижем в равенстве до звезд хвалой
достигнул.
И лавров Молвицких в тени узрев покой,
К странам твоим пришли от берегов Секваны
Возобновить поля
Вспахать твои поля } художества избранны:
Пресаждены тобой через твои труды,
Парнаса и Афин произвели плоды,
Предзрением твоим возрасши восхищенным.
Коварство от живых правдивости святой
Стенало, под твоей низверженно пятой,
Не наводило слез невинно осужденным.
Десницей Марсову ты лютость укротил,
Заперши дверь войны, предел распространил.
Число другов твоих умножил ты Бурбоном;
Но с Англией сдружась, изверившись ему,
Какого ждешь плода раченью своему?
Европа вся полна твоих перунов стоном,
Раздор рукой своей уж пламень воспалил
Ты Лейпцигски врата внезапно разрушил,
Стопами роешь ты бесчувственны могилы,
Трепещут все, смотря твои надменны силы.
Ты двух соперников сильнейших раздражил,
Уж меч их изощрен и ярый огнь пылает,
И над главой твоей их молния сверкает,
Несчастливой монарх! Ты лишне в свете жил,
В минуту стал лишен премудрости и славы.
Необузданного гиганта зрю в тебе,
Что хочет отворить путь пламенем себе,
Что грабит городы и пустошит державы,
Священный топчет суд народов и царей,
Ничтожит силу прав, грубит натуре всей.

Вторая половина 1756

97. ГИМН БОРОДЕ

Не роскошной я Венере,
Не уродливой Химере
В имнах жертву воздаю:
Я похвальну песнь пою

Волосам, от всех почтенным,
По груди распространенным,
Что под старость наших лет
Уважают наш совет.

Борода предорогая!
Жаль, что ты не крещена
И что тела часть срамная
Тем тебе предпочтена.

Попечительна природа
О блаженстве смертных рода
Несравненной красотой
Окружает бородой
Путь, которым в мир приходим
И наш первой взор возводим.
Не явится борода,
Не открыты ворота.

Борода предорогая... и т. д.

Борода в казне доходы
Умножает по вся годы:
Керженцам любезной брат
С радостью двойной оклад
В сбор за оную приносит
И с поклоном низким просит
В вечный пропустить покой
Безголовым с бородой.

Борода предорогая... и т. д.

Не напрасно он дерзает,
Верно свой прибыток знает:
Лишь разгладит он усы,
Смертной не боясь грозы,
Скачут в пламень суеверы;
Сколько с Оби и Печеры
После них богатств домой
Достает он бородой.

Борода предорогая... и т. д.

О коль в свете ты блаженна,
Борода, глазам замена!
Люди обще говорят
И по правде то твердят:
Дураки, врали, проказы
Были бы без ней безглазы,
Им в глаза плевал бы всяк;
Ею цел и здрав их зрак.

Борода предорогая... и т. д.

Если правда, что планеты
Нашему подобны светы,
Конче в оных мудрецы
И всех пуще там жрецы
Уверяют бородою,
Что нас нет здесь головою.
Скажет кто: мы вправды тут,
В срубе там того сожгут.

Борода предорогая... и т. д.

Если кто невзрачен телом
Или в разуме незрелом;
Если в скудости рожден
Либо чином не почтен,
Будет взрачен и рассуден,
Знатен чином и не скуден
Для великой бороды:
Таковы ее плоды!

Борода предорогая... и т. д.

О прикраса золотая,
О прикраса даровая,
Мать дородства и умов,
Мать достатков и чинов,
Корень действий невозможных,
О завеса мнений ложных!
Чем могу тебя почтить,
Чем заслуги заплатить?

Борода предорогая... и т. д.

Через многие расчесы
Заплету тебя я в косы,
И всю хитрость покажу,
По всем модам наряжу.
Через разные затеи
Завивать хочу тупеи:
Дайте ленты, кошельки
И крупичатой муки.

Борода предорогая. . . и т. д.

Ах, куда с добром деваться?
Все уборы не вместятся:
Для их многого числа
Борода не доросла.
Я крестьянам подражаю
И как пашню удобряю.
Борода, теперь прости,
В жирной влажности расти.

Борода предорогая!
Жаль, что ты не крещена
И что тела часть срамная
Тем тебе предпочтена.

Между концом 1756 и февралем 1757

98

О страх! о ужас! гром! ты дернул за штаны,
Которы подо ртом висят у сатаны.
Ты видишь, он зато свирепствует и злится,
Дыравой красной нос, халдейска печь, дымится,
Огнем и жупелом исполнены усы,
О как бы хорошо коптить в них колбасы!
Козлята малые родятся с бородами:
Коль много почтены они перед попами!
О польза, я одной из сих пустых бород
Недавно удобрял бесплодный огород.
Уже и прочие того ж себе желают
И принести плоды обильны обещают.
Чего не можно ждать от толь мохнатых лиц,
Где в тучной бороде премножество площиц?

Сидят и меж собой, как люди, рассуждают,
Других с площицами бород не признавают
И проклинают всех, кто молвит про козлов:
Возможно ль быть у них толь много волосов?

Весна 1757

99. ЗУБНИЦКОМУ

Безбожник и ханжа, подметных писем враль!
Твой мерзкой склад давно и смех нам и печаль:
Печаль, что ты язык российской развращаешь,
А смех, что ты тем злом затмить достойных чаешь.
Наплюем мы на страм твоих поганых врак:
Уже за тридцать лет ты записной дурак;
Давно изгага всем читать твои синички,
Дорогу некошну, вонючие лисички;
Никто не поминай нам подлости ходуль
И к пьянству твоему потребных красоуль.
Хоть ложной святостью ты Бородой скрывался,
Пробин, на злость твою взирая, улыбался:
Учения его и чести и труда
Не можешь повредить ни ты, ни Борода.

Вторая половина 1757

100. ‹СТИХИ, СОЧИНЕННЫЕ В ПЕТЕРГОФЕ НА ПЕТРОВ ДЕНЬ 1759 ГОДА›

Взойди, веселый дух, на ону высоту,
Где видеть можно лет Петровых красоту,
Парящие простри на нынешней день мысли,
Желания к нему и плески все исчисли.
Между болот, валов и страшных всем врагов
Торги, суды, полки, и флот, и град готов.
Как с солнцем восстают к брегам Индейским воды,
Так в устья Невские лились к Петру народы.
Представь движение и ветвей, и зыбей,
Представить можешь шум от множества людей.
Бегут во след его, друг друга утесняют,
На чудные дела и на него взирают.

Несчетны тщатся тьмы вместиться в малый храм,
Равняют веку час и тесность небесам.
У всех в устах сей день и подвиги Петровы,
Трудиться купно с ним и умереть готовы.
Всевышний благодать и ныне к нам простер:
Мы видим в наши дни сих радостей пример.
Елисавет в лице Петрове почитаем,
На внука с правнуком, как на него, взираем.

Июнь или июль 1759

101

Фортуну вижу я в тебе или Венеру
И древнего дивлюсь художества примеру.
Богиня по всему, котора ты ни будь.
Ты руку щедрую потщилась протянуть.
Когда Венера ты, то признаю готову
Любителю наук и знаний Воронцову
Златое яблоко отдать за доброту,
Что присудил тебе Парис за красоту.
Когда ж Фортуна ты, то верю несумненно,
Что счастие его пребудет непременно,
Что так недвижно ты установила круг,
Коль истинен патрон и коль он верен друг.

1759

102. ЗЛОБНОЕ ПРИМИРЕНИЕ ГОСПОДИНА СУМАРОКОВА С ГОСПОДИНОМ ТРЕДИАКОВСКИМ

С Сотином — что за вздор? — Акóласт примирился;
Конечно, третей член к ним, лешей, прилепился,
Дабы три фурии, втеснившись на Парнас,
Закрыли криком муз российских чистый глас.
Коль много раз театр казал насмех Сотина,
И у Аколаста он слыл всегда скотина.
Аколаст, злобствуя, всем уши раскричал;
Картавил, шепелял, качался и мигал,
Сотиновых стихов рассказывая скверность.
А ныне объявил любовь ему и верность,
Дабы Пробиновых хвалу унизить од,
Которы вознося российской чтит народ.

Чего не можешь ты начать, о! зависть злая,
Но истина стоит недвижима святая.
Коль зол, коль лжив, коль подл Аколаст и Сотин,
Того не знает лишь их гордой нрав один.
Аколаст написал: «Сотин лишь врать способен»,
А ныне доказал, что сам ему подобен.
Кто быть желает нем и слушать наглых врак,
Меж самохвалами с умом прослыть дурак,
Сдружись с сей парочкой: кто хочет с ними знаться,
Тот думай, каково в крапиву испражняться.

1759

103. К ПАХОМИЮ

Пахомей говорит, что для святого слова
Риторика ничто; лишь совесть будь готова.
Ты будешь казнодей, лишь только стань попом
И стыд весь отложи. Однако врешь, Пахом.
Начто риторику совсем пренебрегаешь?
Ее лишь ты одну, и то худенько знаешь.
Василий, Златоуст, церковные столпы,
Учились долее, как нынешни попы.
Гомера, Пиндара, Димóсфена читали
И проповедь свою их штилем предлагали,
Натуру, общую всей прочей твари мать,
Небес, земли, морей, старались испытать;
Дабы творца чрез то по мере сил постигнуть
И важностью вещей сердца людски подвигнуть,
Не ставили за стыд из басен выбирать,
Чем к праведным делам возможно преклонять.
Ты словом божиим незнанье закрываешь
И больше тех мужей у нас быть уповаешь;
Ты думаешь, Пахом, что ты уж Златоуст!
Но мы уверены о том, что мозг твой пуст.
Нам слово божие чувствительно, любезно,
И лишь во рте твоем бессильно, бесполезно.
Нравоучением преславной Телемак
Стократ полезнее твоих нескладных врак.

1759(?)

104. ЭПИТАФИЯ

Под сею кочкою оплачь, прохожий, пчелку,
Что не ленилася по мед летать на стрелку,
Из губ подьяческих там сладости сбирать:
Кутья у них стоит, коль хочешь поминать.

Первая половина 1760

105. РАЗГОВОР С АНАКРЕОНОМ

Анакреон

Ода I

Мне петь было о Трое,
О Кадме мне бы петь,
Да гусли мне в покое
Любовь велят звенеть.
Я гусли со струнами
Вчера переменил
И славными делами
Алкида возносил;
Да гусли поневоле
Любовь мне петь велят,
О вас, герои, боле,
Прощайте, не хотят.

Ломоносов

Ответ

Мне петь было о нежной,
Анакреон, любви;
Я чувствовал жар прежней
В согревшейся крови,
Я бегать стал перстами
По тоненьким струнам
И сладкими словами
Последовать стопам.
Мне струны поневоле
Звучат геройский шум.
Не возмущайте боле,
Любовны мысли, ум;
Хоть нежности сердечной

В любви я не лишен,
Героев славой вечной
Я больше восхищен.

Анакреон

Ода XXIII

Когда бы нам возможно
Жизнь было продолжить,
То стал бы я не ложно
Сокровища копить,
Чтоб смерть в мою годину,
Взяв деньги, отошла
И, за откуп кончину
Отсрочив, жить дала;
Когда же я то знаю,
Что жить положен срок,
На что крушусь, вздыхаю,
Что мзды скопить не мог;
Не лучше ль без терзанья
С приятельми гулять
И нежны воздыханья
К любезной посылать.

Ломоносов

Ответ

Анакреон, ты верно
Великой философ,
Ты делом равномерно
Своих держался слов,
Ты жил по тем законам,
Которые писал,
Смеялся забобонам,
Ты петь любил, плясал;
Хоть в вечность ты глубоку
Не чаял больше быть,
Но славой после року
Ты мог до нас дожить;
Возьмите прочь Сенеку,
Он правила сложил
Не в силу человеку,
И кто по оным жил?

Анакреон

Ода XI

Мне девушки сказали:
«Ты дожил старых лет»,
И зеркало мне дали:
«Смотри, ты лыс и сед»;
Я не тужу ни мало,
Еще ль мой волос цел,
Иль темя гладко стало,
И весь я побелел;
Лишь в том могу божиться,
Что должен старичок
Тем больше веселиться,
Чем ближе видит рок.

Ломоносов

Ответ

От зеркала сюда взгляни, Анакреон,
И слушай, что ворчит, нахмурившись, Катон:
«Какую вижу я седую обезьяну?
Не злость ли адская, такой оставя шум,
От ревности на смех склонить мой хочет ум?
Однако я за Рим, за вольность твердо стану,
Мечтаниями я такими не смущусь
И сим от Кесаря кинжалом свобожусь».
Анакреон, ты был роскошен, весел, сладок,
Катон старался ввесть в республику порядок,
Ты век в забавах жил и взял свое с собой,
Его угрюмством в Рим не возвращен покой;
Ты жизнь употреблял как временну утеху,
Он жизнь пренебрегал к республики успеху;
Зерном твой отнял дух приятной виноград,
Ножем он сам себе был смертный супостат;
Беззлобна роскошь в том была тебе причина,
Упрямка славная была ему судьбина;
Несходства чудны вдруг и сходства понял я,
Умнее кто из вас, другой будь в том судья.

Анакреон

Ода XXVIII

Мастер в живопистве первой,
Первой в Родской стороне,

Мастер, научен Минервой,
Напиши любезну мне.
Напиши ей кудри черны,
Без искусных рук уборны,
С благовонием духов,
Буде способ есть таков.

Дай из роз в лице ей крови
И как снег представь белу,
Проведи дугами брови
По высокому челу,
Не сведи одну с другою,
Не расставь их меж собою,
Сделай хитростью своей,
Как у девушки моей;

Цвет в очах ее небесной,
Как Минервин, покажи
И Венерин взор прелестной
С тихим пламенем вложи,
Чтоб уста без слов вещали
И приятством привлекали
И чтоб их безгласна речь
Показалась медом течь;

Всех приятностей затеи
В подбородок умести
И кругом прекрасной шеи
Дай лилеям расцвести,
В коих нежности дыхают,
В коих прелести играют
И по множеству отрад
Водят усумненной взгляд;

Надевай же платье ало
И не тщись всю грудь закрыть,
Чтоб, ее увидев мало,
И о прочем рассудить.
Коль изображенье мочно,
Вижу здесь тебя заочно,
Вижу здесь тебя, мой свет;
Молви ж, дорогой портрет.

Ломоносов

Ответ

Ты счастлив сею красотою
И мастером, Анакреон,
Но счастливей ты собою
Чрез приятной лиры звон;
Тебе я ныне подражаю
И живописца избираю,
Дабы потщился написать
Мою возлюбленную Мать.

О мастер в живописстве первой,
Ты первой в нашей стороне,
Достоин быть рожден Минервой,
Изобрази Россию мне,
Изобрази ей возраст зрелой
И вид в довольствии веселой,
Отрады ясность по челу
И вознесенную главу;

Потщись представить члены здравы,
Как должны у богини быть,
По плечам волосы кудрявы
Признáком бодрости завить,
Огнь вложи в небесны очи
Горящих звезд в средине ночи,
И брови выведи дугой,
Что кажет после туч покой;

Возвысь сосцы, млеком обильны,
И чтоб созревша красота
Являла мышцы, руки сильны,
И полны живости уста
В беседе важность обещали
И так бы слух наш ободряли,
Как чистой голос лебедей,
Коль можно хитростью твоей;

Одень, одень ее в порфиру,
Дай скипетр, возложи венец,
Как должно ей законы миру
И распрям предписать конец;

О коль изображенье сходно,
Красно, любезно, благородно,
Великая промолви Мать,
И повели войнам престать.

Между 1756 и 1761

106

Богиня, дщерь божеств, науки основавших
И приращенье их тебе в наследство давших,
Ты шествуешь по их божественным стопам,
Распростираючи щедроты светлость нам.
Мы, признаваясь, что едва того достойны,
Остались бы всегда в трудах своих спокойны;
Но только к славе сей того недостает,
Чтоб милость к нам твою увидел ясно свет.
Дабы признали все народы и языки,
Коль мирные твои дела в войну велики.
Дабы украшенный твоей рукой Парнас
Любителей наук призвать возвысил глас
И, славным именем гремя Елисаветы,
При лике их расторг завистников наветы.
Теперь Германия войной возмущена,
Рыдания, и слез, и ужаса полна;
За собственных сынов с парнасскими цветами
Питает сопостат с кровавыми мечами.
Любитель тишины, собор драгих наук,
Защиты крепкия от бранных ищет рук.
О коль велики им отрады и утехи:
Восследуют и нам в учениях успехи
И славной слух, когда твой университет
О имени твоем под солнцем процветет,
Тобою данными красуясь вечно правы
Для истинной красы Российския державы.
И юношество к нам отвсюду притекут
К наукам прилагать в Петрове граде труд.
Петрова ревность к ним, любовь Екатерины,
И щедрости твои воздвигнут здесь Афины.
Приемлемые в них учены пришлецы
Расширят о тебе в подсолнечной концы,
Коль милосерда ты, коль счастлива Россия,

Что царствуют с тобой в ней времена златые!
Рушитель знания, свирепой брани звук
Под скипетром твоим защитник стал наук,
Что выше мнения сквозь дым, сквозь прах восходят,
Их к удивлению, нас к радости приводят.
Мы соружим похвал тебе, Минерве, храм,
В приличность по твоим божественным делам;
В российски древности, в Натуры тайны вникнем
И тьмами уст твои достоинства воскликнем.
Коль счастлив оной день, коль счастлив буду я,
Когда я, середи российских муз стоя́,
Благодеяние твое представлю ново.
Великостью его о как возвышу слово!
Тогда мой средственной в российской речи дар
В благодарении сугубой примет жар.
Когда внимания сей глас мой удостоишь
И искренних сердец желанья успокоишь,
Ты новы силы нам, богиня, подаришь,
Драгое отчество сугубо просветишь.
Сие исполнится немногими чертами,
Когда рука твоя ущедрится над нами:
Для славы твоея, для общего плода,
Не могут Милости быть рано никогда.

Первая половина февраля 1761

107

Случились вместе два Астро́нома в пиру
И спорили весьма между собой в жару.
Один твердил: земля, вертясь, круг Солнца ходит;
Другой, что Солнце все с собой планеты водит:
Один Коперник был, другой слыл Птоломей.
Тут повар спор решил усмешкою своей.
Хозяин спрашивал: «Ты звезд теченье знаешь?
Скажи, как ты о сем сомненье рассуждаешь?»
Он дал такой ответ: «Что в том Коперник прав,
Я правду докажу, на Солнце не бывав.
Кто видел простака из поваров такова,
Которой бы вертел очаг кругом жаркова?»

Конец мая или июнь 1761

108

Я долго размышлял и долго был в сомненье,
Что есть ли на землю от высоты смотренье;
Или по слепоте без ряду всё течет,
И промыслу с небес во всей вселенной нет.
Однако, посмотрев светил небесных стройность,
Земли, морей и рек доброту и пристойность,
Премену дней, ночей, явления луны,
Признал, что божеской мы силой созданы.

Конец мая или июнь 1761

109. СТИХИ, СОЧИНЕННЫЕ НА ДОРОГЕ В ПЕТЕРГОФ,

КОГДА Я В 1761 ГОДУ ЕХАЛ ПРОСИТЬ О ПОДПИСАНИИ ПРИВИЛЕГИИ ДЛЯ АКАДЕМИИ, БЫВ МНОГО РАЗ ПРЕЖДЕ ЗА ТЕМ ЖЕ

Кузнечик дорогой, коль много ты блажен,
Коль больше пред людьми ты счастьем одарен!
Препровождаешь жизнь меж мягкою травою
И наслаждаешься медвяною росою.
Хотя у многих ты в глазах презренна тварь,
Но в самой истине ты перед нами царь;
Ты ангел во плоти, иль, лучше, ты бесплотен!
Ты скачешь и поешь, свободен, беззаботен,
Что видишь, всё твое; везде в своем дому,
Не просишь ни о чем, не должен никому.

Лето 1761

110

Оставь, смущенный дух, презрение сует
И представляй себе благополучным свет.
Смотри, коль ясной день среди его сияет
И очи, и сердца, и мысли восхищает.
Ты в близости его меж множеством отрад:
Там волны, там ключи, там древ листы шумят;
У храма, у цветов, у сча́стливого леса
Ты видишь щедру дщерь Российского Зевеса.

Минерва по всему: в ней всех доброт союз
Приветствует Парнас и похваляет муз.
О вселюбезный Глас, животворяще Слово!
Я чувствую к стопам в себе стремленье ново.
Коль силно Иппокрен в России потечет,
Когда напишется над ним Елисавет.

Лето 1761

111. СВИНЬЯ В ЛИСЬЕЙ КОЖЕ

Надела на себя
Свинья
Лисицы кожу,
Кривляя рожу,
Моргала,
Таскала длинной хвост и, как лиса, ступала;
Итак, во всем она с лисицей сходна стала.
Догадки лишь одной свинье недостает:
Натура смысла всем свиньям не подает.
Но где ж могла свинья лисицы кожу взять?
Нетрудно то сказать.
Лисица всем зверям подобно умирает,
Когда она себе найти, где есть, не знает.
И люди с голоду на свете много мрут,
А паче те, которы врут.
Таким от рока суд бывает,
Он хлеб их отымает
И путь им ко вранью тем вечно пресекает.
В наряде сем везде пошла свинья бродить
И стала всех бранить.
Лисицам всем прямым, ругаясь, говорила:
«Натура-де меня одну лисой родила,
А вы-де все ноги не стоите моей,
Затем что родились от подлых вы свиней.
Теперя в гости я сидеть ко льву сбираюсь,
Лишь с ним я повидаюсь,
Ему я буду друг,
Не делая услуг.
Он будет сам стоять, а я у него лягу.
Неужто он меня так примет как бродягу?»

Дорогою свинья вела с собою речь:
«Не думаю, чтоб лев позволил мне там лечь,
Где все пред ним стоят знатнейши света звери;
Однако в те же двери
И я к нему войду.
Я стану перед ним, как знатной зверь, в виду».
Пришла пред льва свинья и милости просила,
Хоть подлая и тварь, но много говорила,
Однако всё врала,
И с глупости она ослом льва назвала.
Не вшел тем лев
Во гнев.
С презреньем на нее он глядя рассмеялся
И так ей говорил:
«Я мало бы тужил,
Когда б с тобой, свинья, вовеки не видался;
Тотчас знал я,
Что ты — свинья,
Так тщетно тщилась ты лисою подбегать,
Чтоб врать.
Родился я во свет не для свиных поклонов;
Я не страшуся громов,
Нет в свете сем того, что б мой смутило дух.
Была б ты не свинья,
Так знала бы, кто я,
И знала б, обо мне какой свет носит слух».
И так наша свинья пред львом не полежала,
Пошла домой с стыдом, но идучи роптала,
Ворчала,
Мычала,
Кричала,
Визжала
И в ярости себя стократно проклинала,
Потом сказала:
«Зачем меня несло со львами спознаваться,
Когда мне рок велел всегда в грязи валяться».

1761

112

Мышь некогда, любя святыню,
Оставила прелестной мир,
Ушла в глубокую пустыню,
Засевшись вся в голланской сыр.

1762(?)

113

Блаженство общества всядневно возрастает;
Монархиня труды к трудам соединяет.
Стараясь о добре великих нам отрад,
О воспитании печется малых чад;
Дабы, что в отчестве оставлено презренно,
Приобрело ему сокровище бесценно;
И чтоб из тяжкого для общества числа
Воздвигнуть с нравами похвальны ремесла.
Рачители добра грядущему потомству!
Внемлите с радостью полезному питомству:
Похвально дело есть убогих призирать,
Сугуба похвала для пользы воспитать;
Натура то гласит, повелевает вера.
Внемлите важности монаршего примера:
Екатерина вас предводит к чести сей,
Спешите щедростью, как верностью, за ней.

Начало сентября 1763

114. ПЕТР ВЕЛИКИЙ

Его высокопревосходительству милостивому государю Ивану Ивановичу Шувалову, генералу поручику, генералу адъютанту, действительному камергеру, московского университета куратору и орденов Белого Орла, святого Александра, святыя Анны кавалеру.

Начало моего великого труда
Прими, предстатель муз, как принимал всегда
Сложения мои, любя российско слово,
И тем стремление к стихам давал мне ново.
Тобою поощрен в сей путь пустился я:
Ты будешь оного споспешник и судья.
И многи и сия дана тебе добро́та,
К словесным знаниям прехвальная охота.
Природный видит твой и просвещенный ум,
Где мысли важные и где пустых слов шум.
Мне нужен твоего рассудок тонкой слуха,
Чтоб слабость своего возмог признать я духа.
Когда под бременем поникну утомлен,
Вниманием твоим восстану ободрен.
Хотя вослед иду Виргилию, Гомеру,
Не нахожу и в них довольного примеру.
Не вымышленных петь намерен я богов,
Но истинны дела, великий труд Петров.
Достойную хвалу воздать сему Герою
Труднее, нежели как в десять лет взять Трою.
О если б было то в возможности моей;
Беглец Виргилиев из отчества Эней
Едва б с Мазепою в стихах моих сравнился,
И басней бы своих Виргилий устыдился.

Уликсовых сирен и Ахиллесов гнев
Вовек бы заглушил попранный ревом Лев.
За кем же я пойду? вслед подвигам Петровым
И возвышением стихов геройских новым
Уверю целые вселенныя концы,
Что тем я заслужу парнасские венцы:
Что первый пел дела такого Человека,
Каков во всех странах не слыхан был от века.
Хотя за знание служил мне в том талан,
Однако скажут все: я был судьбой избран.
Желая в ум вперить дела Петровы громки,
Описаны в моих стихах прочтут потомки.
Обильные луга, прекрасны бреги рек,
И только где живет российской человек
И почитающи Россию все языки,
У коих по трудам прославлен Петр Великий,
Достойну для него дадут сим честь стихам
И станут их гласить по рощам и лесам.
О как я возношусь своим успехом мнимым,
Трудом желаемым, но непреодолимым.
Однако ж я отнюдь надежды не лишен:
Начатой будет труд прилежно совершен.
Твоими, Меценат, бодрясь в труде словами,
Стремлюся на Парнас как легкими крилами.
В разборе убежден о правоте твоей,
Пренебрегаю злых роптание людей.
И если в поле сем прекрасном и широком
Преторжется мой век недоброхотным роком,
Цветущим младостью останется умам,
Что мной проложенным последуют стопам.
Довольно таковых родит сынов Россия,
Лишь были б завсегда защитники такие,
Каков ты промыслом в сей день произведен,
Для счастия наук в отечестве рожден.
Благополучная сияла к ним планета,
Предвозвещая плод в твои прекрасны лета.
В благодеяниях твои проходят дни,
О коль красно цветет Парнас в твоей тени!
Для музы моея твой век всего дороже,
Для многих счастия продли, продли, о боже.

Ноября 1 дня 1760 года.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Сокращение

Петр Великий, уведав, что шведские корабли идут к городу Архангельскому, дабы там учинить разорение и отвратить государев поход к Шлиссельбургу, отпустил войско приступать к оному. Сам с гвардиею предприемлет путь в Север и слухом своего приходу на Двинские устья обращает в бегство флот шведской. Оттуда простирая поход к осаде помянутой крепости, по Белому морю, претерпевает опасную бурю и от ней для отдохновения уклоняется в Унскую губу. Потом, пристав к Соловецкому острову для молитвы, при случае разговора о расколе, сказывает государь настоятелю тамошния обители о стрелецких бунтах, из которых второй был раскольничей.

Пою премудрого российского Героя,
Что грады новые, полки и флоты строя,
От самых нежных лет со злобой вел войну,
Сквозь страхи проходя, вознес свою страну;
Смирил злодеев внутрь и вне попрал противных,
Рукой и разумом сверг дерзостных и льстивных;
Среди военных бурь науки нам открыл
И мир делами весь и зависть удивил.

К тебе я вопию, премудрость бесконечна,
Пролей свой луч ко мне, где искренность сердечна
И полон ревности спешит в восторге дух
Петра Великого гласить вселенной в слух
И показать, как он превыше человека
Понес труды для нас, неслыханны от века;
С каким усердием отечество любя,
Ужасным подвергал опасностям себя.
Да на его пример и на дела велики
Смотря весь смертных род, смотря земны владыки
Познают, что монарх и что отец прямой,
Строитель, плаватель, в полях, в морях Герой.
Дабы российский род вовеки помнил твердо,
Коль, небо! ты ему явилось милосердо.

Ты мысль мне просвети; делами Петр снабдит,
Велика дщерь его щедротой оживит.

Богиня, коей власть владычеств всех превыше,
Державство кроткое весны прекрасной тише
И к подданным любовь всех высший есть закон,
Ты внемлешь с кротостью мой слабой лирной звон:
Склони, склони свой слух, когда я пред тобою
Дерзаю возгласить военною трубою
Тебя родившее велико божество!
О море! о земля! о тварей естество!
Монархини моей вы нраву подражайте
И гласу моему со кротостью внимайте.

Уже освобожден от ва́рвар был Азов;
До Меотиских Дон свободно тек валов,
Нося ужасной флот в струях к пучине Черной,
Что создан в скорости Петром неимоверной.
Уже великая покоилась Москва,
Избыв от лютого злодеев суровства́:
Бунтующих стрельцов достойной после казни,
Простерла вне свой меч без внутренней боязни.
От дерзкой наглости разгневанным Петром
Воздвигся в западе войны ужасной гром.
От Нарвской обуяв сомнительной победы,
Шатались мыслями и войск походом шведы.
Монарх наш от Москвы простер свой быстрый ход
К любезным берегам полночных белых вод,
Где прежде меж валов душа в нем веселилась
И больше к плаванью в нем жажда воспалилась.
О коль ты счастлива, великая Двина,
Что славным шествием его освящена:
Ты тем всех выше рек, что устьями своими
Сливаясь в сонм един со безднами морскими,
Открыла посреде играющих валов
Других всех прежде струй пучине зрак Петров.
О холмы красные и островы зелены,
Как радовались вы, сим счастьем восхищенны!
Что поздно я на вас, что поздно я рожден,
И тем толикого веселия лишен.
Не зрех, как он сиял величеством над вами
И шествовал по вам пред новыми полками;

Как новы крепости и новы корабли,
Ужасные врагам в волнах и на земли,
Смотрел и утверждал, противу их набегу,
Грозящему бедой Архангельскому брегу:
Дабы российскую тем силу разделить,
От Ингерских градов осады отвратить.
Но вдруг пришествия Петрова в север слухом
Смутясь, пустились вспять унылы, томны духом.

Уже белея понт перед Петром кипит,
И влага уступить, шумя, ему спешит.
Там вместо чаянных бореи флагов шведских
Российские в зыбях взвевали соловецких.
Закрылись крайние пучиною леса;
Лишь с морем видны вкруг слиянны небеса.
Тут ветры сильные, имея флот во власти,
Со всех сторон сложась к погибельной напасти,
На Запад и на Юг, на Север и Восток
Стремятся и вертят мглу, влагу и песок:
Перуны мрак густой, сверкая, разделяют,
И громы с шумом вод свой треск соединяют:
Меж морем рушился и воздухом предел;
Дождю навстречу дождь с кипящих волн летел;
В сердцах великой страх сугубят скрыпом снасти.
Герой наш посреде великия напасти
И взором и речьми смутившихся крепит,
Сквозь грозный стон стихий к бледнеющим гласит:
«Мужайтесь: промысл нас небесный искушает;
К трудам и к крепости напредки ободряет;
Всяк делу своему со тщанием внимай:
Опасности сея бог скоро пошлет край».
От гласа в грудь пловцам кровь теплая влиялась,
И буря в ярости кротчае показалась.

Я мышлю, что тогда сокрыта в море мочь,
Желая отвратить набег противных прочь,
Толь страшну бурю им на пагубу воздвигла,
Что в плаваньи Петра нечаянно постигла.

О вы, рачители и слушатели слов,
В которых подвиг вам приятен есть Петров,
Едина истина возлюбленна и сродна,

От вымыслов краса парнасских неугодна,
Позвольте между тем, чтоб слаба мысль моя
И голос опочил, труды его поя,
В Кастальски рощи я не с тем себя склоняю,
Что оным там сыскать красу и силу чаю:
Ключи, источники, долины и цветы
Не могут дел его умножить красоты;
Собой они красны, собой они велики.
Отважась в долгий путь, где трудности толики,
Ищу, чтоб иногда иметь себе покой;
В убежища сии склонитесь вы со мной,
Дабы яснее зреть с высоких мест и красных
Петра в волнах, во льдах, в огне, в бедах ужасных
И славы истинной в блистающих лучах.
Какое зрение мечтается в очах?
Я на земли стою, но страхом колебаюсь
И чаю, что в водах свирепых погружаюсь!
Мне всякая волна быть кажется гора,
Что с ревом падает обрушась на Петра.

Но промысл в глубину десницу простирает;
Оковы тяжкие вдруг буря ощущает.
Как в равных разбежась свирепый конь полях,
Ржет, пышет, от копыт восходит вихрем прах;
Однако доскакав до высоты крутыя,
Вздохнув, кончает бег, льет токи потовые,
Так Север, укротясь, впоследни восстенал.
По усталы́м валам понт пену расстилал;
Исчезли облака; сквозь воздух в юге чистый
Открылись два холма и береги лесисты.
Меж ними кораблям в залив отверзся вход,
Убежище пловцам от беспокойных вод,
Где в мокрых берегах крутясь печальна Уна,
Медлительно течет в объятия Нептуна.
В числе российских рек безвестна и мала,
Но предков роком злым Петровых прослыла,
Когда коварного свирепством Годунова
Кипела пролита невинных кровь багрова,
Как праотцев его он в север заточил,
Во влажном месте сем, о злоба! уморил.
Сошел на берег Петр и ободрил стопами
Места, обмоченны Романовых слезами.

Подвиглись бéреги, зря в славе оных род.
Меж тем способной ветр в свой путь сзывает флот.
Он легким к западу дыханьем поспешает
И мелких волн вокруг себя не ощущает.
Тогда пловущим Петр на полночь указал,
В спокойном плаванье сии слова вещал:
«Какая похвала российскому народу
Судьбой дана, пройти покрыту льдами воду.
Хотя там, кажется, поставлен плыть предел,
Но бодрость подают примеры славных дел.
Полденный света край обшел отважный Гама
И солнцева достиг, что мнила древность, храма.
Герои на морях Колумб и Магеллан
Коль много обрели безвестных прежде стран;
Подвигнуты хвалой, исполненны надежды,
Которой лишены пугливые невежды,
Презрели робость их, роптанье и упор,
Что в них произвели болезни, голод, мор.
Иное небо там и новые светила,
Там полдень в севере, ина в магните сила.
Бездонный Океан травой, как луг, покрыт;
Погибель в ночь и в день со всех сторон грозит.
Опасен вихрей бег, но тишина страшнее,
Что портит в жилах кровь свирепых ядов злее.
Лишает долгой зной здоровья и ума;
А стужа в севере ничтожит вред сама.
Сам лед, что кажется толь грозен и ужасен,
От оных лютых бед даст ход нам безопасен.
Колумбы росские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на восток,
И наша досягнет в Америку держава;
Но ныне настоит в войнах иная слава».
Надежды полный взгляд слова его скончал,
И бодрый дух к трудам на всем лице сиял.

Достигло дневное до полночи светило,
Но в глубине лица горящего не скрыло,
Как пламенна гора казалось меж валов
И простирало блеск багровой из-за льдов.
Среди пречудныя при ясном солнце ночи
Верьхи златых зыбей пловцам сверкают в очи.
От севера стада морских приходят чуд,

И воду вихрями крутят, и кверьху бьют,
Предшествуя царю пространныя пучины,
Что двинулся к Петру, ошибкою повинный,
Из глубины своей, где царствует на дне.
В недосягаемой от смертных стороне,
Между высокими камнистыми горами,
Что мы по зрению обыкли звать мелями,
Покрытый золотым песком простерся дол;
На том сего царя палаты и престол.
Столпы округ его огромные кристаллы,
По коим обвились прекрасные кораллы:
Главы их сложены из раковин витых,
Превосходящих цвет дуги меж туч густых,
Что кажет, укротясь, нам громовая буря;
Помост из аспида и чистого лазуря;
Палаты из одной иссечены горы;
Верьхи под чешуей великих рыб бугры;
Уборы внутренни покров черепокожных
Бесчисленных зверей, во глубине возможных.
Там трон жемчу́гами усыпанный янтарь;
На нем сидит волнам седым подобен царь.
В заливы, в океан десницу простирает,
Сафирным скипетром водам повелевает.
Одежда царская порфира и виссон,
Что сильные моря несут ему пред трон.
Ни мразы, ни борей туда не досягают,
Лишь солнечны лучи сквозь влагу проницают.
От хлябей сих и бездн владетель вод возник;
Воздвигли радостной морские птицы клик.
Он вслед к пловущему Герою обратился
И новости судов Петровых удивился.
«Твои, сказал, моря, над ними царствуй век;
Тебе течение пространных тесно рек:
Построй великой флот; поставь в пучине стены».
Скончали пением сей глас его сирены.
То было, либо так быть надобно б сему,
Что должен Океан монарху своему.

Уже на западе восточными лучами
Открылся освещен с высокими верьхами
Пречудных стен округ, из диких камней град,
Где вольны пленники, спасаяся, сидят.

От мира отделясь и морем и святыней,
Пример отеческих от древних лет пустыней,
Лишь только лишены приятнейших плодов
От древ, что подают и пищу и покров;
Не может произвесть короткое их лето;
Снегами в прочи дни лице земли одето.
Сквозь мрак и сквозь туман, сквозь буйных ветров шум
Восходит к небесам поющих глас и ум.
К сим строгим берегам великий Петр приходит,
Внимательный свой взор на здания возводит.
Из каменных бугров воздвигнута стена,
Водами ото всех сторон окружена,
Его и воинов с веселием приемлет;
Стрельбе и пению пустыня купно внемлет.
Навстречу с ликом Фирс усердствуя спешит
И, гостя осенив, в восторге говорит:
«Благословен твой путь всевышнего рукою:
Могущество его предходит пред тобою.
Он к сей с высот своих обители смотря,
О имени своем возвеселит царя.
Живущия его в сем месте благодати
Причастны новые твои да будут рати».
Монарх, от промысла избранный человек,
Вменил, что перед ним стоит Мельхиседек,
Победы прежние его благословляет
И к новым торжествам духовно ободряет.

Монарх, почтив труды и знаки чудных дел,
Строение вокруг и место осмотрел,
Спросил наставника: «Кто сими вас горами
Толь крепко оградил, поставя их руками?»
— «Великий Иоанн, твой сродник и пример,
Что россов превознес и злых агарян стер.
Он, жертву принося за помочь в бранях богу,
Меж прочими и здесь дал милостыню многу:
Пятьсот изменников поиманных татар,
Им в казнь, обители прислал до смерти в дар.
Работою их рук сии воздвиглись стены;
И праотцев твоих усердием снабденны,
В холодной сей стране от бурь покров дают,
Безмолвно бдение и безнаветен труд».

Сие в ответ дал Фирс и, указав на следы,
Где церьковь над врагом семь лет ждала победы,
Сказал: «Здесь каменны перед стеной валы
Насыпаны проти́в раскола и хулы.
Желая ереси исторгнуть, твой родитель
Исправить церькви чин послал в сию обитель:
Но грубых тех невежд в надежных толь стенах
Не преклонил ни глад, ни должной казни страх.
Крепились, мнимыми прельщенны чудесами,
Не двигнулись своих кровавыми струями;
Пока упрямство их унизил божий суд,
Уже в церьковной все послушности живут».

Монарх воспомянул, коль много от раскола
Простерлось наглостей и к высоте престола,
Вздохнув, повествовал ужасную напасть
И властолюбную Софии хитрой страсть.

Ах, музы, как мне петь? Я тех лишу покою,
Которых сродники, развращены мечтою,
Не тщились за Петром в благословенной путь,
Но тщетно мыслили против его дерзнуть.
Представив злобу их, гнушаюсь и жалею,
Что род их огорчу невинностью своею!

Какой бодрит меня и луч, и жар, и шум
И гонит вскорости смущенных тучу дум?
С прекрасной высоты, с великого Парнаса
Наполнился мой слух пронзающего гласа.
Минерва, Аполлон и девять сестр зовут
И нудят совершить священный спешно труд:
«Ты хочешь в землю скрыть врученно смысла злато?
Мы петь тебе велим; и что велим, то свято».
Уже с горы глашу богинь великих власть:
В спокойстве чтите вы предписанную часть.
Когда похвальных дел вы ходите по следу,
Не подражая в зле ни сроднику, ни деду,
Когда противна вам неправда, злоба, лесть
И в сердце царствует правдивость, совесть, честь;
Премена зла в добро явится дело чудно,
И за попрек хвалу вам заслужить нетрудно.
А вы, что хвалитесь заслугами отцев,

Отнюдь отеческих достоинств не имев,
Не мните о себе, когда их похваляю:
Не вас, заслуги их по правде прославляю,
Ни злости не страшусь, ни требую добра:
Не ради вас пою, для правды, для Петра.

Пять крат против меня, он сказывал, восстала
И царствовать сестра чрез кровь мою искала.
Измена с злобою на жизнь мою сложась,
В завесу святости притворной обвилась,
Противников добру крепила злы советы,
На сродников моих и на меня наветы.
Перед кончиною мой старший брат признав,
Что средний в силах слаб и внутренне не здрав,
Способность предпочел естественному праву
И мне препоручил Российскую державу.
Сестра под образом, чтоб брат был защищен
И купно на престол со мною посажден,
В нем слабость, а во мне дни детски презирала
И руку хищную к державе простирала.
Но прежде, притворясь, составила совет,
К которому бояр и все чины зовет
И церькви твердого столпа Иоакима;
Душа его была от ней непобедима.
Коварную начав с притворной скорбью речь,
Свои принудила и прочих слезы течь.
«Когда любезного Феодора лишились,
В какой печали мы, о небо, погрузились!
Но сверьх той вопиет естественный закон,
Что меньший старшему отъемлет брату трон.
Стрельцы и весь народ себя вооружают
И общей пагубой России угрожают.
Все ропщут: для чего обо́йден Иоанн:
Возложат на него убийством царской сан!»
Познав такую злость, ответствовал святитель:
«От жизни отходя, и брат твой и родитель
Избрание Петра препоручили нам:
Мы следовали их монаршеским словам».
Несклонного сего ответа ради гневна,
«С народом выбирать, — сказала им царевна, —
С народом выбирать, не запершись в чертог,
Повелевает вам и общество и бог».

Толстой к Софиину и Милославской слову,
По особливому сошедшиеся зову,
Согласно, дерзостно поборствовали ей,
Что нет правдивее премудрых сих речей.
Иоаким со всем представил купно ликом:
«Мы и́збрали Петра и сердцем и язы́ком.
Ему здесь вручена державы вышней часть:
С престола низвести уже не наша власть».
София, видя их против себя упорство,
Склонила замыслов к иной стезе проворство.
В надежде досягнуть своих желаний злых,
Совет дала венчать на царство обоих.
Однако патриарх отнюдь не колебался
И сими от того словами отказался:
«Опасно в обществе многоначальству быть,
И бог мне не велел того благословить».
И так восстав от ней с святительми отходит.
Софию страсть владеть в бесчувственность приводит.
Делят на скопищах Москву бунтовщики,
Готовясь ток пролить кровавыя реки.
Предходит бешенство, и наглость, и буянство,
И едка ненависть, и вождь раздоров, пьянство:
Обсели улицы, торги и воро́та;
На расхищение расписаны места.
Без сна был злобной скоп, не затворяя ока,
Лишь спит незлобие, не зная близко рока.

Открылся тайный ков, когда исчезла тень;
Багровая заря кровавый вводит день.
Наруж выходит, что умыслила София
И что советники ее велели злые.
Уже изменники-стрельцы сбежались в строй;
И Милославского орудие Толстой;
Толстой в бунтующих шеренгах разъезжает
И дерзких ложными словами поощряет.
Кричит, что Иоанн, младый царь, удушен,
Нарышкиными, ах! толь горько умерщвлен.
Тогда, свирепствуя, жестокие тираны
Ударили везде в набат и в барабаны.
Светило вешних дней оставя высоту,
Девятого часа скрывало красоту.

Внезапно в ужасе Москва зрит изумленна
Оружие на Кремль спешаще и знамена.
Колеса тяжкие под пушками скрыпят,
Глаза отчаянных кровавые горят.
Лишь дому царского, что должны чтить, достигли,
Как звери дикие рыкание воздвигли:
На месть спешите нам Нарышкиных отдать,
Или мы станем всех бить, грабить и терзать.
Бояре старшие, Матвеев, Долгорукой,
Представ, давали в том стрельцам себя порукой,
Что все волнуются напрасно обуяв,
Что Иоанн с Петром без поврежденья здрав
И только лишь о сем смущении печален.
Сим словом дерзкий бунт был несколько умален:
Все ждали, чтобы им младых царей узреть
И, в домы возвратясь, спокойствие иметь.
Увидев из своих чертогов то София,
Что пресекаются ее коварства злые,
Подгнету буйности велела дать вина,
Чтоб снова воспылав горела внутрь война.
Тут вскоре, разъярясь, стрельцы, как звери дики,
Возобновили шум убийственной музыки:
Подобно как бы всю Москву съедал пожар,
Царица, мать моя, прошением бояр
Для утоления всеобщия напасти
Презрев толь близкой рок, презрев горящи страсти,
Выводит нас с собой на красное крыльцо.
Опасность, слезы, гнев покрыл ее лицо;
И брата и меня злодеям показала,
И чтоб спокоились, со властью увещала.
Толпами наглые наверьх взбегали к нам,
И мы ль то? кликали обейх по именам.
Обличены вконец и правдой и присутством,
Хотят оставить злость неправедну с бесстудством
И часть бунтующих в обратной бьют поход.
Царевна, усмотрев, что тихнет злобный род,
Коварство новое в погибель составляет
И искры яркие в сердца стрельцам всыпает,
Сказав им собственну опасность и боязнь,
Что завтре лютая самих постигнет казнь,
И те им отомстят, что ныне в оных воле:
Пропущены часы не возвратятся боле.

Как на полях пожар в начале утушен,
Но вдруг дыханием из пепла оживлен
Сухой тростник, траву в дни летни поядает
И пламень слабые препятства превышает,
Подобно так стрельцы, страх с лютостью смешав
И поощрением злодейским воспылав,
В чертоги царские насильно устремились,
Убийством, наглостью неистово вломились.
Царица, мать моя, среди такого зла,
Среди отчаянья едва спастись могла,
Где праотцев престол в палату Грановиту,
Ко святости его и к вышнему в защиту.
В чертогах жалкой стон, терзанье и грабеж
И раздается крик: коли, руби и режь.
Одни Софиины покои лишь свободны,
И двери варварам бунтующим невходны.
Для убиения не нужен был в них иск:
На сродников моих направлен был их рыск.
Внезапно бóльшей шум сердца в нас утесняет:
В злодейственных руках Нарышкин возрыдает.
Не мог его закрыть и жертвенник святый.
Летит на копия повержен с высоты.
Текущу видя кровь, рыкают: любо, любо!
Пронзенного подняв, сие гласят сугубо.
Сего невинный дух, предтеча к небесам,
Оставил тленну часть неистовым врагам.
Немедленно мечи сверкают обнаженны,
И раздробляются трепещущие члены!
Царицей посланных к стрельцам увещевать,
Чтоб, кровь сию пролив, престали бунтовать,
Подобной лютостью злодеи похищают,
На копия с крыльца низвергнув, прободают.
Старейших стольников и знатнейших бояр
Подобный умертвил судьбины злой удар.
Там Ромодановской, о горькая кончина!
В последней раз взглянул на страждущего сына.
Там Долгорукого почтенный сан и вид
Меж членами других окровавлен лежит.
И красноречием несчастливой Матвеев,
Которого речьми пронзалась грудь злодеев,
Убит; но в смерти жив: что бледная глава
Движеньем кажет уст нескончаны слова.

Коль много после них невинно пострадали:
С царицыных очей злодеи дерзко брали,
На беззаконную влекли бесчестно казнь!
Скончался лютый день, осталася боязнь.

О скорбный лютый день и варварством ужасный,
День мне и сродникам для пагубы опасный!
Не помрачился он, как дерзостный Борис,
Сей смертоносной змей Димитрия угрыз,
Когда убивец злой вертел в гортани жало
И сердце матерне отчаясь обмирало.
Мне чувства изострил мой собственный пример,
Лишь вспомню, вижу я, как злится изувер.
В младенческом уме взор лютый вкоренился,
И ныне, вспомянув, я духом возмутился:
Волнуется во мне о том со гневом страх,
Как рождьшая меня держа в своих руках
Мой верьх и грудь свою слезами обмывала,
Последнего часа́, бледнея, ожидала;
Когда бесчувственной в продерзости злодей,
Гортани копием касаяся моей,
Ревел: скажи, где брат; или тебя и сына
Постигнет в миг один последняя година.
О промысл! в оной час ты чудо сотворил;
Злодейску руку прочь злодейской отвратил,
Из жаждущих моей погибели сыскался,
Кто б о моем тогда ж спасении старался.

В то время с Федором и Мартемьяном Лев,
По селам странствуя, скрывались меж дерев,
Вообразив своих невинну страсть, рыдали
И собственную смерть всечасно представляли.
Тогда почтенный муж при старости Кирил,
Последни дед мой дни в затворах тесных крыл,
Других, не своего терзания боялся,
Чтоб крови ток сынов пред ним не проливался.

В отчаяньи, в тоске, в стенании без сна,
Подобна смерти ночь тогда провождена.
Стрегущих зверской взор и осажденных бледность
Изображали вдруг насилие и бедность.

Злодейской вольностью плененная Москва
Казалась в пропасти погребена жива.
Как неусыпной червь, тоска всем грызла груди,
Но с светом больше скорбь почувствовали люди.
Везде тревогу бьют. Мятежнической крик,
Наполнив слезный град, до облаков достиг.
Рыканья зверские неистово возносят,
Нарышкина на смерть, ярясь, Ивана просят.
Грозят, что скоро всех постигнет строгий рок,
Прольется по Москве и слез и крови ток.
Но не дошла еще несчастного година,
Еще на день тоску оставила судьбина.
По граду из Кремля рассыпался мятеж:
В рядах, в домах, в церьквах насильство и грабеж.
Там жадность с наглостью на зло соединилась
И к расхищению богатства устремилась.
Презрение святынь, позор почтенных лиц,
Укоры знатных жен, ругательства девиц,
Лишение всего богатства превышали:
В сердцах правдивых стыд превсходит все печали.

Коль вечера сего благословен был мрак,
Что буйство прекратил и скрыл злодеев зрак.
Уже отяготясь весь день питьем излишним
И из несчастливых домов богатством хищным,
Шатаются, спешат своих достигнуть нор.
Градски́ врата блюдет их стража и запор.

Царевна, усмотрев, что время протекает,
А умысел ее конца не достигает,
Стрельцам назавтрее велела приступать,
И, наглость с ковом злым начав соединять,
К царице шлет больших бояр для уговору,
Чтоб брата и отца стрельцам дала без спору:
«Уже чинят присту́п ко красному крыльцу:
Без выдачи не быть смятения концу».
Для уважения в совете слов боярских
Представила особ опасность государских.
Нарочно якобы для утоленья зла
Сама в родившия меня чертог пришла.
«Для собственной твоей и для детей избавы
Свирепы укроти стрельцов, сказала, нравы,

Спаси себя и их, опасность отложи
И брата и отца для миру покажи.
Здесь дом Спасителев, защита есть велика.
Кто смеет их отнять от божеского лика?»
Последуя судьбе и льстивым толь словам,
Из потаенных мест Нарышкин входит в храм.
В слезах святый олтарь целует и объемлет,
И службе божией усердным духом внемлет,
Готовится принять страдальческий конец.
«Невинность, говорит, рассудит сам творец».
Тут руки мать моя царевнины лобзая,
Для братней пагубы всечасно обмирая,
Рыданием свою перерывала речь;
Иссякнув, не могли уж слезы больше течь:
«Для отческой к тебе, супружней мне любови
Не проливай еще моей невинной крови.
Представь, что сей по мне и Алексею брат
И дядя и отец его оставших чад».
София следовать велела за собою
Нарышкину к стрельцам, подняв его рукою,
С притворной жалостью. Царица от тоски
Держалася другой Ивановой руки.
Как волки хищные на агньца наскочили,
Стрельцы невинного внезапно ухватили,
Презрев царицыных и власть и святость рук,
Бесчестно за власы влекут на горесть мук.
Меж тем сестра себя пред черныо извиняла,
Что братей кровью сей от смерти избавляла.
Царица вне себя, не зная, что отец
В отсутствие ее неволей стал чернец,
Полуумершим вслед на брата смотрит взором,
Терпящего толь зло мучение с позором.
Несчастного на торг злодеи привлекли
И ложны клеветы, оставя стыд, взвели,
Что будто по своей он безрассудной страсти
Монаршеской искал продерзостию власти.
Без доказателей потом его терзав,
На копья подняли и кинули стремглав;
Отсекли варварски и руки и главу,
По злости слышат все в народе уж молву.
Там верные рабы преступникам грозили:
«Вы горьку казнь себе изменой заслужили.

Вас мстительный пожрет неукосненно меч,
И крови, как воде, достойно вашей течь.
Начáла только ждем: велика вся Россия
Исторгнет корень ваш за возмущенья злые».
Стрельцы хотя рабам сулили дать свободу,
И крепости подрав, сказали то народу;
Однако никакой не следовал успех.
Уже уразумев, что трудно встать на всех,
Свирепость праздником всеобщим окончали,
На царство брата вдруг со мною увенчали.
София воздала преступным мзду и честь
И граматы Москвой на злых глазах пронесть
Велела в торжестве, чтоб скрыть свои затеи:
Безвинные звались по смерти их злодеи.
Побитых имена читались на столпах
И верным Отчеству в сердца вливали страх.

Едва сей бурный вихрь несчастьем укротился
И я в спокойствии к наукам обратился,
Искал, где знания сияет ясной луч,
Другая мне гроза и мрак сгущенных туч
От суеверия и грубости восходит
И видом святости сугубой страх наводит.
Ты ведаешь раскол, что начал Аввакум
И Пустосвят-злодей, его сообщник дум.
Невежество почтет за святость старой веры,
Пристали ко стрельцам ханжи и лицемеры:
Хованской с сыновми, и мой и церькви враг,
Не устыдился быть в совете побродяг.
Здесь камни сношены к стенам на капитонов;
Там камни бросаны против святых законов.
О церьковь! о святынь исполненный олтарь!
О как дерзнула к вам коснуться злобна тварь!
Не можно их почесть в сообществе словесных,
Что смысл и совесть их и честь в пределах тесных.

Приносит службы долг муж свят Иоаким;
Мятежники вошли в храм сонмищем своим
К лицу святителя для вредного раздора,
Скрывая крáмолу под именем собора.
Когда от дерзости их кротко отвращал
И мирной разговор о вере обещал,

«Ты волк, ты хищник злой», — бесстыдно с шумом лают
И каменьем в него и в клир его бросают.
От наглых патриарх тогда еретиков
К монархам принужден склониться был в покров.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Сокращение

От Белого моря путешествуя Петр Великий к Шлиссельбургу через Олонец, осматривает горы; и приметив признаки руд и целительных вод, намеряется основать заводы, чтобы в близости производить металлы для новых войск и для флота. Нестройность Ладожского озера, пожирающего волнами снаряды и припасы, нужные к предприемлемому строению нового великого города и корабельной пристани на Балтийском море, подает ему мысль соединить Волхов с Невою впредь великим каналом. Между тем Шлиссельбургская крепость уже в осаде окружена новыми его войсками, и огнестрельными орудиями приведена в крайнее утеснение. Женской пол присылают из города просить о выпуске; на что отказано: российское-де войско не за тем город обступило, чтобы жен разлучить с мужьями. Между тем по учиненному приготовлению дан знак к приступу. Мужественному и сильному нападению неприятель противится весьма упорно. Государь, увидев, что у приступающих к городу лествицы коротки и шведы, обороняясь храбро, причиняют немалой вред россиянам, послал с указом отступить назад, чтобы после с новыми лествицами наступление учинить благополучнее. Посланному главной предводитель на приступе князь Голицын ответствовал, что уже большая трудность преодолена; а если снова приступ начинать, то больше людей потерять должно. После того вскоре чиненым разорванным бревном сброшен, с приступной лествицы упал замертво на землю. Между тем почти без предводительства россияне на город стали всходить; и шведы, спасения отчаясь, подают знак к сдаче. По вступлении оных выпущены из города по договору тремя учиненными во время приступа проломами.

О войско славное, потомки тех героев,
Что, следуя Петру по жатве многих боев,
Торжественные ввек приобрели венцы,
Отечество в земны прославили концы,

Я вашим мужеством в труде сем ободряюсь
И сердцем и умом меж вами обращаюсь:
Воюйте счáстливо, сравните честь свою
Со предков похвалой, которую пою.
Военны подвиги Петровы начинаю,
В отцах и в дедах вам примеры представляю.
Неустрашимость их изобразит мой глас,
Что чувствуете вы наследственную в вас.
Ступая мужески в похвальные их следы,
Монархине своей приносите победы,
Где ваш оружный звук восходит до небес
И по путям везде растет лавровой лес.
Там Немень с Преглою, там Висла, Одра, Шпрея,
Живое ваших дел мечтание имея,
Текут с почтением, как при Петре текли,
Где с трепетом его встречали короли.
И реки и поля вам к вечной славе двери
Отверзли, чувствуя его в великой дщери.
Противные страны геройством и трудом
Вы в собственной себе преобратили дом.
И солнце, к нам спеша в обратной колеснице,
Готовит новый блеск российской багрянице:
Чтоб нашей радостью украсить новый год,
Вторично угобзить успехами поход.
Дыханья нежные, рожденные весною,
Повеют, бодрому споспешествуя строю;
Прохладная роса от благовонных трав
К отраде вам прольет обилие забав.
Богатые плоды в дни летние пожните,
Монархине своей сторичный принесите.
Завистникам своим не оставляйте зерн;
Оставьте плевы им, сухой тростник и терн,
Чтоб, чувствуя в груди язвление их, злоба
Несноснее почла затворов мрачных гроба;
Чтоб гордостью своей наказанный Берлин
Для беспокойства царств не умышлял причин
И помнил бы, что Петр ему был оборона:
Его десницею удержана корона,
Чем ныне красится среди земных владык:
Великим он Петром на свете стал велик.
Всех ныне дел его имеет дщерь наследство:
Пусть Карловых он дней себе представит бедство

О коль бы в жизни я благополучен был,
Когда бы действие усердых ваших сил
Изобразив в водах прохладной Иппокрены,
Воспел с подвижники Петровыми сравненны,
Елисаветиных певцем бы стал побед;
Но ныне труд Петров к себе мой дух влечет.

Где Ладога в Неву вливает быстры воды,
Стеною огражден тут остров в древни годы.
Российска сей оплот поставила рука.
С негодованием шумела вкруг река,
Что проливалася в чужую власть насильно;
Спасенна, ныне к нам несет дары обильно.
Во влаге начертав Петрова града вид,
Что красит дщерь его, покоит и живит.
Блаженные струи брег туком напояют.
Прохладной влагой всю окрестность ободряют,
Защитникам своим похвальной внемлют стих,
Всю тягость позабыв отверженных вериг.

В несчастье некогда Россия утомленна
Вечерних сих брегов крушилася лишенна,
Как готские полки для помощи пришед,
В противность нанесли странам российским вред;
Как тягость сил своих Москву повергла к низу;
Дряхлея, сетуя, оделась в мрачну ризу.
Лишенна красоты монаршего венца,
Злосчастью своему не видела конца.
Измена, зависть, злость, раздор, братоубивство
Преобратили всё в погибель, в кровопивство.
Исчезло истинных рачение похвал,
Везде свирепый рок отечество терзал;
Пока Пожарского и Трубецкого ревность,
Смотря на праотцев, на славну россов древность,
Пресекла наконец победою напасть,
И обществом дана Петрову деду власть.
Младый монарх во град поверженный приходит
И на развалины плачевный взор возводит.
Отрада россов всех по скорби, Михаил,
О как крушился ты, рыдал и слезы лил!
Что мыслил ты, ступив на высоту престола,
Стоящего среди плачевного всем дола?

Там храмов божиих старинный труд верьхи
По стогнам и по рвам повергнули враги.
Еще восходит дым от хищного пожара,
И воздух огустел от побиенных пара.
На торжищах пустых порос колючей терн,
Печальной Кремль стоит окровавлен и черн.
Чертоги царские, церковные святыни
Подобно сетуют как скучные пустыни.
О горесть! но твоя великая душа,
В геройской младости утешить нас спеша,
Присутством и трудом печальных ободряет,
Отечество из бездн глубоких воздвигает.
К приумножению благословенных дней
Наследовал тебе подобный Алексей.
Он россам возвратил старинное наследство,
Злодеев истребил и усмирил соседство.
Обратно приобресть вечерние страны
Петру Великому судьбой поручены.

Уже Ореховец стесняется в осаде,
И в каменной крепясь противится громаде,
Российским воинством отвсюду окружен;
Но готской гордостью в надежде вознесен,
На бреги, на валы, на множество взирает
И, видя новые полки, пренебрегает.
К пособству призывать старается с границ,
Поставив знамена на высоте стрельниц.
Тогда Кексгольмская уразумев Корела
К осадным на судах прийти не укоснела.
Прибывшим воинством противник подкреплен
И пищей и ружьем избыточно снабден,
Все мысли устремил к жестокому отпору,
Надеясь получить от Карла помочь скору.

Монарх наш, преходя Онежских крутость гор,
Свой проницательной кругом возводит взор,
И видя, что из них исшедшие потоки
Несут из крутизны металлически соки,
Богатства, здравия являются ключи,
Блестят из мрачных мест сокровищей лучи,
Сказал: «Ты можешь мне произвести, Россия,
Целебны влажности и жилы золотые.

Но ныне для твоей бессмертной похвалы
Спешу против врагов чрез горы и валы;
Железо мне пролей, разжженной токи меди:
Пусть мочь твою и жар почувствуют соседи
И вспомнят, сколько нам произвели обид».
Надеждой, ревностью блистал геройской вид.

Принесши плод земля, лишилась летней неги;
Разносят бледной лист бурливых ветров беги;
Летит с крутых верхов на Ладогу борей,
Дожди, и снег, и град трясет с седых кудрей.
Наводит на́ воду глубокие морщины:
Сквозь мглу ужасен вид нахмуренной пучины.
Смутившись тягостью его замерзлых крыл,
Крутится и кипит с водой на берег ил.
Волнами свержены встречают гору во́лны
И скачут круг нее, печальных знаков полны:
Между запасами колеблется там дуб,
Между снарядами пловцев российских труп.
Там кормы, дна судов рассыпаны, разбиты.
Монарх узрев в пути, коль злобен рок несытый,
Вздохнул из глубины и буре запрещал,
И в сердце положил великий труд, Канал,
Дабы российскою могущею рукою
Потоки Волхова соединить с Невою.

О реки близкие, но прежде разделенны,
Ликуйте, тщанием Петровым сопряженны;
Струями по тому ж играючи песку,
Забудьте древнюю друг о́ друге тоску.
Вливайте вы себе взаимную отраду,
Благодаря, плоды к его носите граду.

На свой ты, Волхов, рок негодовал в пути,
Что не в Неву тебе, но в Ладогу идти
Судьбой поставлено, и бурями терзаться,
И силы потеряв, едва в нее вливаться.
Коль часто ты вздыхал, чтоб вкупе завивать
Струи и в море вдруг течение скончать.
Ты выше берегов, смущаясь, поднимался,
То под землей сыскать ход тайной покушался.
Везде против любви поставлен был оплот:

Не мог ты одолеть ни хлябей, ни высот,
Пока Великий Петр, презрев упругость рока,
Тебе дал путь и нам довольство от востока.

Он, оком и умом вокруг места́ обшед,
Избранные полки к Ореховцу ведет.
Животворящему его прихода слуху
От Ладоги в Неву флот следует по суху.
Могущих российских рук не воспящает лес;
Пример изображен тут Ольговых чудес.
Пред цареградскими высокими стенами
Он по полю в ладьях стремился парусами.
Здесь вместо ветра был усердый наших дух,
И вместо парусов спряженны силы вдруг.
Уже суда ходя по собственной стихии,
На Шведской брег везут защитников России:
Там тысяща мужей, преправясь чрез Неву,
Надежду подают к победам, к торжеству.
На ров, на вал бегут, врагами укрепленный;
Даются шведы в бег от россов устрашенны.
И Шереметев, став на оном берегу,
Отвсюду запер путь к спасению врагу.
Уже к начальнику под крепость посылает,
Свободной выход всем без бою обещает:
Что им против Петра не можно будет стать,
Напрасно кровь хотят отвсюду проливать,
И сдача города не будет им зазерна.
Но готы, помощи надеяся от Горна,
Сказали, от него приказу к сдаче ждут.
На лживой их ответ громады вдруг ревут,
Пылают всех сердца, присутствием разжженны,
От сил их потряслись упорства полны стены.
Обширность воздуха курению тесна,
И влажная огнем покрыта быстрина.
Гортани медные рыгают жар свирепый;
Пылая зелие железны рвет заклепы.
Представь себе в пример стихий ужасный спор,
Как внутренность кипит воспламененных гор,
Дым, пепел и смола полдневну ясность кроют
И выше облаков разжженны холмы воют,
Трещат, расседавшись во облачной воде,
Сугубят гром и страх, сражаясь в высоте,

Грознее как в земном ярились прежде чреве.
В таком трясении, во пламени и реве
Стоит отчаявшись противу росса швед,
В ничто вменяет кровь и презирает вред.
Однако в пагубе, в смятении великом,
Подвигнут женским был рыданием и криком:
Растрепанны власы и мертвость бледных лиц,
И со младенцами повергшиеся ниц
Мужей к смягчению россиян преклоняют.
Уже из крепости с мольбою присылают:
«Избавьте от страстей, от бедства слабых жен,
И дух ваш на мужчин пусть будет изощрен.
Из нужной тесноты дозвольте им свободу;
Являйте мужество крепчайшему их роду».
От предводителя осады дан ответ,
Что толь свирепого у россов нраву нет:
Между супругами не учинят разлуки;
Вы вместе выступив из стен избавьтесь му́ки.
С отказом зашумел из жарких тучей град,
Перуны российские и блещут и разят.
Напрасно из дали́ противны подъезжают
Осадных выручать: ни в чем не успевают.
Готовится везде кровопролитной бой,
И остров близ врагов под нашей стал пятой.
Приемлет лествицы охотная дружина;
Перед очами их победа и кончина.
Иным летучей мост к течению готов,
Иные знака ждут меж Ладожских валов.
Дивятся из дали́ в стенах градских пожару,
Призывного на брань не слышавши удару.

Как туча грозная вися над головой,
Надута пламенем, сокрывшимся водой,
Напрягшуюся внутрь едва содержит силу,
Отъемлет, почернев, путь дне́вному светилу,
Внезапно разрадясь, стесняет громом слух,
И воздух, двигаясь, в груди стесняет дух;
Сугубят долы звук и пропасти глубоки,
И дождь и град шумит, и с гор ревут потоки.
Земля, вода, леса поколебались так,
Когда из многих вдруг жерл медных подан знак,
И Ладога на дне во глубинах завыла.

Стоящая на ней самоизвольна сила,
Удара и часа́ урочного дождав,
Спешит на подвиг свой, на положенье глав;
Им к разным путь смертям течение прекрасно.
Представь себе, мой дух, позорище ужасно!
От весел шум и скрып, свист ядр и ма́хин рев
Гласят противникам Петров и божий гнев.
Они упрямством злым еще ожесточены,
Покрыв смертельными орудиями стены,
Судьбину силятся на время отвратить
И смертью росскою свою смерть облегчить.
Как вихри сильные, стесненные грозою,
Полки российские сперлися пред стеною.
К приступу Карпов, вождь Преображенских сил,
Всех прежде начал бой, всех прежде смерть вкусил.
Свинцом лежит пронзен сквозь чрево и сквозь руку,
Бьючись дал знать с душей и с храбростью разлуку.

Сквозь дым, сквозь кровавых сверкание мечей
Вперяет бодрых Петр внимание очей
И лествиц краткость зрит, поставленных к восходу,
В приступе своему губительну народу:
Не могут храбрые стен верху досягнуть
И тщетно верную противным ставят грудь,
Стремяся отвратить ражение их встречно.
О коль велико в нем движение сердечно!
Геройско рвение, досада, гнев и жаль,
И для погибели удалых глав печаль!
Смотря на воинства упадок бесполезный,
К стоящим близ себя возвел зеницы слезны:
«Что всуе добрых мне, сказал, сынов губить?
Голицыну спеша́, велите отступить».
Примером показал монарх наш, что герои
Не радостию чтут кровопролитны бо́и;
И славных над врагом прибыточных побед
Покрытый трупами всегда прискорбен след.

Меж тем подвижники друг друга поощряют
И лествиц мужеством короткость дополняют.

Голицын, пламенем отвсюду окружен,
Сказал: «Мы скоро труд увидим совершен;
Чрез отступление от крепости обратно
В другой еще присту́п погибнет войск двукратно.
И если государь желает город взять,
Позволил бы нам бой нача́тый окончать».
С ответом на́ стену пред всеми поспешает,
Солдатам следовать себе повелевает:
«Бесчестен в свете вам и смертен здесь возврат;
Преславно торжество, конец ваш будет свят:
Дерзайте мужеством отечество прославить,
Монарха своего победою поздравить».
На копья, на мечи, на ярость сопостат,
На очевидну смерть россияне летят.
Противники огнем разят и влажным варом,
Железом, камнями, всех тягостей ударом.
На предводителя поверженно бревно
Свирепым зелием упало разжжено.
Он, сринут, побледнел меж трупами бездушных
И томным оком зрит оружников послушных;
Еще старается дать к твердости приказ,
Еще пресеченной болезнью нудит глас.
Ревнители его и слову и примеру,
Держа в уме царя, отечество и веру,
Как волны на крутой теснятся дружно брег;
Вспященный крутизной возобновляют бег,
До прежней вышины от низу встав ярятся,
И скачущих верьхи кудрявые крутятся,
Старинных корни древ и тяжки камни рвут.
Со обейх сторон стоял сомненный рока суд.

Меж тем ревнительны сердца к звездам восходят,
Святого с горних мест героя в мысль приводят.
Поборник Александр издревле сих брегов
Зрит грозно ополчен над ними на врагов.
Уже высокий всход с землей бысть мнится равен,
И Ярославов сын среди царей преславен,
Являя сродный зрак Великого Петра,
Оружием звучит чистейшим серебра,
Святою силою противных устрашает,
Россиян важностью десницы укрепляет.
Защиту древнюю от сильного плеча,

Броней, копья́, щита, и шлема, и меча
Воспомянув места, веселый плеск воздвигли,
Что избавления желанного достигли,
Достигли наконец желанных тех времен,
Что паки Александр для них вооружён.

В священной дерзости то представляет воин,
По мыслям, по делам бессмертия достоин,
Высок усердием, надеждою легóк,
Чрез мертвые тела на свой ступает рок.
По крепких подвигах, к успеху неудобных,
И по волнениях противных и способных
Взливается на стен кровавых высоту,
Наводит на врагов боязнь и тесноту.
Наполнился весь град рыдания и плача.

Уже не Нарвская, о готы, вам удача:
Не местничество здесь и не оплошной Крой,
Не старой брани вид, не без порядка строй;
Великий правит Петр рожденное им войско,
И Шереметева рачение геройско
Отмщеньем дышущих бодрит напор сердец.
Увидев крепости в сражении конец,
Вы неизбежну смерть покорством предварили
И белой к сдаче знак по ветру распустили.

Умолкнул грозный звук со обои́х сторон;
Лишь слышен раненых плачевный вой и стон.
Вандалы выпуску с военной честью просят
И городских ворот ключи Петру приносят,
На победителя в восторге взводят взор
И укрепляют свой о сдаче договор.
Коль радостная там, коль красная премена!
Уж веют на стенах российские знамена,
Изображаются, Нева, в твоих струях.
Тимпанов мирный шум при радостных трубах
Забыть велит сердцам минувших тучей громы;
И шведы тщатся в путь в свои достигнуть до́мы.

Обычай воины из древних лет хранят,
Чтоб храбрых почитать по сдаче сопостат:

Признáки мужества в руках их оставляют
И славу тем своей победы уважают.
Победоносец наш жар сердца отложил
И первый кротостью успех свой посвятил:
Снабдил противников к отшествию судами.
Оставив стену, зрят прискорбными очами.
Распущенны на ветр знамена, трубный шум
Печальной радостью теснят их вольной ум.
На волю им пути прискорбны, стен проломы,
Что отворили им из рук российских громы.
По грозным толь страстям и по таком труде
Начало чувствуют предбудущей беде.

В отечестве сказать сей случай поспешайте.
И побежденны быть от россов привыкайте.
Скажите ваш домой почтительный возврат,
Что выпущены вы пространством новых врат.
И Карлу вашему победу возвестите,
Что Петр отечеству и к славе и к защите
Над вами получив, наследство возвратил
И ближе к Швеции простер шум орлих крил.
Пускай в Германии герой ваш успевает,
Отверсты городы свободно протекает,
В рожденной счастием кичливости своей
Низводит с высоты и взводит королей;
Пусть дерзостно спешит, как буйный ветр, к востоку
И приближается к предписанному року.
Не нáйдет Дария, чтоб Александром стать:
Не спорит меж собой, развратна прежде, рать;
Петрову новому учению послушны,
Россияне стоят в полках единодушны.
Движением своих величественных сил
Народу новый дух и мужество вложил.
Восток и Океан его послушен слову:
Карл пышностью своей возвысит честь Петрову.

Разливы Невские на устиях шумят
И течь россиянам во сретенье хотят.
Там нимфы по брегам в веселии ликуют,

И в осень зе́фиры между древами дуют,
Вменяя, что лице земное расцвело.

Тогда возвел монарх веселое чело
К начальникам своих победоносных ратных,
Что видит в целости другов своих обратных.
Отрада всех живит, стократно выше бедств.
Отвсюду слышен глас желаний и приветств:
«Уже нам, государь, твоими в запад персты
Врата для подвигов торжественных отверсты;
И промысл дал тебе земли и моря ключ:
По их обширности распростирай свой луч.
Нам сносны все труды и не ужасны смерти;
Лишь только бы твоих врагов гордыню стерти,
Отечеству подать довольство, честь, покой
И просветить народ, как дух желает твой».
Усердным толь речам Петр радостно внимает;
Но к городским стенам приближась, воздыхает;
Смотря на разные пове́ржения тел,
Кому как умереть предписан был предел;
Прощается у них печальными устами:
«О други верные, я вашими кровями
И общих и своих преодолел врагов:
Небесных радуйтесь сподобившись венцов.
Примером с высоты другим по вас сияйте
И мужество в сердца полкам моим вливайте».
Рыдание конец был жалкой речи сей,
И манием дал знак к сокрытию костей.

Чрез стены проходя от древности наследны,
Что были долго нам от межусобства вредны,
Он оком облетел преодоленный град;
Рассматривает сам всё множество громад.
Между различными едина изваянна
Великим именем являет Иоанна.
Сей бодрый государь в Россию первый ввел
На бранях новый страх земных громовых стрел.
Неслыханны пред тем и сильные удары
Почувствовав от нас против себя татары,
Вовек отчаялись над россами побед:
Скончался с гордостью ордынскою Ахмет.
Сие старинное орудие военно

В смущенны времена осталося плененно.
На выгоды свои, на знаки наших бед
Смотря с веселием, тогда гордился швед.
Теперь против него обратно пусть пылают
И вместо радости во брани устрашают.
Коль многи тягости оружий роковых,
Что в приступлении вредили нас и их,
Лежат по улицам и бомб и ядер кучи,
Наметанные там из грозной россов тучи.
Меж целыми число расседшихся громад,
Что выше сил своих на нас пускали град.
Там потрясенный дом на дом другой склонился,
Иной на улицу повержен разрушился.
По всходам, по стенам, по кровлям угли, прах
Показывают вид, каков был самой страх.

О смертные, на что вы смертию спешите?
Что прежде времени вы дру́г друга губите?
Или ко гробу нет кроме войны путей?
Везде нас тянет рок насильством злых когтей!
Коль многи, вышедши из матерней темницы,
Отходят в тот же час в мрак черныя гробницы!
Иной усмешкою отца повеселил
И очи вдруг пред ним вовеки затворил.
Готовому вступить во брачные чертоги
Пронзает сердце смерть и подсекает ноги.
В средине лучших лет иной устроив дом,
Спокойным говорит, льстясь здрав пребыть, умом:
Отныне поживу и наслаждусь трудами;
Но час последней был, скончался со словами.
Коль многи обстоят болезни и беды,
Которым, человек, всегда подвержен ты!
Кромé что немощи, печали внутрь терзают;
Извне коль многие напасти окружают.
Потопы, бури, мор, отравы, вредный гад,
Трясение земли, свирепы звери, глад,
Падение домов, и жрущие пожары,
И град, и молнии гремящие удары.
Болота, лед, пески, земля, вода и лес
Войну с тобой ведут, и высота небес.
Еще ли ты войной, еще ль не утомился
И сам против себя вовек вооружился?

Но оправдал тебя военным делом Петр.
Усерд к наукам был, миролюбив и щедр,
Притом и меч простер и на море и в поле.
Сомнительно, чем он, войной иль миром боле.
Другие в чести храм рвались чрез ту вступить,
Но ею он желал Россию просветить.
Когда без оныя не ввел к нам просвещений,
Не может свет стоять без сильных воружений.
На устиях Невы его военный звук
Сооружал сей град, воздвигнул Храм наук;
И зданий красота, что ныне возрастает,
В оружии свое начало признавает.

Посмотрим мысленно на прежни времена;
Народам первенство дает везде война.
Науки с вольностью от зверства защищает
И храбрых мышцею растит и украшает.
Оружие дано природою зверям;
Готовить хитростью судьба велела нам.
Народы дикие, не знаючи науки,
Воюют прáщами и напрягают луки.

Открой мне бывшие, о древность, времена;
Ты разности вещей и чудных дел полна.
Тебе их бытие известно всё единой:
Что приращению оружия причиной?
С натурой сродна ты, а мне натура мать:
В тебе я знания и в оной тщусь искать.

Уже далече зрю в курении и мраке
Нагого тела вид, не явственный в призраке.
Простерлась в облака великая глава,
И ударяют в слух прерывные слова:
Так должно древности простой быть и не ясной
С народов наготой, с нетщанием согласной!

Велит: «Ты зрение по свету обведи,
По мест различности и веки рассуди,
И мысльми обратить на новые народы
(Простерла руку в даль из облаков чрез воды).
Там вместо знания военных всех наук
Довольна мнится быть едина твердость рук;

Там знают напрячись коленом и бедрою,
Нагая грудь и лоб, броня и шлем есть к бою:
Иные, камни взяв с земли, друг друга бьют;
Сломив уразину, нагие члены рвут.
Дреколия концы огнем там прижигают,
И, заостривши их, противников пронзают.
Там тучи страшные на воздуха предел
Терновых, костяных, железных воют стрел.
При накрах движут дух свирели, барабаны,
И новость стен трясут пороки и тараны.
Но инде с ужасом трудолюбивой ум
Услышал для войны огня приличной шум.
Европа там гремит, сама в себе пылая,
Коль часто фурия свирепствует в ней злая!
Кровавая война от века так течет,
Так хитрость бранная от первых дней растет.
Рок кровью присудил лице земли багровить;
Монархам надлежит оружие готовить.
Ваш Петр за широту пределов меч простер;
Блаженству росскому завиствующих стер.
И ныне дщерь торжеств бессмертность утверждает,
Огней ражение искусством умножает.
Елисаветины военные дела
Как мирные вовек венчает похвала».

Уже россияне мест дряхлость очищают
И рухлость стен, стрельниц прилежно укрепляют,
Дабы лежащий град восстал и был готов
Оружие поднять и отвратить врагов.
Преславный в путь вступил вандалов победитель
Во град, где праотцы и храбрый где родитель
Оставили своих заслуг великих знак.
Коль радостен там был Москвы священный зрак!

Но, муза, помолчи, помедли до трофеев,
Что взяты от врагов и внутренних злодеев:
Безмерно больше труд напредки настоит;
Тогда представь сея богини светлый вид.

1756—1761

115. ТАМИРА И СЕЛИМ

Краткое изъяснение

В сей трагедии изображается стихотворческим вымыслом позорная погибель гордого Мамая царя татарского, о котором из российской истории известно, что он, будучи побежден храбростию московского государя, великого князя Димитрия Иоанновича на Дону, убежал с четырьмя князьми своими в Крым, в город Кафу, и там убит от своих. В дополнение сего представляется здесь, что в нашествие Мамаево на Россию Мумет царь крымский, обещав дочь свою Тамиру в супружество Мамаю, послал сына своего Нарсима с некоторым числом войска на вспоможение оному. В его отсутствие Селим, царевич багдатский, по повелению отца своего перешед через Натолию, посадил войско на суда, чтобы очистить Черное море от крымских морских разбойников, грабивших багдатское купечество. Сие учинив, приступил под Кафу, в которой Мумет, будучи осажден и не имея довольныя силы к сопротивлению, выпросил у Селима на некоторое время перемирия, в том намерении, чтобы между тем дождаться обратно с войском сына своего Нарсима. После сего перемирия в перьвый день следующее происходит в Кафе, знатнейшем приморском городе крымском, в царском доме.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Мумет, царь крымский.
Мамай, царь татарский.
Тамира, царевна крымская, дочь Муметова.
Селим, царевич багдатский.
Нарсим, царевич крымский, брат Тамирин.
Надир, брат Муметов.
Заисан, визир Муметов.
Клеона, мамка Тамирина.
Два вестника.
Воины.

Действие первое

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Тамира и Клеона.

Тамира

Настал ужасной день, и солнце на восходе,
Кровавы пропустив сквозь пар густой лучи,
Дает печальной знак к военной непогоде,
Любезна тишина минула в сей ночи́.
Отец мой воинству готовиться к отпору
И на стенах стоять уже вчера велел.
Селим полки свои возвел на ближню гору,
Чтоб прямо устремить на город тучу стрел.
На гору как орел всходя он возносился,
Которой с высоты на агньца хочет пасть;
И быстрой конь под ним, как бурной вихрь, крутился,
Селимово казал проворство тем и власть.
Он ездил по полкам, пока тень мрачной ночи
Закрыла от меня поля, его и строй.
Потом и томные хотя сомкнулись очи,
Однако видела его перед собой;
Во сне ли было то, или то было в яве:
Смущался мысльми сон, смущались мысли сном;
Селим казался мне великолепен в славе,
Таков осанкою, Клеона, и лицом,
Как в перемирны дни скакал перед стенами,
Искусством всех других и взором превышал,

И стрелы пущенны уже под облаками
Направленными вслед стрелами рассекал.

Клеона

Багдатско воинство умножилось без счета!
При всходе светлыя я видела луны,
Что мо́сты, и пути, и городски ворота
Противных силою везде осаждены.
Ночно молчание боязнь усугубляло,
И слезы по лицу бледнеющих лились.

Тамира

Теперь сражение конечно уж настало;
Клеона, посмотри и скоро возвратись.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Тамира
(одна)

О как смущен мой дух! я знаю и заочно,
Селим противу стен стоит напереди.
Боюсь, чтоб кто его не ранил ненарочно
И не вонзил стрелы от нас в его груди!
Я ей не чаю быть такого кровопивца,
Кто б с умыслу хотел направить лук в него!
О небо, отврати свирепого убивца
И сокрушить не дай тем сердца моего!
Ах, что я делаю? что в мысли я имею?
Я тем родителя и бога прогневлю,
Что общего врага отечеству жалею!
Никак, Селимом я пленилась и люблю?
Однак и без любви ему ль желать мне року?
Тот злою львицею в пустых горах рожден,
Кто, видя с младостью природу в нем высоку,
К жалению по нем не будет побужден.
Что он противу нас вооружился в поле,
Сыновняя любовь и должности велят.
И как родительской не согласиться воле?
Отец его, отец, не он нам сопостат.
Он счастлив, что ему есть в старости замена.
Благополучна мать, что в свет произвела!

И ежель есть сестра, то коль она блаженна,
Что с лет младенческих с ним купно возросла!
Но коль родилась та на свет благополучно,
Которой щедрая устроила судьба,
Чтобы с Селимом жить до смерти неразлучно!
О как волнуюсь я! какая внутрь борьба!
Теперь я признаю, что некотора сила
Неосторожной дух уже взяла во власть
И сердце нежное к Селиму преклонила:
К нему я чувствую в себе любовну страсть!
Любовь меня влечет его смотреть на стены.
Куда? и как? или на стрелы устремлюсь,
Что ныне против нас шумят как град сгущенный?
Но я уязвлена и стрел уж не боюсь.
Ах, что терзаюсь я, бессчастная, не зная;
Селиму, может быть, в отечестве своем
Любима и любви залог взяла иная;
О чем крушуся я, не рассудя о чем?
Суровая война, тобою учинилось,
Что тот противник наш, которого люблю!
Однако где бы мне видать его случилось?
Я время суетным мечтанием гублю.
Не лучше ли просить от верныя совету
И способов скоряй к отраде мне искать?
Однако ждать могу ль утешного ответу?
И как осмелюсь я Клеоне всё сказать?

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТИЕ

Тамира и Клеона.

Клеона

Престань себя смущать, дражайшая царевна.
Какие вижу я премены на лице!
Оставь боязнь: в сей час минет судьбина гневна;
Весь страх мне кажется при самом быть конце.

Тамира

Никак, уж ворвались к нам в город сопостаты,
И превратился страх в отчаянну печаль?

Клеона

Теперь всходила я в высокие палаты
И на багдатские полки смотрела вдаль.

Тамира

Ты видела полки? ты видела Селима?

Клеона

Я видела, что он отшел уже от стен,
И кажется, что прочь совсем идет от Крыма,
Неведомо какой причиной побужден;
Я чаю, утомясь, не хочет больше бою.

Тамира

Никак, ему какой предатель изменил;
Или отец объят нечаянно войною
И требует себе его на по́мочь сил.
Я чаяла конца, и по паденьи мнимом,
Оплакав кровь граждан и стен оставший прах,
Мне будет следовать во узах за Селимом
И при Евфратских жить невольницей брегах.

Клеона

Тот ужас миновал: военные снаряды
Противники всходя на корабли несут,
Кафа избавилась от грозныя осады.
Что слезы по лицу, дражайшая, текут?
Никак, от радости? однако воздыханья
И твой прискорбной взор иное кажут мне.
Или ужасные и грозные мечтанья
Обеспокоили младую мысль во сне?
Или враги в ночном призра́ке победили?
Никак, представилось падение сих стен?
Что Крымски го́роды и села пусты были,
Что царь и дом его был взят в поносной плен?

Тамира

Ах, если б то был сон, то б с мраком разрушился!
Однако бы и сон такой меня пленил!

Клеона

Или твой нежной дух любовью уязвился?
Но кто же бы тебя в любовь нынь уловил?

Скажи, царевна, мне; или тому быть можно,
Чтоб тайны мне твоей не должно было знать?

Тамира

Что хочешь слышать ты, то странно и безбожно,
Нигде не слыхано и у́жасно сказать!

Клеона

Для сих ослабших рук, которыми носила
Тебя в младенчестве, смущенье отложи,
И вспомнив, как тебе я искренне служила,
Не обинуясь мне тоску свою скажи.
Чем долее она в закрытии таится,
Тем дух терзается сильнее от нея;
Но если объявишь, то может утолиться
Иль быть умеренна потом печаль твоя.

Тамира

Любезная моя и верная Клеона,
Коль тяжко мучусь я.

Клеона

О небо!

Тамира

Ах, Селим!
Противница отцу,преступница закона!
Врагом отечества и, может быть, своим...

Клеона

О боже мой! никак, ты тайно согласилась
И хочешь для любви отечество предать!

Тамира

То, небо, отврати! довольно, что прельстилась;
Преступно и любви противничей желать.
Я бодрость и лице, Клеона, представляя,
Горю, и пламень мой гашением растет.
Не знаю, что начать! скажи мне, дорогая,
Что делать мне теперь, когда он прочь идет?
Уже все мысли с ним на берег обратились;
Я с ним, я с ним среди морских валов плыву,
И горы крымские от нас из виду скрылись.

Какой объемлет хлад и мрак мою главу!
Уедет о моей любови неизвестен
И слез моих себе не будет представлять!
Затем ли ты, Селим, казался мне прелестен,
Чтоб вечно по тебе без пользы воздыхать?

Клеона

Царевна, ты тоску напрасно умножаешь.
Последуй моему совету и забудь
Пусты мечтания, чем мысль отягощаешь,
И кровь кипящую к спокойствию принудь.
Селим, я слышала, о нежности не знает,
Он в поле только жить и на стану привык,
За полное свое блаженство почитает,
Когда оружной треск и в войске слышит крик,
Как стены падают и городы дымятся,
Когда мечи блестят, течет по копьям кровь.
Ты сердцу дай покой, и полно сокрушаться:
Не могут вместе быть свирепство и любовь.

Тамира

За ним бы следовать ни горы мне высоки,
Ни конским топотом смущенный в поле прах,
Ни копья, ни мечи, ниже́ кровавы токи,
Ниже́ какой иной не возбранил бы страх.
Любовию горят нередко и герои;
От ней избавиться не можно никому.
Кому любезнее сражения и бои
И жить всегда в шатрах, как брату моему?
Однако ныне он последуя Мамаю,
Хотя в Российской край пошел вооружен,
Но мысли все свои, Клеона, верно знаю,
Все мысли клонит к той, которой уязвлен.
Возлюбленный мой брат! когда б ты здесь был ныне,
То я б в отчаяньи толиком не была;
Ты сделал бы конец жестокой сей судьбине,
Или б не допустил сего в начале зла.
Ты дал бы способ мне увидеться с Селимом;
Или бы к сим его не допустил стенам;
И я бы не была в мученьи нестерпимом,
Не показав такой приятности очам.

Теперь послушен ты неистовому зверю,
В котором варварство и гордость мне гнусна,
Кичливому ни в чем Мамаю я не верю,
Ему вселенная к владению тесна.
Подумав о своем возлюбленном Нарсиме,
Боюсь, чтоб не постиг такой его конец,
Что плач бы произвел и нестроенье в Крыме.

Клеона

Царевна, вот идет дражайший твой отец.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Мумет, Тамира и Клеона.

Мумет

Прошла военная гроза и неустройство,
Желанной мир настал, возлюбленная дочь,
И утверждается надежное спокойство:
В союз со мной вступив, Селим отходит прочь.
Поставленный сей мир мне больше тем приятен,
Что выгоды он мне нечаянны принес.
Сначала случай сей едва мне был понятен,
Что радость нам пришла внезапно вместо слез.
Однако ныне я причину вижу ясно,
Зачем спешит в союз со мной вступить Селим,
Ему прибытие Нарсимово ужасно,
Что скоро с воинством назад придет моим.
К Селиму, как ко мне, конечно, уповаю,
Пришла, мне радостна, ему печальна, весть,
Что Росская страна подверглась вся Мамаю
И сын мой поспешит полки сюда привесть.
Сегодня лишь зоря нам свет предвозвестила,
С поспешностью гонец прибег с Донских полей
И весть принес, что вся Ордынска к бою сила
Противу россов шла, и россы против ней.
Но Ольг Резанский князь и князь Олгерд Литовский
Свои к Мамаевым поставили полки,
И с малым воинством Димитрий князь Московский
Противу стать дерзнул, оставшись близ реки.
Как буря шумная поднявшись после зною,
С свирепой яростью в зажженный дует лес,

Дым, пепел, пламень, жар восхитив за собою
И в вихрь крутой завив, возносит до небес
И нивы на полях окрестных поядает,
И села, и круг них растущие плоды;
Надежды селянин лишившись оставляет
Ревущему огню вселетные труды.
Подобно так Мамай единым вдруг ударом
Против Димитрия ордам лететь велел,
И в мужестве стремясь на полк противный яром,
Скакал с мечем своим чрез бледны кучи тел.
Российские в крови повержены знамена,
И князь Московский был отвсюду окружен,
И сила войск его слабела утесненна:
Сомненья нет, что он Мамаем побежден.

Тамира

Мне равно как тебе, родитель мой, приятно,
Что радостная весть пришла в спасенный град;
Однако будет мне утешнее стократно,
Когда приедет здрав возлюбленный мой брат.
Ах, небо, помоги желанного достигнуть
И поспеши к концу намерений моих!

Мумет

Я к большей радости могу тебя подвигнуть,
Возлюбленная дочь: Мамай тебе жених.

Тамира

Мамай! о боже мой!

Мумет

Востока обладатель
И победитель всех полночных ныне стран,
Союзник искренней и верной мне приятель
Судьбой и мной тебе в супружество избран.
Имея многие под областью народы,
Тамира, будет он тобою жить пленен
И станет оной плен дороже чтить свободы,
Хотя ему восток и север покорен.
Возлюбленная дочь, что очи потупляешь?
Я стыд девической в тебе весьма хвалю,
И что вздыхаючи ты брата ожидаешь,
Природную к нему любовь твою люблю;

Однако ныне ты похвальную стыдливость
И мысли смутные о брате отложи,
И, на отеческу смотря нетерпеливость,
Согласна ли ты, мне немедленно скажи.

Тамира

Что я с младенчества родительскую волю
Привыкла исполнять, довольно знаешь сам;
Своею почитать не отрицаюсь долю,
Которую мне дать угодно небесам.
Однако рассуди мои младые лета
И в возраст мне прийти в дому твоем позволь.
Я буду почитать, что я живу вне света.
Как если без тебя я буду жить средь поль!
И как подумать мне, что я мила Мамаю?
И как могу сказать, чтобы он мне был мил,
Когда лица его и нравов я не знаю?
И как его мой взор заочно бы пленил?

Мумет

Оставь о сем ты мне, Тамира, попеченье
И верь, что будет толь меж вас крепка любовь,
Что лишь твое со мной минует разлученье,
То будет к одному кипеть Мамаю кровь.
Ты долженствуешь мой в востоке род восставить
И дружбу чрез родство с Мамаем утвердить,
Умножить нашу мочь и с ним себя прославить;
Мне польза, честь тебе велит его любить.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Тамира и Клеона.

Тамира

Война и мир против моей любви воюет!
Противилась моим желаниям война;
Но нынь, Клеона, мир свирепее враждует;
Меня сильняе бурь колеблет тишина!
Сугубым бременем за что отягощаюсь?
В супружество дают тому, кто мне постыл!
Довольно ль, что того, кого люблю, лишаюсь?
О небо, не нашли мне казни выше сил!

Когда б еще война поныне продолжалась,
То мучил бы меня один лишь только страх,
Мне лучше, если б я Селиму в плен досталась,
Как славно царствовать в Мамаевых странах.
Ах, если б было то и я бы верно знала,
Что равным пламенем Селим ко мне горит,
То, слез поток пролив, отцу бы всё сказала,
Что дух мой и язык с тобою говорит.
Он, видя искренность, на плач бы преклонился
И нашу, может быть, любовь бы утвердил.
Или б и мой живот с надеждой прекратился,
В спокойстве, что уже Селим меня любил.
Но ныне ненависть в одну страну склоняет,
В другу отчаянье несчастную влечет.
Как на море корабль то буря похищает,
То вод стремление против нее несет;
Так я, противными страстями вдруг борима,
Не чая одолеть, должна против стоять.
Отчаявшись иметь в супружестве Селима,
Отчаявшись любить Мамая, что начать?

Клеона

Ах, лучше то избрать, что подлинно известно,
Как оного желать, чему не можно быть.
Хотя Селимово лице тебе прелестно,
Но, праву следуя, старайся позабыть.

Тамира

Довольно и того, что пра́ва и законы
Во обуздании любовну страсть крепят;
Довольно от стыда любовникам препоны,
Когда взаимной жар друг в друге знать хотят.
Но развращенной век насильства умножает;
Отеческа гроза, богатство, род и честь
Коль многих в вечное несчастье погружает,
Любви желающих достатки предпочесть.
Какая польза в том, что златом испещренный
И каменьем драгим в глазах блестит чертог,
Когда мой будет дух, от оных отвращенный,
К тому всегда вперен, чего иметь не мог.
Дабы на мало лет восстановить союзы,
Родители дают свою залогом кровь,

На детские сердца кладут несносны узы:
В какой неволе ты, дражайшая любовь!
Я вам завидую, которы отдаленно
От гордых сих палат живете в тишине:
У вас веселие равно и непременно,
И прямо счастливы лишь только вы одне,
У вас вольна от уз живет любовь святая;
У вас не для отцов, но любят для себя,
Союзов никаких ни выгод не считая,
Но склонность лишь своих сердец употребя.
Коль счастлива была б, коль счастлива Тамира!
Когда б с ней был Селим в одном лугу пастух:
Не злато, не венцы, не царская порфира,
Но верная б любовь соединила двух.

Клеона

Одно тебе еще прибежище осталось.
Ты дяде мысль сию, царевна, объяви;
Спеши, пойдем, пока совсем не основалось
Супружество твоей противное любви.

Действие второе

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Селим и Надир.

Надир

Мне радостен сей мир; но на тебя взирая,
Сугубо чувствую веселие в себе.
Таков его был взор и бодрость в нем такая,
И именем и всем подобен был тебе,
Селим, которого любовь и добродетель
К Нарсиму и ко мне коль искренна была,
Тому прекрасный брег Геонских вод свидетель.

Селим

Седины вижу те и те черты чела!
Теперь мне небеса надежду укрепляют!
Возлюбленный Надир, тебя здесь вижу я,
Которого понынь места воспоминают,

Где праведна еще цветет хвала твоя,
Хотя и никому твой царской род незнаем,
Которой и друзьям твоим был потаен?
Но где твой сын, мой друг?

Надир

На брань пошел
с Мамаем.
Однако он царем, не мной, на свет рожден.
Родившись от одной с Муметом я утробы,
Нарсима сыном звал, он звал меня отцом;
И не хотя, как ты, открыть своей особы,
Высочество таил в названии простом.

Селим

О щедрая судьба! Нарсим! он брат Тамире!
Приятель искренней! когда бы здесь он был,
То, может быть, при сем возобновленном мире
В желании моем мне промысл споспешил.

Надир

Его обратно царь всечасно ожидает.

Селим

Однако и твоя поможет мне приязнь.
Позволь мне объявить, чего мой дух желает;
Узнаешь нынешних от прежних мыслей разнь.
Тебе все склонности и жизнь моя известна,
Как был я в Индии с Нарсимом и с тобой;
Бывала ль красота очам моим прелестна?
Бывал ли нарушéн любовью мой покой?
Всегда исполнен тем, что мудрые брамины[1]
С младенчества в моей оставили крови,
Напасти презирать, без страху ждать кончины,
Иметь недвижим дух и бегать от любви;
Я больше как рабов имел себя во власти,
Мой нрав был завсегда уму порабощен,
Преодоленны я имел под игом страсти
И мраку их не знал, наукой просвещен.
Других волнения смотрел всегда со брегу.
Но нынь под общей я подвержен стал закон

[1] Индейские философы.

И мыслей быстрого сдержать несилен бегу,
Я им последую и отдаюсь в полон.
Не ради слабых сил оставил я осаду,
Любовь исторгнула из рук военных меч;
Тамира, не полки, была защита граду,
Она мне шлем с главы, броню сложила с плеч.

Надир

Что слышу я? и как?

Селим

Сквозь самы тверды стены,
Меж копей, меж щитов любви свободен путь.
Я в перемирны дни на град сей утесненный,
Приблизившись ко рву, едва успел взглянуть,
Прекрасны очи грудь пронзили из бойницы.
Смущен и изумлен спросил, как ехал прочь:
Мне пленник объявил, что смотрят тут девицы
И что Муметова в средине оных дочь.
С того часа́ война в крови моей восстала;
Я вам спокойство дав, с собою брань имел:
Любовь поставить мир, честь к бою побуждала.
Вчера любовну страсть мой разум одолел.
Я в руки принял меч; но сердце вопияло:
Селим, на то ли ты дерзаешь устремлен,
Чтоб око нежное на кровь граждан взирало,
Которое меня в приятной взяло плен,
И чтоб в слезах лице Тамирино прекрасно
От падающих стен покрыл сгущенный прах.
Я сим движениям противился напрасно
И удержать не мог оружия в руках.
Дражайший мой Надир, познав причину мира
И дружбу вспомянув, потщись мне пособить.
Царю напомяни, что может лишь Тамира
Триумф мой и сих стен мне целость заплатить.

Надир

Твои заслуги мзды толикия достойны,
Достойны качества и славный царский род;
Ты мысли между тем имей, Селим, спокойны,
Когда твой объявлю царю сюда приход.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Тамира, Селим и Клеона.

Тамира

Отраду, может быть, в моей печали крайной
Второй мне даст отец... кого я вижу здесь?
Клеона, ах! куда?

Клеона

О случай невзначайной!

Селим

О радостной восторг! я цепенею весь!
Драгая, не мятись сим взором необычным,
Но слуху своего глас слезный удостой
И красоте твоей воззрением приличным
Трепещущую кровь и сердце успокой.
Хотя учтивость мне и скромность возбраняет
Продерзостную мысль нечаянно открыть;
Но время краткое отнюдь не позволяет,
И сердце не дает движения таить.

(Становится на колена.)

Ты видишь пред собой, прекрасная царевна,
Тобой плененного презрителя любви;
Тобой мне будет жизнь блаженна иль плачевна.
Коль хочешь, оживи, коль хочешь, умертви.

Тамира

Каким смущаюсь я внезапно разговором!
Тебя, Селим, тебя могу я умертвить?
Коль странна речь!

(Поднимает его.)

Селим

Твоим пронзенно сердце взором
Бунтующей душе велит твоею быть.
Вотще против тебя, против себя воюю:
У стен, в полках, в полях твою сретаю тень,
И в трубный шум твое я в мысли имя чую,
Тебя мне мрак ночной и ясность кажет в день.

Приятностей твоих везде мне блеск сияет;
Тобой исполнен я и в яве и во сне.
Недвижимый мой дух и крепость оставляет,
Я больше уж себя не нахожу во мне.
На горькое смотря, дражайшая, мученье,
Поверь, что мой живот в любезной сей руке.

Тамира

Какое дать могу тебе я облегченье,
В лютейшей будучи погружена тоске?

Селим

Дражайшая, какой свирепости возможно
Тебе малейшую противность учинить?
Какое сердце есть на свете толь безбожно,
Которое тебя дерзает оскорбить?
Тебя, пред коею жар бранный погасает
И падают из рук и копья и щиты,
Геройских мыслей бег насильный утихает,
Удержан силою толикой красоты!
Но если ты меня, драгая, удостоишь
Причину твоего смущения узнать,
То свой ты через то и мой дух успокоишь:
Во всем любовь моя возможет помощь дать.
На всё любовь моя готова устремиться,
Готова все беды и смерть в ничто вменить;
Лишь только бы твоей отрадой веселиться
И чтоб любовь твою взаимно заслужить.

Тамира

Ах, тщетны все слова! напрасны обещанья!
Гонимой от своих поможет ли чужой?
Одне остались мне со плачем воздыханья:
Не множь их, и себя от глаз моих укрой.
Меня судьба зовет и должность понуждает
Оставить здешний град и в дальный край спешить,
Престань того желать, что небо запрещает,
Так промысл положил, и нéльзя пременить.

Селим

Поспешно твоему отшествию иль косно,
Чрез море должно быть или пространством пóль;

То, ежели тебе мое присутство сносно,
Дражайшая, себе последовать позволь.
И удостой меня взирать слезящим оком
На знаки нежные возлюбленных следов.
Но ежель не дано тебе предела роком,
Где должно странствовать, оставя дом отцов,
Последуй мне в луга Багдатские прекрасны,
Где в сретенье тебе Евфрат прольет себя,
Где вешние всегда господствуют дни ясны,
Приятность воздуха, достойная тебя.
Царицу воспринять великую стекаясь,
Богинею почтит чудящийся народ,
И красоте твоей родитель удивляясь
Превыше всех торжеств поставит твой приход.

Тамира

Хотя таких, Селим, даров не презираю,
Но выше в них твоим достоинством цена.
Ах, что прельщаюсь тем, чья быть не уповаю?
Как сердце я отдам, в котором невольна?
Велика держит внутрь мой робкой голос сила;
Но большая тоя от сердца гонит вон!
Когда против твоей я воли возлюбила,
О небо! то скончай ударом громным стон!
Уж долее таить мой дух не позволяет,
И толь великих бурь не может грудь вместить.
Селим, любовь моя равно к тебе пылает,
Которую судьба стремится погасить.
Отеческая власть желаниям противна
Иному отдает тобою полну грудь,
И с коим жизнь моя была бы неразрывна,
Едва я на того дерзаю и взглянуть.

Селим

О радостные вдруг минуты и плачевны!
Я вознесен до звезд и в бездну погружен!
Начто соединил сердца, о промысл гневный,
Когда союз их ввек тобой не утвержден?
Но ныне о твоей любови я уверен,
Дражайшая, против судьбы вооружусь.
Мой дух так напряжен, коль пламень мой безмерен;
Умру, или с тобой в триумфе возвращусь.

Тамира

Я сердце уж тебе, любезный, поручаю
И верность данную пребуду век храня.
К неистовому я не преклонюсь Мамаю.
Пусть весь свет победит, не победит меня.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТИЕ

Селим
(один)

Мамай! Тиран во плен толику добродетель,
Чудовище влечет толику красоту?
О солнце, ты сего возможешь быть свидетель
И света не лишишь такую срамоту!
Я коль великим то и славным почитаю,
Чтоб век Тамириной любовию гореть;
Толь напротив того позорно быть вменяю
Такого варвара соперником иметь.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Мумет, Селим, Надир и Заисан.

Селим

Спокойством пользуясь я ныне безопасным
Тебя пришел почтить и видеть, государь,
И договором мир возобновить согласным,
К чему мне дал всю власть меня родивший царь.
По воле я его Таврийскую вершину
Прешел и воинством наполнил корабли,
От страху свободил Эвксинскую пучину,
Что ваши подданны разбоем навели.
Отмстив купечества грабеж, я мир дал граду,
Имея гром в руке, ударить не хотел:
За дом, за Крым, за жизнь желанну дай награду,
Которой я свою победу предпочел.

Мумет

Причину твой отец имел вооружиться,
Какую завсегда к войне легко сыскать.
Котора может власть на свете похвалиться,

Чтоб так всех подданных могла она держать,
Как мирны требуют от оных договоры,
И многи б тысящи имели мысль одну?
И кто угóдит тем, что будто б рушить ссоры,
Наносят для хвалы неправедну войну?
Хоть наша жизнь кратка и оныя прибавить
Чрез храбрые дела героям долг велит,
Но меру праведну желаниям поставить,
В том больше похвала чрез целой свет гремит.
Тебе довольно быть, Селим, я уповаю,
Когда повинным казнь достойну наложу.

Селим

Спокойство утвердив, я больше не желаю,
Но токмо дружество взаимно предложу.
На светлое лице взирая, восхищаюсь,
Что в оном начертан любезный мой Нарсим,
И та, которою пылаю и терзаюсь,
Пленяет красота воззрением твоим.
Союза нашего залог и совершенство
И вечная печать быть может дочь твоя.
Тамира даст одна и сохранит блаженство,
Которого вовек лишуся без нея.
Как если данный мир земли твоей полезен,
За тое надлежит воздать моей любви.
И буде, государь, твой сын тебе любезен,
То друга ты его себе усынови.

Мумет

Что сын мой друг тебе, то мне весьма приятно.
Он, так же как и я, за счастие почтет,
Что в город сей пришед с победою обратно,
Тебя союзником, а не врагом найдет.
При нем нам небеса помогут всё устроить,
Его к отраде я по вся минуты жду.

Селим

Надеясь чрез него я сердце успокоить
На понтски берега с веселием пойду,
И прежде дружнего потщусь сюда приходу
Всё воинство свое на корабли вместить.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Мумет, Надир и Заисан.

Мумет

Взирая на любовь, особу и породу,
Не в силе мыслей я своих соединить.
Приметив ненависть Нарсимову к Мамаю,
Союз к супружеству с Тамирою таил.
Но ныне бóльшие препятствия сретаю:
Нарсим Селиму друг, а ей Мамай постыл.
Не должно царское царю быть слово ложно;
Но как я кровь свою тиранствовать могу?

Заисан

Того уж, государь, переменить не можно:
Кто другом был, тому открыто всё врагу.
Когда кто сильному, что должен, отрицает,
Тот будет принужден, что и не должен, дать.
И долг к отечеству царям повелевает
Блаженство оного родству предпочитать.
Помысли, государь, коль будет дерзновенно
Вооруженного Мамая раздражить;
И коль полезно вам, похвально, несравненно
Владение таким союзом укрепить.

Надир

Что меру превзошло, стоит над стремнинóю,
Чтоб гордости пример паденьем звучным дать.
Безумна власть падет своею тяготою;
Что срамно приобресть, срамнее потерять.
Видал я быстрые уже иссохши реки,
Засыпанны песком, что рвали с берегов.
Так царства, что цвели во славе многи веки,
Упали тягостью поверженных врагов.
Нарочно бог во тьме грядущее скрывает,
Чтоб смертных гордые советы разорить.
Мамай поля свои людьми опустошает,
Дабы их трупами Российский край покрыть.
Насильна власть стоять не может долговечно.
Кто гонит одного, тот всякому грозит.
Россию варварство его бесчеловечно
Из многих областей в одну совокупит.

На плач, на шум, на дым со всех сторон стекутся;
Рассыпанных враждой сберет последний страх.
Какою силою в единстве облекутся,
Владимир нам пример и храбрый Мономах.
Сей вредные своей земли отмстив набеги,
Лавровым верьх венцем и царским увенчал,
А оный, здешние покрыв полками бреги,
Супругу в сих стенах и веру восприял.

Заисан

Мамаю следует везде с победой слава;
Он с нею к нам спешит, Россией овладев.
Великостию сил военны мерят права
Великие цари и областию гнев.

Надир

Великодушный лев жар тотчас утоляет,
Коль скоро видит он, что враг его лежит;
Но хищной волк пота противника терзает,
Пока последняя в нем кровь еще кипит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Вестник и прежние.

Вестник

С придонских, государь, полей я от Нарсима
К тебе приятную несу поспешно весть,
Что к радости твоей и к утешенью Крыма
Велику заслужил он храбростию честь.
Побитых кровию Непрядвы ток сгустился,
И грабят росской стан Херсонские полки,
И, ранами покрыт, от бою уклонился
Димитрий, бегая Нарсимовой руки.
Одно несчастие Мамая сокрушает,
Что сильный Челубей пронзен в крови лежит,
Лежит и поля часть велику покрывает!
Но нам последуя победа уж гремит.
Оставшим россам путь пресечен к бегу Доном,
Или в бою падут, или дадутся в плен.
Мамаю малым толь людей своих уроном
Пространный север весь под область покорен.

Мумет

Мамаю небеса Тамиру поручают,
И слово данное сама судьба крепит.
Хоть нравы разные с Нарсимом разделяют,
Но обще счастье их в любовь соединит.
Ты, верный Заисан, и ты, мой брат любезный,
Подумав меж собой, придите в мой чертог
Союзы утвердить и дать совет полезный,
Дабы доволен быть Селим отказом мог.

Действие третие

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Мамай
(один)

Еще великий страх меня не оставляет!
Еще я слышу крик врагов, гонящих вслед!
И бледных лиц меня мечтание смущает!
Здесь с паром кровь из мурз рассеченных течет.
Здесь тень Нарсимова, последуя за мною,
Уже в глазах моих отмщением грозит!
Крепись, мой дух, крепись, беду скрывай бедою
И в горести кажи на мне геройской вид.
От россов побежден, хотя я ужасаюсь
В отечестве свой стыд и слабость показать,
Но с войском погубив Нарсима, утешаюсь,
Что не остался, кто б здесь мог о том сказать.
Мамай, ты будь себе и в пагубе подобен,
Мумета ложною победою уверь.
На деле испытай, коль к умыслам способен,
И ков составленной напастью ныне мерь.
Тамиру дав в жену, мне даст Мумет и войско.
Я орды по степям рассыпанны сберу;
Искусство покажу коварством сим геройско,
Внезапно набежав, Москву в ногах попру.
На плач там пременю я торжество спокойно
И покажу врагам, каков мой гнев и власть.
Вконец отчаяться Мамая недостойно;
Безумно, всех путей не испытав, пропасть.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Мамай, Мумет, Надир и Заисан.

Мумет

Какое счастие мне небо посылает,
Великий государь, пришествием твоим!
Нечаянной твой взор тем больше восхищает,
Чем больше нужен он смятениям моим.
Я радуюсь твоей победе в свете звучной
И скорому дивлюсь приезду твоему.

Мамай

Не может торжества Мамай благополучной
Себе к веселию оставить одному;
Но хочет оного иметь и ту причастну,
Которую к сему блаженству ты родил.
Имея всю страну Российскую подвластну,
Я радость сообщить из уст своих спешил.
Сугубым торжеством украсить ускоряю
И славою мой въезд в великую орду.
Но славнее я быть Тамирою желаю,
Как тем что Дмитрия в оковах приведу.
Уже всё воинство со плеском ожидает
С прекрасною меня царицею к себе.

Мумет

Победа мужество геройское венчает;
Любовь и дружество Тамиру даст тебе.
Нарсим, помощник твой, в сем граде вожделенный
Украсит брачный день, со славой возвратясь
И храбрым воинством Херсонским окруженный...

Мамай

Он ныне на полях российских веселясь
Сокровища себе с побитых собирает,
С которыми тогда обратно придет в дом,
Как данным от меня он краем завладает,
Лугами тучными меж Доном и Днепром.

Заисан

О сча́стливый успех! о коль места́ прекрасны!

(К Надиру)

Не мне ли в честь конец приняла наша пря?

ВОЗВРАЩЕНІЕ ЗОЛОТЫХ ВРЕМЕНЪ
Representation principale
Du Feu-d'Artifice Allegorique
Sur le Regne le plus heureux de l'Empire
de Russie
DE SA MAJESTE' IMPERIALE
CATHERINE ALEXIEVNA
Tiré dans la Residence Imperiale de Mosco
ГЛАВНОЕ ИЗОБРАЖЕНІЕ
АЛЛЕГОРИЧНАГО ФЕЙЕРВЕРКА,
На щастливѣйшее для Россійскаго
государства владѣніе
Ея Императорскаго Величества
ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ
ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСѢЕВНЫ,
представленнаго въ Императорскомъ
столичномъ городѣ Москвѣ
Haupt-Abbildung
des Allegorischen Feuer-Werks
auf die für das Rußische Reich Glückseeligste
Regierung
Ihro Kayserlichen Majestät
Catharina Alexiewna
welches
in der Kayserl. Residenz-Stadt Moskau
bey dem Neuen Jahres Wechsel den 1. Jan. 1763.
abgebrandt werden.

Надир

Но сердца моего с сим чувства несогласны!

Мумет

Достоин дар таков великого царя!

Мамай

Любезный государь! Нарсима оставляя,
Я слышал в радостных из уст его слезах,
Что в сердце ненависть искоренилась злая
И общим счастием вражды развеян прах.
«Прости, — сказал он мне, — я ныне признаваюсь,
Что злобой я тебя не рассудя гневил.
Я храбрости твоей и духу удивляюсь,
Чем ты Димитрия и гнев свой победил.
Геройства твоего я бывши сам свидетель
Завистников твоих отвергнул клеветы».

Заисан

Превыше зависти восходит добродетель
И презирает ту спокойна с высоты!

Мамай

Услышав таково Нарсимово приятство,
Немедля брачной я союз ему открыл.
Он в радости сказал: «О коль любезно братство,
В котором промысл мне с героем быть судил!
Благополучен Крым, и счастлива Тамира,
Тобой возвышенны, прославленны тобой!
Но ты, подобяся дыханию зефира,
Поспешно в Крым пришед, Мумета успокой.
Скажи ему, коль мне с тобою быть полезно;
И будущей твоей царице объяви,
Что мне толикое супружество любезно;
И о моей к тебе уверь ее любви.
Величество свое и неисчетны орды
Тамире покажи, со славой возвратясь;
И торжествуй, ступив врагам на выи горды,
Что будут ниц лежать, пред нею преклонясь».

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТИЕ

Тамира, Клеона и прежние.

Тамира

Ужель возлюбленный Нарсим к нам возвратился?
Дражайший мой отец!

Мумет

Ты видишь здесь его,
Пред коим север весь пространный преклонился;
Мамая почитай за сына моего.

Тамира

О строги небеса!

Мамай

Ты видишь братня друга,
Которой хочет век к тебе одной гореть.

Мумет

Имеешь жениха; а скоро и супруга
В нем будешь отческим рачением иметь.

(К Мамаю)

Любовь и я даю тебе рожденну мною,
С тобою царствовать и искренне любить.

Мамай

Вторым я нынь отцем рожден на свет тобою,
Когда ты предприял меня усыновить.

Мумет

(к Тамире)

Нарсима и меня люби ты в нем едином
И царствуй счастливо в обширной толь стране.
Блистая на землѝ пресветлым царским чином,
Ему послушна будь, как нынь послушна мне.

Тамира

Ты волен, государь! законы и природа
Велят тебе иметь в Тамире полну власть.

Как спорить я могу? коль не дана свобода
По воле избирать пристойну в жизни часть.
Но если смею я...

Мумет

Младые не радеют
О том, чрез что бы им ко счастию дойти;
Затем родители рожденными владеют,
Дабы поставить их на истинном пути.
Любовью будешь звать, что нынь зовешь грозою,
И станешь строгости моей благодарить.
Ты следуй в мой чертог, любезный брат, за мною,
Дабы мне скорой брак с тобой расположить.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Тамира, Мамай, Заисан и Клеона.

Мамай

Несносной горестью смятенный примечаю,
Что всуе таковым я пламенем горю!
Тамира, ненависть имеешь ты к Мамаю?
И смеешь согрубить великому царю?
Однако принужду свои к спокойству мысли
И младости твою противность припишу.
Царевна, истинным своим блаженством числи,
Что сердце я свое тебе в дар приношу.
Цари с концев земных сродства со мной желают;
И кажда красоту приносит мне страна.
Коль многие по мне царевны воздыхают!
Ты можешь получить желанья всех одна.
Ты можешь получить великого героя,
Которой мужеством вселенну удивил,
Превысил славою Чингиса и Хозроя
И прадеда в себе Батыя воскресил.
Представь мой славной род и кто Мамаю деды,
От коих он тебе к супружеству рожден.
Россия не мои, но уж твои победы,
Когда я красотой твоей сам побежден.
Толиким государь народам покоренным,
Не обинуюсь быть просителем твоим.

Я счастие свое почел бы несравненным,
Когда бы оное считала ты своим.

Тамира

Когда ты многие привел под власть народы,
Ты славы, государь, толикой не теряй,
И слабый женский пол лишив драгой свободы,
Великих дел своих чрез то не помрачай.

Мамай

Тебя свободы я могу лишить, Тамира?
Котору возвести с собой на трон спешу,
Поставить госпожой мне подданного мира,
И будучи царем, быть пленником ищу?

Тамира

Среди довольствий всех, среди великой славы,
Сидя на царского престола высоте,
Что пользы, если в нас различны будут нравы?
Я всё равно почту последней нищете!
Какая польза в том, что, рок свой проклиная,
Не браком буду брак, но пленом называть
И, на оковы толь несносные взирая,
Тебе последовать, а о ином вздыхать!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Мамай, Клеона, Заисан.

Мамай
(Клеоне)

Что слышу я еще! любовница иному
Тамира может быть, и мне притом жена?
И кто, Мамаева не устрашаясь грому,
Дерзнул взглянуть на ту, что мне обручена?
Тебе все склонности и нрав ее известен,
Ты можешь ныне честь и милость заслужить.
Скажи, скажи, кто есть Тамире толь прелестен,
Кого бы мне она хотела предпочтить?
Когда открытием смущение прогонишь,
Дабы соперника узнать и отвратить,

Когда Тамирин дух ко мне в любовь преклонишь,
Какую мзду за то ты можешь получить!
Ты знаешь власть мою и отческую волю:
Старайся обязать великих двух царей.
Я царску честь тебе давать своим позволю
И матери равно тебя почту своей.

Клеона

Я знаю, государь, коль власть твоя велика
И коль должна царю послушна быть раба!
Но помощи пода́ть не может мзда толика,
Когда имеет брань с любовию судьба.
Не может воинство с концев всея вселенны
Противу твоего стать гневного лица;
Но силой покорять пристойно крепки стены,
А нежны ласкою девически сердца́.
Чем больше ты к любви Тамиру принуждаешь,
Тем больше будешь ей противен и постыл.

Заисан

Великому царю толь дерзко отвечаешь?

Мамай

О как напрасно я к ней щедр и ласков был!
Оковы, му́ки, глад и вечная темница,
И смерть сама легка таку змею карать.

Клеона

Тамире было б то уже живой гробница,
Селиму сердце дав, Мамаю присягать.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Мамай и Заисан.

Мамай

Селим! и кто?

Заисан

Селим! О счастлив недостойно!
О общая печаль! о страсти слепота!
Селим, что не хотя в Багдате жить спокойно,
Разбоем утеснял пред градом сим места.

Но страхом сил твоих смятен, склонился к миру,
И в город сей вошед, Мумету предлагал,
Дабы он дал ему в супружество Тамиру;
Однако царь на то ответ несклонной дал.
К Селимовой любви царевна согласиться...

Мамай

И предпочесть меня разбойнику могла?
О горесть! о удар! о как мой дух стремится!
Не может больше быть на свете мне хула,
Как чтоб соперник мне царевич был Багдатской!
Хотя дерзнул сего он суетно искать,
Не может, возвратясь, сказать в стране
Евфратской,
Что он того же мог, чего и я, желать.
Теряет цену всю, что ни было велико,
Как если тое он надеется иметь;
Ему хвала, а мне презрение колико,
Что тем же пламенем со мною мог гореть!
Но ах, что мышлю я и что я здесь коснею?
Уже похитил он, что должно быть мое!
Любезный Заисан, спеши отмстить злодею;
Пойдем...

Заисан

Смягчи теперь волнение свое.
Ты будешь, государь, иметь свою невесту,
И примет за сие достойну казнь Селим,
Как воины твои к сему приспеют месту;
Он погубит себя желанием своим.
Муметова себе ответа ожидая,
Умедлит здесь, пока ты в силе будешь сам
Его пленить, от нас способства не желая,
Что ради мира нынь чинить не должно нам.

Мамай

Поехавшие вслед со мною разлучились
И скорости моей сравниться не могли.
Надеюсь, в разные дороги устремились
И ездят по степям рассыпанны в дали.
И если ускорят, не могут, утомленны,
Покоя не имев, Селиму отомстить.

Но я, продерзостью такою огорченный,
Могу ль минуту дать Селиму живу быть?
Сия рука моя, умывшись кровью мерзкой,
Воздаст весь долг моей озлобленной любви.
Погибнет пусть злодей и сопостат продерзкой.
А ты любовь свою и ревность мне яви,
Скажи, где он?

Заисан

Храни особу ты высоку
И рук не простирай...

Мамай

Доколе мне страдать?
Спеши со мной отмстить обиду толь жестоку,
Чтоб мерзку кровь его Тамире показать!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Тамира и Клеона.

Клеона

Какою лютостью к Селиму он пылает!
Какой приходит к нам от слов тиранских слух!
Какой, драгая, жар в очах твоих блистает!
О как колеблется озлобленный твой дух!
Мне сердце движется и говорит всечасно,
Что скоро лютая постигнет нас напасть!

Тамира

Теперь мне более ничто уж не ужасно,
Ни варварска гроза, ни отческая власть!

Клеона

Царевна, на кого ты можешь положиться?
Кто может свободить от сильных рук?

Тамира

Любовь!
Поди и посмотри, куда Мамай стремится?

(Вслед Клеоне)

На все напасти жизнь несчастную готовь.

ЯВЛЕНИЕ ОСЬМОЕ

Тамира
(одна)

Беги отсель, беги, Тамира, и спасайся,
Пока тиранских ты не чувствуешь оков,
Беги насильных рук, на град не озирайся:
Селим принять тебя на корабли готов.
Он с берегу очей минуты не спускает,
И плаватели все направилися в путь;
И небо искренней любови поспешает:
Уже нам и борей способной начал дуть.
В одном Селиме я надежду всю имею,
Когда слезами я отца не умягчу.
Но в страхе трепещу, смущаюсь, цепенею!
Ах! что, продерзкая, ах, что начать хочу?
Уйду, отечество, родителя оставив,
И брата, и сей дом, и стыд свой позабыв,
И царской род во всей вселенной обесславив,
И кровного родства законы преступив?
Но каждо место мне отечество с Селимом;
Селим мне будет брат, отец и всё родство.
Оставить всех и быть в житьи неразделимом
С супругами велит закон и естество.
Супружеством назвать неистовство дерзаешь
И налагать страстям закона имена?
Несчастная, кому себя ты поручаешь?
Или тебе в любви неверность не страшна?
Представь себе, представь прельщенную Медею,
Оставльшую отца и честь на сем брегу!
Я место то ж и страсть подобную имею:
Или я лучшия ждать верности могу?
Несноснее беды мне может быть защита,
Как если мне Селим другую предпочтит.
И на чужой стране кем буду я покрыта?
Отцу и брату гнев и дальность возбранит.
От року бегая, на явной рок дерзаю.
Мне пагубой земля, вода грозит бедой.
Непостоянное я море представляю,
И бури хищные ревут передо мной.
Тамира, в бедствие сугубо не вдавайся,
Блюдись сугубой ты неверности, блюдись.

Однако укрепись, мой дух, и не смущайся,
На слово, данное Селимом, положись.
Не тот в нем блещет дух, не та его порода,
С любовию кипит геройская в нем кровь.
И коя устрашит при нем меня погода?
Не движется в волнах нелестная любовь.
Спеши, спеши от мест, Мамаем зараженных,
Спеши за Понт, за Тигр, за Нил, за Океан.
И как уж будешь ты в странах толь удаленных,
И там покажется, что близко сей тиран!
О промысл! о судьба! слезами умягчитесь!
О небо! о земля! о ветры! о моря!
На жалость, на тоску, на вопль мой преклонитесь,
Покройте от руки свирепого царя.
А вы, места, где мы любовию пленились,
Затмитесь, чтоб отцу на память привести,
Что строгостью его Тамиры вы лишились!
Прости, дражайшее отечество, прости!

Действие четвертое

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Надир и Заисан.

Заисан

Какие, государь, услышишь ныне вести!
О тяжкая беда! о вечна срамота!
Тамира, стыд забыв, своей не помня чести,
Бежать намерилась отсель в чужи места!
И, безрассудною любовию палима,
К багдатским шла одна, закрыв себя, судам,
Надежду положив на льстивого Селима,
Что был недавно враг отеческим стенам!

Надир

О жалость горестна! о лютое мученье!
О строгость отческа, к чему ты привела?

Заисан

По счастью, я открыл такое дерзновенье:
Тамира во вратах уже градских была!

Я общей за стены пошел смотреть отрады,
Ужель Селим полки поставил на суда;
И видя, что на них всё войско и снаряды,
Я путь свой обратил с веселием сюда.
Увидел, что спешит там женский пол ко брегу,
Смотря во все страны сквозь тонкой свой покров.
Я, робкому дивясь и скорому толь бегу,
Навстречу прямо шел, проведать, кто таков.
Как странник на пути от зверя убегая,
Спешит чрез терние, чрез камни и бугры,
Но вдруг увидев, что тут стре́мнина крутая
И должно в мрачну хлябь стремглав упасть с горы,
Оцепенев стоит, противится размаху,
Трепещут члены все, мутится свет очей, —
Меня увидев вдруг, Тамира так от страху
Смутилась, обмерла в продерзости своей.
Укрыться от меня во все страны металась;
Везде был заперт путь боязнью и стыдом.
Когда толикими волнами колебалась,
Я изумленную в отеческой ввел дом.
Что ныне мне начать? как я царю открою?
Дай в помощь, государь, премудрой твой совет.

Н а д и р

Внезапно не срази печалию такою:
Представь себе, как сим подвигнется Мумет!
Я лучше думаю сию скрыть вовсе тайну,
Дабы в спокойствии отцов оставить дух.

З а и с а н

Но я могу попасть в беду чрез тое крайну,
Когда кроме меня к царю достигнет слух.
То видели раби и воины со мною
И могут всё ему подробно донести.

Н а д и р

Хотя смягчи удар приятностью какою;
Между веселых слов печаль сию вмести.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Надир
(один)

Несытая алчба имения и власти,
К какой ты крайности род смертных привела?
Которой ты в сердцах не возбудила страсти?
И коего на нас не устремила зла?
С тобою возросли и зависть и коварство;
Твое исчадие кровавая война!
Которое от ней не стонет государство?
Которая от ней не потряслась страна?
Где были созданы всходящи к небу храмы
И стены, труд веков и многих тысяч пот,
Там видны лишь одни развалины и ямы,
При коих тучную имеет паству скот.
О коль мучительна родителям разлука,
Когда дают детей, чтобы пролить их кровь!
О коль разительна и нестерпима мука,
Когда военный шум смущает двух любовь!
Лишь только зазвучит ужасна брань трубою,
Мятутся городы, и села, и леса,
Любовнического исполненные вою
И жалоб на удар жестокого часа́.
Что может быть сего несноснее во свете,
Когда двоих любовь и младость сопрягла,
Однако в самом дней младых прекрасном цвете
Густая жадности мрачит их пламень мгла,
Когда родители обманчивой корысти
На жертву отдают и совесть и детей.
О небо, преклонись, вселенную очисти
От пагубы такой, от скверной язвы сей!
Коль дало красоту и младость человеку
И нежны искры в нем любовные зажгло,
Чтоб в радости прожить дражайшую часть веку,
То долго ль на земли сие попустишь зло?
На то ль Тамире ты приятность влило в очи,
На то ли нежную в нее вложило страсть,
Чтобы, подверженна тиранской сильно мочи,
Оплакивала жизнь и горестную часть.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТИЕ

Надир и Клеона.

Клеона

Тамира! Ах, печаль! Тамира дорогая
Поиманна, в слезах отчаявшись сидит!
Селима в жизнь свою увидеть уж не чая,
Лишь мысльми на него в отсутствии глядит
И имя сладкое едва с плачевным стоном
Дерзает в горести последней помянуть.
Озлобленна судьбы жестоким толь законом,
Руками томными терзает нежну грудь.
Бледнеет цвет лица, и все трепещут члены,
Холодной страх, тоска, отчаянье и стыд
Являются в ее очах изображенны.

Надир

Что сделал бы Селим, таков представив вид!

Клеона

Что сделал бы, когда увидел, что руками
Кровавыми Мамай любезную влечет,
Которая, стремясь на небеса очами,
Потоки слезные, рыдая горько, льет?
Ах, сжалься, государь, не дай беде сей сбыться,
Всю мысль свою к ее спасению впери.

Надир

Не можно от сего царевне свободиться:
Воюют против ней великие цари.

Клеона

Так пóйдет агница за волком вслед Тамира,
На кровь, на смерть людей, на трупы их смотреть,
И радости лишась в супружестве и мира,
Мученье внутрь себя тяжчайшее иметь?

Надир

Не знаю, что мое внутрь сердце предвещает
И смутному уму всечасно говорит:
Мамай царя и всех злой хитростью прельщает,
И около нас сеть коварств его стоит.

Зачем один прибег? зачем спешит он браком
И что за ним не шлет известия Нарсим?
Сии окрестности считаю я признáком
Для нас, и для него, и для Тамиры злым.

Клеона

Для толь поспешного Мамаева прихода
Слух в городе прошел, что он совсем побит!

Надир

Всегда есть божий глас глас целого народа;
Устами оного всевышний говорит.
Но пусть Мамай над всей вселенной торжествует;
Однако счастлив быть не может брак такой,
Когда сама любовь против него враждует.
Совместно ль варварству с толь нежной красотой?
Возможно ль в сей тоске Тамире укрепиться
И сердца своего движенья утолить?

Клеона

На страсть ее смотря, и небо возгорится
И не умедлит зла толикого отмстить.

Надир

Горами потрясет, и воспалит пожары,
Или опустошит поветрием луга,
Или от глубины возвысив волны яры,
Потопом скверные очистит берега.

Клеона

Народную молву приумножают знаки;
Везде уж говорят, что близ дверей беда!
Мне кажутся во сне ужасные призрáки,
И вранов, как на труп, слетаются стада.

Надир

Хоть радостен Мумет, но войска не имеет;
Что будет, как Селим к стенам приступит вновь?
Погибнем, ежели, не рассудя, посмеет
Озлобить меч в руке держащую любовь.
Мамая гордый дух чем больше возвышает,
Тем может рок его скорее поразить.

На пыщны гор верьхи гром чаще ударяет.
Беги высот, когда безбедно хочешь жить.
Цветут спокойные, не зная бурь, долины,
Где редко молнии возможно досягать.
Никто на свете так не обязал судьбины,
Кто б завтрешне себе мог счастье обещать.
На лживость оного никто не полагайся:
Что утром возросло, то вечером падет.
Никто в несчастии спасенья не отчайся:
Что вечер низложил, то утро вознесет.
Неутолимый рок всё ко́лом обращает.
С Мамаем рушиться внезапно может Крым.
Когда кто с высоты великой упадает,
И тех с собой влечет, что с низу шли за ним.
Но сим смущаются лишь только подлы души,
Которы на морской волнами шумный путь
Смотря, колеблются с недвижимыя суши
И чают на брегу высоком потонуть.
Едина видит то с презорством добродетель;
Среди громов и бурь недвижимо стоит;
Сама себе хвала, сама себе свидетель;
Хоть мир обрушится, бесстрашну поразит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Селим и прежние.

Селим

Любовникам долга единая минута!
Возможно ль, государь, Селиму ныне знать,
Еще ль Тамира здесь?

Клеона

О скорбь!

Надир

О горесть люта!
Ах, что дерзнули вы, несчастные, начать!

Селим

Мужайся, скорбный дух, и стой против удара,
Который на меня свирепый рок занес.

Надир

Ах, если б гневного отцова силу жара
Тамира утолить могла потоком слез!
Поимана в пути для бегства предприятом,
Терзается...

Селим

Какой вступает в жилы хлад!
Когда не помогло ты в деле мне начатом,
О небо! не косни, живого свергни в ад!
Мамай любовию моею поругаться,
И пламень мой презреть намерился Мумет?
Тамира не моя? мне с нею не видаться?
И больше никакой уже надежды нет?
Я вижу, что Мумет меня еще не знает,
Еще в осаде он моих не сведал сил.
Мамаю дочь отдав, меня отвергнуть чает?
Надежду на песке он зыбком положил!
Забыл он, что моим люблением спасенный
Стоит сей град? и в нем того лишит меня,
Чем я надеялся, в сей жизни одаренный,
С ним в дружестве прожить, свой род соединя?
Забыл любовь мою и дружество с Нарсимом?
Забыл, что жизнь его была в моих руках?
Я свижусь, покажу, каков союз с Селимом
И что вражда его возможет в сих стенах!
Я снова на брегу противном мне поставлю
И обращу на град Евфратские полки;
От лютости такой любезную избавлю
И от Мамаевой мучительской руки.
Ударит женский стон здесь вместо песней брачных
И вместо праздничных огней пожар сих стен.
Мумет увидит смерть, бегущу в вихрях мрачных,
И кровию чертог Мамаев обагрен.

Надир

Я сам бы, уклонясь отеческого града,
В пустой степи и жизнь и скорбь свою закрыл;
Не видя срамоты и мерзостного взгляда,
Я счастлив бы весьма в несчастии том был.
Однако ж, государь, воспомянув Нарсима

И зная, что сие отечество его,
Меча не возноси к опроверженью Крыма
И данного держись ты слова своего.

Селим

Не я, но сам Мумет стен будет разоритель:
Презрением своим на то мне право дал.
Нарсима в оных нет, но лютый в них мучитель;
Он купно бы со мной против него восстал.
Сугуба страсть меня на то вооружает,
То жалость горестна, то искрення любовь;
Одна во мне стремит, другая дух терзает,
Одна снедает грудь, друга волнует кровь;
Одна велит от зла невинную избавить,
Другая ввек себе любезну получить;
Одна всеобщий долг естественный исправить,
Другая данную присягу сохранить.
Или бесчувствен я таков кажусь Мумету,
Чтобы недвижно мог стоять, когда Мамай,
Похитив силою, что мне дороже свету,
Ликуя поведет из глаз в далекий край?
Возможно ли стерпеть его советы мерзки!
О сердце, не мягчись, но разруши вконец,
Мумета низложи. Куда, Селим продерзкий?
Подумай, что Мумет любезныя отец!
И свято место мне, Тамира где родилась;
Пусть в целости стоит, и пусть погибнет тот,
От коего моя надежда разрушилась.
Мамаю отниму Тамиру и живот.

Надир

Приятель, укроти в себе волненья гневны
И жизни не давай в опасность такову.

Клеона

В сугубой горести не погрузи царевны,
От пагубы храни любезную главу.

Надир

Когда на сей ты град восстать не должен
войском,
То должен ли один? что хочешь?

Селим

Умереть!
Или торжествовать и в мужестве геройском
Награду верности прекрасную иметь.
И правды и любви непобедима сила
Против насилия со мной на брань пойдет.
Или моя рука, что крымску кровь щадила,
Свою, но прежде той Мамаеву прольет.
И если мужество победой не прославит,
Любовь и честь велит: довольно; я умру?
Пускай хоть тем меня от муки рок избавит,
В любовном жизнь моя погибнет пусть жару.
Я лучше с похвалой оставить ту желаю,
Как тяжек быть себе, и небу, и земли́
И смерти ждать, в посмех отдав себя Мамаю,
До старости не знать отрады николи.
Владеет наших дней всевышний сам пределом;
Но славу каждому в свою он отдал власть.
Коль близко ходит рок при робком и при смелом,
То лучше мне избрать себе похвальну часть?
Какая польза тем, что в старости глубокой
И в тьме бесславия кончают долгой век!
Добротами всходить на верьх хвалы высокой
И славно умереть родился человек.
Превыше смертного я жребия поставлю
Участие свое и славой вознесусь,
Когда Тамиру я от лютости избавлю,
Вменяя ни во что; умру или спасусь!
Пускай отец ее свирепой постыдится,
Мою за дочь свою текущу видя кровь;
Узнает злость свою, но поздно научится,
Что может предприять озлобленна любовь!

Надир

Какую принесешь ты в старости утеху
Родителям своим, когда услышат весть,
Что вместо в сей войне желанного успеху
Дерзнул, забыв об них, себя на рок привесть!
Они во сретенье давно к тебе взирают,
И простирают мысль чрез горы и валы,
И в нетерпении минуты все считают,
Твоей насытиться желая похвалы.

Возобнови свои премудрые уставы,
Которым преж сего себя ты покорял;
И вспомни прежние свои на сей час нравы,
Которых мерностью ты старых удивлял.

Селим

Любви велика власть всю крепость низлагает
И мной господствует. Уж я не тот Селим...

Клеона

Какую небо казнь с Мамаем насылает!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Мамай, Заисан и прежние.

Мамай

Совет имеете с соперником моим?

Селим

Или я с Крымом здесь подвластен стал Мамаю?
Или он мне иметь советы запретит?

Мамай

Теперь препятствия любви моей скончаю!

Селим

Теперь любовь моя насильствию отмстит!

Мамай

Весь север покорив, сего не одолею?
Забыв, продерзостный противится Селим,
Кто прадед мой и что я в области имею?

Селим

Кто родом хвалится, тот хвастает чужим.
Но где твои полки? и где желаешь? в море
Иль в поле окончать толику боем прю?

Мамай

Увидишь, дерзостный беглец, увидишь вскоре,
Какому ты дерзнул противу стать царю.

Поди и возвести, где обитают мертвы
Прапрадеды мои, каков их в свете внук.

(Вынимает саблю.)

Селим
(вынимая саблю)

Любовь Тамирина такой достойна жертвы,
Которой от моих она желает рук.

Сражаются.

Заисан
(разнимая)

Великий государь!

Клеона

Ах!

Надир
(разнимая)

Ах, Селим любезный!
В какую пагубу несет злой рок тебя!

Заисан
(к Мамаю)

Смягчи свой царской гнев!

Клеона
(к Селиму)

Склонись на токи слезны!
Помилуй, государь, Тамиру и себя!

Действие пятое

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Мумет, Надир, Тамира, Клеона, воины.

Мумет

В какой я крайней стыд тобою погрузился!
До коего достиг при старости я зла!
На то ль тебя родил, на то ли я крушился,
Тамира, чтобы ты преслушна мне была?

За пришлецем бежать из отческого дому,
И кровности его дерзнула предпочесть!
Какая казнь равна такому делу злому,
Какая быть сему довольна может месть?

Тамира

Когда родилась я в бессчастную минуту,
Чтоб скорбь тебе принесть, то сжалься, государь!
Скончай свой гнев, скончай мою судьбину люту,
Мечем своим в мою повинну грудь ударь!
Мне гроб приятнее Мамаева чертога;
Употреби свою родительскую власть!

Мумет

Не я тебе, не я, сама себе ты строга;
Сама дерзнула ты в такую мерзость впасть.
Ты в сердце лютую сама змею питаешь,
Котора в кровь твою пускает смертный яд!
Мамая дерзостью бесстыдно озлобляешь,
Которого один тебя достоин взгляд,
Которой к высоте толикия державы
Тебя и весь мой дом склонился возвести,
И в общество принять своей гремящей славы,
И сердце в дар тебе геройско принести.
К последнему склонись отеческому слову,
Старайся склонностью продерзость наградить.
Но если я тебя увижу неготову
С великим сим царем в супружество вступить,
То сделаю пример и покажу вселенной,
Что я хотя отец, однако же и царь.
Блюдись руки моей, упрямством раздраженной,
И будь готова стать с Мамаем пред олтарь.

(К Надиру)

Любезный брат, потщись прельщенную наставить
На истинну стезю, пока всё учрежду.

(К Клеоне)

Тебя, преступница, кто может нынь избавить
От казни, что тебе за злобу наведу?

(К воинам)

Возьмите скверную и ввергните в темницу.

Клеона

Помилуй, государь!

Тамира

Невинной не казни!

Надир

Ты щедру обрати, о небо, к нам зеницу!

Тамира

Отеческу любовь во гневе вспомяни.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Тамира и Надир.

Надир

Дражайшая моя Тамира, будь спокойна
И строгой перестань противиться судьбе;
Забудь, что лучшего ты счастия достойна,
Будь тем довольна, что она дает тебе.
Когда родитель твой любовен и рассуден,
Тогда взаимно ты с почтением люби;
Когда же он свиреп и к умягченью труден,
То, помня крови долг, сноси и не скорби!
Поверь мне, что Мамай хотя теперь возвышен
И гордости своей не знает где предел,
Но скоро упадет, и звук лишь будет слышен,
С какой он высоты, повержен, вниз летел.
Чудовищу сему хоть небо попускает
Еще до времени род смертных разорять,
Но ныне чрез твою невинность воспылает
И ускорит твою и всех беду скончать.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТИЕ

Тамира, Надир и вестник.

Вестник

Печальны, государь, в сей час услышишь вести!

Тамира

Не дай, о боже, мне отчаяться вконец!

Надир

И не нашли на нас превыше силы мести,
Но будь оставленным и в ярости отец!

Вестник

Во гневе из палат Мамай неутолимом
Лишь только вышел вон и обращал свой зрак,
С озлобленным тотчас увиделся Селимом,
И тут к сражению друг другу дали знак.
Взлетели на коней и, оных поощряя,
Скакали на поля одни из наших стен.
Я ехал им вослед, где роща есть густая,
Среди которой луг широкой заключен.
Тут перьвой их удар...

Тамира

О, как мой дух стеснился!

Вестник

Сверкнули острые и дали звук мечи;
Как туча мрачная Мамай ярясь смутился,
От глаз был блеск, как вал морской горит в ночи.
Надежда на лице Селимовом блистала,
И в мужестве была приятна красота;
Везде рука его Мамая утесняла,
Мамай искал себе спасенья от щита.
Едва от скорых он ударов укрывался
И действовать мечем не успевал своим;
Уже и отступал и к бегу порывался;
Но руку сильную занес в размах Селим;
Ударил по щиту, звук грянул меж горами;
Распался разом щит и конска голова.
Мамай повержен был внезапно под ногами,
И ближни потряслись падением древа.
Селим тут мог попрать копытами Мамая;
Однако сшед с коня, к восставшему спешил.

Надир

Ах, дерзость!

Тамира

Ах, беда!

Вестник

На храбрость уповая,
К погибели своей великодушен был.
Как чаял, что врага имел уж он во власти;
Набегли невзначай Мамаевы мурзы.
Он им вскричал: «Теперь спасите от напасти!»
Ударились к нему...

Тамира

О горькие часы!
О щедры небеса, и мой живот скончайте!

Вестник

Мне свет из глаз отняв, погнала прочь боязнь!
Я слышал только там: «Рубите и терзайте».
Один из мурз вскричал: «Прими достойну казнь».

Надир

Любезный мой Селим, уж ты лежишь бездушен,
И храбрость множеством твоя побеждена!
На то ль ты столько был родителю послушен,
Чтоб кости приняла твои чужа страна?

Тамира

В отчаяньи своем уже я леденею,
Терзаньем утомясь любовного огня!
Отмсти ты, государь, отмсти сему злодею,
За друга своего отмсти и за меня.

Надир

Пойду, не пощажу своей я хладной крови.
Отмщу или умру! довольно и того,
Что вашей принести сподоблюся любови
На жертву живота остатки моего.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Тамира
(одна)

Какую может дать Надир уж мне отраду?
Селима больше нет! Мамай вкруг ополчен!
Иль скверного себе его ждать буду взгляду?

И дам себя жива чудовищу во плен?
Одно спасенье мне не ожидать спасенья.
В покров природа смерть несчастливым дала.
Имея вольный путь, не избегу мученья?
Еще хочу я жить и не страшуся зла?
Уж сердце за стеной Селимово терзают,
Ах, лютой мой отец! убийцы по путям.
О как и руки им твои не помогают!
Поди и насладись невинной кровью сам.
Насыть слезами грудь дочерними, родитель!
И пагубой моей и роком веселись!
Но знай, что будешь слыть на свете ты мучитель:
Единым именем с Мамаем возгордись.
А ты, мой брат, когда стал ныне друг Мамаю,
То в жизни на тебя гнушаюсь я взглянуть;
Когда ж ты от него погиб, как верно чаю,
То в тот же за тобой спешить мне должно путь.
Итак, несчастная Тамира, умирая,
Родительских уже не будешь видеть слез.
Одна сомкнешь глаза, со света убегая,
Оставлена от всех, презренна от небес!
И огорченный дух сойдет в места подземны,
Себя от тяжких сих оковов разреша,
И устремится вслед Селиму в хляби темны!
Повей ко мне, повей, любезная душа:
Соединись с моим последним здесь дыханьем
И будь, когда нам рок жить вкупе запретил,
Хотя по смерти мне соединен бежаньем
Со света, что с тобой однем мне мог быть мил.
Раскаешься уже, родитель мой, но поздно!
Ах, поздно будешь ты над мертвою рыдать,
Что принуждение твое могло мне грозно
Надежду и живот во младости отнять!
А ты почувствуешь, Мамай бесчеловечный,
Которой отнял нынь две жизни у меня,
Почувствуешь ты казнь и страхи бесконечны,
Как наша пред тебя приступит тень стеня.
Селимов будет дух и мой тебе мечтаться
И лица бледные и кровь везде казать.
Из степи будешь в степь от страху укрываться;
Но места не найдешь, где б муки избежать.
Пока не видя ты своим мученьям краю,

Погибнешь в горести, прокляв последний час.
Сего, о небеса, тирану я желаю!
И в жертву приношу последний с кровью глас!
Уже мне вечность вход к блаженству отверзает,
И смерть зовет меня к спокойству от трудов!
Героев светлый лик Нарсима там встречает.
А ты, мой дух, к нему еще ли не готов?
Ты к делу славному начто ослабеваешь?
Что должно потерять, то должно презирать.
Зачем, рука моя, конца не ускоряешь?
Мне легче смерть сама, как смерти ожидать.
Я смертью лишь могла, Селим, тебя лишиться,
Когда б наш век продлить изволилось судьбе.
Но ныне не хочу и в смерти разлучиться:
Ты умер для меня; я следую тебе.

(Хочет заколоться.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Селим, Нарсим и Тамира.

Селим

(схватив за руку и вырвав кинжал)

Я жив, дражайшая, я жив и торжествую!

Нарсим

Любезная сестра, твой здравствует Нарсим!

Тамира

(ослабевая)

Уже меж мертвыми я вижу тень драгую!

Селим

В каком отчаяньи!

Тамира

И дух Нарсимов с ним!

Селим

(к ослабевающей Тамире)

Тебя, дражайшая, Селим твой поздравляет,
Что враг наш погублен, уж больше не страшись.

Нас верность и любовь и счастье возвышает;
Великой радостью ты с нами ободрись.

Тамира

Возможно ль быть тому? Селим! Нарсим! я с вами!
Я с вами в жизнь еще увидеться могла?
Я вижу ясно, что рука твоя над нами,
О боже мой, в беде и в горести была!
Но мне Мамаева еще ужасна сила!

Нарсим

Умывшись в варварской рука моя крови
Вселенныя концы от страху свободила,
Мне мщенье воздала и вашей долг любви.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Мумет, Надир, Заисан, Селим, Нарсим и Тамира.

Мумет

Нарсим, ты здесь! тебя я вижу, сын любезный?
Колику радость ты нечаянно принес!
Один ты иссушишь мои потоки слезны,
Что пролил мне удар разгневанных небес!
Мамаю не хотя Тамира быть супругой
Всего лишает нас, что нам он обещал
И что ты приобрел своей к нему услугой.

Нарсим

Я всю уж, государь, печаль твою скончал,
И, побежден, к тебе с победой возвращаюсь;
Димитрий одолел; и враг наш поражен.

Мумет

Внимая странну весть, в сомненьи ужасаюсь!

Нарсим

Коль чудно я для вас от пагубы спасен!
Спасен, сей град, тебя, Тамиру и Селима
Избавить от беды, Мамая погубив.
Повержен сопостат и разоритель Крыма,
Что полк мой низложил; чуть я остался жив.

Мумет

О небо!

Заисан

Ах, удар!

Тамира

О промысл милосердый!

Надир

(к Заисану)

Не мне ли в честь конец имеет наша пря?

Селим

Сама судьба есть щит любови нашей твердый.

Мумет

О льстивые слова коварного царя!
Скажи, любезный сын, скажи мне всё подробно
И сделай всем моим смущениям конец.

Нарсим

Не слыхано еще на свете зло подобно,
Какое предприял Мамай, тиран и льстец.
Уже чрез пять часов горела брань сурова,
Сквозь пыль, сквозь пар едва давало солнце луч.
В густой крови кипя, тряслась земля багрова,
И стрелы падали дождевых гуще туч.
Уж поле мертвыми наполнилось широко;
Непрядва, трупами спершись, едва текла.
Различный вид смертей там представляло око,
Различным образом поверженны тела.
Иной с размаху меч занес на сопостата,
Но прежде прободен, удара не скончал.
Иной забыв врага, прельщался блеском злата,
Но мертвый на корысть желанную упал.
Иной, от сильного удара убегая,
Стремглав на низ слетел и стонет под конем.
Иной пронзен угас, противника пронзая,
Иной врага поверг и умер сам на нем.
Российские полки, отвсюду утесненны,
Казалося, что в плен дадутся иль падут.

Мамай, растерзанны противных видя члены,
Великой гордостью промолвил мне надут:
«Нарсим, Димитрия во узах предо мною,
Когда он жив еще, немедленно поставь;
Но ежели он мертв, с противничей главою
Поспешно возвратясь, мне радости прибавь».
Я, будучи его тобою отдан воле,
Немедля поскакал к российскому полку
Димитрия искать в его стану и в поле;
По трупам перешел кровавую реку.
Со всех сторон меня внезапно окружили
Избранны воины Мамаевых полков
И тех, что круг меня вооруженны были,
Дерзнули сечь. Я тут узнал проклятый ков.
Узнал, что не вотще его я опасался,
И к защищению себя вооружил.
Один из них ко мне уж прямо устремлялся
И стрéлу на меня в свирепости пустил.
Она, пробив мой щит, увязла посредине.

Мумет

К какой ужасной я послал тебя беде!

Надир

Трепещет грудь моя!

Селим

Коль близко был к кончине!

Нарсим

Внезапно шум восстал по воинству везде.
Как туча бурная ударив от пучины,
Ужасной в воздухе рождает бегом свист,
Ревет и гонит мглу чрез горы и долины,
Возносит от земли до облак легкой лист,
Так сила росская, поднявшись из засады,
С внезапным мужеством пустилась против нас;
Дождавшись таковой в беде своей отрады,
Оставше воинство возвысило свой глас.
Во сретенье своим россияне вскричали,
Великой воспылал в сердцах унывших жар.
Мамаевы полки, увидев, встрепетали,

И ужас к бегствию принудил всех татар.
Убивцы от меня для страху удалились.
Я кверьху смутные возвел свои глаза.
Тогда над росскими полками отворились
И ясный свет на них спустили небеса.
Ударил гром на нас, по оных поборая.
И подал знак, что бог на помощь им идет!
Глазами я искал и не нашел Мамая;
С бегущими и сам побег ему вослед.
Внимая страшный стон, с холма я оглянулся;
Какую пагубу увидел наших сил!
Увидел купно всех попранных, ужаснулся!
Мамаю отомстить за всё я зло спешил.

Мумет

О счастье льстивое, как души ослепляешь!
Тамира, я тебя напрасно озлоблял!

Тамира

Ты словом сим живот с надеждой возвращаешь!

Селим

Уже я вознесен, как мой соперник пал!
И очи, государь, мои тем насладились,
Что отнял жизнь ему при мне любезный друг.
Когда мы на́ поле один с другим сразились,
Вооруженные наехали к нам в луг.
Я чаял, что Мамай с другими согласился,
Чтоб множеством меня коварно одолеть;
Однако я стоять против вооружился
И предприял, лишась любезной, умереть.
Тотчас тут усмотрел любезного Нарсима,
Которой, яростью к Мамаю устремлен,
Летел к отмщению колеблемого Крыма.
Он тяжко восстенал, мечем сквозь грудь пронзен.
Как тигр уж на копье хотя ослабевает,
Однако посмотрев на раненой хребет,
Глазами на ловца кровавыми сверькает
И ра́товище, злясь, в себе зубами рвет,
Так меч в груди своей схватил Мамай рукою,
Но пал, и, трясучись, о землю тылом бил.
Из раны черна кровь ударилась рекою;

Он очи злобные на небо обратил.
Разинул челюсти! но гласа не имея,
Со скрежетом зубным извергнул дух во ад.
Нарсимовы слуги бездушного злодея
Остались истребить огнем последний яд.

Надир

Толь тяжко с высоты бог гордых повергает!

Селим

Вторично, государь, я ныне предложу
О том, к чему моя толь сильно грудь пылает
И жизни для чего своей я не щажу.

Мумет

Я с небом и с судьбой и с вами соглашаюсь,
Исполню, что велит любовь и красота.
Я счастием своим и вашим утешаюсь!
Живи в веселии, любезная чета.
Коль всем нам был сей день печален и ужасен,
Что мог нас в пагубе конечной утопить;
Толь будет завсегда он весел и прекрасен,
Что в оный промысл вас судил соединить.
Взаимная любовь меж вас не принужденна
Всегдашней верностью пусть даст иным пример.
Мамаева притом кичливость пораженна
Других пусть устрашит гордиться выше мер.
К готовому теперь вы олтарю за мною
Последуйте пред ним в супружество вступить;
Клеониною я хоть оскорблен виною,
Но радость нынешня велит ей всё простить.

1750

116. ДЕМОФО́НТ

Краткое изъяснение

После разорения Трои Демофонт, сын Тезея, царя Афинского, возвращаясь от Трои в отечество, противною бурею занесен был к берегам Фракийским и с разбитого флота принят царевною Филлидою, дочерью Ликурга-царя, после которого смерти воспитал ее Полимнестор, князь и правитель Фракийский. В то время был он на войне против Скифов, оставив под охранением Мемноновым с Филлидою невесту свою Илиону, дочь Приама, царя Троянского, приведенную прежде конечного разрушения Трои с братом ее царевичем Полидором, чтобы сохранить их от греков с присланным великим богатством. В отсутствие его Филлида с Демофонтом, возымев великую взаимную любовь, положили, чтобы, уговорясь с Мемноном, сочетаться между собою браком и принять правление государства, а Полимнестора отрешить от оного. Между тем Демофонт, прежде жалостию, а после любовию к Илионе склонясь, сомненною страстию толь долго колебался, пока Полимнестор нечаянно в город пришел с победою; и отселе начинается сия трагедия.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Демофонт, сын Тезея, царя Афинского.

Полимнестор, князь и наместник царский во Фракии.

Филлида, царевна Фракийская, дочь умершего Ликурга-царя.

Илиона, царевна Троянская, дочь Приамова, невеста Полимнесторова.

Мемнон, правитель города Сеста.

Драмет, полководец Демофонтов.

Креу́за, мамка Филлидина.

Вестник.

Действие происходит в Сесте, приморском городе Фракийском, в царских палатах.

Действие первое

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Филлида, Демофонт и Креуза.

Филлида

Он в сих уже стенах! о лютая напасть!
Ты знаешь, Демофонт, его велику власть.
Желание мое как может совершиться,
Где Полимнестора мой слабой дух страшится?
Начто ты отлагал, начто толь долго брак?

Демофонт

Мне строгая судьба повелевала так!
Но что великой страх?

Филлида

Еще ли вопрошаешь?
Давно, уже давно ты всё подробно знаешь,
Что мне с тех пор страшна понынь его гроза,
Когда родителю сомкнула смерть глаза.
Он, жизни своея последний час кончая:
«Прости, — сказал в слезах, — Филлида дорогая,
Живи и возрастай счастливо под рукой,
Что в возрасте тебя на трон возвысит мой.
Ты князю будь, как мне, до времени послушна;
Я ведаю, что мысль его великодушна». —
Промолвил и с тем дух последний испустил,
И Полимнестор власть над царством получил.
Через двенадцать лет коль сильно укрепился,
То видел ты теперь, но как ты не смутился?
И неподвижно как возмог смотреть на страх,
Которой был на всех и на моих очах,
Смущенных от его внезапного приходу?

Демофонт

Сие ли устрашит геройскую породу?
Или забыла ты, что я Тезеев сын?
Чего желаю я, то получу один.
И чаешь ты, чтоб тот сим видом взволновался,
Кто Гектора видал и в поле с ним сражался?

Филлида

О мужестве твоем не сомневаюсь я;
Иной напасти ждет печальна грудь моя.
По всем признáкам я, бессчастна, примечаю,
Что к пагубе своей любовию пылаю.
Ты знал, что князя весь монархом чтит народ
И что владеть ему остался целой год;
В отсутствие его, уговорясь с Мемноном,
Мы брачным укрепить любовь могли законом.
И подданные все, увидев наш союз,
Отстали б от него, отвергнув тягость уз.
На храбрость бы твою надежду положили,
Против его свой дух и руки обратили.
Но ныне с воинством в сей город он вступил,
Победами свое правленье укрепил.
Он больше прежнего уж власть свою умножит,
По умыслам своим и брак мой расположит.
Но ты спокойно мог сея напасти ждать!
Как можешь предо мной себя ты оправдать?

Демофонт

Смущения твои, драгая, все напрасны,
И тени кажутся одне тебе ужасны.
Хоть Полимнестор здесь, но он, как твой отец,
Твоим сомнениям желанный даст конец.
Когда в младенчестве он был твой покровитель,
То будет ли в твоем уж возрасте гонитель?
И медленность моя вредить не может нам;
Пока я долг отцу в отечестве отдам,
То княжеско к концу владение достигнет,
И твой народ тебя и он на трон воздвигнет.
В Афинах укрепя престол свой, возвращусь
И, будучи царем, с царицей сопрягусь.

Филлида

Так можешь целой год пробыть и без Филлиды!
Такие ли казал сначала ты мне виды?
Когда свирепый вихрь разбил твои суда,
Когда еще текла с одежд твоих вода,
Когда из челюстей несытыя пучины
На мой ты принят брег, спасен от злой кончины,
Ты так ли говорил? ты так ли припадал?

И так ли взор взводил, и так ли воздыхал?
Слезами и бедой твоей я умилилась,
На твой плачевный вид, на жалку часть склонилась.
Почти без чувств тебя я в дом свой привела,
Спокойство от трудов и жизнь тебе дала.
И для меня Мемнон явил тебе приятство,
Из недр морских извлек Троянское богатство,
Которое тогда ж тебе возвращено,
И к ним сокровище мое сообщено.
Как можешь, что достал убийством ты и кровью,
Сравнить с тем, что тебе моей дано любовью?
Когда она двоих сердца уж сопрягла,
Я общим всё добром имение звала.
С сугубой хочешь в дом корыстью возвратиться,
Троянским и моим богатством возгордиться?

Демофонт

О как мне речь сия в печальну грудь разит!
Подумай, что теперь отец мой говорит:
«Меня противник здесь от царства отлучает,
А сын, о мне забыв, любовью ныне тает
И в роскоши, презрев естественный закон,
В ничто вменяет скорбь отеческу и стон».
Представь, дражайшая, ты гордого Мнестея,
Что хочет хищной снять рукой венец с Тезея,
И в старости ему он казнию грозит;
Представь себе, представь Тезеев скорбный вид.
Возлюбленный отец, о как ты воздыхаешь!
Ты взоры слезные чрез воды простираешь,
И наблюдаешь всех судов бегущих путь,
И на берег едва дерзаешь ты взглянуть,
Где злой тиран тебя насильно утесняет,
Тогда как Грецию отрада оживляет.
С победою пришли обратно там цари,
Восходит к небу плеск, дымятся олтари.
Троянским златом все блистают там чертоги,
Приемлют злато в дар отеческие боги.
Отцы и матери встречают там сынов,
И радость изъяснить недостает им слов.
Все слушают от них Приамову судьбину,
И Гекторову смерть, и славы их кончину.
А ты, родитель мой, утехи той лишен!

Филлида

Но мною ли он в сей печали погружен?

Демофонт

Такой мне от богов уже предел поставлен,
Что я хоть на сей брег от ярых волн избавлен,
Однако чтоб на нем в смущеньи утопать!

Филлида

Но я ли строгостью могла тебя смущать?
И кто препятствовал намеренью скончаться
И прежде князя нам на царство увенчаться?
И силу бы твою услышав там, Мнестей
Державы досягать дерзнул ли бы твоей?
Подумал ли бы он, что Фраческая сила
И с ней рука твоя ему бы не отмстила?

Демофонт

Так хочешь, чтобы я не видел нынь Афин
И там не защитил отеческих седин?

Филлида

Ты, ведая мою любовь, как можешь мыслить,
Чтоб стала я своим веселием то числить,
Когда бы ты отца и скиптр свой позабыл?
Мне толь же, как тебе, поверь, отец твой мил.
Я, власть здесь укрепя, с тобой бы в Понт пустилась.
Ни острых камней я б, ни бурь не устрашилась;
Какую б радость твой почувствовал отец,
Увидев на тебе и свой и мой венец!

Демофонт

Не знаешь зависти меж греками, не знаешь!
И так ли два венца совокупить ты чаешь?
Лишь только дойдет весть к соседям через Понт,
Что принял от тебя власть царску Демофонт,
То, силою в боязнь приведены моею,
Все обще поспешат венец отдать Мнестею.
Мне прежде должно власть наследну укрепить
И после с оною твою совокупить.

Филлида

Не мысли, государь, чтобы младые лета
И слепота любви меня лишили света,
Чтоб мыслей я твоих приметить не могла,
Которы страсть к себе другая отвлекла!
И речь твоя тебя, и взгляды обличают
И сердца твоего всю тайну открывают.
Я вижу из твоих потупленных очей,
Что больше нет уже ко мне любви твоей.

Демофонт

Драгая, перестань терзать мой дух смущенный!

Филлида

Бежишь от глаз моих? уж мысли развращенны
Не могут утерпеть моих правдивых слов.
Уже ты к своему отшествию готов
И долее меня не хочешь удостоить...

Демофонт

Позволь, любезная, мне сердце успокоить!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Филлида и Креуза.

Филлида

Не ясно ль кажет мне его сомненна речь,
Что я слезам своим даю без пользы течь!
Ты видишь по всему, любезная Креуза,
Что он нарочно бег от брачного союза.

Креуза

Я сердцем трепещу, смущения боясь!
Что будет, как твою любовь узнает князь?
О Демофонте что, царевна, он помыслит,
Которого врагом со греками он числит?

Филлида

Могла ли я такой печали ожидать?
И что уже теперь, бессчастной, мне начать?
Ты рок готовишь мне, возлюбленный мой, втайне?

Креуза, ах, поди, спеши, старайся крайне,
Вступи с ним обо мне в пространной разговор
И примечай слова, движения и взор.
Тебе покажут все вопросы и ответы:
Ты знаешь мыслей в нем наружные приметы.

Креуза

Дай, небо, чтоб в твоих намерениях всех
Был равен моему старанию успех!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТИЕ

Филлида
(одна)

Чтоб он любил меня, еще могу я верить?
И страсти в нем другой я не могу измерить?
Не тщетно ль жду того, что он мне обещал
И что мне клятвою стократно подтверждал?
Однако, так моей любовью одолженный,
Гнушаться мерзкия не будет ли измены?
Горячая его к родителю любовь
Не возмутит ли в нем такой напастью кровь?
Но я, ослеплена, причины вымышляю!
И, видя явну лесть, его же извиняю!
Ах, как мне ныне быть? и Полимнестор сам
Является моим, ах, полным слез очам!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Филлида и Полимнестор.

Полимнестор

Уже мне наконец приятною судьбою,
Царевна, суждено увидеться с тобою.
От взору твоего три лета отлучен,
Всегда против твоих врагов был ополчен.
Раздоры внутренни и внешни успокоил,
Противных победил и с ними мир устроил.
Неоднократно я всю кровь хотел пролить,
Чтоб царство для тебя недвижно утвердить,
Но щедры небеса судьбину отвратили
И жизнь мою с твоим наследством сохранили.

Филлида

Что защищая ты во мне Ликургов род
На брани положить готов был свой живот,
За то благодарят тебя народы многи,
И чтят завистники, и любят сами боги.

Полимнестор

Сим счастием хотя я много веселюсь,
Но больше радуюсь я ныне и дивлюсь,
Увидев, что в мое отсутствие Филлида
И возрастом своим, и красотою вида
До тех достигла мер, когда уже любовь
Ликургову тобой восставить может кровь.
Едино совершить мне дело уж осталось,
Чтоб сердце чрез меня достойное сыскалось,
Достойное тебе быть ввек поручено.

Филлида

Усердие твое известно мне давно:
Хотя рука твоя сим царством, князь, владела,
Но я, лишась отца, в тебе его имела.

Полимнестор

Превыше ныне мер тобою я почтен,
Что именем я толь великим наречен.
Довольно, если б я того был удостоен,
Чтобы через меня народ был успокоен,
Которой в радости уже всечасно ждет,
Кого твой нежной взор и сердце изберет,
Чтоб царствовать с тобой на отческом престоле;
О счастлив, счастлив тот и всех он смертных боле!

Филлида

Я верю, что народ Ликурга не забыл,
Которой нравам он похвальным научил,
Но сколько от твоей он ревности желает,
Моя несчастна грудь того иметь не чает.
Я счастлива была б, когда твоя бы власть
Могла мне укрепить мою желанну часть.

Полимнестор

Хоть всею я еще Фракиею владею,
Но силы таковой и власти не имею,

Какая в нежности и младости твоей
Блистает из твоих пленяющих очей.
Своею больше ты успеешь красотою.

Филлида

Коль мало пользовать могу себя я тою!

Полимнестор

Ты можешь ею всё...

Филлида

Узнаешь скоро сам.
Но время приносить тебе хвалу богам.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Полимнестор и Мемнон.

Мемнон

Надеясь твоего в великий храм прихода,
Несчетно множество стекается народа.
Я войско по местам расставил, государь,
И жертву приносить богам готов олтарь.

Полимнестор

Какое принесу я им благодаренье,
Когда повержен я после трудов в мученье,
Когда меня любовь в спокойны дни крушит
И в мирные часы в груди сей брань чинит?

Мемнон

В тебе ли можно быть каким мученьям месту?
В спокойном торжестве ты видишь здесь невесту;
Геройску видишь дочь, геройскую сестру,
Пылающу к тебе в усерднейшем жару.
Всего лишась, она тобой была спокойна,
Супружества с тобой в несчастии достойна.
Желание свое ты можешь совершить
И с браком торжество сие соединить.
Она после тебя минуты все считала;
По Трое, по отце не столько воздыхала,
Как взору твоего крушилася лишась.
Коль часто слез река из глаз ее лилась!

Полимнестор

Что часть ее жалка, Мемнон, я признаваю,
С любовью купно скорбь для ней претерпеваю
Сугубо чувствую я бремя на плечах!
И что, скажи, теперь я видел при брегах?
Чьи флаги на водах борей Фракийский веет?
И что в намереньи Филлида здесь имеет?
Скажи и не утай, что было без меня,
Что в доме делалось и в сердце у нея?

Мемнон

Возможно ль от тебя мне, государь, таиться?
И должность, и любовь велит тебе открыться.
За по́лгода пред сим, когда здесь не был слух,
Где с воинством тебя водил геройской дух,
И после, как пришла во град сей весть плачевна,
Что Трою рушила в конец судьбина гневна,
Внезапно солнца вид на всходе стал багров
И тусклые лучи казал из облаков.
От берегу в дали пучина почернела,
И буря к нам с дождем и с градом налетела.
Напала мгла, как ночь, ударил громный треск,
И мрачность пресекал лишь частых молний блеск.
Подняв седы верьхи, стремились волны яры,
И берег заревел, почувствовав удары.
Тогда сквозь мрак едва увидеть мы могли,
Что с моря бурный вихрь несет к нам корабли,
Которы лютость вод то в пропастях скрывает,
То, вздернув на бугры, порывисто бросает;
Раздранны парусы пловцы отдав ветрам
Уж руки подняли к закрытым небесам.
Мы чаяли тогда Энеева прихода
С остатками троян, несчастного народа.
Объята жалостью, подвигнута бедой,
Царевна на берег без страху шла за мной.
Тут алчный Понт пожрал три корабля пред нами
И, в части раздробив, изверг на брег волнами.
Увидев, что с водой там бьется человек,
С рабами я спешил и на песок извлек.
Он, очи смутные со страхом обращая
И томные уста чрез силу отверзая,
К Филлиде, облившись слезами, говорил:

«Когда небесный гнев меня так поразил,
То я уже взирать на небо не дерзаю;
К тебе, богиня ты иль смертна, прибегаю,
Или, как чаю, сих владычица брегов,
Покрой нас и превысь щедротою богов».
Царевна таковым подвиглась жалким слухом
И нежным, преклонясь, ответствовала духом:
«Спокоен будь теперь и отложи весь страх:
Не варварски сердца родятся в сих местах.
Хотя не знаем мы, какого ты народа,
Но бедным помогать велит сама природа!»

Полимнестор

Кто сей несчастный был?

Мемнон

Царя Тезея сын,
Он сердца нашея царевны господин!
Народ его, что с ним от пагубы избавлен,
Спокойством ободрен, и флот его исправлен.

Полимнестор

О вести странные! О чудный суд богов!
Но по́йдем их спросить; я ко всему готов.

Действие второе

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Демофонт, Полимнестор и Мемнон.

Демофонт

Ты склонность кажешь мне всея надежды боле!
И чем я заплачу твоей толь щедрой воле?
Я странствую, гоним от волн и от небес;
Ты в скорби, государь, отраду мне принес.

Полимнестор

И я тем веселюсь, что дивная судьбина
Тезеева мне здесь дала увидеть сына,

Которой мужеством ему себя сравнил
И тем под Троею героям общник был,
Которых на нее послали гневны боги.
Не вы, не вы, они Приаму были строги!

Демофонт

Умеренность твою чему могу сравнять?
Величеством души Приама больше зять!

Полимнестор

То всё еще теперь у промысла во власти;
Достигнет до своей и Илиона части!
От ярости богов убегнет ли она,
Котору чувствует отца ее страна,
То день поставленный покажет нам, конечно!

Демофонт

Иль рвение богов на Трою будет вечно?
Когда уже и в нас смягчилися сердца,
То им ли злобиться на бедных без конца?
Когда представлю я в уме своем Приама,
Терзаюсь мыслями от жалости и срама,
Что греческой рукой царева седина,
О варварство! в его крови обагрена!

Полимнестор

Теряет славу всю свирепством победитель,
Но часто должен он невольно быть мучитель,
Как надобно своих предохранить от зла.
Тебе всегда за то пребудет похвала,
Что о несчастии поверженных жалеешь,
То злобу тем своих врагов преодолеешь.
Когда б жалели так отшед все греки прочь,
Сие б Приамову могло утешить дочь.

Демофонт

Мне знать других сердец движения не можно,
Но объявить сие могу тебе не ложно,
Что в жизни я себя великим бы почел,
Когда б ей доказать сердечну жалость смел,
Которую об ней...

Полимнестор

Я в том не возбраняю,
Но силы ласковым словам твоим желаю,
Дабы чрез оные уверилась она,
Что Троя от богов, не вами сожжена.
И видя, что о том, кто воевал, крушится,
Могла бы от тоски хоть мало свободиться.

Демофонт

Все силы положу, чтоб греков посрамить
И Илиону в той надежде утвердить,
Что те же, укротясь, восставят боги Трою.
О если б сею мог воздвигнуть я рукою!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Полимнестор и Мемнон.

Мемнон

Я, объявив его к твоей невесте страсть,
Дивлюсь, что ты ему даешь ходить к ней власть!

Полимнестор

Я не дал бы, но что ж? другое ныне время!
И боги с моего снимают сердца бремя.
Покажут щедрой те на Илионе суд,
Устроят все об ней и счастье ей дадут.
Меня их власть к другой любови понуждает;
Мой дух противиться их воле не дерзает!

Мемнон

Что слышу, Государь?

Полимнестор

От олтаря ответ!
Ты слышал в храме гром, Мемнон, и видел свет,
Когда я, приступив, пред Марсом преклонился,
И как от жертвы дым пред оным воскурился;
Тогда военный бог щитом своим потряс,
Блеснул очами вдруг и испустил сей глас:
«Для Трои на себя не привлекай ты гневу,
Врученную тебе люби век дочь цареву».

Толь ясные слова не смею толковать;
Я волю принужден бессмертных исполнять,
Чтоб быть Ликургова по власти оных трона...
Но ныне отступи: приходит Илиона.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТИЕ

Полимнестор и Илиона.

Илиона

Увидев, Государь, наедине тебя,
Я смею ль речь зачать, твой дух не оскорбя?
Весь город, веселясь, в очах твоих сияет,
И, может быть, мой взор тебе лишь досаждает.
Боюсь, что я сему торжественному дню
И радости твоей препятство учиню!
Ты видишь пред собой не ту уж Илиону,
Что прежде, славою отеческого трону
Украшенна, тебе была обручена,
Со светлым празднеством в сей град приведена,
Но с Троею всего величества лишенну
И только лишь к тебе надеждой укрепленну.
Как сердце бы твое мне не было дано,
Осталося бы мне отчаянье одно.
Я в Трое, в Гекторе, в Приаме умираю
И только лишь к тебе любовию дыхаю:
Восставь и укрепи!

Полимнестор

Я должен сам упасть!
О строгая судьба! о горестная часть!

Илиона

Я вижу, государь, что разоренна Троя
Лишает и тебя веселья и покоя!
Но ежели тебе еще я так мила,
Как в те часы, когда из Трои я пришла,
То всю свою тоску в сей день преодолею,
И ты спокоен будь спокойностью моею.
И Гектор и Троил, Гекуба и Приам
В тебе одном моим являются очам.

Полимнестор

Когда б я был тебе Парисом иль Приамом,
То был бы счастлив я уже в несчастье самом.

Илиона

Ты можешь, Государь, теперь мне ими быть
И Трою на брегу Фракийском защитить,
Которую еще не укротимы греки,
Наполнив кровию поля при ней и реки,
Коварно утеснять и здесь не престают
И места оные остаткам не дают.
В отсутствие твое бурливая погода
Разбила корабли противного народа.
Тезеев сын, от волн спасен, остался жив,
Здесь странствуя живет. Он, время улучив
(Того я знать не тщусь — за правду
иль притвором),
Мне часто о любви досадным разговором
Терзал мой скорбной дух, несносной сопостат,
Которого один мне пуще смерти взгляд.
Забыв все нежности Филлидины, дерзает
Другой любви искать, чрез что он объявляет,
Что он на всякой час на злость свою готов.
На всех он, государь, сплетает хитрый ков.
Отмсти ты за меня, отмсти ты за Филлиду,
За Трою, за весь род, за собственну обиду.

Полимнестор

Я сею б кровь его рукою пролил сам,
Когда бы было то угодно небесам!
Но воля их мою надежду пресекает,
И меч мой на него поднять не позволяет.

(На сторону)

Хотя одной постыл, хотя другой он люб,
Везде соперник мне и сопостат сугуб.
Сугубого в руках соперника имею,
Но мстить ему за то, о боги, я не смею!

(Указывая на Илиону)

За тем я вам ее на волю отдаю,
Вы дайте помочь ей, скрепите грудь мою
Исполнить ваш ответ!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Илиона
(одна)

Где мне искать покрова?
Не слышала теперь ни одного я слова,
Которым бы призна́к он нежности мне дал!
Что смутны от меня он очи отвращал?
Ах, Троя, ты, упав, любовь в нем разруши́ла!
Я вижу, что и здесь бессмертных гневна сила
Не престает троян остатки утеснять.
И тот уже меня не хочет защищать,
К которому меня во брачные чертоги
Поставила любовь, Приам и сами боги.
Что ныне предприять они велят ему?
Соперник Демофонт сугубо почему?
Или к Филлиде он любовию пылает?
Но что ж сопернику отмстить он не дерзает?
И что меня еще вручает он богам,
Когда покрыть от бед скоряе может сам,
Когда они свой взор от Трои отвратили?
В какой вы пагубе нас, боги, погрузили!
Мы равну с греками имеем плоть и кровь,
И ваша быть должна ко всем равна любовь.
Но грекам вы отцы, троянам вы тираны:
Они вознесены, а мы лежим попранны!
Однако если так вас огорчил Приам,
Что кровию воздать не мог и Гектор вам,
Но в гневе вы своем хотели видеть Трою,
Зажженну в жертву вам противною рукою,
И войско, и народ, и стены истребить,
То что уж может вас на ярость побудить?
Представьте прежнюю Приамову державу,
Героев и полки, величество и славу,
Где ныне пепел, дым, развалины, и прах,
И кости на пустых рассыпаны полях.
Младенец лишь один с бесчастною сестрою
Не может в бедности сыскать себе покою,
Почти уже пленен, живет в краю чужом!
Еще ли можете бросать на нас свой гром?

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Илиона и Демофонт.

Илиона

Еще ли умножать идешь мои печали?

Демофонт

Еще судьбы меня, еще к тебе послали,
Которые такой поставили предел,
Чтоб нежно сердце я всегда к тебе имел.
Коль часто, оскорблен, к тебе быть зарекаюсь,
Толь часто, преступив зарок свой, возвращаюсь.
Суровой твой ответ скрепил вчера мне грудь,
Но ныне с жалостью любовь открыла путь,
Сильнее прежнего, вошед в меня, пылает,
Что жалость о тебе сугубу представляет.
Оставленна от всех, лишенная всего,
Ужель послушаешь совету моего?
Подвигнут ли тебя мои потоки слезны,
Когда стенания и вздохи бесполезны,
Которы ныне ты пускала к небесам,
Являя жалкой вид бесчувственным очам?
Другой уже красой, поверь, они пленились,
От нежностей твоих вовеки затворились.

Илиона

Неверной!

Демофонт

И кому!

(Указывая на Илиону.)

Илиона

Подобен в том тебе.
Филлида ль от тебя сего ждала себе?

Демофонт

Он лакомству, а я любви поработился;
Он царством, я тобой, дражайшая, пленился.
Любви он и своей невесте изменя,
Тебя освободил и оправдал меня.

Филлидин будет дух, поверь, о сем спокоен,
Что благодарность лишь, не жар мой к ней
пристоен.
Сугубо я свой долг ей из Афин воздам.
Тебе, дражайшая, я отдаюся сам.

Илиона

Как можешь требовать, чтоб я тебя любила?
Судьба и страсть меня другому поручила.

Демофонт

Преступнику!

Илиона

Пускай хотя б таков он был,
Или пускай бы нас Приам не обручил,
Но сносно ли бы мне твое желанье было?
И мысль одна об вас — мне грозное страшило!
Когда представится в моем мечтанье грек,
Кровавы вижу я потоки наших рек:
Пылает дом отцев, сестру влекут из храма,
Рыдающу среди ругательства и срама.
Девиц троянских в плен окованных ведут,
По детях матери, терзая грудь, ревут.
Раздранны вижу там я Гекторовы члены,
И страшно в слух мой бьют валящиеся стены.
Под каменным бугром несчастна стонет мать!
Возможно ли тебе любви моей желать?

Демофонт

Я общник, правда, был премены оной слезной,
Я стены разорял отца своей любезной!
Но может ли твой гнев, царевна, и в сей час
Пылать против меня? еще ли не погас?
Не мною Гектор пал, не мною Поликсена
В незлобивой крови угасла обагренна.
Ах, если б я тебя еще до брани знал,
Противу греков я с мечем бы сим восстал.
Отец меня послал со воинством под Трою:
То много ли я тем виновен пред тобою?
Я дорого плачу потоки ваших слез
И больше зла терплю, как Трое я нанес!
Я в жертву дал себя грызущей нутрь печали

И больше сам горю, как Пергамы[1] пылали.
Ты мучишь, хоть тебя всему я предпочел!
Бывал ли я когда таков троянам зол?
Но если не смягчит твой дух мои мученья,
Когда ты требуешь еще себе отмщенья,
Могу ль хотя тогда тебе я угодить,
Как грекам и себе за вас я буду мстить?
Мой дух к тому готов, и жизнь моя готова,
Я жду лишь от тебя, драгая, только слова.
Со мною станешь ты и с нами Полидор
С богатством на брегу в тени Троянских гор.
На слух со всех сторон фригийцы соберутся,
И к облакам верьхи Троянские прострутся.
Великость царств в одной не состоит стене,
Но в полной жительми, обильной всем стране.
Воздвигли Трою те, сотренну Геркулесом,
И ныне обновят, попранну Ахиллесом.
Отец твой возвратил их силою весь вред,
Которой претерпел несчастливой твой дед.
По жребью получил я в Трое ту корону,
Чем твой отец венчан по древнему закону.
На Полидоров ту, на твой верьх возложу
И сетующему народу покажу,
Что паки жив Приам и обновляет Трою.
Но как возведена на трон свой будешь мною,
То можно ль мне себя такой надеждой льстить,
Чтобы мне у тебя и там врагом не слыть?
Я больше для тебя, драгая, предприемлю,
Отеческу свою пренебрегая землю.
Там ждет меня своя порфира и венец,
Там ждет меня, крушась при старости, отец.

Илиона

Все вымыслы твои и речи бесполезны:
Оставь меня, не множь мои потоки слезны!
Кто может снова нам те стены соградить,
Которых не возмог и Гектор защитить?
Ни царство уж меня, ни слава не прельщает,
Которые в ничто судьбина превращает.
В любви моей не толь велика есть цена,
Чтоб честь твоя для ней была повреждена.

[1] Старое имя города Трои.

Демофонт

Слыть братом Гектору всей чести имя равно,
И в тот же впасть порок мне с Ахиллесом славно.
Оставил греков он, сестру твою любя:
Я то же сделаю и больше — для тебя.
Ты удостой меня хоть взглядом, дорогая,
И посмотри, лице и очи примечая,
Возможно ли в моей груди таиться льсти?
И можно ль больше мне страдания снести?

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Демофонт, Илиона и Филлида.

Илиона

(к Филлиде)

Любезная моя царевна, дай отраду.

Филлида

(отступая назад)

Я вам лишь наношу препятствием досаду!

Илиона

(удерживая Филлиду)

Оставленну от всех одна ты не оставь.

Демофонт

К чему злой рок привел...

Филлида

(к нему)

Теперь себя оправь...
Однако поспешай и обновляй ты Трою;
Забудь, что вечной срам туда пойдет с тобою.
Мои заслуги ты забудь и два венца,
И верность, и любовь, и совесть, и отца.
Но мне чтобы о сем и памяти лишиться,
Пойду, бесчастная... но где мне будет скрыться?

Илиона

Я следую тебе — погибну иль спасусь.

Демофонт

Дражайшая, пожди, позволь...

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Демофонт
(один)

Как я мятусь!
О коль свирепые в моем бьют сердце волны!
Противными страстьми и грудь и мысли полны!
Я жалостью к одной и нежностью пленен,
Другой заслугами и должностью вручен.
Смотря на первую, пронзен, позабываюсь,
Но, на другу взглянув, я в совести терзаюсь.
Любовь, желанье, стыд, отчаянье, боязнь
Воюют внутрь меня: о коль велика казнь!
Где мужество мое? где крепость неизменна?
Лежит от слабостей моих преодоленна!
О как ты развращен, бесчастной Демофонт!
Ах, лучше бы тебя покрыл волнами Понт!
Несчастье бы к одной тебя не обязало,
И сердце бы к другой без пользы не пылало.
Что делать уж теперь? и кто мне даст совет?

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Демофонт и Драмет.

Демофонт

Скрепи, скрепи мой дух, возлюбленный Драмет!

Драмет

Доколе, государь, ты будешь колебаться?
Доколе будешь в плен страстям здесь отдаваться,
Тогда как Греция того всечасно ждет;
Ужель Приамова наследства больше нет?
И ветры счастию ее споспешствовали,
Когда к сим берегам твой флот они пригнали.
И случай повелел, и Полимнестор сам,
Чтобы Приамов сын был отдан в руки нам.
Хотя еще он мал, но греков устрашает,
Что к нашей пагубе в нем Гектор возрастает.
Представь, когда на наш он устремлялся флот,
С мечем и с пламенем шумящим поверх вод.

Коль многие он слез и крови пролил токи
И раны наложил коль Греции глубоки!
Коль много славных он опустошил домов!
Коль много там сирот, коль много плачет вдов!
Все гречески цари с отцем твоим согласно
Тобою отвратить желают зло ужасно,
Чтоб стен Приамов сын, как он, не обновил,
Их детям и тебе потом бы не отмстил.
Но страсть твоя гасить те искры возбраняет,
От коих с прочими и твой град воспылает.
Себе и обществу страсть вредну истребляй:
Коль долго случай есть, отечество спасай.

Демофонт

Оставило оно при старости Тезея
И защищать его не хочет от Мнестея,
То должно инде мне прибежища искать
И вместо помощи за то ему отмщать.

Драмет

Послушай, государь, речей моих спокойно:
Природе ли твоей начать сие пристойно?
Как может от чужих того желать Тезей,
Чего напрасно ждет от крови он своей?
Тебе отца спасти всего достоит прежде
И многих с ним царей не обмануть в надежде,
Которые тебя за верность наградят;
Когда ж преслушаешь, подумай, как отмстят!
Толь много царств покрыть все способы имеешь.
Филлида в путь с тобой спешит, что ты коснеешь?

Демофонт

Я выше бы всего Филлиду почитал,
Как Илионы б я на свете не видал!

Драмет

Ты должен предпочесть благодеянье страсти,
Послушать Греции, отца покрыть в напасти,
И очи отвратить, и запереть свой слух
От всех мечтаний тех, что, твой смущая дух,
Препятствуют скончать страх общий с Полидором.
Дерзай и не мятись себе приятным взором.

И промысл для того тебе сей случай дал,
Чтоб сердце мужеско теперь ты показал.
Пред всеми греками я буду в том свидетель,
Коль сильну страсть в тебе попрала добродетель.

Демофонт

Я знаю, что везде похвально то, Драмет,
Когда кто слабости уму под власть дает.
Мне совесть и отец, Филлида и все греки
Велят, чтобы забыл троянку я вовеки.
Но честь в одну страну, в другу любовь влечет!

Драмет

Там правда к торжеству, здесь прелесть в ров ведет.

Демофонт

Я вижу лучшее и, видя, похваляю,
Но худшему вослед, о небо, поспешаю!
Возникни, слабой дух, во мне и ободрись,
Войди ты сам в себя, внимай и осмотрись,
Где дочь Приамова несчастну грудь пронзила...
О чудна слабостей над крепким сердцем сила!
Каким путем, Драмет, я в сеть сию вошел!
Как Илиону я впервые усмотрел,
Представил во уме поверженную Трою
И, видя малые остатки пред собою,
Подумал, как ее внутрь люта скорбь грызет,
Что нет уже отца, ни храбрых братей нет!
Печальна красота несчастьем умножалась
И в жалком виде мне прекраснее казалась.
Тут склонность жалости и склонности любовь
Последовала внутрь и вкралася мне в кровь;
Объемлет чувства все...

Драмет

Искореняй мысль злую
И первой тщись любви поработить другую.

Демофонт

Я благодарность там любовью называл,
Как здесь саму любовь за жалость почитал.
Со обоих сторон понятием неясным
Покрыт, иду путем, со мною несогласным.

Я, чувствуя в себе их силу обоих,
Обеим следую и ни одной из них!

Драмет

Какой ни будь к тому ты приведен причиной,
Но сердце оставляй Филлиде уж единой
И слово данное и верность к ней держи.

Демофонт

Но как я то начну? любезной друг, скажи?
Прогневанной уже пред очи как предстану,
Глубоку от другой имея в сердце рану?

Драмет

Лишь только ты теперь себя преодолей,
Любовь ее к тебе возобновится в ней,
Сильнее прежнего от слез твоих вспылает.

Демофонт

Надежда чрез тебя уж дух мой ободряет;
Я ныне овладел толь сильными страстьми.
Поверь мне и мое сомненье отними,
Крепи в намереньи, хвали мою победу,
Не дай с похвального мне совратиться следу.
О верность искрення, ты, слабость истребя,
Дай силу мне склонить Филлиду и себя.

Действие третие

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Филлида и Полимнестор.

Полимнестор

Царевна, совершив я должных жертв обряды,
Искал после трудов желанныя отрады.
Сраженья частые, далекие пути,
Труды, что для тебя одной я мог снести,
Велят отдаться мне любезному покою.
Но, усмотрев тебя печальну пред собою,

К спокойствию себя принудить не возмог
И утешать тебя последовал в чертог.
Каки противности тебя поколебали?
Я смею ли подать совет тебе в печали?
Я смею ль угадать, кто мог твой дух смутить,
И, угадав, тебя от скорби свободить?

Филлида

Не наводи, ах, князь, на мысль мне большей ночи!
И так уже стыдом мои покрылись очи;
Оставь наедине бесчастную вздыхать.

Полимнестор

Тебя ли я могу терзаниям отдать?
И долг меня к тому, и ревность понуждает,
И младость, и краса твоя повелевает,
Чтобы от тщетных мук теперь тебя спасти,
От страсти свободить и в чувство привести.
Ах, что прельщаешься чужею ты страною?
Или отечество уж гнусно пред тобою?
Или такого в нем уже героя нет,
С кем в брак тебе вступить не предосудит свет,
Кто б равен греку был достоинств всех хвалою?
Я сердце знаю здесь, лишенное покою,
В котором верная сугубо кровь кипит
И в очи, и в уста жар внутренний стремит;
Не зная, будет ли тобой оно счастливо,
Мучения в лице изображает живо.

Филлида

Не верь, ах, князь, словам, и взглядам ты не верь,
По виду внешнему чувств внутренних не мерь.
Чужого сердца знать движений невозможно!

Полимнестор

Оно в груди моей; я знаю, то неложно!

Филлида

Что слышу я еще! Ты очи, князь, открой
И посмотри, что здесь Филлида пред тобой.
Теперь ты вместо мне желанныя отрады
Не умножай еще несносныя досады.

Меня, как дочь, любить принадлежит тебе,
Иного пламени не воспаляй в себе.
Не чувствуешь в своем ты сердце Илионы?
Где права естества, где божески законы?

Полимнестор

Когда бессмертные повергли уж троян,
Когда Приам, Парис и Гектор их попран,
И острый меч пресек младый век Поликсены,
В крови и в пепеле дымятся падши стены,
Когда они весь род искоренить хотят,
Боюсь, что и меня с ним купно поразят.
Безумно грудь свою поставить против грому
И на богов восстать.

Филлида

О как ты делу злому
Дать хочешь вид добра и страсть свою закрыть!
Престань передо мной и мыслию грешить.

Полимнестор

Или уж грех любить лице мне толь прекрасно?
Или, дражайшая, трудился я напрасно,
Когда я собственны забавы презирал
И день и ночь о том лишь только помышлял,
Дабы распространить еще твою державу
И, царски воспитав, твою умножить славу?
Приятностьми, что, мной покрыты, расцвели,
Кроме меня, владеть кто должен на земли?
Я нежил их восход и зрелости ждал жадно;
То плод их потерять мученье безотрадно!
Кто лучше моего здесь знает силу прав,
Обычай подданных и твой, царевна, нрав?
И кто, как я, в узде удержит их свободу
И склонностям твоим отдаст себя в угоду?
Ах, вспомни, что́ Ликург при смерти говорил!

Филлида

Хотя владение тебе он поручил,
Однако сердце он в моей оставил власти.
Не могут повелеть цари любовной страсти.

Полимнестор

Так буду я, крушась, в чужих руках смотреть
На тую, что велят и боги мне иметь?
Я счастлив был бы здесь, когда бы я волнами
Пред сими из моря повержен был ногами:
Я сердцем бы твоим, царевна, уж владел.
И что притом? другой любви искать бы смел!
Ах, сжалься, погляди на отческие бреги,
Исполнены везде приятности и неги!
Или они тебя не могут побудить,
Чтобы ты пришлеца старалась позабыть?
И реки, и поля, и горы воздыхают
И видом жалостным тебя увещевают:
Филлида, не лиши твоей нас красоты!
Того ль не чувствуешь? Того ль не слышишь ты?

Филлида

Престань такими, князь, терзать меня словами
И дай мне умягчить тоску свою слезами.

Полимнестор

Я, жалостью твоей смущаясь, отхожу,
Но ты сама себя суди одна, прошу.
Неверности отмстить ты полну власть имея,
Как можешь предпочесть защитнику злодея,
Пришельца — своему и Демофонта — мне,
Кроваву Грецию — любезной той стране,
Где трон твой, где на свет вперьвые ты воззрела?

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Филлида

(одна)

Нигде не слыхано толь злобственного дела!
Неверность круг меня, тая свой лютой яд,
Являет ласковой и полной желчи взгляд.
Присягу преступив, один подлог скрывает,
Другой не так меня, как скипетра желает.
Что ныне я начну, куда я обращусь?
Или от льстивого к неверному склонюсь?
Филлида, укрепись и бурям стань противу,
Закрой от них глаза, оставь надежду лживу.

Предписанного жди мучениям конца,
Неблагодарного забудь, забудь льстеца.
Но позабыть его чем больше я желаю,
Тем больше в мысль беру и тверже вкореняю!
Никак, любовь, тебе, никак не изменю.
Но что мне в том, когда его не преклоню?
Так стану преклонять преступника мольбою?
Так буду, Демофонт, я плакать пред тобою?
Как слезны станешь ты потоки презирать!
Но я, лишь обратись, готова всё начать!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТИЕ

Филлида и Креуза.

Креуза

Царевна, по твоей исполнила я воле.
Теперь уж ничего не остается боле,
Как только чтобы твой последний был приказ,
По коему сгорит флот греческой тотчас.
Закрыты на судах лесистыми горами,
Стоят рабы твои с готовыми стрелами,
Чтоб пламень оными на корабли пустить
И Демофонтов путь в Афины прекратить.

Филлида

Пускай и сам огнем скончается, неверной!

Креуза

Ты, злобой на него вооружась безмерной,
Царевна, мерности при мщении держись
И безотрадного раскаянья блюдись!

Филлида

Ты, зная от него меня теперь презренну,
Что мстить препятствуешь за мерзкую измену?
Мой пленной дух и так склоняется к нему,
Противится себе, противится уму,
И злобу нежная любовь одолевает,
То что ей твой совет, Креуза, помогает?
Что гнев мой прекратить твой хочет разговор?
Незлобия во мне не кажет ли мой взор?

Креуза

Ах, вспомни, как моим советом ты гнушалась,
Но ныне я твоей печалью оправдалась;
Тогда было́ тебе не слушать льстивых слов.

Филлида

И здравой ум на всё не может быть готов.
А поступать в любви, Креуза, осторожно
И мысль знать по речам, поверь, что невозможно.
Там, кажется, ни в чем худых не будет следств,
Ни в чем не видно там необходимых бедств;
Опасность кажется сама в ней безопасна,
И очевидная ужасность не ужасна.
За страстью я своей не видела умом,
Что Демофонтов дом на берегу чужом.
И сладость, что текла прелестными устами,
Не жаром рождена, но хладными волнами!
Я думала ль тогда, что мне он только льстит?

Креуза

Минута жар зажгла, минута погасит.
Любовь с надеждою живет и умирает;
Отъезд его любовь и скорбь твою скончает.

Филлида

Так отпущу его, Креуза, не отмстив?
Так, насмеявся, он отсель уедет жив?
Но мне ли требовать от Демофонта мести?
Пусть жизни я лишусь! но жаль лишиться чести!
Казнить его спешу, но им еще полна;
Хотя отчаялась, еще ему верна!

Креуза

Исполненной тебе приятного толь яда
Противны способы, противна вся отрада.
Когда болящему сама болезнь люба,
То сила всех лекарств бездельна и слаба.

Филлида

Филлида, умирай, но возвративши славу,
Отмсти и презирай любовь, живот, державу.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Демофонт, Филлида, Креуза и Драмет.

Демофонт

Исполни праведно отмщение на мне,
Я оправдать себя не тщусь в своей вине.

Филлида

Креуза, что теперь? куда себя укрою?
Продерзостной предстал еще передо мною!

Демофонт

Вздыханиям моим, ах, небо, помоги!

Филлида

Преступник, удались, от глаз моих беги.

Демофонт

Позволь, позволь сказать хотя едино слово:
Я казни лишь прошу и ничего другого.

Филлида

Еще ли чаешь ты в коварности успеть?
Еще ли хочешь скрыть своих обманов сеть?
Довольно уж, что ты за все мои приязни,
Свидетелей богов не убоявшись казни,
Шесть месяцов ко мне горячность притворял,
Которой в сердце ты отнюд не ощущал.
Ты клялся бурями, войною, глубиною,
Что можешь лишь воздать мне за приязнь собою.
На то ль старалась я о кораблях твоих,
Чтобы похитить честь и жизнь мою чрез них?
Бог моря, бог войны, бог ветра, бог любови,
Как станут мстить, на месть твоей не станет крови.

Демофонт

Когда уже в моих словах нет столько сил,
Дабы уверить в том, что я тебя любил,
Что я не вольно впал в такое преступленье,
Что лютое терплю, раскаявшись, мученье,
Что делом я своим гнушаюсь и собой,
То будет в том мне смерть свидетель пред тобой.

Когда я не могу уверить в том слезами,
Уверься же теперь кровавыми струями.

(Хочет заколоться.)

Ф и л л и д а

(хватая за руку, и с нею прочие держат)

Ах, дерзкой!

Д р а м е т

Для богов!

Д е м о ф о н т

(к Филлиде)

Ты хочешь, чтоб я жил,
Когда уж я тебе и сам себе постыл?

Ф и л л и д а

Ты хочешь смертию меня уверить злою,
Что пред тобой гнусна и жизнь твоя со мною?
Ты хочешь для того со света убежать,
Чтоб в жизнь несносныя Филлиды не видать?

Д е м о ф о н т

Чтоб жизни дать конец бесславной толь и слезной,
Чтоб тягостну не быть и небу, и любезной.

Д р а м е т

(вкладывает Демофонту шпагу)

Не будь, ах, государь, себе и нам жесток:
Живи и верностью загладить тщись порок.

К р е у з а

Вы вспомните залог любовного союза!

Ф и л л и д а

Ах, то ли, то ли в нем любовь ко мне, Креуза,
Чтобы в глазах моих другу́ к себе склонять?

Д е м о ф о н т

Затем ли не даешь живот свой мне скончать,
Чтоб слышал я свой срам, которой горше смерти?
Дай мне бесславие неверной кровью стерти!

(Опять хватается за шпагу, но они не допускают вынять.)

Филлида

Свирепой, чаешь ты, я мало слез лила?
И мало для тебя я претерпела зла?

Демофонт

Причину зол твоих искоренить желаю;
Что ж воли от тебя на то не получаю?
Позволь мне умереть или прости вину,
С которой жизнь свою, раскаявшись, кляну!
Когда б я мог сказать, твой гнев не умножая,
Как в мрачной ров ввела меня судьбина злая,
Какая внутрь меня была тогда борьба,
То б ты уверилась, ах! коль ты мне люба!

Филлида

Ты любишь! и бежать готов отсель всечасно!
Любить и прочь бежать, как может быть
согласно?
Что толь несносное приметил ты во мне?
В какой я, покажи, обличена вине?
Я тем ли пред тобой, я тем ли погрешила,
Что, не крушив тебя, любовь свою открыла?

Демофонт

Чем ты безвиннее, драгая, предо мной,
Тем больше множится порок мой пред тобой,
Но ты мне отпусти толь тяжко погрешенье
И щедрой прослыви на свете чрез прощенье.

(На колени становится.)

Филлида

Ах, что желаешь ты еще меня крушить,
С надеждою во мне и муку обновить?
Непостоянством как, о как твоим терзаюсь!
Прошедшим мучусь я и будущим смущаюсь!
Иль волею в другой обман себя отдам?

(На сторону)

Но смерть мне не простить, простить — мне
вечной срам.

Демофонт

Прости!

Драмет

Дражайшие сердца, соединитесь
И нежныя любви законам покоритесь.

Креуза

(к Филлиде)

На жалость преклонись.

Филлида

О, как мой дух смущен!

Демофонт

Уверь, дражайшая, уверь, что я прощен.

Филлида

На что меня твои вопросы принуждают?
Не ясно ль слабости мои тебе являют,
Отчаянье, и скорбь, и слабая гроза,
Смущенные слова, и полны слез глаза!

(Поднимает.)

Свирепой, торжествуй! уже я признаваюсь,
Что тщетно в страсти я перед тобой скрываюсь:
Еще тебя люблю, хотя ты изменил.
Ах, что б я сделала, когда б ты верен был!
Хоть верности твоей едва я ожидаю,
Но радость всю в тебе и счастье полагаю,
В державе я своей приемлю твой закон,
Вручаю сердце, жизнь, отечество и трон!

Демофонт

Хотя о таковом прощенье сомневаюсь,
Что в несказанном я пороке признаваюсь,
Но страх отъемлет мне возлюбленный твой вид,
Залога склонности твоей просить велит.
Позволь, дражайшая, принять свою мне руку
И вовсе истреби мою сердечну муку.

(Приняв руку, целует.)

Коль долго я сея держуся на земли,
Толь долго, небо, мне быть счастливу вели!
Я принял чрез нее спасенье от пучины,
Ее я лобызал, избавясь от кончины.

Я ею первой знак любови получил,
Кому, несчастной, ах! кому я изменил!
Ты, все противности мои позабывая,
Преступнику даешь прощение, драгая!
Бессмертные, когда оставлю я ее,
Мое исторгните от света бытие.
Пусть Понт пожрет меня свирепыми волнами,
Когда желанный брег уж будет пред глазами,
Пусть буду на пустом песку, не погребен,
От птиц и от зверей на части расхищен!

Драмет

Любови обновив союз неоцененный,
Уж время поспешать вам в путь определенный.

Филлида

От Полимнестора как можем утаить?

Демофонт

Любовь моя, любовь всё может победить!

Действие четвертое

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Полимнестор и Илиона.

Илиона

Какое счастие тебя ко мне ведет,
От коего мой дух еще отрады ждет?

Полимнестор

Я здесь искал тебя.

Илиона

Ужель стенаний сила
Тебя к несчастливой на жалость преклонила?

Полимнестор

Я, видя, что тебя сомнения мятут,
Что мысли разные себе предела ждут,
Пресечь и рушить их, царевна, поспешаю!
Тебе то будет всё приятно, уповаю.

Илиона

О небо, воссияй в мою затменну грудь
И сердцу томному дай ныне отдохнуть!

Полимнестор

Я не пришел к тебе, чтоб льстивые обманы
И сладкой яд влагать для большей скорби в раны
Но искренность моя не может утаить
Того, что боги мне велели совершить.
Я верность обещал хранить тебе неложно
И сохранял всегда, коль долго было можно.
Когда бы я к тебе любови не имел,
Когда б сердечной жар и ныне не кипел,
То мог бы я сказать, что клялся я заочно
И клятву преступить мне можно беспорочно;
Сказал бы, что, не знав я твоего лица,
Не красоту твою, но представлял отца,
Богатство представлял и в славной силе Трою,
И всё, что было в ней, я называл тобою.
Но я, довольствуясь достоинством твоим,
Гнушаюсь, помня честь, подлогом таковым.
И жалость, и любовь к тебе меня терзает,
И гневной мне ответ от олтаря смущает!
Ах, если бы и то подобной был подлог,
Ах, если б я и то почесть в неправду мог,
О, если б преступить возмог я без боязни,
Ни мне, ниже́ тебе не ожидая казни,
Что дал от олтаря мне строгой Марс в ответ!

Илиона

К надежде ли меня иль к пагубе влечет?

Полимнестор

С одной страны тебе надежду обещает,
С другой страны мое желанье пресекает.
Чрез греков небеса повергнули троян,
Чрез греков же хотят и исцелить от ран:
Их стены обновить героя посылают,
И красоты твоей меня они лишают;
Велят, которую я воспитал, любить,
Тебя, дражайшая, их воле поручить.

Их воле и тому, кто, воспален тобою,
Лежащу обещал тебе восставить Трою.

Илиона

Возможно ль, чтобы те ж нас боги сочетать
Хотели и тотчас невинно разлучать?
И можешь воле их немедля согласиться,
Как ежели она против твоей стремится?
Не смеешь против ней ты слова испустить?
Ах, тем ли хочешь ты неверность утаить?
Вотще ко храму ложь прибежище имеет;
Сквозь святости покров коварства яд чернеет.
Ты видом лишь одним последуешь богам,
Но делом восстаешь противу оных сам.
Ты хочешь скиптр чужой отнять, не устрашаясь.
Но с троном упадешь, неправо возвышаясь.
Пускай что можешь ты в продерзости успеть
И младость нежную тиранством одолеть;
Какую чаешь в том себе иметь забаву?
Какую можешь тем снискать на свете славу?
Ты, ненавистию отвсюду окружен
И лютыми смертьми по всяк час устрашен,
От той самой, страшась, душею возмутишься,
Для коей преступить присягу не боишься.
Но правда чистая всегда пред тем скверна,
В ком злость проклятая живет вкоренена.
Когда бы ты еще имел любви хоть мало,
И сердце бы ко мне хотя легко пылало,
То мог ли б ты снести, чтобы кровавой грек
От взору твоего в полон меня повлек,
Дабы там в торжестве он мог меня представить
И, сопостат, себя в отечестве прославить,
Дабы с презрением народ увидел там,
Котору поручил тебе в чертог Приам.
Не лучше ли сказать, что ныне Илиона
Не блещет славою отеческого трона,
Что нынь не льстит венец и не смущает страх,
Что в греческих гремел от Гектора полках!
Ты чаешь, что он мертв? он жив, уже вставает;
Земля пред ним врата, тряхнувшись, отверзает!
О Гектор, поспешай, и за сестру отмсти,
И брата своего в младенстве защити!

Оружием звучит, огнем вооружен,
А ты, предатель мой, еще не устрашен?
Мечем уж над твоей он головой сверкает.
Коль темна ночь глаза и дух мой помрачает!

П о л и м н е с т о р

Ах, истинен твой гнев! я лютой твой тиран!
Но волей ли моей союз любви попран?
Столь много речь твоя меня не укоряет,
Как совесть внутрь грызет меня и обличает!
Я строгой бы готов противиться судьбе
И в жертву принести себя одной тебе,
Но вижу, что тебя спасать лишь начинаю,
Я больше тем тебя, бессчастну, погубляю.

И л и о н а

О жалость зверская, жалеть и убивать!
Незлобие мое ты можешь презирать?
Я в самой час, когда ты лютыми устами
Священный рвешь союз, положенный меж нами,
На ненависть себя принудить не могу
И, нудясь, на свое тебе я сердце лгу.
Но больше не хочу стараться быть любезна.
Уже моя к тебе надежда бесполезна.
Блистает с красотой Филлидиной венец,
Мне слезы лишь одне оставил мой отец!
Бесчеловечной, что ты очи отвращаешь?
Ты тщетными со мной минуты все считаешь.
Уже ты не меня, но и себя забыл:
Твои все мысли с той, которой ты постыл.
С ней сердцем говоришь, ей следуешь глазами:
Я больше скучными не удержу словами.
Поди и ей клянись, как прежде клялся мне,
Свидетели всему на небесах одне.
Я знаю, что они того не позабыли,
Каков они союз меж нами утвердили.
Ты чистой жар ко мне бесстудным погаси,
И сердце пред олтарь преступно понеси.

П о л и м н е с т о р

Я с оным приступить к богам не обинуюсь,
Когда ответу их и воле повинуюсь.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Илиона
(одна)

Чего не может злость проклята предприять?
Велит, забыв вражду, за грека посягать!
Велит мне позабыть отечества паденье
И братей и сестры несносное мученье,
Как Гектор был попран, лишен по смерти гроба,
Как матери моей растерзана утроба,
Пронзенный как Приам пред олтарем лежал,
В сыновней и в своей крови живот скончал!
Как мне не представлять ту ночь бесчеловечну,
Что день троянский в ночь переменила вечну?
И лютых хищников торжествовавших крик,
Которой мне и здесь наносит страх велик,
Как греки, наших стен освещены пожаром,
На пагубу троян спешили в буйстве яром;
Чрез сродников моих стремилися тела,
Из коих по земли густая кровь текла.
В такой ли отпустил чертог меня родитель!
Такой готовишь брак, о лютый мне мучитель!
Однако тем своих очей не насладишь;
Ты в ров влечешь меня, но сам над ним стоишь.
Пронжу мечем, когда любовь не уязвила?
Но мести слабыя мне недовольна сила,
Он должен, пагубу увидев, восстенать,
Вотще раскаяться, без пользы дух отдать.
И месть моя ничто, когда он не узнает,
Что муку от моей руки претерпевает.
Уж время, что стою? но что хочу начать?
Я быть гнушаюсь здесь, и прочь не тщусь бежать.
Еще смущенным я умом того не вижу,
Люблю ли я его или я ненавижу!
С каким презрением оставил он меня!
Пустил ли каплю слез, вздохнул ли, отходя?
Но в слабом сердце сем еще он пребывает,
В отчаяньи еще надежда мне сияет.
Но в чем надежду я еще иметь могу,
Он в сердце вкоренил вовек уже другу!
Одна надежда мне — надежды всей лишиться
И с братом в те ж места несчастливым укрыться.

Укроюсь? и своих не наслажду очей,
Как будет жизнию гнушаться он своей?
Когда безвинного он вместо Полидора
Сыновнего, прельщен, вовек лишится взора,
Как в греческих руках заплачет Деифил,
Которого отец на муку им вручил?

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТИЕ

Илиона и Мемнон.

Мемнон

Ты жалобы оставь, царевна, бесполезны;
Помогут ли тебе теперь потоки слезны?
Троянские спасать остатки поспешай
И брата от руки противничей скрывай.

Илиона

Когда уже и здесь мы не нашли защиты,
То кем, несчастные, мы можем быть покрыты?

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Мемнон
(один)

Как в свете все дела преобращает рок!
Сегодня свержен вниз кто был вчера высок.
Сей час нам радостен, но следующей слезен;
Тот вечером постыл, кто утром был любезен.
Давно ли Трои верьх касался облаков,
Где ныне смрадными костьми наполнен ров?
Давно ль со славой дочь Приамову встречали,
Что нынь отверженна терзается в печали?
О ты, величества и бедности пример,
Подобие небес, подобие пещер!
О Троя, ты сердца геройские родила
И в пепеле своем, упадши, их покрыла!
Начто оставлен здесь с сестрою Полидор?

Начто не погребен среди Идейских гор?
Ах, лучше б со стены низринуту разбиться
И ей в крови своей невинной обагриться,
Со братними костьми соединясь, лежать
И купно пепел свой с отеческим смешать,
Как ныне, приклонить куда главу не зная,
Не видеть горести неслыханныя края!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Демофонт и Мемнон.

Демофонт

Что медлишь здесь один, любезный мой Мемнон?
И что из глубины ты испускаешь стон?
Никак, препятствия в намереньи случились,
И наши тайные советы уж открылись?

Мемнон

Опасности ни в чем не видно никакой,
И флот к отшествию со всем исправлен твой;
Филлида на него по всякой час взирает
И по стопам твоим во след идти желает.
Лишь только тьмой твои суда покроет ночь,
От наших берегов пустись счастливо прочь.
В отсутствие твое, в отсутствие Филлиды
Правление земли другие примет виды.
Дотоле князю я от ревности служил,
Пока он правду сам и искренность хранил,
Но ныне он свои законы преступает
И тем от них меня и прочих свобождает.
Ты ревность искренню к царевне сохрани,
И, утвердив престол в Афинах, не косни,
Воспоминай всегда мое последне слово:
Здесь сердце подданных принять тебя готово.

Демофонт

Ты в пользу способы нам все употреби,
Прости, и обоих в отсутствии люби.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Демофонт и Филлида.

Филлида

Ты видишь, что́ тебя я ради предприемлю?
Дерзаю чрез валы идти в чужую землю!
Не Полимнестора я устрашась бегу,
Но взору твоего лишиться не могу.
Хотя пучины я бурливой устрашаюсь,
Но и в опасности с тобой не опасаюсь.
Когда ты мне не льстишь, когда ты верен мне,
То верен будет нам и путь во глубине.

Демофонт

Хоть тягостны труды, но наградит отрада,
Когда достигнем мы отеческого града.
Коль радостно тебя увидит там Тезей!
Какое множество сберется там людей!
Призна́ки по путям побед моих поставят
И песни брачные к торжественным прибавят.
Прекрасно солнце, ты зайди за глубину,
На горизонт пусти скорее тьму ночну,
И прежде не блистай пресветлыми лучами,
Пока сей брег от нас не скроется валами,
Сей брег, от коего мы ныне прочь бежим,
Но неотступно внутрь сердец его держи́м.
Меж тем с Мемноном скрыть я должен нам дорогу,
Чтоб, ежель княжеск полк ударит вдруг тревогу,
Успели в городе нам верные полки
Спасти нас от его коварныя руки.
Пожди, дражайшая, пожди меня минуту.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Филлида и Креуза.

Филлида

Оставшись, чувствую тоску на сердце люту.
Любезная, ко мне, Креуза, ах, поди
И в ожидании мне время проводи.
Что смутной в землю взор, унывши, потупляешь?
Ты стонешь! Ах, о чем ты слезы проливаешь?

Далекого пути, драгая, не страшись,
Забудь всё и моим примером укрепись.

Креуза

Не путь меня, не путь далекой устрашает.
Но близкая беда все чувства отягчает.
Коль много терпишь зла от нежной простоты!
О коль коварен он! о коль злосчастна ты!
Нигде надежды нет, нигде нам нет успеху!
Нам отнял в скорби рок последнюю утеху!

Филлида

Престань смущать меня безвременно таясь.
О как я извинюсь, когда уведал князь?
Но Демофонт ко мне поспешно возвратится.

Креуза

Ты больше на него не можешь положиться!

Филлида

Ах, сердца не пронзай...

Креуза

Хоть поздо, будешь знать.
И время не велит несчастья умолчать.

Филлида

Коль долго, небеса, вы будете мне строги!

Креуза

Я, мимо проходя троянские чертоги,
Увидела, спешит из них к судам Драмет,
Младенца на руках закрытого несет
И озирается страшливыми глазами.
Я, видя тут рабу, обмытую слезами,
Спросила, для чего она стоит смутна?
Ответствовала мне: «Царевна предана!
И князь, не убоясь ни бога, ни закону,
В супружество дает другому Илиону,
И придет, говорят, поспешно Демофонт
Бессчастну тайно взять и увезти чрез Понт!»

Филлида

Ах, лютой мой злодей, как мог ты притвориться!
И как посмела я на лживом утвердиться?
Но помощи уж нет! Креуза, ах, спеши
И в злом отчаяньи несчастной послужи;
Вели пуститься в Понт стоящим под горами
И воздух огустить горящими стрелами,
Чтоб тучей огненной покрылись корабли.
Не медли.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Филлида
(одна)

Есть ли кто лукавей на земли!
Меня оставив здесь в приятной толь надежде
И больше нежности мне показав, как прежде,
В последни из моих пошел прельщенных глаз!
О, лютая судьба! о, коль свирепой час!
Я твоего стою прихода ожидая,
Когда в путь за тобой последует другая!
Но ты, продерзкой, сам почувствуешь тоску:
Огнем в средине вод я путь твой пресеку.
Когда ж не возмогу, то кровь моя струями
Тебя изобличит, кипя вослед с волнами.

Действие пятое

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Филлида, Мемнон и Креуза.

Мемнон

Багряные лучи закрыла уж заря,
Из глаз отъемлет ночь и землю, и моря.
Я с мраком вдруг имел и мысли помраченны,
И представлял в уме полки вооруженны,
Дабы тогда, как ты плывешь между валов,
Присутствовала мной у здешних берегов,
Чтобы фракияне тебя здесь ощущали,
Хотя б отшествие твое отсюду знали.
Но ныне я тебя увидел здесь еще!

Ф и л л и д а

Намеренья мои погибли все вотще.
Я верила словам, Мемнон, ах, полным яду!
Теперь мне кто подаст, отчаянной, отраду?

М е м н о н

Какая ныне скорбь мрачит твой снова дух?

Ф и л л и д а

Такою наглостью не оскорблен твой слух?

М е м н о н

Какою?

Ф и л л и д а

Демофонт с троянкой прочь отходит
И в пагубу меня конечную приводит!

М е м н о н

Не представляй себе несчастия сего...
Но к нам Драмет спешит; уверься от него.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Ф и л л и д а, М е м н о н и Д р а м е т.

Д р а м е т

Царевна, корабли стоят готовы к бегу,
И только ждут они тебя одной со брегу.
Способной Аквилон, покрытой горизонт
К отшествию с тобой имеет Демофонт.

Ф и л л и д а

Троянке буду я последовать рабою?
Я волею пойду, как пленница, с ним в Трою?
Оставя свой престол, я буду там взирать,
Как будет он себя на царство с ней венчать?

М е м н о н

Я вижу, мнение тебя терзает ложно.

Д р а м е т

Приамова дочь здесь.

Филлида

Как быть тому возможно?
Когда ты брата взял уже на корабли,
Сестра ли от него осталась на земли?

Драмет

Уже теперь таить не дозволяет время.
Тебе известно, что троянско грекам племя
Противно на сердцах, ужасно на полях:
Остатки оного еще наводят страх!
Затем я тщился здесь младого Полидора
От Илионина вовек отторгнуть взора
И ныне я могу уж грекам показать,
Что Троя больше их не может устрашать.
Троянские восстать не могут больше стены:
Не может впредь Парис похитить в них Елены.

Филлида

Ах, коль ужасна весть! как бедство отвратить?

Мемнон

Ах, небо, как могло сие ты попустить?
Несчастная сестра какую скорбь терпела!

Драмет

И кровь во мне самом от жалости кипела,
Как в Илионин я посмел вступить чертог,
Но воли преступить отечества не мог.
Она едва в слезах промолвила, рыдая:
«Когда нас истребить судьбина хочет злая,
Когда нас предает кто должен защищать,
Осталось от самих врагов отрады ждать.
От рук неправедных покройте бедных, греки,
Хотя свирепы вы, однако человеки.
От вас я избежав вселилась меж зверей,
Что носят на себе лишь вид один людей», —
Промолвила и мне сама вручила брата.

Мемнон

О скверная алчба могущества и злата!

Филлида

Но где мой Демофонт?

Драмет

Чтоб ты могла прийти
Безбедно на суда, от брегу по пути
Он ставит стражей сам, затем что ветр способной
Прибавил много сил в час, к плаванью удобной.

Филлида

Креуза, отвратить несчастье поспеши
И руки злобные от гнева удержи!

Креуза

Раскаянье твое едва ль уже не поздно.
О небо, проводи без казни время грозно!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТИЕ

Филлида, Илиона, Мемнон и Драмет.

Филлида
(увидев Илиону)

Коль нерассудно злюсь, любезной, на тебя!

Илиона

Царевна, от меня что хочешь скрыть себя?
Не скучным досаждать к тебе иду я спором
И независтливым о счастье разговором,
Но слезы горькие перед тобой пролить
И бедным помощи в гонении просить.
Невинной Полидор на пагубу от муки
И из тиранских взят в противнически руки.
Один ваш будет путь, но разной там конец.
Его свирепа смерть, тебя там ждет венец!
Ты, ведая меня и мысльми в том невинну,
Чтоб я к смущениям твоим дала причину,
Драгая, не имей ко мне на сердце зла,
Но, помня, какова любовь меж нас была,
Ты будь поверженным защита и подпора,
Предстательством спаси от смерти Полидора.
Достигни счастливо тебе желанных стран,
Чтоб мучился, лишась надежды, наш тиран.

Филлида

Я чувствовать могу болезнь твою сердечну,
Коль тягостно нести злость толь бесчеловечну!
Но тот, кто должен сам спасения искать,
Как может оное другому обещать?

Мемнон

(оборотясь на сторону)

Что ночи темноту над морем прогоняет?

Филлида

Ах, люта злость мою надежду пресекает!

Драмет

Чем небо нам грозит!

Филлида

Где помощи искать?
Спеши со мной, Драмет, спасать и умирать.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Илиона и Мемнон.

Мемнон

Несчастье наше все советы разрушает
И предприятый путь Филлиде запирает.
Горит несчастного, ах, Демофонта флот
И помощи лишен среди глубоких вод!
О сжальтесь вы хотя, морские сжальтесь волны.
Восстаньте на пожар, восстаньте гнева полны.
Дождевны облаки, о небо, раствори
И вихри пламенны потопом усмири!
Но крик при берегах, и больший страх от треску,
И умножение сияния и блеску
Погибелию нам, отчаянным, грозят.

Илиона

Теперь противникам за Трою боги мстят.
Когда они троян державу разрушили,
Свирепством и богов ко гневу побудили.
Они их, отпустив от наших берегов,

Хотят всех погубить среди крутых валов.
А ты об них, Мемнон, печалясь, воздыхаешь.
Ты Трою разорять тиранам помогаешь.

Мемнон

Когда бы ведала намеренья мои,
Оставила бы ты роптания свои.
Кто может ближе всех к Приамову быть трону,
Как тот, кому он сам в чертог дал Илиону?
И кто Ликургов здесь наследник должен быть,
Как тот, кого могла Филлида полюбить?
Я обое к концу привесть желал, царевна,
Но вижу, рушит всё вконец судьбина гневна,
В коварных умыслах успех имеет князь!
Как может дать ответ Филлида, возвратясь?
Флот ныне греческой ему уж не ужасен:
В желании своем он будет безопасен.
Неизбежимая тебе грозит беда.
И мне, бессмертные, достойна та ли мзда?
Кто ныне нас спасет?

Илиона

Тот бедство презирает,
Кто больше уж себе спасения не чает.
Ни молния меня, ниже́ Зевесов гнев,
Не может устрашить: ударь, не укоснев!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Илиона, Полимнестор и Мемнон.

Полимнестор

Афинской флот горит!

(К Илионе)

Ты здесь? И где Филлида?

Илиона

Гнушаясь твоего несносного ей вида,
Ни пламени, ни вод бежит не устрашась.
Я здесь и, чтоб тебя тоской терзать, спаслась.

Полимнестор

Нечаянная мне и строга перемена,
Которою скорбит душа моя смущенна!

Мемнон

Теперь услышим мы, к чему нас рок влечет!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Полимнестор, Илиона, Мемнон и вестник.

Мемнон

Какой судьба конец смятениям дает?
Чем пламень нам грозит, свирепствуя над Понтом?

Вестник

Филлиды больше нет с любезным Демофонтом!
Лишилась жизни!

Мемнон

Ах!

Полимнестор

Несносный мне удар!

Илиона

Ах! Как плачевныя погас любови жар?

Вестник

Толь много бедств сказать лишь только начинаю,
Откуду мне начать, я в ужасе не знаю!
Когда покрыла ночь со флотом глубину,
Мы ждали на него Филлиду лишь одну.
Поставив Демофонт суда ко брегу строем,
Чтобы любезную привесть на них с покоем,
На встречу к пристани лишь ехать поспешал,
Куда ее привесть Драмета он послал.
Внезапно из-за гор там весла зашумели,
И стрелы огненны до облаков взлетели.
Упали с высоты на нас, как сильной град.
Уже на кораблях снаряды все горят!
Пылают парусы, валятся райны в море,
В дыму и шуме там лишь только слышно: «горе!»

Илиона

О, коль великой страх!

Мемнон

О, лютая гроза!

Полимнестор

Объемлет сердце хлад и мрак мои глаза!

Вестник

Там вихри по воде свирепы закрутились,
Противны две на нас стихии согласились.
И каждой там удар огонь в валах рождал
И влажностию жар и пламень умножал.
Иных пожгла огня неукротима сила,
Иных несытая пучина поглотила.
И как я с корабля старался в бот сойти,
Я Демофонта вдруг увидел на пути.
Пронзен, окровавлен, едва уже дыхает,
Стрела еще в груди зажженная пылает.
Я, в страхе восстенав, других на помощь звал,
От двух смертей исторг и к брегу с ним пристал,
Но в сердце третия трепещущем осталась:
Любезная душа от тела разлучалась.
Еще он, ах! тогда из глубины вздохнул
И слабым голосом Филлиду помянул.
На берег, пламенем шумящим освещенный,
Филлида к ним спешит, Драмет с ней
устрашенный.
Увидела его безгласна пред собой,
Старалась во слезах поднять его рукой
И речью возбудить хотела бесполезной:
«Промолви, Демофонт, промолви, мой любезной».
Он мрачные еще глаза свои открыл
И, на нее взглянув, впоследни затворил.
Промолвить силился еще между стенаньем,
Но речь свою пресек последним воздыханьем!

Илиона

Несчастливой любви несчастливой конец!

Мемнон

Как будет возрыдать оставленной отец!

Вестник

Филлида с горестным стенаньем возгласила:
«На то ль, чтобы убить, тебя я полюбила?
И так ли путь пресечь тебе хотела я?
Не ты неверен, я — изменница твоя.
Ах, пусть бы ты ушел, ты мог бы возвратиться,
И я еще б могла хотя надеждой льститься.
Теперь тебя ко мне никто не возвратит,
И только смерть одна с тобой совокупит».
Промолвила и вдруг кинжал во грудь вонзила
И путь себе за ним со света отворила.
Креуза рвет власы; отчаянной Драмет
Вотще над хладными телами слезы льет.

Илиона

Мне поздо смерть ее надежду возвращает.

Мемнон

Ах, в ней теперь Ликург вторично умирает!

Полимнестор

Теперь мне отнята надежда до конца!
Презрела ты меня, послушала льстеца
И с ним в отчаяньи, о дерзка, умираешь!
Однако тем моих желаний не скончаешь.
Я столько на земли тебе противен был,
Что свет тебе со мной, Филлида, стал не мил.
И чтобы мною ты очей не раздражила,
Прекрасны очи ты вовеки затворила.
Ты от меня бежишь за Демофонтом вслед
И чаешь, что уж там меня твой взор минет?
Гнушаешься еще ты после смерти мною?
Или не смею стать я там перед тобою?
Я следовать тебе не устрашусь во ад
И стану там казать тебе противной взгляд.
Я буду там стенать, трястись в несносной казни
И к жалости тебя подвигну и к боязни.
Ты там, чтоб от меня могла себя укрыть,
Не можешь уж себя в другой раз умертвить.
Что долго смерти ждать?

(Хочет заколоться.)

Илиона
(схватив за руку)
Пожди еще минуту:
Не всю ты претерпел на свете муку люту.
(К вестнику)
Младенец, что Драмет похитил на суда,
Спасен ли?

Вестник
Погубил огонь или вода.

Полимнестор
Бесчастной Полидор!

Илиона
Дейфил неповинной!
Ты лютости моей, тиран, был сам причиной.
Рачением моим закрыт мой Полидор
От злобы твоея Фракийских дале гор.
За наглости твои, за зло непостоянство,
За гордой мне отказ, за мерзкое тиранство
Мне промысл пособил в сей час тебе отмстить
И сына твоего противникам вручить.
Но месть сия легка явилась пред богами:
Дейфила сожгли они между валами.
Мне должно бы его на части растерзать
И, растерзав, отцу на пищу сына дать,
Дабы к тому твоя несытая утроба
Рожденному тобой служила вместо гроба.

Полимнестор
Ах, что еще в мои глаза блистает свет?
Филлиды больше здесь и Деифила нет!
Я ныне скипетр, власть и славу презираю
И только громного удара лишь желаю.
Еще я не могу богов к тому склонить,
Прошением на казнь и злобой побудить?
Но смерти что ищу на казнь себе напрасно?
Я чувствую в себе мучение ужасно!
Филлида, Демофонт и ты, ах, Деифил!
В средине сердца мне геенну воспалил.

Какая круг меня бунтует непогода?
То мерзостью моей гнушается природа!
Светила идут все обратно на восток:
Законы естества преобращает рок.
Все боги на меня, что Трою защищали,
За дочь Приамову против меня восстали.
Нептун стремит на брег морскую глубину,
Пожрать меня бежат чудовища по дну;
И вечные Плутон заклепы отверзает,
Рыгает в воздух яд и звезды помрачает.
Зияет челюстьми несытой Флегетон:
Тиранов слышу там бесчеловечных стон.
Но что еще? между ревущих ветров спором
Является Зевес пламенновидным взором.
Меж мрачных и грозой отягощенных туч
Из рук его гремит быстротекущий луч.
Суровая змия мне сердце, ах! снедает,
И внутрь и вне болезнь и страх меня терзает.
Разверстая земля, кровавы небеса,
Кипящие моря, горящие леса
На пагубу мою себя приготовляют.
Но в бездну долго что меня не погружают?
Когда меня терпеть не может естество,
Скончай меня, скончай, о сильно божество!

Между декабрем 1750 и ноябрем 1751

117. ОДА,

КОТОРУЮ СОЧИНИЛ ГОСПОДИН ФРАНЦИСК ДЕ САЛИНЬЯК ДЕ ЛЯ МОТТА ФЕНЕЛОН, АРХИЕПИСКОП ДЮК КАМБРЕЙСКИЙ, СВЯЩЕННЫЯ РИМСКИЯ ИМПЕРИИ ПРИНЦ

Горы толь что дерзновенно
Взносите верьхи к звездам,
Льдом покрыты беспременно,
Нерушим столп небесам:
Вашими под сединами
Рву цветы над облаками,
Чем пестрит вас взор весны;
Тучи подо мной гремящи
Слышу и дожди шумящи,
Как ручьев падучих тьмы.

Вы горам Фракийским равны,
Клал одну что на другу
Исполин, отвагой славный,
Чтоб взойти небес к верьху.
Зрю на вас, поля широки,
Где с уступами высоки
Горы, выше облаков,
Гордые главы вздымают,
Бурей ярость посрамляют
Всех бунтующих ветров.

Как на сих горах червленой
Начинает вид зари

Сыпать по траве зеленой
Злато, искры и огни,
Скачут на лугах ягнята,
То где лыва кустовата
По истокам вдоль растет,
Зе́фир древ верьхи качает,
С пастухами призывает
Спать стада при шуме вод.

Но с пригожством на угрюмой!
Нет того на сей земли,
Что б я зрил очми и думой
Бреги как моей реки,
Тихим током орошенны,
Где не смеют устремленны
Ветры волн когда взбудить.
Где всегда погода ясна,
С осенью весна прекрасна
Не пускают зиму жить.

Пу́стыня, где быстриною
Стреж моей реки шумит
Чистой только лишь водою,
Спешно, пенючись, бежит.
Где два острова прекрасны,
Как счастливы ветвми рясны,
Зраку могут радость дать,
Сердце каковой желает:
Лира что моя не знает
Песнь тебе богов вспевать!

Ветр от запада приятно
В наших веет тих лесах,
И волнует многократно
Желты класы на полях,
Полнит чем Цере́са гумна.
Сила Ба́кхусова шумна
Обагряет виноград,
Со пригоров, что высоки,
Многи льет вина потоки,
На поля те вниз бежат.

За полями, где уж спеет
Дар Цересы золотой,
Гор порядок чуть синеет,
Долы скрыты далиной.
Дивны этих все фигуры
Только лишь игра натуры,
При своих брегах канал,
Так как зерькало правдиво
Горизонт являет живо,
Чистой тот в себе кристалл.

Вдруг с осенными плодами
Сладок дух дает весна,
Тьмою виноград кистями
Красит увенчав себя.
Тут луга, реке приятны,
В островах цветами знатны,
Делают различны рвы;
Тихо и́дут те здесь спящи,
Скоро там текут шумящи,
Мочат злачные ковры.

На фиялках и былинках
С пляской пастухи поют,
И играют на волыньках,
Посвистом флейт воздух бьют;
Ваш сердца тон услаждает,
Птицы, скуку прогоняет,
Звонок в роще сей густой.
Горлицы со голубями,
Жалкими вы голосами
Восхищаете дух мой.

Мягкой вместо мне перины
Нежна, зелена трава,
Сладкой думой без кручины
Веселится голова.
Сей забавой наслаждаюсь,
Нектарем сим упиваюсь,
Боги в том завидят мне;
Лжи, что при дворах часты́е,

Вы как сны мои пустые,
Вас приятне только те.

Грозных туч не опасаюсь,
Гордость что владык разят,
Под листами покрываюсь,
Те всегда меня хранят.
Что бы жить мне здесь начати,
И без книги почерьпати
Саму Истину могу.
А потом мне повесть знатна
Пишет, Ба́сня и приятна
В память умну Старину.

Был из эллинов мудрейший
Лживыя фортуны смех,
В портах разумом острейший,
В бурях непужливый всех.
Пылких вихрей победитель,
Отчизны своей любитель
Роскошей чужался сей.
О, мои коль могут ку́сты
Хладны, тихи дать и густы
Похоти предел моей.

Здесь при музах во счастливой
Сладко тишине живу:
От войны всегда бурливой
Мо́лча весел не дрожу.
Сердце радостно при лире,
Не желая чести в мире,
Счастье лишь свое поет.
Прочь, фортуна, прочь спесива,
И твоя вся милость лжива,
Ни во что вменяю свет.

Где б мне толь забавно было,
Места я сыскать не мог,
Мысль мою б так взвеселило,
Сей земли как уголок.

Парка жизнь мою скончает
Мирно здесь, и увенчает,
День последней допрядет;
Прах мой будет почивати.
Тирс, любви чтоб долг воздати,
Надо мной слез ток прольет.

1738

118. ВСЕПОДДАННЕЙШЕЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ

ДЛЯ ВОСШЕСТВИЯ НА ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРЕСТОЛ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШИЯ ДЕРЖАВНЕЙШИЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ, САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКИЯ, В ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ПРАЗДНИК И ВЫСОКИЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА ДЕКАБРЯ 18, 1741. ВСЕПОДДАННЕЙШЕ ПРЕДСТАВЛЕНО ОТ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Какой утехи общей луч
В Российски светит к нам пределы!
Которой свет прогнал тьму туч?
По страхе музы толь веселы
Не знают, что за ясность зрят.
Чей толь приятной светит взгляд,
Парнасской верьх в восторг приводит,
Не основатель ли того приходит?

Но к ним надежда так гласит:
«Не дайте тем себя прельстити,
Мой вид такой зарей покрыт,
Чтоб вас с Россией взвеселити.
Здесь в ясном я стою свету,
И вам тот светлой день кажу,
Опасность к счастью что сыскала,
Россия б в коем процветала».

Опасность может впредь прозрить
И тое всё управить знает,
В сей день старалась то чинить,
В чем счастья верьх себя являет,
Готово что для наших лет,
Чтоб нам уйти от дальних бед,
В одном лишь только том трудилась,
Чтобы Елисавет родилась.

Надежда, свет России всей,
В тебе щедрота божья зрится,
Хоть внешней красоте твоей
Довольно всяк, кто зрит, дивится.
Душевных лик твоих доброт
Краснее внешних всех красот,
Где всяки совершенства явны,
Любезны всем, во всем преславны.

Величество являлось всем
В особе и во всяком деле,
На полном благ лице твоем
И велелепом купно теле.
Желает кто Петра смотрить
Или Екатерину чтить
И их доброт дивиться цвету,
Воззрит пусть на Елисавету.

Изволь хоть где себя прикрыть,
Приятство будет там с тобою
И милость вслед тебя ходить.
Откроют нам тебя собою.
Тебя смотреть теснится всяк,
Ты всем твой щедро кажешь зрак,
Хоть имя б ты твое таила,
Но наша б то любовь открыла.

Надежда долго в тишине
С желаньем на тебя взирала,
Любезное твое лице,
Как ясно солнце, почитала,
Которо в грозных бед волнах
Несносной утоляло страх.
Хотело из погод ужасных
В местах поставить безопасных.

Отеческой земли любовь
Коль долго по тебе вздыхала:
«Избавь, избавь Российску кровь
От злого скорбных дней начала.
Достойна на престол вступи,
К присяге мы готовы вси.

Отдай красу российску трону
По крови, правам и закону».

Геройска мысль в тебе тогда
Чрез дивно дело всем открылась,
В любовь Петрова кровь когда
К твоим подданным воспалилась.
Преж всех пошла с крестом своим,
Чинил что прежде Константин,
Твоим всех духом ободрила,
Лишь чуть пришла, всех покорила.

Никто таких не знает дел,
Твоих чтоб славой превсходили,
Спасен чтоб был какой предел,
Где б крови струй мечи не лили;
Кто, равно как Елисавет,
От бед избавил целой свет,
В един час сильных победила,
К себе взяла, на трон вступила.

Которой так веселой час
Приятен людям быть казался,
Сердец тебе как верных глас
И виват к верьху звезд промчался.
Твоих подданных миллион
Имели вдруг согласной тон
Благодарить твоим щедротам
И дивным всем твоим добротам.

Ликуй же светло хор наук,
Открыл что Петр с Екатериной,
Чтоб слышен был веселой звук.
Сей день вам счастия причиной.
Великий Петр что зачал сам,
Елисавет восставит нам.
Елисаветы долги лета
Прибавят отчей славе света.

Между 25 ноября и началом декабря 1741

119. ВЕНЧАННАЯ НАДЕЖДА РОССИЙСКИЯ ИМПЕРИИ

В ВЫСОКИЙ ПРАЗДНИК КОРОНОВАНИЯ ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШИЯ ДЕРЖАВНЕЙШИЯ ВЕЛИКИЯ ГОСУДАРЫНИ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ, ИМПЕРАТРИЦЫ И САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКИЯ, ПРИ ПУБЛИЧНОМ СОБРАНИИ САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК ВСЕРАДОСТНО И ВСЕПОДДАННЕЙШЕ В САНКТПЕТЕРБУРГЕ АПРЕЛЯ 29 ДНЯ 1742 ГОДА СТИХАМИ ПРЕДСТАВЛЕННАЯ ОТ ГОТЛОБА ФРИДРИХА ВИЛГЕЛЬМА ЮНКЕРА, ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА НАДВОРНОГО КАМЕРНОГО СОВЕТНИКА, ИНТЕНДАНТА СОЛЯНЫХ ДЕЛ И ЧЛЕНА АКАДЕМИИ НАУК. С НЕМЕЦКИХ РОССИЙСКИМИ СТИХАМИ ПЕРЕВЕЛ МИХАЙЛО ЛОМОНОСОВ, АКАДЕМИИ НАУК АДЪЮНКТ

Россия, что тебя за весел дух живит?
Как можешь рада быть? Европа вся скорбит;
Тебе грозит раздор, лукавство сети ставит,
Продерзкий полк землей и морем бег свой правит,
Что мыслью в твой предел уже давно вступил,
Пограбил все места, твое добро сглотил.
Орлы, как вы еще веселой глас послали?
Подкрались тигры к вам, внезапно львы напали.

Но радость истинна; уже признал весь свет,
Как ты на трон Петров взошла, Елисавет,
Чрез сильной дух его в противных страх вложити;
Он будет свой трофей, твой щит наследство крыти.
Вступила вольной ты в стезю его ногой,
Где рок его вспятил, тут путь начался твой.
Ты будешь так, как он, любовь во всей вселенной,
Князей пример, покров земли, тебе врученной.

Велико дело в сем равно душе твоей:
Как он отец наш был, ты мать России всей.
Когда Олимп давал таких монархов славных?
Весь свет, что чтит его, ему не узрит равных.
Сквозь все препятства он главу свою вознес,
Монарх здесь, там отец, хвалой к верьху небес.

Пристойны скажет кто к правленью стран науки.
Где не был дух его и храбры купно руки?

Надежда стран его венчанна днесь в тебе,
Понеже всякой чин пособы ждет себе.
Ты, ты, монархиня, на пользу всё исправишь,
Неполной труд его со всем скончи́шь, прославишь.
Ты скиптр рукой берешь, коварна злость дрожит,
Хоть тяжко злато в нем, любовь тебя крепит.
Счастлива будешь тем, земель императрица,
Печаль прогонишь всю, сердец людских царица.

Как ясной солнца луч в немрачной утра час,
Так твой приятной взор отрадой светит в нас.
В тебе с величеством сияет к нам приятство,
С небес влиянной дар — доброт твоих изрядство,
К почтенью нас ведет прекрасной зрак лица.
В тебе дивимся мы премудрости творца,
В талантах что твоих венца достойных зрится,
Чрез кои мы давно желали ввек плениться.

Твоя высока мысль цесарску кровь значит,
Что ты Геройска дщерь, твой бодрой дух гласит,
И склонность верности чинить всегда награду,
Невинных брать под кров и бедным дать отраду.
Коль сильных сих доброт в тебе велика власть?
Хвалы достойна мысль, и славой полна страсть,
Живот души твоей, что тщится толь ревниво
Прилично трону жить, являть породы диво.

Тебя к сему избрать творец изволил сам
И древо дней твоих растить в цветах к плодам.
Являешь склонность к нам, что прежде ты таила,
Котору с бодростью стараньем ты открыла.
Твоя десница что на пользу нам чинит,
То правит зрел совет, и добр успех скорит.
Пресильной разум твой поспешно всё пронзает,
Намеренье твое с желаньем всех кончает.

Мы можем наш талан уже вперед прозрить:
Духовной будет чин ученьем нас крепить
И чисту жизнь блюсти, с словами оных сходну,

С наукой кроткой нрав и с тем премудрость сродну,
И мирно в бозе жить и ревность в том казать,
Чтоб бедным помощь дать, страстей набег попрать.
Они покажут всем промеж собой согласно,
Что то сама любовь, что зрим во оных ясно.

Тобою будет сей почтенье чин иметь,
Чего достоин он, всегда то будет зреть,
Чтобы простой народ пороков впредь чужался
И свято в мире жить по их словам старался.
Священство в ревности пред божий станет трон,
Имея чисту мысль, хранив его закон,
И дух его готов небесну власть склонити,
Его чтоб сердце взять и мир благословити.

Твой веры полной ум умножит счастье в нас,
Понеже правда, свет с тобой на всякой час,
Что ты чрез твой совет в един союз приводишь,
Чрез умно следство все препятства превосходишь,
Ты держишь зависть злу и ненависть в браздах
И правду с разумом всегда в твоих очах,
И верность истинну, и вольну мысль в совете,
Источник толь богат к делам преславным в свете!

Хотя велика толь монаршска власть твоя,
Но видим, правишь как самую ты себя.
Ты мысль твою тогда на инной путь склоняешь,
Когда других совет правдиве быть познаешь.
Тебе сия хвала пребудет ввек красой,
Возвысишь твой народ на счастья верьх с собой,
Не зная, что цари с князями мимо ходят,
Когда те ложну власть как сон на мысль наводят.

Тебе единой дан высокой верьх хвалы,
Твоими должно звать потом других труды:
Что острой разум твой в вещах отмену знает,
Известное чинит, не то, что только чает.
За ясной солнца свет луны не чтишь лучей;
Князей искусство всё — совет, разбор вещей,
Различных склонностей в слугах и всей державе
Для счастья их земель и к большей трона славе.

Коль здраво мыслишь ты, толь скоро все кончишь.
В чем здесь совет даешь, то делом там велишь
С пристойной бодростью, во всех делах свободно,
Что царску кажет кровь, монархам что природно.
Ты зришь всегда умом, что долга мысль в делах
Даст часто хуждший плод, неж жар в крытых сердцах,
И чрез един момент, излишно что пробавлен,
Разумной замысл прочь бывает так отставлен.

Твоя страна и так большая света часть,
Разумна храбрость где над злобой держит власть.
И звук ее хвалы, взбуждать что должен к чести,
Как терн в чужих ногах и ось в очах у лести.
И зависть метит в нас, где не́льзя силой взять,
Тут ложной дружбой ков желает нас прельщать.
Державнейша! твоих советов он не знает,
Коль скоро разум твой такую сеть терзает.

Нынь зависть, как змия, ведет лукавой взгляд
И ядом полну мысль на ону ночь назад,
Когда Российский род под игом в тьме держался
И злого Батия кумиру ниц склонялся.
Та мыслит паки впредь тому же быть у нас,
Однако всё сие лишь снится ей на час.
Не будет с нами так в бою опять глумиться,
Чтобы противу ста и тысяче склониться.

Нет, о монархиня, в том разум твой во всем.
Блещи Петровым вверьх чрез равну мочь мечем,
Что дерзка гордость вновь себя казнить взбудила;
Он вышел сам наруж, лишь та себя явила.
Постигни сих врагов, победу с ними всю,
Принуди к миру их чрез краткую войну,
Неблагодарность что воздвигнула с хулою
И мздой завистлив род, подкупленный чужою.

Покрой твой шлемом верьх, Минерва наших лет,
Воткни копье твое: твой полк готов идет,
Полтавских семя поль, к победам склонны дети,
Попранна что врага в ногах обыкли зрети,
От коих Мелибок и Кавказ сам дрожал,
И с Вислой Черной понт, как сильных бурь, бежал,

Побитых что врагов принудили к покою
И пальм снопы несли геройскою рукою.

В хладу балтийских вод их храброй дух горит.
С весельем как на борт, так в поле быть спешит.
В долинах и в горах и где свирепы волны
Поставят грудь свою, отважных мыслей полны.
Морской народ спешит, возносит весел глас:
«Что долго ждали толь, уже проходит час.
Каморы полны все, палубы пушки кроют,
Готовы в путь со всем, вот в море вдруг пороют».

Вели твой флаг поднять, и вимпел в ветр пустить,
И страшной лес в волнах Российских машт открыть,
Пресильной вывесть флот из ледных устий в море
И мочь твоих галер к пособе оных вскоре,
Вогнали что велик в морски заливы страх,
Мутила чем боязнь Эвксинской понт в брегах.
Судам на брань бежать вели в ужасном виде:
Отец твой был Нептун, ты равна будь Фетиде.

Дай им указ к тому; ружье уже востро,
И верность силу даст в солдат твоих плечо.
С весельем правьте путь в поля, полки орлины,
Где ваш насмешлив враг, пройдите все долины,
Разройте гнезда их; добыча хоть мала,
Однако будет в том велика вам хвала
И с ней довольство нам, чем вашу храбрость пети.
Не возьмем хоть богатств, но будем мир имети.

Пущай, державнейша, пущай туда пойдут,
Куда собой хотят, где пальмы их цветут.
Без страху мы живем, чем бог врага смущает;
Он рок приметил свой, к нам ближе не дерзает.
Границы с крепостьми имеют тверд покров —
Твой храброй полк и с ним снаряд поверьх валов,
На гору дерзость что, рыгая огнь жерлами,
Твой грозной мещет гром и смерть между врагами.

По праву должно так их силою смирять,
Что бог изволил сам тебе для нас послать,

Твой бодрой дух спешит любви щедроту дати
И си́льнейшим ружьем тебе триумф сыскати.
Тебя прославит то, не помнишь что обид
И щедро пре́зрила проступок гнусной вид;
Хотя приятна месть, но быть в тебе не смеет:
Что твой высокой дух собою сам владеет.

Я мышлю, что́ наш враг в твоей доброте зрит,
Что склонна к милости, хотя полки крепит.
Он ставит войско в строй, притом и мертвых числит,
То перемирных дней, просить то миру мыслит.
Изволь, державнейша: явила ты пред сим,
Что хочешь миловать, неж вредна быти им.
Вся власть в твоих руках, когда их просьба правна,
Твоя земля и так своим пространством славна.

Как Норду мир подашь, иметь всё будет он,
Премудру кажешь мысль, на твой восшедши трон.
Подобна ты во всем британ Елисавете,
Славне что разумом была, неж бранью в свете,
Ввела науки все, британ хвалу взнесла,
Богатства и ума довольно им дала,
В воздержных торжествах казну и честь достала,
По-царски век жила, в победах жизнь скончала.

Ты видишь, равно ей, к талану путь прямой,
Известны будут нам науки все тобой.
Чрез оны человек приходит к совершенству,
К сему нас бог избрал с натурою блаженству.
Те красят нашу плоть, острят и разум в нас;
Без них мы мрачны, как нечищеной алмаз,
Что в диком камне скрыт, очей людских таится,
Где светлость и цена в всегдашной тьме не зрится.

Кто им добро чинит, воздать те могут всё,
И делом кажет нам их свет лице свое.
Художеств разных плод обильный в тьмах являют,
Чрез прибыль славную своих обогащают.
Тиранам мерзки те: они враги себе.
Монархи любят их подобные тебе.
Когда спокойно их хранит кака держава,
Бывают счастье стран, корон краса и слава.

Империя твоя пространной дом для них.
Коль много скрытых есть богатств в горах твоих!
Что прошлой век не знал, натура что таила,
То всё откроет нам твоих стараний сила.
Ты помощь в том даешь, как сам родитель твой.
Что нам прилежность даст, то тратит враг собой.
Последню мочь его голодна скудость склонит
И горду мысль его сильней огня прогонит.

Позволь купечеству торгом довольну быть
В излишестве твоем, и безопасно жить,
Позволь свободной путь, умножь суда, товары
Чрез кроткие твои доброт душевных дары:
Страна как человек: как сердце бьется в нем,
Содержит кровь всегда в прямом бегу своем,
То может каждой член напитан быть удобно, —
Как тело дух живит, так земли торг подобно.

В делах с речьми людей согласия прибавь,
С надеждой верну мысль на равной вес поставь,
Чтобы в торгу своем никто не знал урону;
Гони от портов прочь обман, утрату, спону;
Чрез вольность к нам введи талан земель чужих.
И для того что всяк прибытков ждет своих,
Дай большу вольность тем, что нам живут согласно
И наш товар берут, как мы от оных, власно.

В твоей премудрости высокой дар сей скрыт.
Поставь правдивой суд, откуду ложь бежит,
Лукавство, ков и лесть низринь из мест судебных,
Вели на правду зрить, как ты, в делах враждебных,
Без траты времени в обидах помощь дай,
Коварну зависть, злость по их делам карай,
Невинных току слез посли твою утеху,
Избавь от хищных рук твоих людей к успеху.

Благословен будь день, что избран был к тому,
Когда склонилась ты к народу твоему.
О коль предраг залог от сей высокой страсти!
И коль присладок плод, любовь подданных к власти!
Колика радость нам тебе врученным быть!
Велика сладость коль себя любиму зрить!

Геройска бьется грудь, смотря твоих забаву,
А наша, чтоб твою почтить довольно славу.

«Господствуй и имей над счастьем полну власть,
Всевышний даст тебе в талане лучшу часть:
Чтобы познать могли в грядущий век потомки,
Что ты всех жен краса, твои дела коль громки», —
Желая то, гласят брега Балтийских вод,
До толь, где кажет свой яппонцам солнце всход;
И от Каспийских волн до гор, где мраз насильный,
Где мал народ, больших зверей стада обильны.

Восток и запад весь, большая часть земли
На промысл смотрит твой и чтит дела твои.
И силу войск твоих, и честь от многих тронов,
И оных стран союз, и твердь твоих законов.
Будь как начальной луч в средине всех планет,
Что сам собой стоит и круг себя течет
И столько тяжких тел пространным вихрем водит,
Что каждое из них чрез вечный путь свой ходит.

Тебя творец для нас до времени скрывал,
Когда пременный рок бедами нас смущал.
В мятежны те часы и мудры все молчали;
Что рок отнять не мог, то злы насильно взяли,
Смутили все в одно; в союзе силы нет!
Политика зрит вдаль, но слаб ее совет.
Ужасна будет коль ее потом кончина?
Того нам не́льзя знать, покажет впредь година.

Довольно, небо, будь потоком слез людских;
Поставь уж с нами мир за кровь рабов твоих.
Низвергни мерзкой ков, что вводит брань в народы,
Подай спокойной век, сгони от нас погоды.
Вздыхает верность так, того Россия ждет.
Тебе всесильного рука венец дает,
Где непорочной лавр, где чист жемчуг и ясный
Тебе, монархиня, наш ангел мира красный.

Первая половина 1742

120. ДЕНЬ ВОВЕКИ ПРЕСЛАВНЫЙ КОРОНОВАНИЯ

ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШИЯ ДЕРЖАВНЕЙШИЯ ВЕЛИКИЯ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ, САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКИЯ, ИМЕНЕМ КЕНИГСБЕРГСКОЙ АКАДЕМИИ С ГЛУБОЧАЙШИМ БЛАГОГОВЕНИЕМ ТОРЖЕСТВЕННО ПОЧТЕННЫЙ ОТ ИОГАННА ГЕОРГА БОКА, ПРОФЕССОРА КЕНИГСБЕРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА И АКАДЕМИИ НАУК ЧЛЕНА. ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Натуры хитрыя возможных опыт сил,
К которому свой взор весь смертных род вперил,
России счастливой богиня просвещенна,
Ты восхищаешь ум, как солнце вознесенна;
Корона, с твоея главы лиюща свет,
Златых округ в твоем наследстве значит лет.
И тем побуждены подсолнечной все части
Усердность жертвуют твоей кротчайшей власти.

Кто стран твоих предел и множество познал,
Твою великость тот по власти измерял;
Я меру праведну не в силах полагаю,
Души величество за ону признаваю.
Ему принадлежат обширные страны,
Что вышним промыслом тебе подарены;
Открыть к щедротам путь ты на престол вступила.
Высок он; но твоих даров превыше сила.

С державою равно любленье щедрых дел,
И кротость из нее преходит за предел.
Ты больше тщишься быть прямым добром вселенной,
Как слыть монархиней, над всеми вознесенной;
И злато над тобой не знает власти взять;
Величеством твоим что может обладать?
Твое богатство всем на счастье и отраду,
К почтению наук, художествам в награду.

Отеческий твой град премудрости есть храм,
Сокровище твоим не скрытое странам;
Там лира бодрая веселы водит лики,
И струны оныя суть радостей языки.
Парнас в очах твоих — не холм, лишен красы,
Что может расцвести без солнца и росы.
Как на главе твоей Минервин шлем сияет,
Ее щитом рука науки покрывает.

Хотя душе твоей несносны злы дела,
Но казней строгая жестокость тяжела;
Прискорбным сердцем ты повинных осуждаешь,
И вместо крови их щедроты проливаешь.
Правдивой суд тебе приятен в те часы,
Когда уставлены наградами весы;
Драгими камнями иных венцы сияют;
Тебя лучи доброт отвсюду окружают.

Монархи, что добро не редко признают,
Но медленно к тому употребляют труд.
Твой просвещенный ум соединен с раденьем,
Как скипетр сопряжен с монаршеским владеньем.
Ты путь открыла тем к приятным должностям
Оружием твоим подверженным рабам;
И власть, чем по венцу, по крови ты сияешь,
Растет, что оную делами укрепляешь.

В владетельстве твоем умеренность должит,
Что должность новую исполнить всяк спешит;
И сердце матерне себя тем утешает,
Довольствуясь, что долг всяк верно признавает.
Живем, не чувствуя, что к страху нудит дух.
Но именем твоим свой услаждаем слух.
Младенцы слышат то, и нежно повторяют,
И детские уста с улыбкой обращают.

Пускай чрез хитрости представятся лучи
И радость общую изобразят в ночи,
Пусть мрачность пламенным размахом разделится,
Усердие в сердцах ярчае воспалится.
Цветами разными возжженные свещи
Являют каждыя веселие души.

Когда блистания составы вверьх возводят,
То значат, что к звездам желания восходят.

Богиня, коей блеск вседневно восстает,
Достойный плод Петров венца от нежных лет.
От жизни он отшел; геройских мыслей сила
Пренесена в тебе, Петра восстановила.
Всевышний дай тебе святую благодать
Достоинствам твоим век равный обладать;
Да в сей толь кратно день на троне воссияешь,
Как веселишь народ, щедротой побеждаешь.

Март или апрель 1758

121. ОДА ГОСПОДИНА РУССО FORTUNE, DE QUI LA MAIN COURONNE,[1]

ПЕРЕВЕДЕННАЯ Г. СУМАРОКОВЫМ И Г. ЛОМОНОСОВЫМ. ЛЮБИТЕЛИ И ЗНАЮЩИЕ СЛОВЕСНЫЕ НАУКИ МОГУТ САМИ, ПО РАЗНОМУ СИХ ОБЕИХ ПОЭТОВ СВОЙСТВУ, КАЖДОГО ПЕРЕВОД УЗНАТЬ

Доколе, счастье, ты венцами
Злодеев будешь украшать?
Доколе ложными лучами
Наш разум хочешь ослеплять?
Доколе, истукан прелестной,
Мы станем жертвой нам бесчестной
Твой тщетной почитать олтарь?
Доколе будем строить храмы,
Твои чтить замыслы упрямы,
Прельщенная словесна тварь?

Народ порабощен обману,
Малейшие твои дела
За ум, за храбрость чтит избранну.
Ты власть, ты честь, ты сил хвала;
В угоду твоему пороку
И добродетель превысоку
Лишает собственных красот.
Его неправедны уставы
На верьх возводят пышной славы
Твоих любимцов злобной род.

Но пусть великостию сею
О титлах хвалятся своих;

[1] Счастье, которое венчает (франц.). — *Ред.*

Поставим разум в том судьею
И добрых дел поищем в них.
Я вижу лишь одну безмерность,
Надменность, слабость и неверность,
Свирепство, бешенство и лесть.
Доброта странная! откуду
Из злости сложенному чуду
Дается оной должна честь?

Ты знай: герои совершенны
Премудростию в свет даны;
Она лишь видит, коль презренны,
Что чрез тебя возведены;
Она ту славу презирает,
Что рок неправедной рождает
В победах слепотой своей;
Пред строгими ее очами
Герой с суровыми делами
Ничто, как счастливой злодей.

Почтить ли токи те кровавы,
Что в Риме Сулла проливал?
Достойно ль в Александре славы,
Что в Аттиле всяк злом признал?
За добродетель и геройство
Хвалить ли зверско неспокойство
И власть окровавленных рук?
И принужденными устами
Могу ли возносить хвалами
Начальника толиких мук?

Издревле что об вас известно,
О хищники чужих держав!
Желанье в мире всем не вместно,
Попрание венчанных глав,
Огня и трупов полны стены,
И вы в пару кровавой пены,
Народ, пожранный от меча,
И в шуме бледна мать великом
Свою дочь тщится с плачем, с криком
Отнять с насильного плеча.

Слепые мы судьи, слепые,
Чудимся таковым делам,
Одне ли приключенья злые
Дают достоинство царям!
Их славе, бедствами обильной,
Без брани хищной и насильной
Не можно разве устоять?
Не можно божеству земному
Без ударяющего грому
Твоим величеством блистать?

Но быть должна во время бою
На первенстве прямая честь,
И кто, поправ врага собою,
Победу мог себе причесть?
Издревле воины известны,
Похвальны, знатны, славны, честны
Оплошностью противных сил.
Худым Варроновым призором,
Упрямым и неправым спором
Ганнибал славу получил.

Кого же нам почтить героем
Великим собственной хвалой?
Царя, что правдой и покоем
Себя, народ содержит свой;
Последуя Веспазиану,
Едину радость несказанну
Имеет в счастии людей,
Отец отечества без лести;
И ставит выше всякой чести
Числом своих щедроты дней.

О вы, что в добродетель чтите
Един в войнах геройской шум,
Себе Сократа вобразите
За Клитова убивца в ум;
Вам будет царь в нем несравненный,
Правдивой кротостью почтенный,
Достойный олтаря вовек;
Тогда страшилище Евфрата

Против венчанного Сократа
Последней будет человек.

Герои люты и кровавы!
Поставьте гордости конец,
Рожденной от воинской славы
Забудьте лавровой венец.
Напрасно Рима повелитель
Октавий, света победитель,
Навел в его пределы страх;
Он Августом бы не нарекся,
Когда бы в кротость не облекся
И страха не скончал в сердцах.

О воины великосерды!
Явите ваших луч доброт;
Посмотрим, коль тогда вы тверды,
Как счастье во́зьмет поворот.
Когда то к вам великодушно,
Земля и море вам послушно,
И блеск ваш очи всех слепит;
Но только лишь оно отстанет,
Геройска похвала увянет,
И смертный будет всем открыт.

Способность средственна довлеет
Завоевателями быть.
Кто счастие преодолеет,
Один великим может слыть:
Хоть помощь от него теряет,
Но с постоянством пребывает,
Для коего от всех почтен;
Всегда не низок и не пышен,
С Тиверием ли он возвышен
Или как Варус поражен.

Излишню радость не внушает
В недвижности своей предел
И осторожно умеряет
Неистовство успешных дел.
Пусть счастие преобратится;

Недвижна добродетель тщится
Презренной разрушать упор.
Конец имеет благоденство,
Стоит в премудрости блаженство,
Непостоянен рока взор.

Вотще готовит гнев Юноны
Энею смерть среди валов,
Премудрость! чрез твои законы
Он выше рока и богов;
Тобою Рим, по злой напасти,
В средине карфагенской власти,
Своих героев смерть отмстил;
Ходя в твои небесны следы,
Во время слезныя победы
В трофеи гробы превратил.

Вторая половина 1759

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ ЛОМОНОСОВУ

122. ПРАВДА НЕНАВИСТЬ РОЖДАЕТ

Какая красота теперь себя являет?
Какою святостью мой разум восхищает?
Коль светел и коль чист от ней блистает луч,
Дерзает против бурь, дерзает против туч?
Богиня по всему и тишину приводит,
Во чреве носит плод, и с оным к нам приходит.
И час уж наступил, и время ей родить,
Прекрасное дитя нам, смертным, подарить.
Но коль ужасное чудовище родилось!
Зубами заскрипев, на матерь устремилось.
Не так свирепствует презлобной крокодил,
Которого питал в себе великий Нил.
Не так несытой волк на паству нападает,
Как правду ненависть рожденная терзает.
О Правда, ты наш свет, ты солнечной восход;
Возможно ль, чтоб тобой рожден был сей урод?
Ты дщерь всевышнего, ты добрых дел царица.
Но полон скверны плод! Бесчастна роженица!

1754(?)

123. САТИРА ГОСПОДИНА ЛОМОНОСОВА НА ТРЕДИАКОВСКОГО

Что за дым
По глухим
Деревням курится?
Там раскол,
Дно крамол,
В грубости крутится.

Середи того гнезда
Поднятая борода,
Глупых капитанов флаг
Дал к соборищам их знак.

Все спешат,
Все кричат:
«Борода святая!
Мы с тобой,
С дорогой,
В рай идем, пылая.
Ты нам мера и закон,
Ты обедня и трезвон.
О! апостольская сеть,
Ради мы с тобой сгореть».

Кто зажог?
Лжепророк.
Из какого лесу?
Он один,
Тресотин,
Сердцем сроден бесу.
Он безбожной лицемер,
Побродяга, суевер.
Он предерзостью своей
Ободрил бородачей.

Оным в лесть,
Добрым в честь,
Поносят, терзает,
И святош
Глупу ложь
Правдой объявляет.
Только ж, угождая им,
Мерзок бредом стал своим,
И, хотя чтить праотцов,
Он почтил отца бесов.

Оглянись,
Веселись,
Адская утроба!
Твой комплот,

Скверной род,
Восстает из гроба.
Образ твой Герострад,
Храм зажечь парнасский рад;
Ад готов тебе помочь,
День затмить так, как ночь.

Братец твой,
Керженской,
Адским углем пышет,
Как пес зол,
За раскол
На святыню дышет,
На российского Христа
Отпер срамные уста;
К защищению бород
Злой к тебе валится сброд.

Ах, как рад
Пустосвят
Для того разпопа,
Что в тебе,
Как в себе,
Видит злу холопа.
И Авва́кум-протопоп
Поднял лысину и лоб,
Улыбаясь, на тебя
Смотрит, злость твою любя.

Что за гам?
Волаам,
Июда, Каиафа,
Чу! кричат:
«Эй! наш брат,
Ты не бойся штрафа».
И от тартарского дна
Сам поднялся сатана;
Он поджег тебя назло,
За свое мстит помело.

Ну ж, хватай!
Поскоряй,

Не теряй минуты;
Тешься так,
Как и сам,
В пляску, в валку, в жгуты!
Как Петрил тебя катал
И Балакирев гонял.
Все ревут тебе: «Кураж,
Тресотин, угодник наш!»

Лжесвятой
Керженской!
Как тебя прославить?
Как почтить,
Чем кадить,
Что тебе поставить?
Вместо ладану и свеч,
К бородам тебя сожечь,
Чтобы их поганой смрад
Был горчае, как сам ад.

1757(?)

124. ГИМН БОРОДЕ ЗА СУД

Не Парисов суд с богами,
Не гигантов брань пою,
Бороде над бородами
Честь за суд я воздаю,
Бороде, что тех судила,
Коих ненависть вредила
Посмеянием своим
И ругаясь явно им.
    О брада, что для покою
    Там сидишь, где все стоят,
    Чешешься чужой рукою,
    Вокруг тебя всегда кадят!

Бороде все поклонялись,
Бороду за старость чли;
Тут перед нею показались
Разных тьмы бород вдали.

Первая к ней приступила
И, расширясь, говорила:
«О защита бородам!
Припадаю я к стопам».
О брада, что для покою...

Так брада возопияла,
Растрепавшись, пред судьей:
«Ненависть на нас восстала
Дерзкой наглостью своей;
Брадоборец неотложно
Говорит, что есть безбожно
Почитать наши чины
Тем, что мы не крещены».
О брада, что для покою...

Только речи окончала
Борода пред бородой,
Издалека подступала
К ним другая чередой,
С сердца вся почти дрожала,
Издалека заворчала
Сквозь широкие усы,
Что ей придало красы.
О брада, что для покою...

«Я похвастатца дерзаю,
О судья наш, пред тобой:
Тридцать лет уж покрываю
Брюхо толстое собой.
Много я слыхала злова,
Но ругательства такова
Не слыхала я нигде,
Что нет нужды в бороде!»
О брада, что для покою...

После той кричит сквозь слезы
Борода вся в сединах,
Что насилу из трапезы
Поднялась на костыляк:
«Сколько лет меня все чтили,

Все меня всегда хвалили;
А теперь живу в стыде.
Сносно ль старой бороде?»
О брада, что для покою...

Множество бород ходили
Друг за другом пред судью,
Все отмщения просили
За обиду им свою:
Та служила многи годы,
Та запомнит все походы,
Та умеет всех учить.
Как за них не отомстить!
О брада, что для покою...

Наконец тут слышны речи
Бороды еще одной,
Что, судье взвалясь на плечи,
Шепчет в ухо с бородой.
Что две бороды шептали?
Говорят, что отгадали.
О жестокой суевер!
Что поставил им в пример.
О брада, что для покою...

Тут уже не стало мочи
Бороде хулу сносить;
Возводя на небо очи,
Стала во слезах просить,
Чтоб ей помощи послало
Притупить клеврет всех жало.
Но какую казнь сыскать,
Брадоборца наказать?
О брада, что для покою...

Борода над бородами,
С плачем к стаду обратясь,
Осеняла всех крестами
И кричала рассердясь:
«Становитесь все рядами,
Вейтесь, бороды, кнутами,

Бейте ими сатану;
Сам его я прокляну!»
        О брада, что для покою...

О, какой же крик раздался
От бород сердитых тут;
Ус с усом там в плеть свивался,
Борода с брадою в кнут;
Тамо сеть из них готовят,
Брадоборца чем уловят;
Злобно потащат на суд
И усами засекут!
        О брада, что для покою...

1757

II

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИЗ АНТИЧНЫХ ПОЭТОВ

Гомер

125—127. ИЛИАДА

1

Пустила по земли заря червленну ризу;
Тогда созвав богов Зевес-громодержитель
На высочайший верьх холмистого Олимпа,
Отверз уста свои; они прилежно внемлют:
«Послушайте меня, вси боги и богини,
Когда вам объявлю, что́ в сердце я имею.
Ни мужеск пол богов, ниже богинь пол женский
Закон мой преступить отнюдь да не дерзает,
Дабы скорее мне к концу привесть всё дело.
Когда увижу я, из вас кто с неба со́йдет
Во брани помощь дать троянам либо грекам,
Тот ранен на Олимп со срамом возвратится
Или, хватив его, повергну в мрачный Тартар,
Далече от небес в преглубочайшу пропасть,
Где твердой медной пол и ворота железны...»

(VIII, 1—15)

2

За здравие твое. Мы как бы у Атрида;
Твоею, Ахиллес, здесь пищею довольны.
Ты нас столом своим довольно угостил.
Не ради пиршества к тебе мы нынь пришли:

Нас греческих полков погибель устрашает,
И наши корабли едва ли уцелеют.
Уже тебе пора во крепость облещись:
Трояна близ судов поставили свой стан.
И их союзники зажгли в полках огни,
Грозятся купно все, что с брегу не отступят,
Пока до кораблей ахейских не достигнут,
И, грянув, сам Зевес дает им добрый знак.
Надеясь на него, Приамов храбрый сын
В ужасной ярости всех греков презирает
И в бешенстве других богов не почитает,
Желает, чтоб заря скорее началась,
И хвастает отсечь все нóсы у судов,
И флот весь истребить, возжегши хищный пламень,
И греков всех убить, смятенных в мрачном дыме.
Сего весьма страшусь, и чтоб сему Зевес
Так быть не попустил, и не судил бы рок
Под Троей умереть далече от Эллады.
Как если хочешь ты, то стань за нас хоть поздно
И греческих сынов избавь от сей беды.
Ты будешь сам тужить, как нам случится зло,
И рад бы пособить, да способов не будет.
Подумай, чтобы нам избыть от злой годины.
Приятель, вспомни, что родитель приказал,
В которой день тебя к Атриду посылал:
Дадут тебе, сказал, Юнона и Минерва
Победу на врагов, ты будь великодушен.
Всего похвальнее добросердечным быть.
Блюдись всегда вражды и ссоры начинать,
То будут тебя чтить и стары и младые.
Он так тебя учил, а ты позабываешь.
Покинь свой лютый гнев и будь спокоен духом.
За то Агамемнон почтит тебя дарами.

(IX, 225—261)

8

Внезапно встал Нептун с высокия горы,
Пошел и тем потряс и лесы, и бугры.
Трикраты он ступил, четвертый шаг достигнул
До места, в кое гнев и дух его подвигнул.

(XIII, 17—21)

Вергилий

128—146. ЭНЕИДА

1

Вы небо без меня и землю возмутили
И на море бугры поднять дерзнули, ветры;
То я вас!.. только дай мне волны успокоить.

(I, 133—135)

2

Из коей вы земли и коего народа?
И с миром ли вы к нам или пришли с войною?

(I, 369)

3

Свирепая, что ты, ах, взору представляешь,
Что ложными меня ты видами прельщаешь?

(I, 407—409)

4

Какое бешенство, трояна, вас объемлет?
Или вы верите, что греки отдались?
И что без хитрости дают они подарки?
Иль так вы мало знать Уликса научились?

(II, 42—44)

5

Ах, в коей я земли и в коем скроюсь море?
Какое бедному прибежище осталось?

(II, 69—70)

6

«Я мщением грозил и огорчил словами;
Отсюду вся беда: он стал искать мне смерти,
Сомнительны слова в народе разглашал

И злиться не престал, пока ему Калхант...
Но что уж сказывать случа́й, вам неприятной,
Что медлить, если вам все греки ненавистны.
Довольно слышали, пора меня казнить.
Атриды и Уликс весьма того хотят».
Мы жадно спрашивать причин несчастья стали,
Не зная хитрости и греческих обманов.
Он снова свой притвор с боязнью начал так:
«От Трои отступить хотели часто греки
И трудную войну не окончи́в оставить».

(II, 96—109)

7

Как ниву лютый огнь снедает в бурный вихрь
Или когда, с горы стремлясь, река течет,
Терзает жатвы с поль, весенний труд волов,
И лес стремглав валит, стоящий на бугре, —
Оцепенев, пастух не знает, что шумит.

(II, 304—308)

8

Он злато силой взял, убивши Полидора.
Проклято лакомство, к чему ты не приводишь?

(III, 55—57)

Избавившись от бурь, пришли мы к островам,
Стоящим посреде Ионических вод,
Что греческий народ Строфадами зовет.
Со злой Целеною в них гарпии живут.

9

Противнее нигде чудовищ оных нет,
Ни злейшей язвы ад на свет не испускал,
Имеют женский зрак ужасные те птицы.
И ногти острые, и смрадно гноем чрево,
От гладу завсегда бледнеет их лице.

(III, 209—212; 214—218)

10

Едва он речь скончал, великая громада
С горы к водам идет среди овечья стада.
Ужасной Полифем, прескверной изувер,
Исполнен ярости и злобы выше мер.
Лишася зрения, он дуб несет рукою,
Как трость, и ищет тем дороги пред собою.
Зубами заскрипел и морем побежал;
Едва во глубине до бедр касался вал.

(III, 655—659; 664—668)

11

Уже слух по градам быстро течет Ливийским;
Во всей подсолнечной сего зла злее нет.
Проворна и бодра, растет в пути своем,
Мала в рождении и ходит боязливо,
Но вскоре до небес главу свою возносит.

Под каждым та пером имеет быстры очи,
И уши, и уста, гласящи беспрестанно.

(IV, 173—177; 181—183)

12

Что делать мне теперь, презренной от троян?
Или уж мне просить Нумидских женихов,
Которых столько крат супружество отвергла?
Или идти вослед за флотом Илионским
И взять себе в закон изменников приказ,
Которой все мои услуги позабыл?
Но если погонюсь за дарданским пришельцем,
То кто на гордый флот меня троянский примет?
Еще ль не чувствуешь, коль лжив есть сей народ?
И что? Или одной идти за оным вслед?
Или с Пуническим мне войском устремиться
И паки изнурять в волнах народ Сидонский,
Которой чрез моря недавно привела?
Не лучше ль умереть и жизнь мечем пресечь?

(IV, 534—547)

13

Уже, всходя, заря на землю сыплет блеск,
Восстав с багряного Тритонова одра.
Дидона на свету с высокого чертога
Узрела, что уж флот отходит парусами
И что на берегу матрозов больше нет;
Ударила рукой в свою прекрасну грудь
И, волосы свои терзая, говорит:
«О боже мой! Уйдет пришлец сей, насмеявшись?
Или не хочет град за ним бежать в погоню?
И Карфагенской флот ограбить их судов?
Расправьте парусы, с огнем гребите вслед.
Но что я говорю? Где я? И где мой разум?
Тебя злой рок постиг, несчастлива Дидона!
Тогда б то говорить, когда давала скиптр.
Таков мне верен тот, что отческих богов
И в старости отца из пламени исхитил.
Не можно ль было мне терзать его на части,
Убить товарищей и сына умертвить,
И члены бы его отцу во пищу дать?
Но счастье на бою сомнительно. Да пусть бы.
Кто хочет умереть, кого ему бояться?
Сожечь было весь флот, и сына и отца
Тем жаром истребить, и вдруг саму себя
Истнила и сама поверглась бы на них.
О солнце, что на всю вселенную взираешь,
И знающая всю тоску мою, Юнона,
Прозерпина, и вы, о мстящие фурии
И боги умереть желающей Дидоны!
Внемлите и мою услышите мольбу.
Когда Зевес судил, чтоб лютый сей злодей
Достигнул до земли и до брегов Гесперских,
Что рок так положил и пременить неможно,
То пусть хотя его жестока мучит брань;
Изгнан и отлучен от сына своего,
Пусть просит помощи, зря злую смерть другов;
И как уж заключит поносный мир с врагами,
То пусть тогда, своим не насладився царством,
Не видев радости, безвременно падет
И будет посреди песку непогребен.
Сего прошу и дух мой с кровью проливаю.

(IV, 584—621)

14

Иные на горы катают тяжки камни,
Иные к колесу привязаны висят.
Тезей сидит, к горе прикован раскаленной,
И будет век сидеть. Флегей в гееннском мраке
Ревет и жалостно других увещевает:
«Вы, сильны на земли, на казнь мою взирайте,
Судите праведно и бога почитайте».

(VI, 616—620)

15

Засватает тебя, Беллона, о девица!
Приданым будет кровь Троянска и Рутульска.

(VII, 318—319)

16

Что? Разве ты понес, о Турн, труды вотще?
Уступишь ты свой скиптр троянским беглецам?
Латин уж не тебе, но им отдать намерен
Лавинию свою, придано и наследство,
Что всё ты заслужил сам кровию своей.

(VII, 421—425)

17

Меня, меня, я здесь, мечем своим пронзите.

(IX, 427)

18

Не стыдно ли уж вам сидеть в осаде снова
И смерти ждать в стенах? Вы дважды взяты
в Трое,
Улисса нет у нас, у нас Атридов нет.

Жестокий наш народ от роскошей бежит,
Мы хладною водой младенцев укрепляем,
Подрослые в лесах всегда зверей гоняют.

Но вас багряная одежда украшает,
Вы любите плясать и в роскошь отдаваться.

Подите по горам Диндимским за свирельми:
Венера вас зовет тимпаном и трубами;
Оружие свое мужчинам, нам, отдайте!

(IX, 598—620)

19

Вот, троянин, поля, что ты искал войною,
И вот Гесперия. Измерь, лежа убитый.

(XII, 359—360)

147—151. ЭКЛОГИ

1

Гоняет волка лев, а волк гоняет козу,
Коза гоняется за мягкою травою.

(II, 63—64)

2

Волы несут домой повешенные плуги.

(II, 66)

3

Скажи, в каких землях, то будешь ты мне Феб,
Не больше трех локтей открыты небеса.

Где именем царей украшены цветы?
Как скажешь, то владей Филлидою один.

(III, 104—107)

4

Небесной красоте дивится чистый Дафнис,
И видит облаки и звезды под ногами.

(V, 50—57)

5

Обводит дерзкого корой сестр Фаэтонта,
И ольхи на земли высокие рождают.

(VI, 62—63)

152—153. ГЕОРГИКИ

1

В той маленькой плоти великий дух имеют.

(IV, 83)

2

Печальную любовь на лире услаждая,
Тебя, сладчайший муж, тебя един на бреге,
Тебя в начале дня, тебя пел в поздний вечер.

(IV, 464—466)

Овидий

154—168. ПРЕВРАЩЕНИЯ

1

Трикраты страшные власы встряхнул Зевес,
Подвигнул горы тем, моря, поля и лес.

(I, 179—180)

2

Уже юг влажными крилами вылетает,
Вода с седых власов и дождь с брады стекает,
Туманы на лице, в росе перната грудь.
Он облаки рукой едва успел давнуть,
Внезапно дождь густой повсюду зашумел.

(I, 264. 266—269)

3

Из рук мужских назад поверженные камни
Прияли мужеск вид, из женских рук — вид женский:
Оттуду род наш тверд и сносит труд великий.
И тем, откуду взят, довольно доказует.

(I, 411—415)

4

Беда мне, что трава любви не исцеляет,
И чем я всех лечу, то мне не помогает!

(I, 523—524)

5

Поставлен на столпах высоких солнцев дом,
Блистает златом вкруг и в яхонтах горит;
Слоновый чистый зуб верьхи его покрыл;
У врат на вереях сияет серебро.
Но выше мастерство материи самой:
Там море изваял кругом земли Вулкан,
И землю, и над ней пространны небеса.

(II, 1—7)

6

И как туда пришла военная Минерва
И стала у дверей, что в дом вступить не можно,
Толкнула в них копьем, отверзся скоро вход,
Увидела внутри, как зависть ест змию
И кровию ее свою питает злобу.
Узрела и свой взор богиня отвратила.
Она встает с земли, оставив ползмеи.
Ленивою ногой к богине подошла,
И видя, что она красно вооруженна,
Вздохнула и, лице нахмурив, восстенала.
Всегда бледнеет зрак и кожа на костях,
Глядит из-под бровей, и ржа всегда в зубах,
Желта от желчи грудь, и яд течет с языка.

(II, 765—777)

7

Ты львиною покрыт был кожею в бою
И с острым копием десницу заносил,
Но лучше был ружья твой мужественный дух.

(III, 52—54)

8

Где прежде он гонял, тут сам уж убегает.

(III, 228)

9

В одну погибнет ночь с любовницей любовник!
Достойна ты была прожить должайший век.
Но я повинен в том, я твой губитель стал,
Что в полночь приказал прийти в места опасны
И сам не упредил своим тебя приходом.
О вы, ужасны львы, сбегайтесь из пещер
И рвите челюстьми мою повинну плоть.
Но знак боязни есть желать лишь только смерти.

(IV, 108—115)

10

Старается во сне свой голод утолить,
Но движет лишь уста и зуб на зубе трет.
Он думает, что ест, но токмо льстится тем
И вместо пищи ветр глотает лишь пустой.
Но как уже алчба отгнала сон его,
Почувствовал огонь на тощем животе
И тотчас просит всё, что воздух и земля
И что родят моря, но голоден при всем.
Уж полные столы неполны перед ним;
Чем град доволен весь, он тем один не сыт.

(VIII, 824—833)

11

Он, гневом воспален, возвел свирепый взор
На Илионский брег, где герчески суда,
И, руки протянув, вскричал: «О сильный боже!
Пред флотом я в суде, и мне Уликс соперник!»

(XIII, 3—6)

12

Выходит Гектор сам, богов на брань выводит,
И где стремится он, там сильные трепещут,
Не токмо ты, Уликс: толь страшен он в полках!

(XIII, 82—84)

13

Устами движет бог; я с ним начну вещать.
Я тайности свои и небеса отверзу,
Свидения ума священного открою.
Я дело стану петь, несведомое прежним!
Ходить превыше звезд влечет меня охота
На облаках нестись, презрев земную низкость.

(XV, 143—149)

14

Я таинства хочу неведомые петь,
На облаке хочу я выше звезд взлететь.
Оставив низ, пойду небесною горою,
Атланту наступлю на плечи я ногою.

(XV, 143—149)

15

Раздранный коньми Ипполит
Несходен сам с собой лежит.

(XV, 524—529)

169—171. ГЕРОИДЫ

1

Уж Илион лежит, гречанкам ненавистный.
Едва того Приам и Троя стоит вся.
Други вожди пришли, дымятся олтари;
И отческим богам Симойски жгут добычи;
Жены приносят дар, что здравы их супруги.

(I, 3—4, 25—27)

2

Ах, когда б погрязнул в море чужеложник,
Прежде нежель приплыл к Греческому брегу,
То б одна я в хладной не спала постели,
Дни бы не казались долги мне и скучны.

(I, 5—8)

3

Чрез пространно море руки простираю,
Кои о печальну грудь свою разбила,
И кажу остатки волосов издранных.
Ради слез помилуй, кои ты мне пролил,
И к сему пустому месту возвратися.
Если мертву найдешь, то сбери хоть кости.

(X, 145—150)

172. ФАСТЫ

Безумным притворял себя разумный Брут,
Чтоб лютых избежать коварств твоих, Суперб.

(717—718)

Лукреций

173. О ПРИРОДЕ ВЕЩЕЙ

Железо, злато, медь, свинцова крепка сила
И тягость серебра тогда себя открыла,
Как сильной огнь в горах сжигал великой лес;
Или на те места ударил гром с небес;
Или против врагов народ готовясь к бою,
Чтоб их огнем прогнать, в лесах дал волю зною;
Или чтоб тучность дать чрез пепел древ полям
И чистой луг открыть для пажити скотам;
Или причина в том была еще иная,
Владела лесом там пожара власть, пылая.
С великим шумом огнь коренья древ палил;
Тогда в глубокой дол лились ручьи из жил,
Железо и свинец и серебро топилось,
И с медью золото в пристойны рвы катилось.

Кальпурний

174. БУКОЛИКИ

Ах, жалко! Без тебя лилеи почернели,
И ясные струи, и вина мне противны.
Но если придешь ты, лилеи побелеют,
И ясные струи, и вина будут сладки.

(III, 51—54)

Сенека

175. МЕДЕЯ

Умножь теперь свой гнев и будь бодра, как прежде,
И стары злы дела почти за добродетель.
Медея ныне я, и дерзость в зле растет,
Весьма полезно мне, что мной убит мой брат,
Что мной растерзан был и на пути разметан;
Полезно, что отец лишен руна златого.
Не знаю, что теперь злый дух мой умышляет
И сам себе едва представить ясно смеет.

К неслыханному злу рука моя готова.
Примите, дети, казнь за отческу неверность.
Трепещет грудь моя, и члены цепенеют!
Отходит лютость прочь: я стала снова мать.
Ах! Как мне кровь пролить драгих своих детей?

Однако не мои, пускай уже погибнут.
Ах, нет, они мои! ни в чем они не винны!
Но равно как они, и брат невинен был.
Что зыблешься, мой дух? И слезы что текут?
Любовь влечет в страну, а гнев влечет в другую.

Ко мне, дражайший плод, в объятия бегите:
Единых видит вас сей скорбный дом отраду.
Но ненависть кипит, болезнь воспламенилась.
И прежней гнев бодрит мои к убийству руки.
Я следую тебе, куда ни поведешь.

(910—961)

176—178. ТРОЯНКИ

1

Гекуба

Рыдайте жалостно, руками бейте в груди,
Парисовым судом несчастливые люди.

Хор

Привыкли мы к слезам, мы плачем десять лет,
Когда Приамов сын, начало наших бед,
Из древ сея горы суда себе построил
И Греков грабежом и нас обеспокоил.
Десятью видели мы снег поверх бугров,
Что лесу лишены, побитым для { гробов / костров.
Десятью в робости хлеб сеял сельский житель,
По вся дни им и нам был страшен победитель.
Теперь нам новой плач, несчастным, настает.
Рыдайте, идучи царице вашей вслед.

Гекуба

Сообщницы моей напасти и печали,
Что горесть мне нести в несчастьи помогали,
Насыпьте, бедные, коль горестны часы!
Троянской с кровью прах в растрепаны власы.
Спустивши платье с плеч, все руки обнажайте
И до утробы плоть ударам подвергайте,
Какой остался нам, уже плененным, стыд:
Не к браку нам беречь покрытой тела вид.
Терзайте грудь, лице в отчаяньи терзайте.
Приятен мне сей вид; царице подражайте.
Все плачи прежние старайтесь превышать;
Рыдайте, как есть долг о Гекторе рыдать.

Хор

Растрепаны власы, и узлы все разбиты.
Горячим пепелом главы у всех покрыты.

Гекуба

Возьмите в горсти прах. Вам только можно взять,
Что вам оставила десятилетня рать.

Ударьте ныне все в нагие сильно плечи.
Печаль, произнеси прегорестные речи.
Ретейски берега, распространяйте вой.
Ты, эхо скучное, в пещерах под горой
Не только повторяй слова речей последни,
Но целой бедных вопль стенания передни.
О море, небеса, вам должно здесь внимать!
Мы ныне начали о Гекторе рыдать.

Хор

Тебя, тебя в слезах, о Гектор, поминаем
И плечи, язвами покрытые, терзаем.
Тебя родившая багровы груди рвет,
Из поврежденных вновь ран прежних кровь течет.
О столп отечества, о рока воспятитель!
Плечами был ты нам своими Покровитель.

(63—131)

2

Раздранный Гектор здесь страшил коней Ахейских.

(423—424)

3

Расторгни смертны узы, Гектор,
Раздвинь земное недро,
Карай Уликса,
Одна твоя к тому довольна тень.
Оружием гремит
И на Ахейский флот бросает хищный пламень!

(690—693)

Марциал

179—183. ЭПИГРАММЫ

1

Дивишься, что не дам тебе стихов моих?
Боюсь, чтобы ты мне не подарил своих.

(V, 73)

2

Когда себя хранил от яду Митридат,
По вся дни принимал в своей он пище яд;
Ты, Цинна, у себя всегда не доедаешь
И тем предостеречь себя от гладу чаешь.

(V, 76)

3

В тополовой тени гуляя муравей
В прилипчивой смоле увяз ногой своей.
Хотя он у людей был в жизнь свою презрен,
По смерти в ентаре у них же стал почтен.

(VI, 15)

4

Зачем я на жене богатой не женюсь?
Я выйти за жену богатую боюсь.
Всегда муж должен быть жене своей главою,
То будут завсегда равны между собою.

(VIII, 12)

5

О имя, купно с розами рожденно!
Тобой зовется лета часть прекрасна.
Ты сладко, как цветы и мед Иблейский
И как блаженный Нектар на Олимпе.
Тобою бы желал назваться отрок,
Зевесов виночерпец.

(IX, 11)

Ювенал

184. САТИРЫ

. . . . .Коль святы те народы,
У коих полны все богами огороды!

(XV, 10—11)

185. ПИСЬМО О ПРАВИЛАХ РОССИЙСКОГО СТИХОТВОРСТВА

Почтеннейшие господа!

Ода, которую вашему рассуждению вручить ныне высокую честь имею, не что иное есть, как только превеликия оныя радости плод, которую непобедимейшия нашея монархини преславная над неприятелями победа в верном и ревностном моем сердце возбудила. Моя продерзость вас неискусным пером утруждать только от усердныя к отечеству и его слову любви происходит. Подлинно, что для скудости к сему предприятию моих сил лучше бы мне молчать было. Однако не сомневаясь, что ваше сердечное радение к распространению и исправлению российского языка и мое в сем неискусство и в российском стихотворстве недовольную способность извинит, а доброе мое намерение за благо примет, дерзнул наималейший сей мой труд купно со следующим *о нашей версификации вообще рассуждением* вашему предложить искусству. Не пристрастие меня к сему понудило, чтобы большее искусство имеющим правила давать, но искреннее усердие заставило от вас самих научиться, правдивы ли оные мнения, что я о нашем стихосложении имею и по которым доныне, стихи сочиняя, поступаю. Итак, начиная оное вам, мои господа, предлагать, прежде кратко объявляю, на каких я основаниях оные утверждаю.

Первое и главнейшее мне кажется быть сие: российские стихи надлежит сочинять по природному нашего языка свойству; а того, что ему весьма несвойственно, из других языков не вносить.

Второе: чем российской язык изобилен и что в нем к версификации угодно и способно, того, смотря на скудость другой какой-нибудь речи или на небрежение в оной находящихся стихотворцев, не отнимать; но как собственное и природное употреблять надлежит.

Третие: понеже наше стихотворство только лишь начинается, того ради, чтобы ничего неугодного не ввести, а хорошего не оставить, надобно смотреть, кому и в чем лучше последовать.

На сих трех основаниях утверждаю я следующие правила.

Первое: в российском языке те только слоги долги, над которыми стоит сила, а прочие все коротки. Сие самое природное произношение нам очень легко показывает. Того ради совсем худо и свойству славенского языка, которой с нынешним нашим не много разнится, противно учинил Смотрицкий, когда он *е, о* за короткие, *а, і, ѵ* за общие, *и*, ѣ, ѡ с некоторыми двугласными и со всеми гласными, что пред двумя или многими согласными стоят, за долгие почел. Его, как из первого параграфа его просодии видно, обманула Матфея Стриковского Сарматская хронология, или он, может быть, на сих Овидиевых стихах утверждался: de Ponto, lib. IV, eleg. 13:

Ah pudet, et Getico scripsi sermone libellum,
Structaque sunt nostris barbara verba modis,
Et placui, gratare mihi, coepique poëtae
Inter inhumanos nomen habere Getas. [1]

Ежели Овидий, будучи в ссылке в Томах, старинным славенским, или болгарским, или сарматским языком стихи на латинскую стать писал, то откуду Славенския грамматики автору на ум пришло долгость и краткость слогов совсем греческую, а не латинскую принять, не вижу. И хотя Овидий в своих стихах, по обыкновению латинских стихотворцев, стопы и, сколько из сего гексаметра

Materiam quaeris? Laudes de Caesare dixi (ibidem) [2]

---

[1] Стыдно мне, я написал книжку на гетском языке, И варварские слова построены нашим размером. И, поздравь меня, я понравился. И необразованные геты начали считать меня поэтом (лат.). — *Ред.*

[2] Ты спрашиваешь о теме? Я произнес похвалу Цезарю (там же) (лат.). — *Ред.*

заключить можно, двоесложные и троесложные в героическом своем поэмате употреблял, однако толь высокого разума пиита не надеюсь, что так погрешил, чтобы ему долгость и краткость слогов, латинскому или греческому языку свойственную, в оные стихи ввести, которые он на чужом и весьма особливом языке писал. И ежели древней оный язык от нынешнего нашего не очень был различен, то употреблял остроумный тот стихотворец в стихах своих не иные, как только те за долгие слоги, на которых акцент стоит, а прочие все за краткие. Следовательно, гексаметры, употребляя вместо спондеев для их малости хореи, тем же образом писал, которым следующие российские сочинены:

Счастлива красна была весна, всё лето приятно.
Только мутился песок, лишь белая пена кипела.

А пентаметры:

Как обличаешь, смотри больше свои на дела.
Ходишь с кем всегда, бойся того подопнуть.

А не так, как Славенския грамматики автор:

Сарматски новорастныя музы стопу перву,
Тщащуюся Парнас во обитель вечну заяти,
Христе царю, приими и, благоволив тебе с отцем,
и проч.

Сии стихи коль славенского языка свойству противны, всяк видеть может, кто оной разумеет. Однако не могу я и оных сим предпочитать, в которых все односложные слова за долгие почитаются. Причина сего всякому россиянину известна. Кто будет протягивать единосложные союзы и многие во многих случаях предлоги? Самые имена, местоимения и наречия, стоя при других словах, свою силу теряют. Например: за сто лет; под мост упал; ревет как лев. Что ты знаешь? По оному королларию, в котором сие правило счастливо предложено, сочиненные стихи, хотя быть гексаметрами, в истые и изрядные, из анапестов и ямбов состоящие пентаметры попали, например:

Н̆е вŏзмōжнŏ сēрдцŭ, āх! нĕ ӣмēть пĕчāлӣ.

По моему мнению, наши единосложные слова иные всегда долги, как: *бог, храм, свят;* иные кратки, например союзы: *же, да, и;* а иные иногда кратки, иногда долги, например: *на море, по году, на волю, по горé.*

Второе правило: во всех российских правильных стихах, долгих и коротких, надлежит нашему языку свойственные стопы, определенным числом и порядком учрежденные, употреблять. Оные каковы быть должны, свойство в нашем языке находящихся слов оному учит. Доброхотная природа как во всем, так и в оных довольное России дала изобилие. В сокровище нашего языка имеем мы долгих и кратких речений неисчерпаемое богатство; так что в наши стихи без всякия нужды двоесложные и троесложные стопы внести, и в том грекам, римлянам, немцам и другим народам, в версификации правильно поступающим, последовать можем. Не знаю, чего бы ради иного наши гексаметры и все другие стихи, с одной стороны, так запереть, чтобы они ни больше, ни меньше определенного числа слогов не имели, а с другой, такую волю дать, чтобы вместо хорея свободно было положить ямба, пиррихия и спондея, а следовательно, и всякую прозу стихом называть, как только разве последуя на рифмы кончащимся польским и французским строчкам? Неосновательное оное употребление, которое в Московские школы из Польши принесено, никакого нашему стихосложению закона и правил дать не может. Как оным стихам последовать, о которых правильном порядке тех же творцы не радеют? Французы, которые во всем хотят натурально поступать, однако почти всегда противно своему намерению чинят, нам в том, что до стоп надлежит, примером быть не могут: понеже, надеясь на свою фантазию, а не на правила, толь криво и косо в своих стихах слова склеивают, что ни прозой, ни стихами назвать нельзя. И хотя они так же, как и немцы, могли бы стопы употреблять, что сама природа иногда им в рот кладет, как видно в первой строфе оды, которую Боало Депро на сдачу Намура сочинил:

Quelle docte et sainte ivresse
Aujourd'hui me fait la loi?
Chastes Nymphes du Permesse *etc.* [1]

[1] Какое ученое и священное пьянство дает мне днесь закон? Чистые пермесские музы... (франц.) — *Ред.*

однако нежные те господа, на то не смотря, почти однеми рифмами себя довольствуют. Пристойным весьма символом французскую поэзию некто изобразил, представив оную на театре под видом некоторыя женщины, что, сугорбившись и раскорячившись, при музыке играющего на скрыпице сатира танцует. Я не могу довольно о том нарадоваться, что российский наш язык не токмо бодростию и героическим звоном греческому, латинскому и немецкому не уступает, но и подобную оным, а себе купно природную и свойственную версификацию иметь может. Сие толь долго пренебреженное счастие чтобы совсем в забвении не осталось, умыслил я наши правильные стихи из некоторых определенных стоп составлять и от тех, как в вышеозначенных трех языках обыкновенно, оным имена дать.

Первый род стихов называю *ямбическим*, которой из одних только ямбов состоит:

Белеет будто снег лицом.

Второй *анапестическим*, в котором только одни анапесты находятся:

Начертан многократно в бегущих волнах.

Третий из *ямбов* и *анапестов смешенным*, в котором, по нужде или произволению, поставлены быть могут, как случится:

Во пищу себе червей хватать.

Четвертый *хореическим*, что одни хореи составляют:

Свет мой, знаю, что пылает.
Мне моя не служит доля.

Пятой *дактилическим*, которой из единых только дактилей состоит:

Вьется кругами змиа по траве, обновившись в расселине.

Шестой из *хореев* и *дактилей смешенным,* где, по нужде или по изволению, ту и другую употреблять можно стóпу:

Ёжель боится, кто не стал бы силен безмерно.

Сим образом расположив правильные наши стихи, нахожу шесть родов гексаметров, столько ж родов *пентаметров, тетраметров, триметров* и *диметров,* а следовательно, всех тридцать родов.

Неправильными и вольными стихами те называю, в которых вместо ямба или хорея можно пиррихия положить. Оные стихи употребляю я только в песнях, где всегда определенное число слогов быть надлежит. Например, в сем стихе вместо ямба пиррихий положен:

Цветы, румянец умножайте.

А здесь вместо хорея:

Солнцева сестра забыла.

Хорея вместо ямба и ямба вместо хорея в вольных стихах употребляю я очень редко, да и то ради необходимыя нужды или великия скорости, понеже они совсем друг другу противны.

Что до *цезуры* надлежит, оную, как мне видится, в средине правильных наших стихов употреблять и оставлять можно. Долженствует ли она в нашем гексаметре для одного только отдыху быть неотменно, то может рассудить всяк по своей силе. Тому в своих стихах оную всегда оставить позволено, кто одним духом тринадцати слогов прочитать не может. За наилучшие, велелепнейшие и к сочинению легчайшие, во всех случаях скорость и тихость действия и состояния всякого пристрастия изобразить наиспособнейшие оные стихи почитаю, которые из анапестов и ямбов состоят.

Чистые ямбические стихи хотя и трудновато сочинять, однако, поднимаяся тихо вверьх, материи благородство, великолепие и высоту умножают. Оных нигде не можно лучше употреблять, как в торжественных одах, что я в моей нынешней и учинил. Очень также способны и па-

дающие, или из хореев и дактилев составленные, стихи к изображению крепких и слабых аффектов, скорых и тихих действий быть видятся. Пример скорого и ярого действия:

Бре́вна катайте наверьх, каменья и го́ры валите,
Лес бросайте, живучей выжав дух, задавите.

Прочие роды стихов, рассуждая состояние и важность материи, также очень пристойно употреблять можно, о чем подробну упоминать для краткости времени оставляю.

Третие: российские стихи красно и свойственно на *мужеские, женские и три литеры гласные, в себе имеющие рифмы*, подобные италианским, могут кончиться. Хотя до сего времени только одне женские рифмы в российских стихах употребляемы были, а мужеские и от третьего слога начинающиеся заказаны, однако сей заказ толь праведен и нашей версификации так свойствен и природен, как ежели бы кто обеими ногами здоровому человеку всегда на одной скакать велел. Оное правило начало свое имеет, как видно, в Польше, откуду пришед в Москву, нарочито вкоренилось. Неосновательному оному обыкновению так мало можно последовать, как самим польским рифмам, которые не могут иными быть, как только женскими, понеже все польские слова, выключая некоторые односложные, силу над предкончаемом слоге имеют. В нашем языке толь же довольно на последнем и третием, коль над предкончаемом слоге силу имеющих слов находится, то для чего нам оное богатство пренебрегать, без всякия причины самовольную нищету терпеть и только однеми женскими побрякивать, а мужеских бодрость и силу, тригласных устремление и высоту оставлять? Причины тому никакой не вижу, для чего бы мужеские рифмы толь смешны и подлы были, чтобы их только в комическом и сатирическом стихе, да и то еще редко, употреблять можно было? и чем бы святее сии женские рифмы: *красовулях, ходулях* следующих мужеских: *восток, высок* были? по моему мнению, подлость рифмов не в том состоит, что они больше или меньше слогов имеют, но что оных слова подлое или простое что значат.

Четвертое: российские стихи так же кстати, красно и свойственно сочетоваться могут, как и немецкие. Понеже

мы *мужеские, женские* и *тригласные* рифмы иметь можем, то услаждающая всегда человеческие чувства перемена оные меж собою перемешивать пристойно велит, что я почти во всех моих стихах чинил. Подлинно, что всякому, кто одне женские рифмы употребляет, сочетание и перемешка стихов странны кажутся; однако ежели бы он к сему только применился, то скоро бы увидел, что оное толь же приятно и красно, коль в других европейских языках. Никогда бы мужеская рифма перед женскою не показалася, как дряхлой, черной и девяносто лет старой арап перед наипоклоняемою, наинежною и самым цветом младости сияющею европейскою красавицею.

Здесь предлагаю я некоторые строфы из моих стихов в пример стоп и сочетания. Тетраметры, из анапестов и ямбов сложенные:

На восходе солнце как зардится,
Вылетает вспыльчиво хищный вcток,
Глаза кровавы, сам вертится;
Удара не сносит север в бок,
Господство дает своему победителю,
Пресильному вод морских возбудителю,
Свои тот зыби на прежни возводит,
Являет полность силы своей,
Что южной страной владеет всей,
Индийски быстро острова проходит.

Вольные вставающие тетраметры:

Одна с Нарциссом мне судьбина,
Однака с ним любовь моя.
Хоть я не сам тоя причина,
Люблю Миртиллу, как себя.

Вольные падающие тетраметры:

Нимфы окол нас кругами
Танцовали поючи,
Всплескиваючи руками,
Нашей искренной любви
Веселяся привечали
И цветами нас венчали.

Ямбические триметры:

Весна тепло ведет,
Приятной запад веет,
Всю землю солнце греет;

В моем лишь сердце лед,
Грусть прочь забавы бьет.

Но, мои господа, опасаяся, чтобы неважным сим моим письмом вам очень долго не наскучить, с покорным прошением заключаю. Ваше великодушие, ежели мои предложенные *о российской версификации мнения* нашему языку несвойственны и непристойны, меня извинит. Не с иным коим намерением я сие учинить дерзнул, как только чтобы оных благосклонное исправление или беспристрастное подкрепление для большего к поэзии поощрения от вас получить. Чего несомненно надеясь, остаюсь, почтеннейшие господа,

ваш покорнейший слуга
Михайло Ломоносов.

1739

186. ПРЕДИСЛОВИЕ О ПОЛЬЗЕ КНИГ ЦЕРЬКОВНЫХ В РОССИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В древние времена, когда славенский народ не знал употребления письменно изображать свои мысли, которые тогда были тесно ограничены для неведения многих вещей и действий, ученым народам известных, тогда и язык его не мог изобиловать таким множеством речений и выражений разума, как ныне читаем. Сие богатство больше всего приобретено купно с греческим христианским законом, когда церьковные книги переведены с греческого языка на славенский для славословия божия. Отменная красота, изобилие, важность и сила эллинского слова коль высоко почитается, о том довольно свидетельствуют словесных наук любители. На нем, кроме древних Гомеров, Пиндаров, Демосфенов и других в эллинском языке героев, витийствовали великие христианския церькви учители и творцы, возвышая древнее красноречие высокими богословскими догматами и парением усердного пения к богу. Ясно сие видеть можно вникнувшим в книги церьковные на славенском языке, коль много мы от переводу ветхого и нового завета, поучений отеческих, духовных песней Дамаскиновых и других творцев канонов видим в славенском языке греческого изобилия и оттуду умножаем довольство российского слова, которое и собственным своим достатком велико и к приятию греческих красот посредством славенского сродно. Правда, что многие места оных переводов не довольно вразумительны; однако польза наша весьма велика. При сем хотя нельзя прекословить, что

сначала переводившие с греческого языка книги на славенский не могли миновать и довольно остеречься, чтобы не принять в перевод свойств греческих, славенскому языку странных, однако оные чрез долготу времени слуху славенскому перестали быть противны, но вошли в обычай. И так что предкам нашим казалось невразумительно, то нам ныне стало приятно и полезно.

Справедливость сего доказывается сравнением российского языка с другими, ему сродными. Поляки, преклонясь издавна в католицкую веру, отправляют службу по своему обряду на латинском языке, на котором их стихи и молитвы сочинены во времена варварские по большой части от худых авторов, и потому ни из Греции, ни от Рима не могли снискать подобных преимуществ, каковы в нашем языке от греческого приобретены. Немецкой язык по то время был убог, прост и бессилен, пока в служении употреблялся язык латинской. Но как немецкой народ стал священные книги читать и службу слушать на своем языке, тогда богатство его умножилось, и произошли искусные писатели. Напротив того, в католицких областях, где только одну латынь, и то варварскую, в служении употребляют, подобного успеха в чистоте немецкого языка не находим.

Как материи, которые словом человеческим изображаются, различествуют по мере разной своей важности, так и российский язык чрез употребление книг церковных по приличности имеет разные степени, *высокой, посредственной и низкой*. Сие происходит от трех родов речений российского языка. К первому причитаются, которые у древних славян и ныне у россиян общеупотребительны, например: *бог, слава, рука, ныне, почитаю*. Ко второму принадлежат, кои хотя обще употребляются мало, а особливо в разговорах, однако всем грамотным людям вразумительны, например: *отверзаю, господень, насажденный, взываю*. Неупотребительные и весьма обветшалые отсюда выключаются, как: *обаваю, рясны, овогда, свене* и сим подобные. К третьему роду относятся, которых нет в остатках славенского языка, то есть в церьковных книгах, например: *говорю, ручей, которой, пока, лишь*. Выключаются отсюда презренные слова, которых ни в каком штиле употребить не пристойно, как только в подлых комедиях.

От рассудительного употребления и разбору сих трех родов речений рождаются три штиля, *высокой, посредственной и низкой*. Первой составляется из речений славенороссийских, то есть употребительных в обоих наречиях, и из славенских, россиянам вразумительных и не весьма обветшалых. Сим штилем составляться должны героические поэмы, оды, прозаичные речи о важных материях, которым они от обыкновенной простоты к важному великолепию возвышаются. Сим штилем преимуществует российский язык перед многими нынешними европейскими, пользуясь языком славенским из книг церьковных.

Средней штиль состоять должен из речений, больше в российском языке употребительных, куда можно принять некоторые речения славенские, в высоком штиле употребительные, однако с великою осторожностию, чтобы слог не казался надутым. Равным образом употребить в нем можно низкие слова; однако остерегаться, чтобы не опуститься в подлость. И словом, в сем штиле должно наблюдать всевозможную равность, которая особливо тем теряется, когда речение славенское положено будет подле российского простонародного. Сим штилем писать все театральные сочинения, в которых требуется обыкновенное человеческое слово к живому представлению действия. Однако может и первого рода штиль иметь в них место, где потребно изобразить геройство и высокие мысли; в нежностях должно от того удаляться. Стихотворные дружеские письма, сатиры, эклоги и элегии сего штиля больше должны держаться. В прозе предлагать им пристойно описания дел достопамятных и учений благородных.

Низкой штиль принимает речения третьего рода, то есть которых нет в славенском диалекте, смешивая со средними, а от славенских обще неупотребительных вовсе удаляться, по пристойности материй, каковы суть комедии, увеселительные эпиграммы, песни; в прозе дружеские письма, описания обыкновенных дел. Простонародные низкие слова могут иметь в них место по рассмотрению. Но всего сего подробное показание надлежит до нарочного наставления о чистоте российского штиля.

Сколько в высокой поэзии служат однем речением славенским сокращенные мысли, как причастиями и дее-

причастиями, в обыкновенном российском языке неупотребительными, то всяк чувствовать может, кто в сочинении стихов испытал свои силы.

Сия польза наша, что мы приобрели от книг церковных богатство к сильному изображению идей важных и высоких, хотя велика, однако еще находим другие выгоды, каковых лишены многие языки; и сие, во-первых, по месту.

Народ российский, по великому пространству обитающий, невзирая на дальное расстояние, говорит повсюду вразумительным друг другу языком в городах и в селах. Напротив того, в некоторых других государствах, например в Германии, баварской крестьянин мало разумеет мекленбургского или бранденбургской швабского, хотя все того ж немецкого народа.

Подтверждается вышеупомянутое наше преимущество живущими за Дунаем народами славенского поколения, которые греческого исповедания держатся. Ибо хотя разделены от нас иноплеменными языками, однако для употребления славенских книг церковных говорят языком, россиянам довольно вразумительным, которой весьма много с нашим наречием сходнее, нежели польской, невзирая на безразрывную нашу с Польшею пограничность.

По времени ж рассуждая, видим, что российский язык от владения Владимирова до нынешнего веку, больше семисот лет, не столько отменился, чтобы старого разуметь не можно было: не так, как многие народы, не учась, не разумеют языка, которым предки их за четыреста лет писали, ради великой его перемены, случившейся через то время.

Рассудив таковую пользу от книг церковных славенских в российском языке, всем любителям отечественного слова беспристрастно объявляю и дружелюбно советую, уверясь собственным своим искусством, дабы с прилежанием читали все церковные книги, от чего к общей и к собственной пользе воспоследует: 1) По важности освященного места церькви божией и для древности чувствуем в себе к славенскому языку некоторое особливое почитание, чем великолепные сочинитель мысли сугубо возвысит. 2) Будет всяк уметь разбирать высокие слова от подлых и употреблять их в приличных

местах по достоинству предлагаемой материи, наблюдая равность слога. 3) Таким старательным и осторожным употреблением сродного нам коренного славенского языка купно с российским отвратятся дикие и странные сло́ва нелепости, входящие к нам из чужих языков, заимствующих себе красоту из греческого, и то еще чрез латинской. Оные неприличности ныне небрежением чтения книг церьковных вкрадываются к нам нечувствительно, искажают собственную красоту нашего языка, подвергают его всегдашней перемене и к упадку преклоняют. Сие все показанным способом пресечется; и российский язык в полной силе, красоте и богатстве переменам и упадку не подвержен утвердится, коль долго церьковь российская славословием божиим на славенском языке украшаться будет.

Сие краткое напоминание довольно к движению ревности в тех, которые к прославлению отечества природным языком усердствуют, ведая, что с падением оного без искусных в нем писателей немало затмится слава всего народа. Где древней язык ишпанской, галской, британской и другие с делами оных народов? Не упоминаю о тех, которые в прочих частях света у безграмотных жителей во многие веки чрез преселения и войны разрушились. Бывали и там герои, бывали отменные дела в обществах, бывали чудные в натуре явления; но все в глубоком неведении погрузились. Гораций говорит:

Герои были до Атрида;
Но древность скрыла их от нас,
Что дел их не оставил вида
Бессмертный стихотворцев глас.

Счастливы греки и римляне перед всеми древними европейскими народами. Ибо хотя их владения разрушились и языки из общенародного употребления вышли, однако из самых развалин сквозь дым, сквозь звуки в отдаленных веках слышен громкой голос писателей, проповедающих дела своих героев, которых люблением и покровительством ободрены были превозносить их купно с отечеством. Последовавшие поздные потомки, великою древностию и расстоянием мест отделенные, внимают им с таким же движением сердца, как бы их современные одноземцы. Кто о Гекторе и Ахиллесе читает у Гомера

без рвения? Возможно ли без гнева слышать Цицеронов гром на Катилину? Возможно ли внимать Горациевой лире, не склонясь духом к Меценату, равно́ как бы он нынешним наукам был покровитель?

Подобное счастие оказалось нашему отечеству от просвещения Петрова и действительно настало и основалось щедротою великия его дщери. Ею ободренные в России словесные науки не дадут никогда прийти в упадок российскому слову. Станут читать самые отдаленные веки великие дела Петрова и Елисаветина веку и, равно как мы, чувствовать сердечные движения. Как не быть ныне Виргилиям и Горациям? Царствует Авгу́ста Елисавета; имеем знатных и Меценату подобных предстателей, чрез которых ходатайство ее отеческий град снабден новыми приращениями наук и художеств. Великая Москва, ободренная пением нового Парнаса, веселится своим сим украшением и показывает оное всем городам российским как вечной залог усердия к отечеству своего основателя, на которого бодрое попечение и усердное предстательство твердую надежду полагают российские музы о высочайшем покровительстве.

<Сентябрь> 1758

III

ВАРИАНТЫ

1

Рит. 1748
6—7

Что меж травой в лугу журчит
И вниз с холмов шумя стремится.

Рук. 1751
33—36

В сердцах кипит волнуясь кровь;
Растет от грозна бодрость звуку,
Не лев ли алчущих волков
Что кажут [с пеной] острых яд зубов,

Рук. Рит. 1744
53—56

За Тигр своих, Стамбул, заграбь,
Что камни со брегов смывает.
Претить не могут огнь, вода,
Орлица как парит туда.

Рук. 1751
67—70

Уже как рощу, в зной зажженну,
Терзает огнь турецкий стан.
Теперь, о гордый Бусорман,
Излей свой гнев, тревожь вселенну!

Рит. 1748
95—97

Он так взирал к врагам лицом,
Он так бросал за Белт свой гром,
Он сильну так взносил десницу.

Рук. Рит. 1744
142—150

Отзывкой плеску шум прибавил,
Сердясь волнами Турка льет,
Что смелость, нрав, шатер оставил.
Агарян ноги в выстрел всяк
Дрожат, себе являя знак,
В последни что бежа ступают

176—177

Земля не хочет их носить,
От нас не знали что покрыть,
Верьхи свои древа качают.

Он пламенным встряхнув верьхом,
Преславну видя вещь дивится:

215—218 Еще упрямства борет страсть,
Не хочешь ниц пред Анной пасть?
Не хочешь с нами в мир склониться?
Стамбул, Каир, Алеп сгорит.

4

Отд. изд. 1742 Россия, что от зла спасенна
3—10 И зрит конец своим бедам,
Которы нутрь ее терзали
И всю вконец пожрать желали,
Что вместо терну зрит Эдем
Тебя, подданных всех утеха,
И во младом Петре твоем
Своей фортуны ждет успеха.

15—16 Не может искренняя ревность
Своей любви таити древность;

21—26 Воинский звук покинь, Беллона,
И жажду крови, Марс, оставь,
Спокойно слушай Аполлона,
И тем веселья нам прибавь,
Чтобы Елисаветы радость
Свою лила повсюду сладость,

28—36 С Петром блажили Ту едину:
Подданна хочет мысль моя
Воспеть довольств драгих причину.
Богиня стран широких, сильных,
Державы коей седмь морей,
Премного поль и рек обильных
Кругом обнять не могут всей,
Ты паки зришь любезну Анну,
В лице Петровом свыше данну.

Рит. 1748 Доброт в нем спеют совершенства.
46

Отд. изд. 1742 Как феникса рожденна снова,
38—70 Россия долго что ждала,
Себе имеет для покрова.

Доброт его дивимся лику,
Ему которой предстоит,
Любовь рождает в нас велику,
Что купно с ревностью горит;
Для общего твоих блаженства
Цветут в нем всяки совершенства,
Чрез те, как цепью, счастья круг
Привязан ввек ко дням счастливым,

И ради всех твоих заслуг
Не может быти больше лживым.

Петровой плоти плод прекрасной,
День твоего прихода к нам,
Без ветра и тумана, ясной,
Представил знак талану сам.
Стихии сами то являют,
В тебе сердца что наши чают.
Со снегом таял купно лед
С любовью всех людей согласно;
Казал весны приятной след,
Как ждали мы тебя всечасно.

Санктпетербург с каким желаньем
Тебя, надежду, зрит свою.
Не может и пространным зданьем
Вместить в себе утеху всю,
Но мещет вверьх огни горящи
И в самых облаках светящи.
Ах, если б жарка мысль к тебе
Россиян всех могла открыться,
То б солнце и светила все
За светом тем не стали зриться.

Рит. 1748 *83* Он всей отрады не вмещает.

Рук. 1751 *83* Он всей забавы не вмещает.

Отд. изд. 1742 *112—116*
И в книге кажет то своей
Клянущись небом и землею,
Что после первых света дней
Такого счастья не бывало,
Что нам чрез Тую небо дало.

118 Сыскать конца не может око.

121—126
Текут млеком и медом реки,
Собой земля плоды растит.
Златы приспели снова веки,
Из облак манна к нам росит,
Лишь зефир веет тепл, смиренный,
Чрез плод полей благословенный.

128—130
Владеет тишина водами,
Спокойство царствует в брегах,
Забавы все ликуют с нами.

131—140
Гласит, стоя пред ней Россия,
Склонившись к той верьхом своим:
Тебе я дам плоды земные
И купно людям всем твоим;

Тебе подданных кровь питаю,
Горячесть в их сердца вливаю,
Чтоб ту за вашу честь пролить.
И целого к веселью света,
Желаю в радости прожить
Тебе с Петром чрез многи лета.

5

Соч. 1751 11—12 Взнесись превыше молний, Муза.
Как быстрый с Пиндаром орел

39—40 Парящей славою Орлицы,
Прияв от Росской свет Денницы

Рит. 1748 351—354 Но речь их шумный глас скрывает;
Война при Готских берегах
С угрюмым стоном возрыдает
И в диких кроется горах

Рук. 1751 391—395 Начто бы ложное Пандоры
Нам имя меж богов вместить,
И дать ей всех доброт соборы,
И тем свои стихи пестрить:
Когда б в сие мы были время,

Рит. 1748 411—414 Когда бы древни лета знали
Толику бодрость с красотой,
То б храмы в честь твою создали,
И жертвой чтили б образ твой.

Рук. 1751 435—437 Твою к Петровой дщери ревность
Ни гнев стихий, ни едка древность
Не смогут в мрак забвенья скрыть.

6

Рук. Рит. 1744 10 Поспешно красный вождь светил.

Рук. 1751 17—18 И в новом блеске сесть потщись
В горящу златом колесницу.

127—130 Ступив к тебе от горьних сел;
Он ныне выше звезд поставлен,
Но Петр тебе по Нем оставлен,
Наследник имени и дел.

7

Отд. изд. 1745
49 Меж бисерными облаками

54 Плоды кармином испещренны,

104—107 Натура оному дивится,
Воззреть земля и море тщится,
И звездный круг к тому приник.
Кругом его умильны смехи

117 Перунов грозных не боится.

140 И мздою ободренный труд,

8

Отд. изд. 1746
98 Сиканской как Вулкан дымится

175—176 Трофеи в оных вознесенны,
С оливой пальмы насажденны.

9

Отд. изд. 1746 Рожденной днесь Богини сей;
67—70 Та духом мужеским пронзает
Врагов и купно уязвляет
Щедротой и красой своей.

130 В бессмертны веки незабвен

151—152 Паряща Стихотворства ревность
До звезд тебя превознесет.

10

Отд. изд. 1747
20 И зрак приятнее Рая.

69 Россию, варварством попранну

Рит. 1748 В толикой горестной печали
101—102 Сомненный их шатался путь.

172 Где Музам бег свой простирать

186—187 Там влажная стезя белеет
На весток пловущих кораблей

190 Сказать о щедрости твоей.

210 Свирепой отвращает взор.

11

Отд. изд. 1748

19 И ратай в нивах безмятежно

80 И плеск взносил до облаков

196—200 И двигал в мыслях вознесенных
Одной вселенную рукой.
Но пал; и токмо звук достигнул
Фракийских гор и их подвигнул
Дунай с твоею быстриной.

203 Златой порфирою блистает

205—206 Там равным жаром воспаленны,
Сердца как храмы освещенны

12

Отд. изд. 1750

79—80 Увидев то, чем Инд пестрится
Обильно при моих ключах

215 Чтоб ратай мог избрати время

13

Отд. изд. 1752

3 Прогнало в радостном народе

123 Терзает всех стихий наветы

16

Первое отд. изд. 1759

118—120 Но счастье требует возврату,
Берет свою по воле плату,
Предписанной не пройдет час

123 Влагает в сердце Салтыкова

21

Соч. 1751

4—5 В едином месте заседать
Но мысль и волю подвергает

7 И точно оный наблюдает

Рук. 1751

14 В беззлобственных своих делах

16 Как вихрем возмущенный прах

23

Соч. 1751
7 Но злой навет хотя начать

24

Соч. 1751
27 Что на меня ярясь напрасно

26

Соч. 1784
11 Крилами вихров шум наводишь

43 Онагри ждут, как в жажде тают,

51 И всех живущих насыщаешь.

27

Отд. изд. 1744
11 От твари больша быть вменяешь

15—17 И так вся жизнь его преходит,
Подобно как ночная тень
Склони, Владыко, небеса

22 Бросай от стран гремящих стрелы

29

Соч. 1751
46 Всегдашнею покрыты тьмою

Рук. 1751
55 Концы вселенной устрашать

65 Воззри в луга на Бегемота

30

Рит. 1748
2 Поля покрыла влажна ночь

4 Лучи от нас прогнала прочь

11—12 Как персть между высоких гор,
Так гибнет в ней мой ум и взор

Рук. 1751
11—12 Теряет так мой ум себя,
Смущен, пространство то смотря.

Рит. 1748
18 Там та же сила естества

31

Рук. 1751

2 Простерло луч свой по земли

4—6 Мой дух, чудяся им внемли,
Смотри на толь пресветлу тварь,
Представь, каков творец и царь.

9—10 Чтоб в солнце бренно наше око
Могло подробну всё узреть

32

Рук. 1751

12 Домашне божество Россия почитает

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее издание представляет собой собрание избранных поэтических произведений Ломоносова. В приложении к сборнику даны важнейшие теоретические работы: «Письмо о правилах российского стихотворства» и «Предисловие о пользе книг церьковных в российском языке». По сравнению с первым изданием «Стихотворений» Ломоносова в Большой серии «Библиотеки поэта» (Л., 1935) и однотомником «Сочинений» Ломоносова (М. — Л., 1957; 2-е изд.: 1961) в настоящем издании поэтическое наследие Ломоносова представлено более полно. Не вошли в сборник лишь произведения незавершенные и малоинтересные в художественном и идейном отношении. Из приписываемого Ломоносову включены только стихотворения, тематически связанные с творчеством поэта и традиционно входящие в собрания его сочинений. Все произведения, не вошедшие в сборник, перечислены на стр. 560, с указанием места опубликования.

В основу сборника положено последнее прижизненное «Собрание разных сочинений в стихах и прозе Михайла Ломоносова» (кн. 1, М., 1757 и кн. 2, М., 1759). Произведения, не вошедшие в это издание или включавшиеся в него без изменений, воспроизводятся по другим прижизненным изданиям (тексты печатаются в последней прижизненной редакции по тем изданиям, где текст этой редакции впервые окончательно установился). Произведения, не напечатанные при жизни Ломоносова, печатаются по позднейшим наиболее авторитетным публикациям.

В примечаниях вслед за номером произведения указывается первая публикация, затем последующие ступени изменения текста (простые перепечатки не учитываются) и, наконец, источник, по которому печатается текст. Ссылка только на первую публикацию означает, что произведение печатается по первой публикации, так как текст не перепечатывался более или перепечатывался без изменений. Ссылка на Соч. 1751 г. указывает не только на печатное издание, но и на сохранившуюся рукопись, содержащую иногда разночтения, отмененные в печатном тексте. Указание на отсутствие автографа первой редакции (публикации) вместе с тем означает,

что имеются более поздние (всего текста или части его, например в виде цитат в рукописной «Риторике» 1744 г. и др.). Рукопись изд. Соч. 1757 г. не сохранилась и отсутствие автографов этой редакции специально не оговаривается. Почти все сохранившиеся автографы и авторизованные копии стихотворений Ломоносова находятся в ААН. Поэтому в примечаниях оговаривается только другое местонахождение автографов (например, ЦГАДА).

Все тексты сверены с имеющимися в наличии автографами и публикациями. Важнейшие варианты, имеющие значение для истории текста или понимания развития поэтического стиля Ломоносова, выделены в особый раздел, причем особое внимание уделяется отрывкам не дошедших до нас редакций, сохранившихся в цитатах и примерах, приводимых Ломоносовым в рукописной «Риторике» 1744 г. и в «Риторике» 1748 г. Распространенные названия од и надписей, имеющиеся в первопечатных изданиях, ни в примечаниях, ни в вариантах не приводятся.

В основу расположения сборника положено жанровое деление, которого придерживался сам Ломоносов. Однако «духовные оды», которые по традиции XVIII века ставились в начале собрания сочинений, помещены после «од похвальных», общественно-политического содержания. Внутри жанровых разделов соблюдается хронологический порядок; исключение делается для переложений псалмов, которые сам Ломоносов располагал в порядке их следования в Псалтыри.

Жанры, представленные сравнительно небольшим числом произведений (например, басни, пародии, эпиграммы), а также произведения, жанровая природа которых недостаточно определенна, объединены в разделе «Разные стихотворения». В раздел «Переводы» выделены переводные оды Ломоносова. Переводы, носящие характер свободной переработки или тесно связанные с оригинальным творчеством поэта (например, «Памятник» Горация), оставлены в разделе «Разные стихотворения».

Принятые в настоящее время датировки были подвергнуты некоторому пересмотру. Так, например, не всегда принимались во внимание чисто формальные соображения (даты академических поручений, представление стихов в Академическую канцелярию и т. п.). Ломоносов хорошо знал традиционные даты придворных празднеств и других событий, к которым приурочивались оды и надписи, а потому мог приступить (и нередко приступал) к их написанию задолго до официального поручения. Необходимо учитывать и возможность работы его над произведением после официального представления рукописи, в особенности для печатных текстов, первоначальные автографы которых обычно не сохранялись. Поэтому в ряде случаев составитель предлагал более широкие границы датировок. Обоснование датировок приводится в примечаниях лишь в случаях, когда произведение коренным образом передатируется. Указание «начало» и «конец» какого-либо года охватывает первые или последние три месяца данного года. Даты предположительные отмечаются вопросительным знаком; даты в угловых скобках означают год, иногда месяц, не позднее которого было написано данное произведение (в большинстве случаев это год первой публикации).

Тексты печатаются по современной орфографии с сохранением исторических и индивидуальных особенностей написания Ломоносова, имеющих стилистическое и произносительное значение, применительно к правилам, выработанным для «Библиотеки поэта». Сохраняются колебания между живыми и книжными элементами литературного языка, в частности в окончаниях прилагательных на -ой -ей и -ый -ий («щедрый слух» и «нежной дух»), двойственные написания «лицо» и «лице» (в творит. падеже единственного числа — «лицом» и «лицем»), формы родительного падежа единственного числа прилагательных женского рода («великия жены», «добрыя»), церковнослав. «лакоть» (вместо «локоть»), «седит», «крилами» (наряду с «сидит», «крылами») и др. Сохраняются написания собственных имен: Елисавет, Димосфен, Виргилий, обозначения шведов «готы» и «готфы» («готфска Фаэтонта»), написание Фин (в рифме с Исполин). Не сохраняется чередование «а» и «о» в глаголе «рождать». Приводится единообразное написание слов с буквы «Э», т. е. везде Этна, Энцелад, эфир, эольский и т. д., вместо Етна, Енцелад, ефир, еольский у Ломоносова. Персонифицированные понятия пишутся с большой буквы — «Человек» (в значении Петр Великий), «Орлица» (Анна Иоанновна), а также названия точных наук и приборов (Химия, Барометры). В «Письме о пользе Стекла» сохраняется написание с большой буквы слов «Стекло» и «Система» (в значении «Система Коперника»), написание с большой буквы слова «Океан» (в значении «мировой Океан») и прилагательных от географических названий («вод Курильских», «токи Невски»). В отдельных случаях, когда можно предположить, что в тексте не наречие, а сочетание существительного с предлогом, сохраняется раздельное написание («в низ», «на верьх»). Это относится и к таким случаям, когда раздельное написание необходимо для точного понимания текста, как например в «Письме о правилах российского стихотворства» в цитате, приведенной Ломоносовым: «Не возможно сердцу, ах! не иметь печали», так как Тредиаковский считал все односложные слова ударяемыми, а написание «невозможно» делало бы спор с ним Ломоносова непонятным.

Пунктуация приближена к современной, исключая случаи, когда это привело бы к неправильному прочтению или модернизации стиха. В старинной синтаксической форме, при которой подлежащее включается в деепричастный оборот, этот оборот не отделяется запятой:

В тополовой тени гуляя муравей
В прилипчивой смоле увяз ногой своей.

Двоеточие, часто выполнявшее в пунктуации XVII в. функцию точки с запятой, заменено в ряде случаев этим знаком. Все примечания в тексте, не отмеченные как редакторские, принадлежат Ломоносову. Пространные названия од, надписей и т. д. даются в алфавитном указателе и оглавлении сокращенно.

Мифологические имена и названия, малоупотребительные слова вынесены в словарь (при пояснениях в словаре, так же как и в примечаниях, учитывается контекст, в котором встречается поясняемое слово).

Условные сокращения, принятые в примечаниях

ААН — Архив Академии наук СССР (Ленинград).
Акад. изд. — Сочинения М. В. Ломоносова, тт. 1—8, изд. Академии наук, СПб.—Л., 1891—1948.
Артемьев — А. И. Артемьев, Описание рукописей, хранящихся в библиотеке Казанского университета, СПб, 1882.
БАН — Библиотека Академии наук СССР (Ленинград).
БЗ — «Библиографические записки».
Билярский — П. Билярский, Материалы для биографии Ломоносова, СПб., 1865.
ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.
Каз. сб. — рукописный сборник «Разные стиходейства», Библиотека Казанского университета им. В. И. Ленина (Фотокопия ААН).
Пекарский — История императорской Академии наук в Петербурге Петра Пекарского, тт. 1—2, СПб., 1870—1872.
Примеч. к Вед. — «Примечания к Ведомостям» (СПб.).
ПСС — М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, тт. 1—10, Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1950—1959.
Рит. 1748 — Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится Риторика, показующая общие правила обоего красноречия, то есть Оратории и Поэзии, сочиненная в пользу любящих словесные науки трудами Михаила Ломоносова, императорской Академии наук и Исторического собрания члена, химии профессора, СПб., 1748.
Рук. Рит. 1744 — Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия, сочиненное через Михайла Ломоносова, императорской Академии наук адъюнкта, в Санктпетербурге 1744 года (Рукопись. ААН).
Рук. 1751 — Рукописный сборник, содержащий оды и надписи Ломоносова, подготовленные им для издания 1751 г. (ААН).
СПб. Вед. — «Санктпетербургские ведомости».
Соч. 1751 — Собрание разных сочинений в стихах и прозе Михайла Ломоносова, книга первая, СПб., 1751.
Соч. 1757 — Собрание разных сочинений в стихах и прозе господина коллежского советника и профессора Михайла Ломоносова, книга первая, М., 1757.
Соч. 1759 — Собрание разных сочинений в стихах и прозе коллежского советника и профессора Михайла Ломоносова, книга вторая, в которой содержится Краткого руководства к красноречию разделение первое, состоящее из Риторики, второе издание с сочинителевыми исправлениями, М., 1759.
Соч. 1778 — Покойного статского советника и профессора Михайлы Васильевича Ломоносова собрание разных сочинений в стихах и прозе, кн. 1—2, М., 1778.
Соч. 1784 — Полное собрание сочинений Михаила Васильевича Ломоносова, СПб., 1784.
ЦГАДА — Центральный государственный исторический архив древних актов в Москве.
ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде.

I

ОДЫ ПОХВАЛЬНЫЕ

1. Соч. 1751, с. 157. Печ. по Соч. 1757, с. 142 с исправлением опечатки в ст. 17 (Кастильской). Автограф 1739 г. не сохранился. Отрывки ранней редакции в Рук. Рит. 1744 и Рит. 1748. Написано в Фрейберге после получения известия о взятии русскими войсками 19 августа 1739 г. (по старому стилю) турецкой крепости Хотин, в период с середины сентября до середины декабря 1739 г. (по новому стилю), ода была отослана в Петербург до появления в иностранной печати известий о заключении мира. Тогда не была опубликована, вероятно, по дипломатическим соображениям (ода Ломоносова была получена, когда мир фактически был уже заключен). Подготовляя Соч. 1751, Ломоносов переработал оду и, сохранив, а иногда усилив метафорический стиль, упорядочил синтаксис, устранил инверсии, создававшие затрудненность поэтической речи, и ввел некоторые новые сравнения. *Ст. 2. Верьх горы высокой* — Парнас, куда ведет автора поэтический восторг. «Высокая гора» соотносится и с положением турецкого лагеря при Ставучанах. *Ст. 5. Ключ* — Кастальский ключ у подножия Парнаса. В переносном значении· родник поэтического вдохновения. *Ст. 12. Сестр* — сестер; здесь: муз. *Ст. 13. Пермесский жар* — вдохновение; Пермес — река в Беотии, на берегах которой обитали музы. *Ст. 45. Род отверженной рабы* — т. е. род Агари. Ломоносов переносит это название на турок и татар. *Ст. 53. За Тигр, Стамбул, своих заграбь.* Стамбул — здесь обозначает всю Турецкую державу (Порту). Ломоносов предлагает ей убрать свои полчища в глубь Малой Азии (за Тигр). *Ст. 71—74. Скрывает луч свой в волны день* и т. д. Русские войска заняли турецкие позиции в седьмом часу вечера. Отступая, турки сожгли свой лагерь. *Ст. 90. Герой открылся* — т. е. Петр I. Далее Ломоносов вспоминает Азовский поход (1696), Персидский поход (1722) и войну со шведами («готфами»). *Ст. 107. Смиритель стран Казанских* — Иван Грозный. *Ст. 108. Каспийски воды.* Намек на взятие Астрахани Иваном Грозным. *Ст. 109. Селим* — здесь: условное имя для обозначения восточного властелина. *Ст. 136. Луна* — полумесяц, эмблема Турции. *Ст. 157—158. Янычар... на российский полк скакал.* Имеется в виду контратака янычар (отборных турецких войск), обращенных в бегство русскими войсками. *Ст. 188. Стесняет внутрь Хотин своих.* После разгрома турецкого лагеря при деревне Ставучаны, турки укрылись в Хотине. *Ст. 191. Калчак* — турецкий паша, комендант крепости Хотин, вручивший русскому командованию ключи от крепости в знак капитуляции. *Ст. 198. Где Вислы ток.* Намек на взятие в 1734 г. русскими войсками Данцига на Висле, после чего они стали двигаться к Рейну *(Рен). Ст. 218. Дамаск, Каир, Алепп* — торговые города, принадлежавшие в то время Турции. *Ст. 219. Крит.* Остров Крит принадлежал Турции. *Ст. 232. Тяжчае б Фивы обвинили.* По преданию, древнегреческий поэт Пиндар (ок. 518—442 до н. э.) вызвал нарекания в своем родном городе Фивах за восхваление мужества афинян. *Ст. 238. В Китайских чтут ее стенах.* 28 апреля 1732 г. в Москву прибыло китай-

ское посольство, принятое Анной Иоанновной и заверившее ее в стремлении к нерушимой дружбе с Россией. *Ст. 251. Заднестрской тать.* Имеются в виду орды татар, опустошавших своими набегами украинские казацкие селения. *Ст. 273. Седми пространных морь.* Имеются в виду моря, омывающие берега России — Мурманское (Баренцево), Белое, Балтийское, Камчатское (Охотское), Каспийское, Азовское и Черное.

2. Примеч. к Вед., 1741, 18 августа. Подпись: Л. Автограф не сохранился. Датируется периодом с 8 июня (день возвращения Ломоносова из-за границы в Петербург) по 12 августа 1741 г (день рождения Иоанна Антоновича, которому исполнился год). После восшествия на престол Елизаветы Петровны все издания с упоминанием Иоанна III уничтожались. *Ст. 11. Мои пределы.* Ода написана от имени Веселящейся России, в первом лице. *Ст. 12. Смущать не смейте.* Намек на реваншистскую войну, начатую Швецией против России в 1741 г *Ст. 77. Филиппов сын* — Александр Македонский; услышав о победе своего отца, заплакал, страшась, что на его долю не останется славных дел. *Ст. 88. Осса* — горный хребет в Фессалии, упоминаемый в мифе о борьбе гигантов с богами. *Ст. 108. Денница.* Здесь: одно из имен Сатаны. *Ст. 114. Двух колен.* По материнской линии Иоанн Антонович принадлежал к русскому царствующему дому, по отцовской — к Брауншвейгскому. *Ст. 120. Тейтон.* Намек на падение Западной Римской империи под натиском германцев (тевтонов). *Ст. 121. Гостомысл* — легендарный новгородский старейшина, подавший совет пригласить на княжение варяжских князей — Рюрика, Синеуса (Синава) и Трувора. *Ст. 132. Игорь* (ум. в 945 г.) — киевский князь. Имеются в виду его походы на Византию. *Ст. 135. Внук* — Владимир (ум. 1015), великий князь киевский, принявший христианство. *Ст. 138. Дмитрий Донской* (1350—1389) — князь московский, разбивший татар во время Куликовской битвы (1380). *Ст. 159. Места Ахайские.* Здесь имеются в виду предгорья Кавказа. *Ст. 162. Геон* — древнее название, применявшееся к рекам Нилу и Араксу. *Ст. 205. Супруг* — муж правительницы Анны Леопольдовны (матери Иоанна III) Антон Ульрих Брауншвейгский (1714—1774).

3. Примеч. к Вед., 1741, 11 сентября. Печ. по отд. изд. СПб., 1741 (единственный сохранившийся экземпляр — в ГПБ). Автограф не сохранился. Датируется периодом с 23 августа 1741 г., когда была одержана победа под Вильманстрандом, упоминаемая в оде, по 29 августа того же года (день тезоименитства Иоанна Антоновича), хотя не исключена возможность, что Ломоносов начал работать над составлением оды раньше, до получения известия о победе. Первое выступление Ломоносова в печати, подписанное его полным именем. Нарушив «вечный мир», Швеция 27 июля 1741 года начала военные действия, вскоре же потерпев большой урон. Победа под Вильманстрандом положила конец попыткам западноевропейских держав оттеснить Россию от Балтийского моря. *Ст. 3. Лев* — герб Швеции. *Ст. 7. В другой на Финских раз полях.* Первой победой Ломоносов считает взятие Выборга в 1710 г. *Ст. 11. Градив* — подразумевается Карл XII, бежавший после поражения под Полтавой в Турцию и в 1715 г. возвратившийся в Шве-

цию. *Ст. 23. Приход Венеры и Дианы.* Преемник Карла XII, шведский король Фредерик I (1676—1751), увлекался галантными похождениями и охотой. *Ст. 24. Лилеи* — герб Франции, подстрекавшей Швецию на реваншистскую войну с Россией. *Ст. 26. Секвана* — латинское наименование Сены. Здесь намек на французскую дипломатию. *Ст. 33. Эта* — гора, на которой погиб Геракл, когда Деянира послала ему пропитанную ядом одежду. Ломоносов сравнивает с поступком Деяниры поведение Франции, толкавшей Швецию на гибель. *Ст. 40. Войны врата* — врата храма Януса. *Ст. 45. Сбор.* Имеются в виду военные приготовления Швеции на территории Финляндии в 1739—1741 гг. *Ст. 48. Аннин* — т. е. Анны Иоанновны. *Ст. 49. Вторая есть* — т. е. правительница Анна Леопольдовна (1718—1746). *Ст. 58. Коль близко наша к вам столица!* Перед объявлением войны шведские войска находились на расстоянии одного перехода от Выборга. *Ст. 64. Столп и град.* Перед началом войны шведы вели фортификационные работы в Вильманстранде, превратив город в крепость. *Ст. 90. Гремит Стокгольм трубами ярко.* Манифест об объявлении войны с Россией был оглашен в Стокгольме 28 июня 1741 г. под звуки труб. *Ст. 108. Вечный мир* — Ништадтский мир, заключенный со шведами Петром I в 1721 г. *Ст. 112. К трудам избранной наш народ.* Ломоносов использует строку из «Оды на взятие Хотина», остававшейся еще не напечатанной. *Ст. 123. Гекла* — вулкан в Исландии. *Ст. 132. Атлантские горы* — Атласские, на северо-западе Африки. *Ст. 133. Четвертая часть* — Америка. *Ст. 151. За нами пушки.* Русские войска захватили под Вильманстрандом 12 пушек и одну мортиру. *Ст. 167. Карл* — Карл XII. *Ст. 191. Дщерь* — здесь: Анна Леопольдовна. *Ст. 202. Велику Анну* — Анну Иоанновну. *Ст. 213. Храбрейшу в свете силу править.* Генералиссимусом русских войск был назначен отец Иоанна III Антон Ульрих Брауншвейгский, занимавший эту должность номинально.

4. Примеч. к Вед., 1741, 8 декабря и отд. изд. СПб., 1742; Соч. 1751. Печ. по Соч. 1757, с. 121. Автограф 1742 г. не сохранился. 7 ноября 1741 г. Елизавета Петровна объявила манифестом о назначении наследником престола своего племянника (сына старшей сестры Анны Петровны) — Карла Петра Ульриха, получившего в России имя Петра Федоровича. 5 февраля 1742 г. он прибыл из Голштинии в Петербург. *Ст. 7. Насильных рук.* Намек на бироновщину. *Ст. 32. Седмь морей.* См. примеч. 1. *Ст. 57. Еще в зачатии.* Анна Петровна отбыла в Голштинию из Петербурга за шесть месяцев до рождения сына. *Ст. 104. Тессалийские горы* — Фессалийские горы в восточной части северной Греции.

5. Соч. 1751, с. 49. Печ. по Соч. 1757, с. 39. Автограф 1742 г. не сохранился. Елизавета Петровна была коронована в Москве 25 апреля 1742 г. Указ Сената о ее возвращении в Петербург был издан 22 сентября, получен в Академии наук 26 сентября. Встреча Елизаветы состоялась 20 декабря того же года. Ода не была напечатана своевременно, так как изменилась политическая обстановка. Подготавливая переворот, Елизавета стремилась заручиться поддержкой европейских держав. При посредничестве французской дипломатии Швеция обещала ей помощь при условии возвраще-

ния земель, отвоеванных Петром I. Елизавета на это не пошла, но после переворота, когда военный разгром Швеции уже был очевиден, поспешила вступить в мирные переговоры. Русское правительство при этом добивалось избрания наследником шведского престола Адольфа Фредерика Гольштейн Готторпского, надеясь этим обеспечить свое влияние в Швеции. Публикация оды, воспевавшей победы русских войск над шведами, представлялась нежелательной. В 1751 г., после смерти Фредерика I, определилась враждебная по отношению к России политика Адольфа Фредерика. Появление в печати оды, напоминавшей шведам о результатах их военной авантюры 1741 г., стало целесообразным. *Ст. 10. Брега Ботнийских вод* — Ботнический залив, находившийся под контролем Швеции. *Ст. 22. Атлантские горы.* См. примеч. 3. *Ст. 52. Ветхий деньми* — метафорическое наименование библейского бога. *Ст. 57. Я в гневе.* Намек на бироновщину. *Ст. 61. Утешил я в печали Ноя.* Согласно библейскому мифу, бог создал «радугу» в знамение, что больше не будет «всемирного потопа». Ломоносов метафорически переносит это на Елизавету, которая становится «знаком покоя», т. е. порукой того, что бог не будет больше казнить Россию. *Ст. 86. Готфска Фаэтонта.* Ломоносов сравнивает поведение Швеции с безумной попыткой Фаэтона, едва не зажегшего Вселенную. *Ст. 87. Против течения небес* — т. е. с запада на восток. Имеется в виду движение шведских войск, напавших на Россию. *Ст. 89. Тюмень* — по-видимому, Кюмень (Кюммене), река в южной Финляндии. *Ст. 115—116. Ты всуе солнце почитаешь И пред луной себя склоняешь.* Намек на расчеты Швеции получить поддержку Франции и Турции. *Ст. 123. Край Понтийской.* Намек на Азовский поход Петра. *Ст. 131. Полтавску рану* — напоминание о победе под Полтавой в 1709 г. *Ст. 135—136. За Обские брега вселенный* и т. д. Военнопленных шведов при Петре ссылали в Сибирь (за Обь) и на Урал *(хребет Рифейский)*. *Ст. 146. Львовы челюсти.* Лев — герб Швеции. *Ст. 184. Курций* Марк — молодой римлянин, который, когда на римском форуме во время землетрясения в 362 г. до н. э. образовалась пропасть *(мрачна пасть)* и прорицатели объявили, что ее можно отвратить, лишь принеся в жертву лучшее благо Рима, — сел в полном вооружении на коня и ринулся в пропасть, воскликнув: «Нет лучшего блага в Риме, чем оружие и храбрость!» *Ст. 221. Понт* — здесь: Балтийское море. 29 июля 1742 г. русский флот, в составе многих галер, обратил в бегство шведскую эскадру. *Ст. 259. Мирные оливы.* Русское правительство особым манифестом объявило о своем намерении поддержать стремление финнов к независимости и призывало их не принимать участия в военных действиях. *Ст. 289. Американски волны.* 18 июля 1741 г. морская экспедиция под руководством В. Беринга достигла берегов Америки; рапорт об этом А. И. Чирикова был получен в Петербурге 29 октября 1742 г. Таким образом, ода не могла быть завершена ранее 1 ноября 1742 г. *Ст. 335. Богиня* — здесь: Екатерина I, мать Елизаветы Петровны. *Ст. 361. Махины грозны* — пушки. *Ст. 369. Мемфийских. Мемфис* — древняя столица Египта, неподалеку от которой находились пирамиды. *Ст. 377. Серный прах.* Ломоносов предвещает, что со временем порох будет употребляться только на изготовление фейерверков.

6. Соч. 1751, с. 138. Печ. по Соч. 1757, с. 127. Автограф 1743 г. не сохранился. Отрывки ранней редакции в Рук. Рит. 1744 и Рит. 1748. Написана ко дню тезоименитства Петра Федоровича (29 июня 1743). Ода не была напечатана своевременно, вероятно, по тем же внешнеполитическим причинам, что и предыдущая. 17 июня 1743 г. в Або закончились мирные переговоры и подписан «уверительный акт», а 23 июня заключен мир, который Елизавета подписала только 19 августа 1743 г. Воспользовавшись формой обращения к наследнику, Ломоносов призывает правительство следовать политике Петра I. *Ст. 10. Вождь светил* — солнце. *Ст. 35. Великий князь Российский* — Петр Федорович (см. примеч. 4). *Ст. 54. Лев* — Швеция. *Ст. 86. Наввин* — Иисус Навин, легендарный вождь древних иудеев. *Ст. 91. Багдад пылает.* Ломоносов имеет в виду персидско-турецкую войну, начавшуюся в мае 1743 г. *Ст. 99. В союзе лживых.* Намек на Францию, подстрекавшую шведов к войне.

7. Отд. изд. СПб., 1745; Соч. 1751. Печ. по Соч. 1757, с. 133. Автограф 1745 г. не сохранился. Написано предположительно в конце июля — августе 1745 г., когда шли приготовления к бракосочетанию Петра Федоровича с принцессой Ангальт-Цербстской Софией-Фредерикой, прибывшей в Россию в феврале 1744 г. и 28 июня принявшей православие (получив имя Екатерины). Свадебная церемония началась 21 августа 1745 г. Празднества продолжались десять дней и закончились выводом на Неву ботика Петра I. Ломоносов воздерживался от личных характеристик и политических рассуждений, построив свою оду как «вымышленное описание царства любви» (см.: Рит. 1748, § 296). *Ст. 3. Первый брак.* Речь идет об Адаме и Еве, живших в раю. *Ст. 4. Богиня* — Елизавета Петровна. *Ст. 130. Орм* — Ормуз, остров в Персидском заливе, славившийся ловлей жемчуга. *Ст. 171. От Иберов до вод Курильских.* Иберы — народы, населявшие древнюю Иберию (Пиренейский полуостров). В «Атласе Российском», вышедшем в 1745 г., были нанесены Курильские острова, обследованные летом 1738 г. М. Шпанбергом, данными которого воспользовался Географический департамент Академии наук. *Ст. 192. Россов обновитель* — Петр I.

8. Отд. изд. СПб., 1746; Соч. 1751. Печ. по Соч. 1757, с. 57. Автограф 1746 г. не сохранился. *Ст. 11. И се уже рукой багряной.* Ломоносов привел эти и следующую строки в первом варианте Рук. Рит. 1744 (§ 101), что позволяет предположить существование раннего наброска не дошедшей до нас или неоконченной оды, откуда заимствованы эти строки. Этот образ пародирован в третьей «Вздорной оде» А. Сумарокова и нашел шутливое применение в «Евгении Онегине» Пушкина. *Ст. 24. Власть чужой руки* — бироновщина. *Ст. 35. От церькви отврати налоги.* В царствование Анны Иоанновны были урезаны средства, отпускаемые православной церкви. *Ст. 58—59. Мы в скорбной темноте заснули* и т. д. Намек на дворцовый переворот, совершенный Елизаветой в ночь на 25 ноября 1741 г. *Ст. 105. Спасенный север.* Имеется в виду поражение шведов в 1741—1742 гг. *Ст. 178. Новых светов досягает* — см. примеч. 5, ст. 289.

9. Отд. изд. СПб., 1746; Соч. 1751. Печ. по Соч. 1757, с. 66. Автограф 1746 г. не сохранился. В отд. изд. обозначено, что ода подносится от имени Академии наук, тогда как две предшествующие были поднесены Ломоносовым и отпечатаны за его счет. *Ст. 19. Бег светил.* Ломоносов пользуется астрологическими представлениями, согласно которым положение светил в день рождения человека определяет его судьбу. *Ст. 58—60. Ермий, наукам предводитель* и т. д. В отд. изд. 1746 г. это место снабжено примечанием: «Во время рождения ее императорского величества планеты Меркурий и Марс стояли в одном знаке с Солнцем». *Ст. 63. Диана.* В изд. 1746 г. дано примечание: «Луна тогда стояла в созвездии Стрельца». *Ст. 94. Ты осужденных кровь щадишь.* 7 мая 1744 г. Елизавета, согласно данному ею при вступлении на престол обещанию отменить смертную казнь, издала указ о приостановлении смертных приговоров. *Ст. 107. Трофеи отческих побед.* Елизавета Петровна родилась в год Полтавской победы. *Ст. 115. Вандалы* — германское племя; здесь подразумеваются шведы. *Ст. 120. Потомков* — напоминание о поражении шведов в кампанию 1741—1742 гг. *Ст. 121. Сладкой нежности обитель.* Москва, где 18 декабря 1709 г. родилась Елизавета. *Ст. 149. Пространство показать безмерно.* Академический атлас 1745 г. использовал результаты геодезических съемок и второй Камчатской экспедиции: на карты было нанесено много прежде «незнаемых» мест сибирских окраин. *Ст. 157. Иппократ* — Гиппократ (460—377 до н. э.), греческий врач.

10. Отд. изд. СПб., 1747; Соч. 1751. Печ. по Соч. 1757, с. 73. Автограф 1747 г. не сохранился. Написано после 13 августа 1747 г., когда в Академическом собрании был оглашен новый устав и утверждены новые штаты Академии наук. Ломоносов связывал с новым уставом надежды на успешное развитие наук в России и улучшение положения ученых. В этой же оде он выступает как поборник мирной политики, так как в это время западные державы стремились втянуть Россию в войну на стороне Австрии, Англии и Голландии против Франции и Пруссии. Поэтому Ломоносов особенно настойчиво славит мир — возлюбленную тишину. *Ст. 24. Войне поставила конец.* Вступив на престол, Елизавета начала мирные переговоры со Швецией. *Ст. 38. Крест несла.* Явившись в казармы Преображенского полка, Елизавета привела к присяге гренадеров. *Ст. 65. Человека* — Петра I. *Ст. 95. Отторжен роком.* Петр I умер в год открытия Петербургской Академии наук. *Ст. 109. Секвана.* Намек на французскую академию наук в Париже. *Ст. 149. Почувствуют и камни силу.* Ломоносов доказывал, что Россия не менее богата минералами, чем «теплые страны» (Индия и др.). *Ст. 180. Манжур* — Манжурская династия. *Ст. 188. Колумб российский* — Витус Беринг (1681—1741). *Ст. 202. Верьхи Рифейски* — Урал. *Ст. 221—230. Науки юношей питают* и т. д. Для этой строфы Ломоносов переложил в стихи отрывок из речи Цицерона в защиту поэта Архия.

11. Отд. изд. СПб., 1748; Соч. 1751. Печ. по Соч. 1757, с. 83. Автограф 1748 г. не сохранился. Ода посвящена военно-дипломатическому успеху России, которая, демонстративно двинув войска

к Рейну, способствовала окончанию войны за австрийское наследство и заключению Аахенского мира. За эту оду Ломоносову было пожаловано 2000 рублей. *Ст. 1. Заря багряною рукою.* См. примеч. 8. *Ст. 41. Годину ту воспоминая* — т. е. время бироновщины. *Ст. 46. Алчный пламень.* 5 декабря 1747 г. в помещении Кунсткамеры и Библиотеки Академии наук был большой пожар. *Ст. 85. Нестройные соседы.* Намек на разногласия в шведском правительстве и риксдаге после провала военной авантюры 1741 г. *Ст. 95. Лев* — Швеция. *Ст. 167. Пространная стена* — Великая китайская стена. *Ст. 172. Азов.* Был взят Петром I в 1696 г. и возвращен Турции по Прутскому миру. Вторично отвоеван в 1736 г. По новому договору с Турцией срыт «нашею рукою» в 1741 г. *Ст. 175. Каспийски бреги.* Ломоносов вспоминает поход Петра, результаты которого были сведены на нет в царствование Анны Иоанновны неоправданными уступками Персии. *Ст. 195. Сарматов и саксонов.* Карл XII *(гот)* принудил к участию в войне против России Польшу *(сарматов)* и Саксонию *Ст. 200. С Дунайской Вислу быстриной.* Намек на впечатление, которое произвела Полтавская победа на Турцию (на Дунае) и Польшу (на Висле). *Ст. 209. Петрополь, небу подражая.* Имеется в виду фейерверк в Петербурге по случаю годовщины восшествия на престол Елизаветы. *Ст. 213. Москва едина.* В мае 1748 г. большой пожар опустошил Москву. Елизавета собиралась ехать туда, против чего возражал канцлер А. П. Бестужев, ссылаясь на политическую обстановку. Ломоносов присоединился к М. Воронцову, склонявшему царицу посетить Москву и оказать помощь городу. *Ст. 236. Тучи страшные.* Намек на враждебную позицию Швеции, начавшей военные приготовления в Финляндии.

12. Отд. изд. СПб., 1751; Соч. 1751. Печ. по Соч. 1757, с. 93. Автограф первой редакции не сохранился. Написано после представления Ломоносова императрице И. И. Шуваловым в Сарском Селе, где находилась летняя резиденция Елизаветы. Содержание оды позволяет предположить, что Ломоносов затронул в беседе нужды науки. *Сарское Село.* Получило название от находившейся там мызы Саари-мойс (по-русски «Верхняя мыза»), впоследствии было переосмыслено в «Царское Село» (ныне город Пушкин). *Ст. 11. Диане.* Елизавета Петровна увлекалась охотой. *Ст. 31. Славена.* Речка Славянка близ Сарского Села, которую предполагалось соединить каналом с Невой. *Ст. 60. Из рая течет.* Согласно легенде, «земной рай» якобы находился у истоков Нила, тогда не открытых. *Ст. 79. Инд* — река в Индии. В этой строфе описывается «оранжерейная зала» дворца в Сарском Селе. *Ст. 99. Воды обращу к вершине.* Речь идет о гидротехнических работах в Сарском Селе, где Елизавета хотела устроить фонтаны, как в Петергофе, но этому препятствовало высокое положение местности. *Ст. 111. Зданием прекрасным.* Перестройка дворца в Сарском Селе, выполненная в 1744—1748 гг. А. Квасовым и С. Чевакинским, не удовлетворила Елизавету, и она поручила построить новый дворец В. Растрелли. *Ст. 121. Семирамида* — легендарная царица Ассирии. Ее «висячие сады» считались одним из «семи чудес света». *Ст. 140. Поля и грады.* С колокольни дворцовой церкви в Сарском Селе

был виден Петербург. *Ст. 211. Наука легких метеоров* — метеорология.

13. Отд. изд. СПб., 1752. Печ. по Соч. 1757, с. 102. Автограф не сохранился. *Ст. 26. Южны Эфиопы* — тропические страны. *Ст. 37. Полдень над Москвой.* Елизавета отправилась в Москву 16 декабря 1752 г. *Ст. 62. На древней предков высоте* — в Кремле. *Ст. 103. Текут из моря в землю реки.* Ломоносов присутствовал на открытии канала и доков в Кронштадте в июле 1752 г. *Ст. 115—120. Напрасно строгая природа* и т. д. Ломоносов предвещает открытие Северо-восточного морского пути вдоль берегов Сибири, которое он приравнивает по значению с открытием Колумба. *Ст. 141. Ольга* (ум. 969) — княгиня киевская. По рассказу летописи, употребив военную хитрость *(искусство)*, отмстила древлянам за смерть своего мужа и сожгла их столицу Искорест. Впоследствии приняла христианство. *Ст. 171. И ты в женах благословенна.* Здесь имеется в виду царица Наталья Кирилловна (1651—1694), мать Петра I. *Ст. 190. Крепит наследие и брак.* Имеется в виду брак Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны, совершенный в целях укрепления престолонаследия. *Ст. 202. Участница Петровых дел.* Екатерина I, мать Елизаветы. *Ст. 213. Подверглась бедству.* Цесаревне Елизавете во время бироновщины грозило заточение в монастырь.

14. Отд. изд. СПб., 1754. Печ. по Соч. 1757, с. 112. Автограф не сохранился. *Ст. 93. Где Висла, Рен, Секвана, Таг.* Метонимическое обозначение стран по главнейшим протекающим в них рекам: Висла — Польша, Рен (Рейн) — Пруссия, Секвана (Сена) — Франция, Таг (Тахо) — Испания. *Ст. 111. Богиня* — Елизавета. *Ст. 131. Дражайшие супруги* — родители Павла: Петр Федорович и Екатерина Алексеевна. *Ст. 138. Усмешкой родших познавать* — цитата из четвертой эклоги Вергилия: «Дитя, начни ты мать познавать по <ее> смеху». *Ст. 151. Дракон.* Здесь подразумевается Турция и освободительные стремления славянских народов на Балканах. *Ст. 174. Младого Михаила.* Напоминание о Михаиле Федоровиче, первом царе из рода Романовых, вступившем на престол в семнадцатилетнем возрасте. *Ст. 181. Сармат.* Имеется в виду Польша, которая после долгих войн с Россией заключила с ней прочный мир в царствование Алексея Михайловича. *Ст. 185. Новой флот.* При Алексее Михайловиче началось построение морского флота. Построенный в 1669 г. корабль «Орел» был сожжен в Астрахани во время восстания Степана Разина. *Ст. 207. Чрез семь сот лет.* Имеется в виду династия Рюриковичей, которая, согласно летописному преданию, вела свой род с 862 г. *Ст. 216. Девять лет.* Павел родился на десятый год после бракосочетания своих родителей.

15. Отд. изд. СПб., 1757 (Экз. ААН). Автограф не сохранился. Поднесена от имени Академического собрания по случаю рождения дочери Петра Федоровича Анны (9 декабря 1757 г.). Ода, в которой были затронуты вопросы войны и мира, получила большой резонанс в связи с усиливавшейся Семилетней войной. Одновременно в Ака-

демической типографии печатался указ о новом рекрутском наборе. *Ст. 28. Анна* — здесь: старшая сестра царицы, Анна Петровна (1708—1728). *Ст. 60. Союзами и страхом сил.* Имеются в виду оборонительные союзы правительства Елизаветы и военная демонстрация на Рейне в 1748 г. *Ст. 95. Союзна Героиня* — Мария Терезия (1717—1780), австрийская императрица, выступавшая в союзе с Россией против Пруссии. *Ст. 113—140. Народы с трепетом внемлите* и т. д. Ломоносов придает своему воззванию, в котором он возвеличивает Елизавету, очертания и характер грозного библейского пророчества, привлекая образы царя-псалмопевца Давида и пророка Исайи и пользуясь библейской фразеологией.

16. Отд. изд. СПб., 1759. Печ. по 2-му отд. изд. СПб., 1759. Автограф не сохранился. Написано между 20 августа 1759 г., когда в Петербурге было получено известие о победе под Кунерсдорфом, и 2 сентября, когда было получено распоряжение К. Разумовского о напечатании оды. *Ст. 13. Как в имени твоем.* Ломоносов сближал имя Елизаветы с древнееврейским выражением «бог покоящийся» (в греческой транскрипции). *Ст. 33—40. Я вижу отрока господня* и т. д. Пересказ текста из библейской книги «Исход», гл. 7, ст. 1—4, где бог обещает Моисею явить множество чудес и знамений и вывести «сынов израилевых из земли Египетской». *Ст. 52. Фридерик* — Фридрих II (1712—1768), прусский король, спровоцировавший Семилетнюю войну. В сражениях при Гросс-Егерсдорфе (30 августа 1757 г.) и под Кунерсдорфом (18 августа 1759 г.) русские войска нанесли пруссакам серьезные поражения. *Ст. 61. Пожар Кистрина.* Русские войска 15 августа 1758 г. бомбардировали и сожгли прусскую крепость Кюстрин (Кистрин). *Ст. 98. Прегла* — река Прегель в Пруссии, где расположен Гросс-Егерсдорф. *Ст. 101. Мемель* сдался русским войскам 5 июля 1757 г. *Ст. 105. Варта* — приток Одера. Ломоносов намекает на продвижение русских войск в Силезию. *Ст. 115. Цорндорфские пески.* Цорндорф — селение в Пруссии, где 25 августа 1758 г. состоялось крупное сражение. *Ст. 123. Салтыков* Петр Семенович (1700—1772), генерал, принявший в июне 1759 г. командование над русскими войсками и вскоре одержавший решительные победы при Пальциге и Кунерсдорфе. *Ст. 126. Шлонские* — силезские. *Ст. 229. Военны запечатай двери* — т. е. прекрати войну (закрой двери храма бога Януса).

17. Отд. изд. СПб., 1761. Автограф не сохранился. Написана после 5 октября 1761 г., когда было опубликовано сообщение о взятии русскими войсками прусской крепости Шведниц, и до 25 ноября 1761 г. *Ст. 15. В преклонной век мой.* Ломоносову в этом году исполнилось 50 лет. *Ст. 53. Тяжкия стены.* Намек на возможность заточения в монастырь Елизаветы (которая была «отлучена» от престолонаследия). *Ст. 86. Отвергнет смертной казни ночь.* См. примеч. 9. *Ст. 95. Правдивой меч.* Ломоносов оправдывает вступление России в Семилетнюю войну. *Ст. 131. Святослав* (942—972) — князь киевский. В «Древней Российской истории» Ломоносов утверждал, что в войске Святослава было немало наемных

варягов, печенегов, турок и болгар. *Ст. 144. Отмстив за брата.* Киевский князь Владимир Святославич (ум. 1015) убил своего брата Ярополка, отомстив за «убиение» другого своего брата — Олега. *Ст. 151. Мономах.* Великий князь киевский Владимир Всеволодович (1053—1125) в 1116 г. снарядил поход на дунайские земли, принадлежавшие Византии. *Ст. 153. Комнин* Иоанн II (1088—1143) — византийский император. Согласно легенде, прислал Владимиру Мономаху знаки царского достоинства. *Ст. 157—158. Петрова мужеством предтечи* и т. д. Намек на исторические победы Александра Невского. *Ст. 159. Дмитриевы плечи* — т. е. Димитрия Донского. *Ст. 162. Узы.* Имеется в виду устранение зависимости Москвы от татарских ханов при Иване III и Иване IV. *Ст. 166. Висла.* Напоминание о воссоединении Украины с Россией при Алексее Михайловиче. *Ст. 184. Рифейски горы истощайте.* Речь идет о сооружении постамента для памятника Петру, отлитого К. Растрелли. Урал («Рифейски горы») должен был поставить для этого дорогой материал. *Ст. 192. Диана* — здесь: Елизавета. *Ст. 195. Ты, Мемель, Франкфурт и Кистрин.* Города, занятые во время Семилетней войны русскими войсками. Берлин был взят осенью 1760 г. *Ст. 199. Герой* — ироническое обозначение прусского короля Фридриха II, спасшегося от полного разгрома только благодаря смерти Елизаветы и предательскому поведению Петра III.

18. Отд. изд. СПб., 1761. Автограф не сохранился. Написано после смерти Елизаветы Петровны (25 декабря 1761 г.). 28 декабря того же года ода была отправлена в печать. Она разошлась в небывалом числе экземпляров, так что в течение месяца потребовалось два (совершенно идентичных) издания. Ломоносов обращается к новому императору с призывом следовать политике его предшественницы и завершить войну с разгромленной Пруссией, не умаляя интересов России. Окружая Петра III гиперболическими уподоблениями, Ломоносов напоминает ему об обещаниях в его манифесте «последовать стопам» Петра I. Призывы Ломоносова, как и других русских патриотов, Петр III попрал, заключив унизительный для России «почетный» мир с Пруссией. *Ст. 41. Когда я с нею разлучалась* — см. примеч. 4. *Ст. 185. Фарос* — остров близ Александрии, славившийся своим маяком. *Ст. 224. Цвейтин* — река в Голштинии. *Ст. 227. Зунд* — пролив, соединяющий Балтийское море с Северным.

19. Отд. изд. СПб., 1762. Автограф не сохранился. Датируется временем с 28 июня 1762 г., когда Екатерина II вступила на престол, по 8 июля того же года, когда ода была направлена в печать. Используя слова манифеста Екатерины, которая упрекала свергнутого ею Петра III в том, что он «законы в государстве все пренебрег», Ломоносов выступает в защиту национальных интересов России и русского народа (см.: С. Н. Чернов, М. В. Ломоносов в одах 1762 г., «XVIII век», М.—Л., 1935, с. 133—180). *Ст. 20. Три богини* — здесь: Екатерина I, Елизавета и Екатерина II. *Ст. 27. Дает спасительный совет.* Речь идет о Прутском походе Петра I, когда будущая Екатерина I якобы подала ему совет заключить мир с Турцией. *Ст. 30. Магмет* — здесь: условное обозначение Тур-

ции. *Ст. 51—57. Слыхал ли кто из в свет рожденных* и т. д. Ломоносов выражает негодование по поводу заключенного Петром III 24 апреля 1762 г. мира с Пруссией, накануне ее капитуляции. Екатерина II, осудив в манифесте «злодея», порочившего «славу российскую», одновременно послала в армию указ «свято и нерушимо» соблюдать заключенный Петром III мир. В манифесте также говорилось, что царствование Петра III грозило «переменою древнего в России православия и принятием иноверного закона». Ломоносов переводит вопрос в другую плоскость — о роли иноземцев, попирающих права русского народа и не считающихся с его нуждами и традициями. *Ст. 114. Сверкает красота мечем.* Совершая государственный переворот, Екатерина II явилась во дворец во главе присягнувших ей гвардейских полков.

20. Отд. изд. СПб., 1763. Автограф не сохранился. 19 декабря 1763 г. Ломоносову был объявлен указ о производстве его в статские советники. Ода составлена в общих риторических выражениях «должностной оды» и резко отличается от публицистической направленности первой оды Екатерине II, которой та, повидимому, осталась недовольна. *Ст. 23. Петрову внуку.* Ломоносов стремится подтвердить права Екатерины II на русский престол, хотя она не была «внукой» Петра I, а только женой свергнутого ею внука (Петра III). *Ст. 28. Злодеи* — враги Ломоносова в Академии наук. По их проискам Екатерина II 2 мая 1763 г. подписала указ об отставке Ломоносова (взят єю обратно 13 мая). *Ст. 40. Той Петр вручил, сей вверил бог* — т. е. Екатерине I и Екатерине II. *Ст. 59. Дни нестройны* — царствование Петра III. *Ст. 64. Ты, око и душа планет* — обращение к солнцу. *Ст. 122. Весы* — созвездие, в которое вступает солнце в день осеннего равноденствия. *Ст. 143. Помазаньем* — т. е. миропомазанием во время коронации. *Ст. 171. Цветут во славе мною царства.* Вольное переложение текста из «Притчей Соломоновых» (гл. 8). *Ст. 241. На полночь кажет Уранія.* Ломоносовым в это время был предложен проект полярной экспедиции для отыскания Северо-восточного морского пути. *Ст. 243. Руно златое.* Упоминая античный миф о походе аргонавтов в Колхиду за «золотым руном», Ломоносов имеет в виду выгоды для русской торговли в результате открытия морского пути на восток. *Ст. 249. Счастьем Павловым.* Девятилетний Павел Петрович числился президентом Адмиралтейской коллегии, от которой зависело отправление экспедиции. Проект Ломоносова поступил на рассмотрение Комиссии российских флотов при письме, подписанном Павлом. *Ст. 252. Напыщенный исполин* — богдыхан.

ОДЫ ДУХОВНЫЕ

Ломоносов называл свои «преложения» псалмов «парафрастическими одами». В письме к В. Татищеву, советовавшему ему продолжать эту работу, Ломоносов указывал на два существенных препятствия: «Первое недосуги, ибо главное мое дело есть горная наука», «также физика и химия много времени требуют»; а второе — «я не смею дать в преложении другого разума, нежели

какой псаломские стихи в переводе имеют» (27 января 1749 г.). Это позволяет предположить, что «преложения», включенные впервые в Соч. 1751 г., а в качестве примеров в Рит. 1748, относятся к тому же периоду, когда Ломоносов вместе с Тредиаковским и Сумароковым состязался в переводе псалма 143. На это же указывает и замечание Ломоносова о «Вечернем размышлении о божием величестве» (см. ниже, примеч. 30). Все это позволяет отнести датировку большинства «духовных од» Ломоносова к периоду между 1743 и 1747 гг. Отсутствие этих текстов в Рук. Рит. 1744 и Рит. 1748 еще не свидетельствует об их более позднем написании, так как в «Риторики» включались не все произведения Ломоносова, написанные к тому времени, а только примеры, подходящие к общему изложению.

21. Соч. 1751, с. 5. Печ. по Соч. 1757, с. 5.

22. Рит. 1748, с. 51. Печ. по Соч. 1751, с. 7. Вошло в Соч. 1757. В «Риторике» приведено как пример «увеличения слова через распространение» (§ 59). В отличие от других «преложений», написано хореем.

23. Соч. 1751, с. 9. Печ. по Соч. 1757, с. 8.

24. Соч. 1751, с. 13. Печ. по Соч. 1757, с. 11.

25. Соч. 1751, с. 21. Вошло в Соч. 1757.

26. Соч. 1784, ч. 1, с. 43. Печ. по ПСС, т. 8, с. 228, где напечатано по автографу ААН. В Соч. 1784 сообщается, что стихотворение «отыскано в оставшихся рукописаниях Ломоносова», повидимому в другой редакции, на что указывают разночтения. Написано до 27 января 1749 г., так как в письме Татищеву (под этой датой) Ломоносов сообщает, что «покинул» это «преложение», ибо нашел в церковнославянском переводе погрешности, а отступить от принятого «разума» (смысла) не вправе. Так в переводе Ломоносов усмотрел выражение «Змий сей, его же воздал еси ругатися ему», тогда как, по его мнению, следовало бы перевести «се кит, его же создал еси презирати оное» («оное», то есть море, его пространство; Акад. изд., т. 8, с. 96). Когда Ломоносов оставил «преложение», неизвестно. Скорее всего его работа относится к тому же периоду, как большинство других переложений псалмов. Последние 19 строф 103-го псалма остались не переложенными в стихи. По своему содержанию, чувству природы, космизму «преложение» перекликается с «Утренним» и «Вечерним размышлением» и избранными строфами из книги Иова (см. ниже).

27. «Три оды парафрастические псалма 143, сочиненные чрез трех стихотворцев, из которых каждый одну сложил особливо». СПб., 1744 (без указания имени Ломоносова). Печ. по Соч. 1751, с. 28. Вошло в Соч. 1757. Ломоносов, Тредиаковский и Сумароков состязались в «преложении» этого псалма, чтобы разрешить тео-

ретический спор о преимуществах двух основных стоп (размеров) тогдашнего русского стихосложения — ямба и хорея. См. вступ. статью.

28. Рит. 1748, с. 264. Печ. по Соч. 1751, с. 32. Вошло в Соч. 1757.

29. Соч. 1751, с. 35. Печ. по Соч. 1757, с. 27. Вольное переложение отдельных строф и стихов из библейской книги Иова. Иов «многострадальный» роптал на бога, ниспославшего ему тяжкие испытания, и даже вступил с ним в спор.

30. Рит. 1748, с. 252. Печ. по Соч. 1751, с. 44. Вошло в Соч. 1757. Датируется согласно свидетельству Ломоносова, который в 1753 г. в «Изъяснениях», приложенных к «Слову о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих», сообщал: «Ода моя о северном сиянии, которая сочинена 1743 года, а в 1747 году в Риторике напечатана, содержит мое давнишнее мнение, что северное сияние движением эфира произведено быть может» (ПСС, т. 3, с. 123). *Там разных множество светов.* Мысль о множестве населенных миров Ломоносов отстаивал и пытался обосновать научными доводами также в своем сочинении «Явление Венеры на солнце» (СПб., 1761). *С полночных стран встает заря.* Наблюдения над северными сияниями, хорошо известными ему с юности, Ломоносов вел и в Петербурге. Для подготовлявшейся им книги «Испытание причины северного сияния» были исполнены гравюры, сделанные с его собственных зарисовок во время наблюдений (ПСС, т. 3, Приложение). *Как может быть, чтоб мерзлый пар Среди зимы рождал пожар?* Христиан Вольф полагал, что причину северных сияний надо искать в образующихся в недрах земли «тонких испарениях», в том числе селитряных и сернистых, возгорающихся в небе. Эта теория и вызвала вопрос Ломоносова. *Иль тучных гор верьхи горят* и т. д. После необычайного по распространению северного сияния 17 марта 1716 г. группа бреславльских ученых-натуралистов выступила с «гипотезой», что северные сияния не что иное, как отражение огней исландского вулкана Геклы в морских северных льдах при их передвижении. *И гладки волны бьют в эфир.* Эти слова отражают теорию самого Ломоносова, указывавшего на электрическую природу северных сияний.

31. Соч. 1751, с. 41. Вошло в Соч. 1757. Написана, по-видимому, одновременно с «Вечерним размышлением» (см. выше). *Горящий вечно Океан.* Ломоносов описывает бурные процессы, происходящие на солнце, о сущности которых в то время можно было только догадываться.

ПОХВАЛЬНЫЕ НАДПИСИ

Стихотворные надписи, помещавшиеся на транспарантах во время придворных празднеств, фейерверков и иллюминаций, были подчинены общему живописно-декоративному оформлению и получали

предварительную апробацию двора. Иногда Ломоносову приходилось переводить или перекладывать в стихи готовый текст. К этому жанру примыкают «надписи» на различные случаи (спуск кораблей, изобретение роговой музыки и др.).

32—36. Соч. 1751, с. 175. Вошло в Соч. 1757. Автограф ЦГАДА. Датируется промежутком времени с 1743 по 1747 г., когда велись работы по отливке статуи Петра I (по проекту Карло Растрелли). Монумент Петру был задуман еще при его жизни, и тогда же (к 1719 г.) изготовлены первые модели. Первоначально предполагалось установить две статуи Петра — конную и пешую. Отлита была только первая (поставлена в 1799 г. перед Инженерным замком в Петербурге со значительными изменениями в декоративном оформлении). Ломоносов, по-видимому, сочинил надписи к монументу Петра по своему почину, в то время, когда еще не было определено, какая из предполагаемых статуй будет отлита и установлена раньше. Число их и характер надписей указывает, что он, возможно, заготовил их для «конного» и «пешего» Петра. Две строки первой надписи *Когда он строил град... и странствовал в морях* являются переводом двух стихов из «Энеиды». Отдельно от надписи они помещены на картуше «Карты Ингерманландии и Ингрии» (составленной около 1743 г.), где помещено изображение статуи пешего Петра; по сторонам монумента помещены «четыре склава» (в данном значении — пленные), олицетворяющие побежденных Петром неприятелей (у Ломоносова: *Перс, Турок, Гот, Сармат*).

37. Соч. 1751, с. 184. Вошло в Соч. 1757. Переложение немецкой прозаической надписи и двустишия, предложенных Я. Штелиным для иллюминации, девизом которой было «Миром и войной славна».

38. Соч. 1751, с. 185. Вошло в Соч. 1757. Написано согласно проекту иллюминации, составленному X. Крузиусом.

39. Соч. 1751, с. 186. Вошло в соч. 1757. Написано согласно проекту иллюминации, составленному Я. Штелиным.

40. Соч. 1751, с. 187. Вошло в Соч. 1757. *Воюет воинство твое против войны.* Продвижение русских войск к Рейну способствовало заключению мира (см. примеч. 11).

41. Соч. 1751, с. 181. Вошло в Соч. 1757. 66-пушечный корабль «Александр Невский» был спущен на воду в Петербурге 18 мая 1749 г.

42. Соч. 1751, с. 180. Вошло в Соч. 1757. Елизавета Петровна возвратилась в Петербург 20 декабря 1749 г.

43. Соч. 1751, с. 179. Вошло в Соч. 1757. Автограф ЦГАДА. *Серебряная рака* (гробница) великого князя Александра Невского была отлита в 1750 г. из серебра, «обретенного» в 1742 г. на Ал-

тае. Рака была художественным сооружением, потребовавшим напряженной работы русских литейщиков, чеканщиков и ювелиров. В настоящее время в Эрмитаже. *Дщерь* — Елизавета.

44. Соч. 1751, с. 188. Вошло в Соч. 1757. Иллюминация была устроена великим князем Петром Федоровичем и его женой в честь посещения их Елизаветой Петровной.

45. СПб. Вед., 1750, 10 ноября, с. 765, без заглавия и подписи. Печ. по Соч. 1751, с. 189. Вошло в Соч. 1757. Написано согласно проекту иллюминации, разработанному Штелиным, по которому был устроен лабиринт, символизирующий запутанное и бедственное положение России перед воцарением Елизаветы.

46. СПб. Вед., 1750, 21 декабря, с. 903, без заглавия и подписи. Печ. по Соч. 1751, с. 190. Вошло в Соч. 1757. Написано согласно проекту иллюминации, представленному Штелиным 1 декабря 1750 г.

47. СПб. Вед., 1751, 4 генваря, с. 14, без заглавия и подписи. Печ. по Соч. 1751, с. 191. Вошло в Соч. 1757. Вольный перевод немецких стихов Штелина, представившего проект иллюминации 1 декабря 1750 г.

48, 49. Соч. 1751, с. 182. Вошло в Соч. 1757. По сведениям камер-фурьерских журналов, в январе и феврале 1751 г. было устроено при дворе восемь маскарадов, из них четыре публичных с большим числом приглашенных по билетам (4 и 12 января, 8 и 15 февраля). Приглашенные должны были явиться «в пристойных масках, не имея арлекинского, пилигримского и деревенского платья».

50. СПб. Вед., 1751, 23 апреля, с. 288, без заглавия и подписи. Печ. по Соч. 1751, с. 192. Вошло в Соч. 1757. Составление надписи было поручено Ломоносову еще 12 февраля 1751 г. (ПСС, т. 8, с. 983). Можно предположить, что он сочинил ее вскоре же, так как успел включить ее в Соч. 1751 (окончательная подготовка этого издания происходила в феврале-марте 1751 г.).

51. СПб. Вед., 1751, 6 сентября, с. 547, без заглавия и подписи. Печ. по Соч. 1757, с. 166. Написано в соответствии с планом иллюминации, составленным Штелиным, сочинившим для нее также стихи, которые было поручено 23 июля перевести Ломоносову. Вместо этого он представил свои стихи. На иллюминационном театре были изображены два «Гениуса»: один «с плугом на отверстом поле», другой — сидящий на сложенном оружии.

52. Соч. 1757, с. 182, с пропуском числа в дате. Более ранняя редакция сообщена Ломоносовым в письме к И. И. Шувалову 10 сентября 1751 г. (напечатано в Соч. 1784, ч. 1, с. 321), где указывается, что надпись сочинена «после спуску корабля за обедом», т. е. 8 сентября 1751 г., когда в Петербурге в присутствии им-

ператрицы был спущен с верфей Адмиралтейства 80-пушечный корабль «Иоанн Златоуст» (СПб. Вед., 1751, № 73).

53. СПб. Вед., 1751, 29 ноября, с. 797, без заглавия и подписи. Составлено применительно к проекту иллюминации, предложенному Штелиным к годовщине восшествия на престол Елизаветы (25 ноября). На иллюминационном театре был воздвигнут «храм великолепия Российския империи на высокой каменной горе, к которому от низу узкая, каменистая, ямиста и почти непроходимая стезя между голыми навислыми камнями и каменными обломками простирается». Это символизировало «трудный путь», который пришлось пройти Елизавете до восшествия на престол. Штелин также представил стихи, которые было поручено Ломоносову перевести или написать вновь. Получив это предложение 9 октября 1751 г., Ломоносов уже 12 октября представил сочиненные им стихи, в которых лишь отдельные выражения являются переводом стихов Штелина.

54. Пекарский, т. 2, с. 478. Стихи написаны на иллюминацию в день рождения Елизаветы Петровны (18 декабря), по проекту Штелина. На одном из иллюминационных щитов было помещено изображение солнца.

55. СПб. Вед., 1752, 14 генваря, с. 30, без подписи. Написано вместо стихов, представленных Штелиным, составлявшим план иллюминации на новый 1752 г. Стихи сочинены Ломоносовым одновременно с надписью ко дню рождения Елизаветы.

56. СПб. Вед., 1752, 1 мая, с. 285, без заглавия и подписи. Печ. по Соч. 1757, с. 167. Написано согласно плану иллюминации, составленному Ломоносовым. *Побеждены и спасены соседы* — т. е. Швеция и Австрия. *Созвездие Тельца.* В апреле, когда происходила коронация Елизаветы, солнце вступило в созвездие Тельца.

57. СПб. Вед., 1752, 21 сентября, с. 605, без заглавия и подписи. Печ. по Соч. 1757, с. 168, с исправлением опечаток по СПб. Вед. Написано согласно плану иллюминации, разработанному Ломоносовым. Иллюминация произвела большое впечатление на современников. А. Т. Болотов писал, что он «глаза свои растерял, смотря и любуясь на оную». «По обоим краям представлено было два храма, а посредине в превеликом возвышении превеликая картина, изображающая родосского колосса, стоящего ногами своими на двух краях гавани, простирающейся в прошпективическом виде от оного до самых храмов» (А. Т. Болотов, Записки, т. 1, СПб., 1870, стлб, 192). *Колосс Родосский* — огромная статуя Солнца на острове Родос (в Эгейском море), считавшаяся одним из семи чудес древнего мира. Рухнула во время землетрясения в 223 г. до н. э.

58. СПб. Вед., 1752, 8 декабря, с. 781. Печ. по Соч. 1757, с. 168. Написано в соответствии с планом иллюминации, разработанным Ломоносовым, где предусматривалось: «В сосудах изобразить при-

ятно растущие сенситивные, то есть чувствительные, травы, которые ночью сжимаются, а при восхождении солнца отворяются, и так цветут во весь день». Растения, известные под названием «сенситива» (мимозы и др.), привлекали внимание Ломоносова, пытавшегося установить действие на них электричества; упоминаются в его «Слове о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих» (1753).

59. Соч. 1757, с. 169. Составление проекта иллюминации, которая должна была состояться в Москве по случаю намечавшегося прибытия туда Елизаветы, было поручено Ломоносову и Штелину 30 октября 1752 г., и 16 ноября проект был ими представлен в Канцелярию главной артиллерии и фортификации, на которую возлагалось устройство фейерверков. План предусматривал сооружение храма Януса «с затворенными воротами», обведенного круглой оградой из зеленеющих оливных ветвей, что знаменовало мирную политику русского правительства. *Между Петровых стен.* Имеются в виду Петропавловская и Адмиралтейская крепости на Неве в Петербурге.

60. Соч. 1757, с. 183, с пропуском даты в заглавии. Елизавета Петровна выехала в Москву 16 декабря 1752 г. на санях. *По толь бурливых днях.* Перед отъездом Елизаветы несколько дней стояла оттепель с сильными ветрами, а в самый день отъезда выпал обильный снег, и санный путь восстановился.

61. Соч. 1757, с. 170. Написано согласно проекту иллюминации, составленному Ломоносовым и Штелиным. На «торжественных вратах», украшения которых были составлены «из сердец, связанных между собой лавровыми фестонами», была помещена колесница с вензелем Елизаветы.

62. Соч. 1757, с. 184. Автограф не сохранился. Написано после 15 марта 1753 г., когда был подписан Елизаветой Петровной указ о пожаловании Ломоносову имения Усть-Рудицы (неподалеку от Ораниенбаума). Добиваясь этого пожалования, Ломоносов ездил в Москву, где находился двор.

63. Соч. 1757, с. 171. Написано ко дню тезоименитства Елизаветы Петровны (5 сентября), согласно проекту, разработанному Ломоносовым и Штелиным. Тема иллюминации — мир, «твердость общего покоя», как гласила надпись на декоративной пирамиде в центре.

64. Соч. 1757, с. 172. Печ. с исправлением опечатки в ст. 13 по авторизованной копии ААН. Проект предусматривал сооружение полуамфитеатра «по римскому обыкновению»; перед ним на троне фигура Минервы с копьем; внизу «бегущий от трона Дракон с львиною, тигровою, крокодиловою, веприною, змеиною, волчею и лисьею головами». Подпись — «Природою и мужеством».

65. Соч. 1757, с. 174. Иллюминация состоялась в Москве 18 декабря 1753 г. Согласно проекту, «на одном фитильном плане» над-

лежало изобразить «выехавшую в колеснице на белых огнедышущих конях Аврору с факелом в руке и утреннею звездою на челе», на другом «триумфальные ворота, подобные тем, в которые 1709 года декабря 19 числа... Петр Великий от Полтавы с пленными шествовал».

66. Отд. изд., СПб., 1753 (экз. БАН, отдел рукописной и редкой книги). Вошло в Соч. 1757. Автограф не сохранился. Написано согласно проекту иллюминации, разработанному Ломоносовым. На «иллюминационном театре» (помосте) было изображено «здание вечности» с «признаками и мирных и военных времен».

67. Соч. 1778, кн. 1, с. 304. Автограф не сохранился. Написано в честь егермейстера С. К. Нарышкина, по поручению которого чешский валторнист Антон Мареш (1719—1794) составил ансамбль из 16 охотничьих рогов, каждый из них мог издавать только один звук большой силы. К 1752 г. Мареш усилил оркестр до 36 рогов. Роговые оркестры стали принадлежностью царской охоты, катаний на реке и других празднеств (К. А. Вертков, Русская роговая музыка, М.—Л., 1948). О роговой музыке вспоминал еще Г. Державин в одах «Фелица» (1792) и «Развалины» (1799).

68. Соч. 1757, с. 175. Иллюминация состоялась в Москве 25 апреля 1754 г.

69. Соч. 1757, с. 176. Датировано Ломоносовым, составившим проект иллюминации. *Мытари* — сборщики податей. Здесь намек на уничтожение в 1753 г. внутренних таможен. *Коварники в судах.* На заседании Сената в 1754 г. Елизавета выразила намерение положить конец таким порядкам в судах, когда многие «при всей справедливости их дела чрез разные коварные и ябеднические вымыслы должного себе удовлетворения... получить не могут».

70. Соч. 1757, с. 179. Автограф не сохранился. По-видимому, сочинена на следующий день после маскарада, устроенного 24 октября 1754 г. И. И. Шуваловым по случаю рождения великого князя Павла Петровича (20 октября 1754 г.).

71. Отд. изд., 1754 и (одновременно) Прибавление к СПб. Вед., 1754, 1 ноября. Печ. по отд. изд. (экз. БАН, отдел рукописной и редкой книги, шифр 32424 д.). Автограф не сохранился. Написана для празднества, устроенного генерал-фельдмаршалом П. И. Шуваловым (1711—1762) по случаю рождения Павла Петровича, предков которого прославляет надпись.

72. Соч. 1757, с. 177. Ст. 3 исправлен по проекту иллюминации, составленному Ломоносовым (ААН). «Дела» Петра знаменовались эмблематическими украшениями — военными трофеями, якорями, морскими квадрантами, «знаками правосудия» (весы, меч), «математическими и физическими инструментами» (циркуль, зрительные трубы) и т. д., а наверху помещена «небесная сфера».

73. Соч. 1757, с. 181. Автограф не сохранился. Написано к проекту иллюминации, составленному Ломоносовым. Но вместо него был принят проект Штелина, стихи которого перевел ученик Ломоносова — Н. Поповский.

74. Соч. 1757, с. 184. Автограф неизвестен. См. примеч. 12.

75, 76. Соч. 1757, с. 183. Автограф неизвестен. «Конное изображение» Елизаветы Петровны достоверно не установлено. Не является ли им бронзовая статуэтка работы А. Мартелли — всадница в костюме амазонки, которую иногда считают изображением Екатерины II (в фондах Русского музея в Ленинграде)? *Защищать Приямов скиптр.* Амазонки участвовали в защите Трои («Илиада», 3).

77. Соч. 1778, кн. 2, с. 219. Автограф не сохранился. Посвящена труду русских артиллеристов, литейщиков, изобретателей, разработавших новые виды артиллерийского оружия *(гранад)* — «единороги», «гаубицы» и другие, — оказавшиеся эффективными во время Семилетней войны. Разработка этих усовершенствований и изобретений проводилась под наблюдением Петра Шувалова. 28—31 января 1760 г. в Мариенведере было проведено испытание новых и старых орудий, доказавшее преимущество «новоизобретенных». *Секвана и Дунай.* Намек на тогдашних союзников России против Пруссии (Францию и Австрию). *Там Одра, Темза, Рен* — намек на Пруссию и ее союзницу Англию.

78. Отд. изд., СПб., 1764. Печ. по «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах», 1764, сентябрь, с. 239. Автограф неизвестен.

ПОСЛАНИЯ

79. Соч. 1784, ч. 1, с. 311, с подстрочным примечанием редактора: «Сие письмо написано августа 18 дня 1750 года. Тогда его высокопревосходительство, нынешний обер-камергер Иван Иванович Шувалов был камер-юнкером». Эта дата совпадает со временем выезда Елизаветы Петровны в Сарское Село. Автограф неизвестен. *Меж стен и при огне.* Ломоносов говорит о своей работе в химической лаборатории, организованной им при Академии наук и открытой в октябре 1748 г.

80. Отд. изд., СПб., 1753. Печ. по Соч. 1757, с. 383. Автограф не сохранился. Представляет собой просветительскую поэму, написанную в форме дружеского послания к И. И. Шувалову. Ломоносов отстаивает право науки истолковывать явления природы независимо от религиозных представлений и традиций; защищает учение Коперника и Кеплера о солнечной системе, а также взгляды Джордано Бруно о множестве населенных миров. *Ст. 26. Две ночи сложены в едину.* Согласно древнегреческому мифу, Зевс, посещая Алкмену, мать Геркулеса, чтобы продлить свидание с ней, слил две ночи в одну. *Ст. 28. Которая дала путь чудным сим родам.* Имеется в виду образование вулканического «стекла» из остывшей

лавы после извержения Этны. *Ст. 32. Довольна чадом мать, доволен им отец* — т. е. «натура» (природа) и огонь. *Ст. 68. Блеск Стекла.* Имеется в виду глазирование фарфора стекловидной массой. *Ст. 75. Апеллес* — древнегреческий живописец IV в. до н. э., родом с острова Кос (неподалеку от Родоса). *Ст. 78. Финифти, Мозаики.* Финифть — род эмали. Финифтяное дело было распространено на русском Севере (Великий Устюг, Сольвычегодск). Мозаика первоначально составлялась из частиц естественных камней и минералов, замененных впоследствии непрозрачными цветными стеклами (смальтой). *Ст. 145—178. В Америке живут* и т. д. Речь идет о древних обитателях Нового Света, которых порабощали европейские завоеватели. *Ст. 179. Кастиллан* — кастилец. Здесь: конкистадор. *Ст. 228. Небесным без греха огнем курим табак.* Речь идет о зажигательных стеклах. *Ст. 245. Аристарх* из Самоса (III в. до н. э.) — греческий философ и астроном. Он утверждал, что звездная сфера и Солнце неподвижны, а Земля обращается по окружности, центром которой служит Солнце (причем центр звездной сферы не совпадает с этим центром). По свидетельству Плутарха, стоик Клеант обвинил Аристарха в святотатстве. *Ст. 269. Запутан циклами.* Чтобы согласовать сложные движения планет по небосводу с принятой в средние века «системой мира» Клавдия Птолемея, было принято, что каждая планета движется по особому кругу, называемому «эпициклом», причем центр каждого эпицикла в свою очередь двигался по другому кругу, еще большему («дифференту»). Для приспособления этой теории к практическим расчетам приходилось ее все более и более усложнять и вводить новые дополнительные «эпициклы». *Ст. 277. Гугений* — латинизированная форма фамилии голландского ученого Христиана Гейгенса (Гюйгенса) (1629—1695), которым были открыты кольца вокруг планеты Сатурн. Книга Гейгенса «Космотеорос», знакомившая с учением Коперника, появилась в русском переводе в 1717 г. *Ст. 277. Кеплер* Иоганн (1571—1630) — немецкий астроном, разработавший законы движения планет и завершивший учение Коперника. Последний, указав на центральное положение Солнца в нашей системе, не смог отрешиться от традиционного представления, что движение планет может совершаться только по кругу, и поэтому был вынужден сохранить часть «эпициклов» (см. выше). Кеплер, доказав, что это движение совершается по эллипсисам, устранил эти противоречия. *Ст. 293. Августин* (354—430) — западноевропейский *(вечерний)* богослов, отрицавший в своей книге «О граде божием» существование антиподов (людей, живущих на противоположном полушарии). *Ст. 300. В костелах новых* — т. е. построенных в Новом Свете католиками. *Ст. 393. Стеклянный шар* — часть электростатической машины, в которой электричество получалось путем трения о стеклянную поверхность. *Ст. 396. До лета прошлого.* Имеется в виду известие об опытах Франклина с атмосферным электричеством, полученное в 1752 г. *Ст. 422. Прощает миллионы.* 15 декабря 1752 г. Елизавета издала указ о снятии недоимок по подушному сбору. *Ст. 426. Меценат* — И. И. Шувалов.

81. Отд. изд., СПб., 1764. (Экземпляр ААН.) Автограф не сохранился. Письмо фавориту Екатерины II Г. Г. Орлову (1734—

1783) было написано в ожидании возвращения его из поездки с императрицей в Эстляндию и Лифляндию. *Усть-Рудицы.* Имение Ломоносова, где находилась фабрика цветных стекол и смальт. *Ливонские раскаты* — крепости в Прибалтике. *Правый суд.* Намек на указ от 18 июля 1762 г. «об удержании судей и чиновников от лихоимства». *Лицем к Петрополю.* Екатерина II возвратилась в Петербург 25 июля 1764 г. *Где действует вода.* В Усть-Рудицах мельница использовалась как лесопильная и приводила в действие «шлифовальную машину». *Марсу следовать.* Намек на участие Г. Орлова в Семилетней войне. *Таких нам дав сынов* — братьев Орловых. Сведения об их германском происхождении, сообщаемые в примечании Ломоносова, недостоверны.

ИДИЛЛИЯ

82. Отд. изд., СПб., 1750. Автограф не сохранился. Написано не ранее 5 июня 1750 г., когда был получен указ Сената об утверждении президента Академии наук Кирилы Разумовского гетманом Украины. Избрав, по примеру Вергилия, «буколику», Ломоносов использовал традиционные «пастушеские мотивы» идиллии для деликатного восхваления нового гетмана, в юности пасшего волов. В идиллии «Полидор» нашли отражение некоторые мотивы украинской природы. *Полидор* («многодаренный») — имя, заимствованное из греческой мифологии. Так звали сына Кадма и Гармонии, мифических родоначальников фиванских царей. *Предстатель* — К. Г. Разумовский, ставший в 1746 г. президентом Академии наук. *Богиня* — Елизавета Петровна. *Жезл* — булава, знак гетманской власти. *Палемоново стадо.* Палемон — одно из прозвищ Геракла, в юности бывшего пастухом. *Полидоров дом.* Имеются в виду жена Разумовского Екатерина Ивановна (урожденная Нарышкина) и их дети.

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

83. Рит. 1748, с. 251. Вошло в Соч. 1759. Переложение тридцатой оды Горация (кн. 3). Тему «Памятника» в русской поэзии в дальнейшем разрабатывали Г. Державин, А. Пушкин, В. Брюсов и др. *Авфид* — река в южной Италии, на родине Горация. *Давнус* — Давн, легендарный царь Апулии, родины Горация. *Стихи эольски.* Эолийские (по наименованию одного из греческих племен) стихи считались образцом древнегреческой лирики; разработаны в латинской поэзии преимущественно Горацием. *Алцейской лирой.* Альцей (Алкей) — древнегреческий лирик VII в. до н. э. Писал на эолийском диалекте. *Дельфийским лавром.* В Дельфах находился главный храм Аполлона, священным деревом которого считался лавр.

84. Рит. 1748, с. 305. Вошло в Соч. 1759. В «Риторике» приведено как пример из Анакреонта.

85. Рит. 1748, с. 303. Вошло в Соч. 1759. Вольный перевод басни Лафонтена (кн. 3, № 3).

86. Рит. 1748, с. 304. Вошло в Соч. 1759. Вольный перевод басни Лафонтена (кн. 3, № 16).

87. Рит. 1748, с. 305. Вошло в Соч. 1759. Вольный перевод отрывка из Лафонтена (кн. 3, № 1).

88. А. С. Шишков, Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка, СПб., 1803, с. 149. Автограф не сохранился. В Каз. сб. вместо Стил — Блез. Эпиграмма на А. П. Сумарокова; 8 октября 1748 г. он представил в Академическую типографию для напечатания трагедию «Гамлет», на которую Ломоносов и Тредиаковский давали отзыв. Сумароков допустил (под влиянием французского языка) необычное в то время употребление глагола «тронуть». Мать героя, королева Гертруда, уличенная в убийстве первого мужа, говорит:

Вы все! свидетели моих безбожных дел:
Того противна дня, как ты на трон взошел,
Тех пагубных минут, как честь я потеряла
И на супружню смерть не тронута взирала, —

т. е. глядела, не будучи взволнована или опечалена (притом Сумароков в рукописи заменил первоначальное «безжалостно» на «не тронута»). Стихи Ломоносова — омонимическая пародия. Этот род пародирования восходит к античной традиции. В русской литературе встречается редко (см.: Н. Ф. Остолопов, Словарь древней и новой поэзии, СПб., 1821. Пародия).

89. БЗ, 1858, № 16, стлб. 485. Автограф не сохранился. Эпиграмма на поэта и переводчика Ивана Васильевича Шишкина (1722—1751). *Марон* — Вергилий.

90. «Москвитянин», 1854, № 1—2, с. 4. Печ. по этой публикации с поправкой по Каз. сб. («завидной» вместо «завистной»). Автограф не сохранился. Сатирический отклик на слова Тредиаковского в трактате «Новый и краткий способ к сложению стихов российских», где указывалось на недопустимость сочетания женских и мужских рифм, что так же «мерзко», «когда бы кто наипоклоняемую, наинежную и самым цветом младости своея сияющую европейскую красавицу выдал за дряхлого, черного и девяносто лет имеющего арапа». *Штивелий* — прозвище педанта, выведенного в комедии датского драматурга Гольберга (1684—1754), примененное к Тредиаковскому в «Эпистоле о стихотворстве» Сумарокова.

91. Соч. 1784, ч. 1, с. 316. Автограф не сохранился. Шуточное послание И. И. Шувалову. К пропущенному слову издателем сделано примечание: «Здесь упомянул сочинитель имя славного ябедника, который жил в его время». Имя это не установлено.

92. «Московский телеграф», 1827, № 20, с. 169. Эпиграмма была послана Ломоносовым И. И. Шувалову с припиской: «Прошу извинить, что для краткости времени набело переписать не успел. Кор-

ректуры русской и латинской речи и грыдоровальных досок не позволяют». Как установил Л. Б. Модзалевский, эти слова относятся к первой половине ноября 1753 г. (Акад. изд., т. 8, с. 91, вторая пагинация). По традиции, восходящей к XVIII в., считается эпиграммой на Тредиаковского.

93. БЗ, 1859, № 15, стлб. 455. Печ. по ПСС, т. 8, с. 540, где напечатано по черновому автографу. Послано И. И. Шувалову одновременно с предыдущим. Написано в связи с появлением сатиры «На петиметра и кокеток» И. П. Елагина (1725—1794), поэта, близкого к Сумарокову. Сатира Елагина (опубликована в том же номере БЗ) вызвала полемику, так как содержала намеки на И. Шувалова. Непосредственным ответом на нее была пародия ученика Ломоносова Н. Н. Поповского «Возражение, или Превращенный петиметр» (см. «Русская литературная пародия». «Б-ка поэта», Б. с., Л., 1960, с. 684). *На перву ночь свояком.* В сатире Елагина были стихи:

Подобно как жених в последни час пред браком
Боится, чтоб в ту ночь не быть ему свояком...

94. «Московский телеграф», 1827, № 20, с. 169. Стихотворение послано И. И. Шувалову одновременно с двумя предыдущими. Является отголоском давних споров Ломоносова с Тредиаковским об окончании имен прилагательных. Тредиаковский настаивал на том, чтобы прилагательные и местоимения мужского рода на -ый и -ий в именительном падеже множественного числа писались на -ыи и -ии (святыи, которыи, любящии). Ломоносов пародирует эти архаические написания, применяя их к простым словам («свиныи визги»), и попутно высказывает свои суждения по орфоэпии (о преимуществах благозвучного московского «наречия»).

95. «Москвитянин», 1854, № 1—2, с. 4. Автограф не сохранился. Написано в связи с многолетней полемикой по вопросам орфографии. Тредиаковский предлагал ввести две различные буквы для обозначения взрывного «г» и произносимого с придыханием (как в украинском языке и некоторых словах церковнославянского). Ломоносов утверждал, что в русском языке разграничить употребление этих звуков невозможно, и отвергал необходимость введения особых букв «га» и «глаголя».

96. Акад. изд., т. 2, с. 135. Печ. по ПСС, т. 8, с. 615, где напечатано по Каз. сб. Автограф не сохранился. Перевод сатирического послания прусскому королю Фридриху II, авторство которого приписывается Вольтеру. Имеет в виду коварную политику Фридриха II, который, заигрывая с Францией, предпочел ей союз с Англией и Ганновером, подготовив таким образом начало Семилетней войны. *Познали Грецию над шпрейскими струями.* Имеется в виду основание Прусской академии в Берлине (на Шпрее) *Лавров Молвицких.* Речь идет о победе прусских войск над австрийцами при Молвице 30 марта 1741 г., когда наметилась агрессивность прусских военных планов. *Бурбон.* Бурбоны — королевский дом Франции. *Лейпцигски врата.* Имеется в виду захват прусскими войсками Лейпцига, принадлежавшего Саксонии.

97. БЗ, 1859, № 15, стлб. 461. Печ. по ПСС, т. 8, с. 618, где напечатано по списку из архива акад. Г. Ф. Миллера. Поводом для сатиры послужило столкновение Ломоносова с Синодом, запретившим перевод поэмы А. Попа «Опыт о человеке», выполненный Н. Н. Поповским (во второй половине 1756 г.). После того как «Гимн бороде» получил большое распространение (в списках), Синод 6 марта 1757 г. подал доклад Елизавете, добиваясь высочайшего указа, чтобы «таковые соблазнительные и ругательные пасквили истребить и публично сжечь», а их автора для «увещания и исправления» передать духовным властям (что могло означать и заточение в монастырь). Эти домогательства остались без последствий, вероятно, по хлопотам за Ломоносова И. И. Шувалова. Сатира Ломоносова направлена не только против членов Синода, но имеет в виду всех представителей консервативного мировоззрения, начиная от старообрядцев («керженцев»), преследовавшихся за ношение бород, и кончая православным духовенством, невозбранно пользовавшимся этой привилегией. *Двойной оклад.* По указу Петра I старообрядцы за ношение бород должны были вносить двойной подушный оклад. *Скачут в пламень суеверы.* Имеются в виду самосожжения старообрядцев, доведенных до отчаяния правительственными преследованиями и вымогательством местных властей. *Если правда, что планеты* и т. д. Учение о множестве населенных миров, пропагандировавшееся Ломоносовым, вызывало особую ярость Синода. *Завивать хочу тупеи* и т. д. Ломоносов предлагает различные «уборы» для бороды по тогдашней моде: взбивать «тупеи» (хохолки), завести особые «кошельки» (как для косы у париков), а за неимением пудры пользоваться крупичатой мукой, как делали простые солдаты.

98. Пекарский, т. 2, с. 605 (с пропусками). Печ. по ПСС, т. 8, с. 627, где напечатано по списку ЦГИАЛ. Автограф неизвестен. Эпиграмма явилась откликом на переполох в Синоде, вызванный появлением «Гимна бороде».

99. «Москвитянин», 1854, № 1—2, с. 3. Автограф не сохранился. Написано не ранее 15 июля 1757 г. (дата, выставленная на письме пасквильного характера, разосланном после появления «Гимна бороде», за подписью вымышленного лица — Христофора Зубницкого). К письму Зубницкого, приславшего его якобы из Колмогор (Холмогор), была приложена пародия «Переодетая борода, или Имн пьяной голове», где, между прочим, содержался и упрек Ломоносову в его мужицком происхождении:

Ты преподло был рожден,
Хоть чинами и почтен.
. . .Всех когда лишат чинов,
Будешь пьяный рыболов. . .

Ломоносов был убежден (хотя это оказалось неверным), что под именем Зубницкого скрывался Тредиаковский, на которого он и написал эпиграмму, осмеивая его неудачные выражения и рифмы, в частности песенку Тредиаковского со стихами:

Поют птички
Со синички,
Хвостом машут и лисички.

Дорогу некошну. Намек на выражение Тредиаковского «Или тебе некошна вся была дорога». *Ходуль, красовуль* — рифмы, употреблявшиеся Тредиаковским. *Пробин* (от латинского «probus» — честный). Под этим именем Ломоносов подразумевал самого себя.

100. Соч. 1759, с. 180. Заглавие стихотворения извлечено из «Риторики», где означено: «Сюда принадлежат и следующие стихи, сочиненные в Петергофе на Петров день 1759 года» — т. е. на день тезоименитства Петра I, великого князя Петра Федоровича и Павла Петровича.

101. «Архив князя Воронцова», кн. 4, М., 1872, с. 502. Автограф не сохранился. В «Архиве» Воронцова дано заглавие: «Стихи Ломоносова в честь императрицы Елисаветы Петровны», которое нами опущено как недостоверное. Вероятно, Ломоносов имел в виду какое-то произведение искусства, возможно мозаики (на это указывает выражение «древнего дивлюсь художества примеру»). В «Росписи упражнений сего 1759 года» Ломоносов упоминает, что «сочинил краткие стихи» «На Фортуну» (ПСС, т. 10, с. 395), что и служит основанием для датировки. *Установила круг,* т. е. колесо Фортуны. *Истинен патрон* — здесь: М. И. Воронцов.

102. «Москвитянин», 1854, № 1—2, с. 2 (не полностью). Печ. по ПСС, т. 8, с. 659, где напечатано по Каз. сб. Автограф не сохранился. Стихи, возможно, вызваны появлением в журнале Сумарокова «Трудолюбивая пчела» (1759, июнь) статьи Тредиаковского «О мозаике» с завуалированными выпадами против Ломоносова. Ранее Тредиаковский и Сумароков враждовали. *Аколаст* (наглый) — прозвище, данное Ломоносовым Сумарокову. *Сотин* (глупый) — здесь: Тредиаковский, ранее выведенный Сумароковым в комедии «Тресотинус». *Третей член.* Намек на советника академической канцелярии Иоганна Тауберта, содействовавшего Сумарокову в издании «Трудолюбивой пчелы». *Мигал.* Намек на привычку Сумарокова часто мигать. *Хвалу унизить од.* В «Трудолюбивой пчеле» Сумароков нападал на одический стиль Ломоносова. *Врать способен.* В «Эпистоле о стихотворстве» (1748) Сумароков писал о Тредиаковском: «А ты, Штивелиус, лишь только врать способен».

103. Соч. 1784, ч. 1, с. 312. Автограф не сохранился. Эпиграмма, по-видимому, направлена на придворного проповедника Елизаветы Петровны Гедеона Криновского (1726—1763), нападавшего в своих проповедях на тех, кто, слушая церковные поучения, «наблюдает» за «риторическими правилами» и забывает, что они «пришли не в Демосфенову или Цицеронову школу, но в Христову», и с большею охотой читает «Аргениду, или Телемака», нежели Евангелие. Эти выпады метили в «Риторику» Ломоносова, который опровергает эти обвинения, ссылаясь на греческих богословов и проповедников:

Василия Великого (329—379) и Иоанна Златоуста (347—407), не отрицавших значения риторики и общей языческой (античной) образованности. «Собрание разных поучительных слов» Гедеона Криновского вышло во второй половине 1759 г., что дает основание для предположительной датировки и стихотворения Ломоносова. *Телемак* — действующее лицо дидактического романа Фенелона «Похождения Телемака» (1699).

104. Артемьев, с. 188. Печ. по ПСС, т. 8, с. 690. Автограф не сохранился. Ломоносов добился закрытия журнала «Трудолюбивая пчела», издававшегося в 1759 г. кружком Сумарокова. Поэтому он и предлагает «оплакать» «Пчелку». Аналогичный выпад против Сумарокова в письме Ломоносова И. И. Шувалову от 17 апреля 1760 г.: «Выдумал пчелку и посылал ее по мед на стрелку, чтобы потом жалила подьячих. Изрядной нашел способ в крапиву испражняться» (Акад. изд., т. 8, стр. 222). В последних словах (как и в эпиграмме) намек на Сумарокова, нападавшего в своих сатирах на подьячих. *Стрелка* — местность на взморье в Петербурге, где жил друг Сумарокова поэт И. П. Елагин («Елагин остров»).

105. «Российский Парнас», ч. 1, СПб., 1771, с. 26. Автограф не сохранился. Цикл стихотворений, состоящий из перевода четырех од, приписываемых древнегреческому поэту Анакреонту (IV в. до н. э.), и «ответов» Ломоносова, которые представляют самостоятельные произведения, выражающие его взгляды на задачи поэзии и назначение поэта. О д а I. Переведена Ломоносовым еще в студенческие годы как ода «К лире» (см. вступ. статью). *Кадм* — легендарный основатель города Фив. О д а XXIII. В греческом подлиннике названа «К сребролюбцу». *Сенека* Люций (3 до н. э. — 65 н. э.) — римский философ и писатель, позднейший представитель стоицизма. О д а XI. В греческом подлиннике названа «К самому себе». *Катон* Младший (95—46 до н. э.) — римский политический деятель. Сторонник аристократической республики. Покончил самоубийством, когда стала неизбежной победа Юлия Цезаря, стремившегося установить императорскую власть. *Зерном твой отнял дух.* По преданию, Анакреонт умер, подавившись сухой виноградиной. *Упрямка.* Ломоносов в письме к Г. Теплову (от 30 января 1761 г.) отмечает как черту своего характера «благородную упрямку и смелость в преодолении всех препятствий к распространению наук в отечестве». О д а XXVIII. В греческом подлиннике названа «К девушке». *Мастер в живопистве первой* — *Апеллес* (см. примеч. 80). *И повели войнам престать.* Намек на Семилетнюю войну (1756—1763).

106. Соч. 1784, ч. 1, с. 313. Печ. по ПСС, т. 8, с. 691, где датируется первой половиной февраля 1761 г. на основании приписки Ломоносова к письму М. Л. Воронцову от 15 февраля 1761 г. о «просительных стихах», представленных им И. И. Шувалову для императрицы. В стихах речь идет о даровании «привилегии» академическому университету, которой Ломоносов настойчиво добивался. *Петрова ревность к ним, любовь Екатерины.* Имеется в виду основание Петербургской Академии наук Петром I, открытой в год

его смерти, при Екатерине I. *Когда я, середи российских муз стоя* и т. д. Во время торжественной «инавгурации» Петербургского университета (см. примеч. 110) Ломоносов собирался произнести благодарственную речь императрице.

107. М. В. Ломоносов, Явление Венеры на Солнце, наблюденное в Санктпетербургской Академии наук майя 26 дня 1761 года, СПб., 1761, с. 11. Автограф не сохранился. Ломоносов ввел это стихотворение в полемическую часть своей работы, посвященной изложению сделанных им наблюдений во время редкого астрономического явления (прохождение Венеры по видимому диску солнца) и открытию им атмосферы на этой планете. В концовке Ломоносов использовал аналогичное шуточное замечание в книге Сирано де Бержерака «Иной свет, или Государства и империи Луны».

108. Там же, с. 16. Автограф не сохранился. Вольное переложение некоторых мест из сатиры латинского поэта Клавдиана (365—408) «Против Руфина». Клавдиан, «наблюдая человеческие дела, торжество злых и угнетение благочестивых», приходил к мысли, что «божество или не существует, или не заботится о нас». Ломоносов включил это стихотворение в свое научное сочинение, по-видимому для того, чтобы не вызвать слишком резких нападок на сделанные им смелые выводы из наблюдений и полемические выпады против духовенства (см.: А. Морозов, М. В. Ломоносов и телеология Христиана Вольфа. — «Литературное творчество М. В. Ломоносова», М.—Л., 1962).

109. «Собеседник любителей российского слова, содержащий разные сочинения в прозе некоторых российских писателей», 1784, ч. 11, с. 150. Автограф не сохранился. Переложение анакреонтического стихотворения «К цикаде». Ломоносов добавил последний, заключительный стих. В 1760—1761 гг. Ломоносов боролся за преобразование Академии наук, для которой выработал новый регламент.

110. «Архив князя Воронцова», кн. 4, М., 1872, с. 502. Автограф не сохранился. Связано с хлопотами Ломоносова об «инавгурации», т. е. торжественном открытии и утверждении в правах университета, существовавшего при Академии наук со дня ее основания. Вероятно, Ломоносов пытался через М. Л. Воронцова получить подпись Елизаветы на «привилегии» для университета. *Российский Зевес* — Петр I.

111. Н. Г. Курганов, Российская универсальная грамматика, или Всеобщее письмословие, СПб., 1769, с. 276 (не полностью) и БЗ, 1858, № 16, стлб. 485 (полностью). Печ. по ПСС, т. 8, стр. 737, где опубликовано по списку из архива Г. Ф. Миллера (ЦГАДА), под условным названием: «<Возражение на притчу «Осел во львиной коже». Притча «Свинья в лисьей коже»>». Название восстанавливается по Курганову. Автограф не сохранился. Пародия написана в ответ на «притчу» Сумарокова «Осел во львиной коже» («Праздное время, в пользу употребленное», 1760, 19 февраля, с. 146):

Осел, одетый в кожу львову,
Надев обнову,
Гордиться стал
И будто Геркулес под оною блистал...

«Притча» содержала и личные выпады против социального происхождения Ломоносова:

...когда в чести увидишь дурака,
Или в чину урода
Из сама подла рода,
Которого пахать произвела природа.
Ворчал,
Мычал,
Рычал,
Кричал,
На всех сердился, —
Великий Александр толико не гордился.

Он хлеб их отымает. Вероятно, намек на увольнение Сумарокова от управления театром в начале лета 1761 г. *Однако всё врала.* В письме к Шувалову 19 января 1761 г. Ломоносов писал: «Господин Сумароков, привязавшись ко мне на час, столько всякого вздору наговорил, что на весь мой век станет».

112. П. Пекарский, Дополнительные известия для биографии Ломоносова, СПб., 1865, с. 92. Вольный перевод четырех стихов басни Лафонтена «Крыса, отрешившаяся от мира». В сокращенном переводе Сумарокова басня была напечатана в «Трудолюбивой пчеле» (1759, июль). Направлена против монахов, отрекавшихся «от суетного мира».

113. «Учреждение императорского Воспитательного дома для приносных детей и гошпиталя для бедных родильниц в столичном городе Москве», ч. 1, СПб., 1763, с. 62. Без подписи. Автограф не сохранился. Написано по случаю манифеста от 1 сентября 1763 г. об учреждении Воспитательного дома «на едином самоизвольном подаянии от публики», т. е. на общественные средства, к сбору которых и призывает Ломоносов. О необходимости такого учреждения он высказывался в письме к И. Шувалову «О сохранении и размножении российского народа» (в ноябре 1761 г.).

ГЕРОИЧЕСКАЯ ПОЭМА

114. Отд. изд. Первая песнь. СПб., 1760 (декабрь); вторая песнь, СПб., 1761 (июль). Печ. по отд. изд. (обеих песен вместе) — СПб., 1761. Автограф не сохранился. Ломоносов начал писать поэму не позднее 1756 г., так как упоминает о ней уже в отчете, поданном К. Разумовскому в этом году (ПСС, т. 10, с. 393). Поэма осталась неоконченной.

Посвящение. *Ст. 15. Хотя вослед иду Виргилию, Гомеру.*

«Илиада» Гомера и «Энеида» Вергилия служили каноническим образцом для героической поэмы. Ломоносов подчеркивает, что не находит в них «довольного примеру», так как собирается воспеть реальные исторические события, «труд» Петра. *Ст. 22. Беглец Виргилиев* — Эней. *Ст. 25—26. Улиссовых сирен и Ахиллесов гнев* и т. д. — т. е. лучшие сцены «Одиссеи» и «Илиады» затмились бы изображением победы Петра над шведами *(Лев)*.

Песнь первая. *Ст. 36—37. До Меотиских Дон свободно тек валов* и т. д. В античные времена Меотийским называлось Азовское море. Ломоносов имеет в виду построенную под Воронежем в течение нескольких месяцев военную флотилию, решившую судьбу Азова, взятого 18 июля 1696 г., и открывшую свободный выход в Черное море. *Ст. 41. Бунтующих стрельцов достойной после казни.* Казни стрельцов, возмутившихся против Петра в пользу царевны Софьи, происходили в Москве с 30 сентября по 21 октября 1698 г. *Ст. 45. Нарвской... сомнительной победы.* Сражение под Нарвой 20 ноября 1700 г. принесло лишь временный успех шведам. *Ст. 51. О коль ты счастлива, великая Двина.* Петр I трижды посетил русский Север — в 1693, 1694 и 1702 г. *Ст. 57. О холмы красные и островы зелены.* Направляясь в Архангельск, Петр останавливался на отдых в Холмогорах, посещал верфи Бажениных и бывал на Курострове, о чем Ломоносов наслышался от старожилов и своего отца, видевшего Петра (см.: А. А. Морозов, Юность Ломоносова, Архангельск, 1958, с. 294—300). *Ст. 63. Новы крепости.* 12 июня 1701 г. по указу Петра в устье Двины была заложена Новодвинская крепость, для захвата которой в том же году была послана шведская эскадра из семи кораблей, нападение удалось отразить, причем были захвачены два корабля. *Ст. 68. От Ингерских градов.* Ингрия — старинное название земель к северу от Невы. *Ст. 71. Понт* — здесь: Белое море. *Ст. 133. Уна* — речка на Летнем (т. е. южном) берегу Белого моря, неподалеку от «Унских рогов», где в июне 1694 г. едва не разбился корабль, на котором плыл Петр. В 1601 г. Борис Годунов сослал заговорщицкую группу бояр Романовых, предков Петра, на Север: Федора Никитича — на Двину в Антониево-Сийский монастырь, Александра Никитича — «к студеному морю, рекомому Луда» (Луда — обозначает каменную отмель), что Ломоносов отождествляет с устьем Уны, поблизости от которого находились соляварни (Нёнокса, Солза). *Ст. 150. Пройти покрыту льдами воду.* Ломоносов вкладывает в уста Петра I свою мысль о необходимости отыскания Северо-восточного морского пути. *Ст. 153.* Васко да *Гама* (1469—1524) достиг берегов Индии морским путем вокруг Африки. *Ст. 155. Фернан Магеллан* (1480—1521) открыл в 1520 г. пролив между Патагонией и Огненной Землей. *Ст. 201. Черепокожные* — т. е. покрытые раковиной. *Ст. 223. Из диких камней град* — Соловецкий монастырь, стены которого были сложены из больших валунов в 1584—1596 гг. При посещении Петром Соловков 10—16 августа 1702 г. с башен монастыря был дан артиллерийский салют. *Ст. 239. Фирс* (ум. 1718) — настоятель Соловецкого монастыря с 1689 г. *Ст. 259. Татары.* Участие татар, взятых в плен Иоанном Грозным, в постройке стен Соловецкого монастыря исторически не подтверждено. *Ст. 270. Исправить церькви чин.* Имеет-

ся в виду исправление богослужебных книг и другие церковные реформы Никона, не принятые соловецкими монахами, примкнувшими к старообрядцам. Осада монастыря правительственными войсками продолжалась с 1666 г. до 22 января 1676, когда восстание было жестоко подавлено. *Ст. 291. Девять сестр* — девять муз. *Ст. 315. Старший брат* — царь Федор Алексеевич, умерший 27 апреля 1682 г., средний — Иван Алексеевич, под давлением стрельцов провозглашенный царем в мае того же года. *Ст. 318. Препоручил Российскую державу.* Утверждение, что царь Федор Алексеевич назначил своим преемником Петра I, недостоверно. *Ст. 325. Иоаким* — московский патриарх (с 1674 по 1690 г.), сторонник единодержавия Петра. *Ст. 345. Толстой, Милославской* — сторонники Софьи, Петр Андреевич Толстой и Иван Михайлович Милославский. *Ст. 372. Кровавый вводит день.* Восстание стрельцов 15 мая 1682 г., во время которого были сброшены на копья и перебиты сторонники Нарышкиных — Михаил Долгорукий, брат царицы Афанасий Нарышкин, боярин Артамон Матвеев и другие. *Ст. 447. Жертвенник святой.* Афанасий Нарышкин забился под церковный престол, откуда был вытащен стрельцами и убит. *Ст. 461. Ромодановской* Григорий Григорьевич — князь, убитый стрельцами. *Ст. 475. Дерзостный Борис* — Борис Годунов. Обращение к нему вызвано тем, что в день 15 мая в Угличе был убит царевич Димитрий. *Ст. 492. Злодейску руку прочь злодейской отвратил.* Имеется в виду предание, что один из восставших стрельцов помешал другому заколоть Петра. *Ст. 495. С Федором и Мартемьяном Лев* — три сына Кирилла Нарышкина (братья царицы Натальи, матери Петра), которые во время мятежа стрельцов бежали из Москвы «в сермяжном платье». *Ст. 500. Дед мой* — Кирилл Полуектович Нарышкин (1623—1691). По челобитной стрельцов, поданной 18 мая 1682 г., был пострижен в монахи. *Ст. 549. Дом Спасителев* — церковь «Спаса за золотой решеткою», где укрылся брат царицы Иван Нарышкин, которого Софья советовала выдать стрельцам. *Ст. 576. Чернец* — Кирилл Нарышкин (см. выше). *Ст. 594. Крепости подрав.* Стрельцы, стремясь привлечь на свою сторону боярских слуг, разгромили Холопий приказ и уничтожили «крепости» (на владение крестьянами). *Ст. 600. Граматы* — благодарственные грамоты царевны Софьи стрельцам, которые они несли в приказ. *Ст. 603. Побитых имена* были начертаны «на столпе», установленном с разрешения Софьи на Красной площади. *Ст. 611. Аввакум* — видный деятель старообрядчества и писатель. Сожжен в 1681 г. в Пустозерске. *Ст. 612. Пустосвят* — Никита Константинович Добрынин (ум. 1682), суздальский протопоп, деятель старообрядчества. *Ст. 615. Хованский* Иван Андреевич — князь, один из предводителей стрельцов, казненный по распоряжению Софьи 17 сентября 1682 года. Поддерживал старообрядцев *(капитонов). Ст. 626. Собор* — публичное «прение» о старой и новой вере, устроенное 5 июля 1682 года по требованию стрельцов в Грановитой палате в присутствии Софьи. От старообрядцев выступал Добрынин, которому от имени патриарха отвечал Афанасий, назначенный в том же году архиепископом Холмогорским.

Песнь вторая. *Ст. 1. О войско славное* — обращение к русской армии, участвовавшей в то время в Семилетней войне.

В дальнейшем перечисляются главные победы русских у водных рубежей — Преглы (битва у Гросс-Егерсдорфа), Одера (при Цорндорфе), Шпрее (взятие Берлина русскими войсками 29 сентября 1760 г.) и др. *Ст. 44. Стал велик.* Намек на то, что Пруссия укрепилась благодаря союзу с Россией и во время Северной войны Петра захватила Померанию, принадлежавшую до того Швеции. *Ст. 46. Пусть Карловых он дней себе представит бедство* — т. е. судьбу Карла XII. *Ст. 55. Сей оплот* — Орехов остров, у истока Невы на Ладожском озере, где еще в XIV в. новгородцами была поставлена крепость Орешек, переименованная шведами в Нотебург. *Ст. 67. Готские полки.* Намек на участие шведов в интервенции в начале XVII в. Далее излагаются события, закончившиеся воцарением деда Петра — Михаила Федоровича. *Ст. 78. Пожарский* Дмитрий Михайлович (ок. 1578—1642) — князь, русский полководец, вместе с К. Мининым возглавивший народное ополчение, освободившее Москву в 1612 г. *Трубецкой* Дмитрий Тимофеевич (ум. в 1625 г.) — князь, воевода, примкнувший к народному ополчению и участвовавший в освобождении Москвы. До избрания Михаила Федоровича был правителем Московского государства. *Ст. 101. Наследство.* Имеется в виду воссоединение с Украиной при Алексее Михайловиче. *Ст. 113. Кексгольмская Корела* была расположена у Ладожского озера; оттуда прибывали подкрепления в Нотебург. *Ст. 119. Преходя Онежских крутость гор.* В августе 1702 Петр I совершил сюда переход из Нюхчи (на Белом море). *Ст. 129. Железо мне пролей.* Ведя войска на Ладогу, Петр основал Повенецкие горные заводы. *Ст. 148. Канал.* Приладожский канал, соединяющий Неву с Волховом, стали прокладывать в 1718 г. *Ст. 172. Флот следует посуху.* Перед взятием Нотебурга 50 судов были доставлены волоком из Ладожского озера в Неву. Ломоносов сравнивает это с летописным рассказом о походе киевского князя Олега под Константинополь, когда русские, поставив суда на колеса, подступили к городу. *Ст. 181. Преправясь чрез Неву.* 1 октября 1702 года на шведский берег были переправлены солдаты Преображенского и Семеновского полков, под командованием Б. П. Шереметьева, пославшего коменданту крепости Нотебург предложение о капитуляции. *Ст. 192. Горн* Арвид (1664—1742) — шведский генерал, находившийся в Нарве. Надеясь на его помощь, шведы просили дать им четыре дня на размышление. После этого «лживого ответа» и началась бомбардировка крепости, продолжавшаяся до 9 октября. *Ст. 217. Слабых жен.* 3 октября 1702 г. комендант Нотебурга попросил русское командование разрешить покинуть крепость офицерским женам, на что Петр отвечал, что тогда пусть они «изоволили б и любезных супружников своих вывести купно с собою» — т. е. капитулировать. *Ст. 233. Летучей мост* — понтон через Неву, готовый к 9 октября. *Ст. 249. Чаcá урочного дождав.* Штурм крепости начался в 3 часа 30 минут утра 11 октября и продолжался 13 часов. *Ст. 261. Карпов* — майор Преображенского полка. *Ст. 278. Голицын* Михаил Михайлович (1675—1730) — князь, генерал-фельдмаршал, участвовавший во взятии Нотебурга. По недостоверному преданию, отверг приказ Петра об отступлении. *Ст. 320. Ярославов сын* — Александр Невский. *Ст. 341. Местничество* — старшинство в должностях, занимавшихся

по знатности рода. Было отменено в 1682 г. *Оплошной Крой* — Карл Евгений герцог де Кроа (1651—1702), генерал, которому Петр поручил главное командование русскими войсками под Нарвой. Ошеломленный внезапным появлением неприятеля, в панике одним из первых сдался шведам. *Ст. 352. Вандалы* — германское племя; здесь: шведы. *Ст. 363. Признаки мужества* — оружие, которое шведы сдавали победителям, покидая крепость (14 октября). *Ст. 383. Пускай в Германии.* Продолжая войну в Саксонии и Польше, Карл XII осенью 1703 г. занял Торунь, Мариенбург, Данциг и другие города. *Ст. 386. Взводит королей.* В июле 1704 г. Карл XII, подступив к Варшаве, добился низвержения польского короля Августа II и избрания Станислава Лещинского. *Ст. 389. Дарий* — персидский царь, побежденный Александром Македонским. *Ст. 409. Земли и моря ключ.* Петр переименовал взятую им крепость Нотебург в Шлиссельбург (Ключ-город). *Ст. 431. Едина изваянна.* Среди пушек, оставленных шведами в Нотебурге, была найдена отлитая еще при Иване III и захваченная неприятелем во время интервенции в начале XVII в. *Ст. 438. Ахмет* — здесь в значении хана Золотой орды. *Ст. 490. Храм наук.* Основание в Петербурге Петром Академии наук (открыта в 1725 г. после его смерти).

ТРАГЕДИИ

115. Отд. изд., СПб., 1750. Автограф сохранился частично. Написана по «изустному указу» Елизаветы, повелевшей «профессорам Тредиаковскому и Ломоносову сочинить по трагедии». В отчете за «майскую треть» 1750 г. Ломоносов указывал, что «начал сочинять трагедию», а в следующем отчете упоминает, что закончил «Тамиру и Селима» в ноябре (ПСС, т. 10, с. 382—383). 1 декабря 1750 г. трагедия была разыграна кадетами Сухопутного шляхетного корпуса и повторена 9 января 1751 г. Вымышленный «экзотический сюжет» — поход «багдатского царевича» против крымского хана и любовные перипетии — сочетается с поэтической обработкой эпизодов русской истории, как они изложены в сказаниях о Мамаевом побоище и в «Синопсисе» (Г. Н. Моисеева, К вопросу об источниках трагедии М. В. Ломоносова «Тамира и Селим». — «Литературное творчество Ломоносова», М.—Л., 1962).

Краткое изъяснение. *Кафа* — главная гавань Крыма, откуда велась торговля с Востоком. Была расположена на месте нынешней Феодосии. После Куликовской битвы Мамай собрал большую рать, но был разбит Тохтамышем на берегах Калки, бежал в Кафу, где был убит генуэзцами. *Натолия* — Анатолия (в Малой Азии).

Действие 1. *Ольг* — князь рязанский Олег Иванович, которого Мамай вынудил к союзу. Обещав помощь Мамаю, Олег уклонился от похода, но не примкнул и к Димитрию. *Олгерд* Гедиминович (1341—1377) — великий князь литовский, воевавший с Димитрием.

Действие 2. *Геонские воды.* Геон (библ.) — древнее название, применявшееся к рекам Нил и Аракс. *Эвксинская пучина* — Черное море. *Супругу в сих стенах и веру восприял.* Взятие Вла-

димиром Мономахом в 988 г. Херсонеса (Корсуня) Ломоносов связывает с принятием христианства и женитьбой Владимира на византийской царевне Анне. *Непрядва.* При устье Непрядвы стояли русские войска перед битвой на Куликовом поле (8 сентября 1380 г.). *Челубей* — татарский витязь, убитый на поединке русским богатырем Пересветом перед началом Куликовской битвы.

Действие 3. *Хозрой* — Хосрой I Ануширван (531—579), иранский шах, возвысивший государство Сасанидов.

Действие 5. *Сила росская.* Во время Куликовской битвы русские полки под начальством князя Владимира Андреевича и воеводы Дмитрия Волынского-Боброка, находившиеся в засаде, вступив в битву, решили ее судьбу.

116. Отд. изд., СПб., 1752. Ломоносов начал сочинять «Демофонта» в декабре 1750 г. и закончил не позднее ноября 1751 (ПСС, т. 10, с. 383). В основу трагедии положены греческие сказания в позднейшей переработке Овидия («Героиды») и других писателей. Сюжет скомпонован и разработан Ломоносовым самостоятельно.

Действие 2. *Приам.* У Гомера ничего не сообщается о его смерти, но в «Энеиде» Вергилия говорится, что во время падения Трои жена Приама Гекуба уговорила его искать спасения в храме у алтаря Зевса, где его убил сын Ахиллеса Неоптолем. *Поликсена* — дочь Приама. По поздним сказаниям, греки принесли Поликсену в жертву богам. *Сотренну Геркулесом.* Имеется в виду первый поход на Трою Геракла, взявшего город и убившего троянского царя Лаомедонта и всех его сыновей, кроме Приама.

ПЕРЕВОДЫ

117. Отд. изд. (в одном экземпляре, без указания года и места издания). Отпечатано в декабре 1854 г. и поднесено в дар Академией наук Московскому университету в день столетней годовщины со дня его основания (12 января 1855 г.). Печ. по автографу ААН. Перевод выполнен Ломоносовым в Марбурге и приложен к рапорту, посланному в Петербургскую Академию наук 15 октября 1738 г. как свидетельство успехов в изучении французского языка. Франсуа *Фенелон* де Салиньяк де ла Мотт (1651—1715) — французский писатель. Ода написана им в 1681 г., но впервые издана в 1717. Печаталась в виде приложения к роману Фенелона «Приключения Телемака». Одно из таких изданий и приобрел Ломоносов. *Ст. 1. Горы.* Фенелон начинает оду с описания французской провинции Овернь, где он в то время жил. Он сравнивает ее с горами Фракии (в Элладе). *Ст. 13. Исполин.* Имеется в виду борьба титанов с богами (в античной мифологии). *Ст. 109. Басня.* Неточность в переводе. У Фенелона сказано: «Потом Басня, сообща с Историей, принимаются живописать в моей памяти простодушную Древность». *Ст. 111. Из эллинов мудрейший* — Одиссей. *Ст. 139. Тирс* — условное название, под которым Фенелон подразумевал своего друга аббата де Ланжерона.

118. Примеч. к Вед., 1741, 8 декабря. Печ. по отд. изд., СПб., 1741 (экземпляр ААН). Перевод оды Якоба Штелина (1709—1785). *С крестом.* В ночь перед переворотом 25 ноября 1741 г. Елизавета явилась в казармы Преображенского полка с крестом в руках и привела гвардейцев к присяге. *Константин* (274—337) — византийский император, по преданию, повелевший на боевом знамени изобразить крест.

119. Отд. изд., СПб., 1742. Печ. по экз. ААН. Автограф не сохранился. *Юнкер* Готлоб-Фридрих-Вильгельм (1703—1746) — немецкий поэт; с 1734 г. профессор Петербургской Академии наук, где сочинял оды и составлял проекты иллюминаций. *Ст. 8. Львы напали* — шведы. *Ст. 116. Батий* — Батый. *Ст. 133. Мелибок* — старинное название горного кряжа Брокен (в Гарце). *Ст. 180. Перемирных дней.* Война со Швецией вступила в стадию перемирия вскоре после воцарения Елизаветы Петровны. *Ст. 187. Британ Елисавета* — королева английская Елизавета (1533—1603).

120. Отд. изд., М., 1758. Печ. по экз. БАН. Автограф не сохранился. *Бок* Иоганн Георг (1698—1762) — ректор Кенигсбергского университета. После занятия города русскими войсками последовал указ об оставлении университету прежних привилегий, что и дало повод представить оду. По распоряжению Елизаветы Бок получил в награду 500 рублей и был избран почетным членом Петербургской Академии наук.

121. «Полезное увеселение», 1760, январь, с. 17, без подписи. Написано не позднее декабря 1759. Автограф не сохранился. Перевод Ломоносова был напечатан первым. Состязание поэтов в переводе оды французского поэта Жана-Батиста Руссо (1670—1747) продолжало спор, начатый еще при «преложении» 143-го псалма. Сумароков представил хореический перевод, Ломоносов — ямбический. Позднее на это состязание откликнулся и Тредиаковский, включив переведенную им оду Руссо в 12-й том своего перевода «Римской истории» Роллена (1765). Приводим начало перевода оды Руссо, сделанного Сумароковым:

1

Ты, Фортуна, украшаешь
Злодеяния людей.
И мечтание мешаешь
Рассмотрети жизни сей.
Долго ль нам повиноваться
И доколе поклоняться
Нам обману твоему?
Все тобою побежденны,
Все ли смертные рожденны
Супротивиться уму?

2

Малости с твоим покровом
Кажутся не малы быть;

Пышным именем и словом
Должны превелики слыть.
Весь народ тому свидетель,
Что пороки добродетель,
Коим помогаешь ты,
И во смрадости природы
Беззаконнику доводы
Шлют бессмертия цветы.

Ст. 42. Сулла Люций Корнелий (138—78 до н. э.) — римский полководец. *Ст. 78. Варрон* Гай Теренций (III в. до н. э.) — римский консул, вследствие нераспорядительности и оплошности которого карфагенский полководец Ганнибал разбил наголову римлян при Каннах (в 216 г. до н. э.) *Ст. 85. Веспазиан* — Веспасиан Тит Флавий (9—79), римский император. *Ст. 94. Клитов убивец* — Александр Македонский, который, разгневавшись, убил своего любимца — полководца Клита Черного, спасшего ему жизнь во время битвы при Гранике. *Ст. 129. Тиверий* — по-видимому, Клавдий Нерон Тиберий, который разгромил шедшего из Испании с огромными силами Гасдрубала, не дав ему соединиться с его братом Ганнибалом. *Ст. 130. Варус* — Варрон (см. выше).

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ ЛОМОНОСОВУ

122. «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», 1755, январь, с. 68, без подписи. На авторство Ломоносова указано Л. Б. Модзалевским в статье «Литературная полемика Ломоносова и Тредиаковского в «Ежемесячных сочинениях» 1755 года» (сб. «XVIII век», т. 4, М.—Л., 1959).

123. БЗ, 1859, № 15, стлб. 474. Печ. по ПСС, т. 8, с. 826, где напечатано по Каз. сб. Упоминание Тресотина дало повод считать это стихотворение сатирой на Тредиаковского. Однако содержание сатиры, высмеивающей преимущественно старообрядцев, и определение Тресотина как керженского «лжесвятого» заставляют в этом усомниться, так как о сочувствии Тредиаковского раскольникам ничего не известно. Указанием на авторство Ломоносова может служить близость строфики этой сатиры к «Студенческой песне» И. Х. Гюнтера. *Капитанов* — по-видимому, «капитонов» (прозвище раскольников). *Герострад* — Герострат из Эфеса (IV в. до н. э.), по преданию, поджегший храм Артемиды, чтобы прославиться. *Аввакум* — см. примеч. 114. *Пустосвят* — см. примеч. 114. *Каиафа* — иудейский первосвященник, принимавший участие в суде над Иисусом Христом. *Петрил* — Пьетро Мира, итальянский скрипач и актер, приехавший в Россию ок. 1733 г., выступал в роли буффо в интермедиях. Ок. 1736 г. стал шутом Анны Иоанновны, получив прозвище Педрилло. *Балакирев* И. А. (1699—1763) — шут Петра I и Анны Иоанновны.

124. БЗ, 1859, № 15, стлб. 471. Печ. по ПСС, т. 8, с. 830, где напечатано по рукописному сборнику ГПБ. Сатира на архиереев,

вызывавших Ломоносова для объяснения в Синод по поводу «Гимна бороде». *Там сидишь, где все стоят.* Во время богослужения архиереям разрешалось сидеть. *Чешешься чужой рукою.* Перед архиерейским служением особые служки облачали посреди храма архиерея и затем расчесывали ему бороду.

II

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИЗ АНТИЧНЫХ ПОЭТОВ

Гомер

Переводы Ломоносова, известные нам лишь по отрывкам, приведенным им в качестве примеров в «Риторике», и цитатам в других произведениях и письмах, располагаются по переводимым авторам. Все примеры, заимствованные из «Риторики», печ. по Соч. 1759, причем в примечаниях указывается только параграф.

125—127. 1, 2. Рит. §§ 152 и 114; 3. Соч. 1784, ч. 1, с. 343. В письме к И. И. Шувалову от 16 октября 1753 г. См.: А. Н. Егунов, Ломоносов — переводчик Гомера. — Сб. «Литературное творчество Ломоносова», М.—Л., 1962.

Вергилий

128—146. 1, 2. Рит. §§ 229, 214. 3. М. В. Ломоносов, Слово о рождении металлов от трясения земли, СПб., 1757, с. 19; 4—9. Рит. §§ 213, 238, 304, 69, 311, 155; 10. Соч. 1784, ч. 1, с. 343; 11—19. Рит. §§ 159, 127, 311, 142, 117, 204, 116, 201.

147—151. 1—5. Рит. §§ 206, 195, 192, 195, 195.

152—153. 1, 2. Рит. §§ 138, 216.

Овидий

154—168. 1. Соч. 1784, ч. 1, с. 343. 2—13. Рит. §§ 156, 139, 136, 57, 156, 134, 138, 217, 61, 126, 237, 239. 14. Соч. 1784, ч. 1, с. 343 (позднейший вариант перевода стихов 13). 15. Рит. § 143.

169—171. 1—3. Рит. §§ 62, 234, 235.

172. Рит. § 230.

Лукреций

173. М. В. Ломоносов, Первые основания металлургии, или рудных дел, СПб., 1763, с. 70. Включен Ломоносовым для иллюстрации положения, что рудные ископаемые иногда открывает

(«обнажает») сама природа. Ак. М. И. Сухомлинов датировал этот перевод годом выхода книги (1763), однако установлено, что Ломоносов подготовил это издание еще адъюнктом и опубликовал его в 1763 г. почти без изменений, так что в книгу, например, не попали сведения об опытах по замораживанию ртути, произведенных им самим, и другие важные открытия. По-видимому, и перевод отрывка из Лукреция был сделан значительно раньше.

Кальпурний

174. Рит. § 125.

Сенека

175. Рит. § 127.

176—178. 1. А. С. Будилович, Ломоносов как писатель, СПб., 1871, с. 293. Печ. по ПСС, т. 8, с. 668. Этот отрывок из Сенеки переведен Ломоносовым в 1759 г., как явствует из составленной им «Росписи упражнений» за этот год (ПСС, т. 10, с. 396); 2—3. Рит. §§ 185, 161.

Марциал

179—183. 1—5. Рит. §§ 140, 145, 141, 144, 60.

Ювенал

184. Рит. § 199.

---

185. Соч. 1778, кн. 2, с. 3. Печ. по Соч. 1778 с исправлением погрешностей по Соч. 1784. Написано в Фрейберге в 1739 г. и отправлено в Петербург вместе с «Одой на взятие Хотина», упоминаемой в письме (см. вступ. статью). *Смотрицкий* Мелетий (ок. 1578—1633) — автор «Славенской грамматики», вышедшей впервые в Евю (Вевес) близ Вильнюса и переизданной в Москве в 1648 г. *Стриковский* — Матвей Стрыйковский. Польский историк XVI в., составитель «Хроники польской» (Кенигсберг, 1582), которую Ломоносов называет «Сарматской». В пересказе Смотрицкого Стрыйковский утверждал, что Овидий, будучи в ссылке в г. Томы (неподалеку от нынешней Констанцы) и живя среди «сарматского народа», — «языку их совершенно навыкша, славенским диалектом, за чистое его, красное и любоприемное, стихи или вирши писавши». Овидий был сослан в 9 г. в «страну гетов и сарматов», откуда якобы прислал написанное им на «гетском языке» «Похвальное слово» Августу. Приведенные Ломоносовым стихи на латинском языке взяты из книги IV «Посланий с Понта». *Счастлива красна была.* Ломоносов противопоставляет составленные им двустишия (как пример гекзаметра и пентаметра) «геройскому или шестомерному стиху», приведенному Смотрицким. Причем глав-

ную ошибку Смотрицкого Ломоносов видит в стремлении навязать русскому языку совершенно неприменимые к нему правила греческого стихосложения, различавшего долготу и краткость гласных звуков. *Московские школы* — Славяно-греко-латинская академия в Москве, где были приняты правила силлабического стихосложения, занесенные «из Польши» (через Украину). *Боало-Депро* — Буало-Депрео Никола (1636—1711). Его ода, посвященная взятию фландрской крепости Намюр войсками Людовика XIV (1692), была издана вместе с теоретическим «Рассуждением об оде» (1693). Возможно, что здесь скрыт и намек на Тредиаковского, который, издавая свою оду «О взятии Гданска» (1734), также сопроводил ее «Рассуждением об оде вообще». Цитируя Буало, Ломоносов отмечает подражательность оды Тредиаковского, где были такие стихи:

Кое трезвое мне пианство
Слово дает к славной причине?
Чистое Парнаса убранство,
Музы! не вас ли вижу ныне?

Белеет будто снег лицом. Этот и все дальнейшие стихотворные примеры принадлежат Ломоносову. *Красовулях.* См. примеч. 99. *Старой арап.* См. примеч. 90.

186. Соч. 1757, с. 2. Уже после того, как книга была отпечатана в Москве, часть листов ее перепечатывалась в Петербурге, что задержало ее фактический выход до сентября 1758 г. По-видимому, тогда и было добавлено или специально написано предисловие, в котором Ломоносов изложил свою теорию стиля (см. вступ. статью). *С греческого языка на славенский.* Позднее (в 1764 г.) Ломоносов называл язык, на который была переведена Библия, «древним церковноморавским». *Песней Дамаскиновых.* Дамаскин Иоанн (673—754) — греческий религиозный поэт и богослов. *Слушать на своем языке.* Библия была переведена на немецкий язык Мартином Лютером в 1521—1534 гг. *Подлость* — здесь в значении грубого просторечия. Ломоносов приводит в вольном переводе стихи из четвертой оды Горация (ст. 25—28). *Цицеронов гром на Катилину.* Имеются в виду знаменитые обвинительные речи Цицерона против Катилины, возглавившего заговор против римской олигархии. *Меценату подобных.* Имеется в виду И. И. Шувалов.

СЛОВАРЬ

Агамемнон (греч. миф.) — один из героев «Илиады» Гомера, сын царя Атрея.

Агарь (библ.) — рабыня и наложница патриарха Авраама, родившая от него сына, ставшего родоначальником агарян, враждовавших с иудеями.

Аквилон (лат.) — северный и северо-восточный ветер.

Алкид (Алцид) (греч. миф.) — одно из имен Геракла, сына Зевса и смертной женщины Алкмены, олицетворявшего идеал мужества и храбрости. Среди его подвигов — умерщвление свирепого Немейского льва.

Амфитрида (Амфитрита) (греч. миф.) — дочь морского царя Нерея, жена Посейдона, владычица морских волн.

Антей (греч. миф.) — сын Посейдона и Геи, богини земли. Припадая к матери-земле, обретал силы и побеждал врагов. Геракл убил его, подняв на воздух.

Атлант (Атлас) (греч. миф.) — титан, поддерживавший небесный свод.

Атриды (греч.) — сыновья царя Атрея — Агамемнон и Менелай.

Беллона (рим. миф.) — богиня войны, сестра Марса.

Бесстудство — бесстыдство.

Блажить — прославлять.

В бозе — в боге, т. е. спокойно, мирно.

Велелепный — пышный, великолепный, дородный.

Вертеп — пещера.

Вечерний — западный.

Висс — виссон, тонкая ткань; в переносном смысле — одеяние венценосцев.

Власно — словно, как будто, точь-в-точь.

Воспящать — препятствовать, останавливать.

Вперить — вселить, внушить.

Вретище — грубая, нищенская одежда.

Всток — восток.

Всуе — напрасно.

Гесперия (греч. миф.) — страна, где росло дерево с золотыми яблоками, впоследствии понималась как страна блаженных, рай.
Гиганты (греч. миф.) — исполины, вступившие в битву с богами, ниспровергнувшими их в преисподнюю и на дно вулканов (Тифон, Энцелад).
Громный — звучный.
Громада (мн. громады) — иногда в значении: пушки
Гарпии (греч. миф.) — крылатые чудовища, птицы с ликами женщин и острыми когтями, олицетворявшие муки голода.
Гектор (греч. миф.) — старший сын троянского царя Приама и Гекубы, убитый Ахиллом.
Гекуба (греч. миф.) — жена Приама и мать Гектора.

Дардания — см. Эней.
Долить — одолевать.
Дидона — финикийская царевна, приютившая Энея, попавшего к ней во время своих странствий.
Друиды (кельтск.) — жрецы.

Ермий (греч.) — Гермес.

Живот — жизнь.
Жупел — сера, горючая смола.

Забобоны — суеверия, предрассудки.
Завидя — иногда в значении: завидуя.
Заклепы — запоры, затворы, оковы.
Зелие — порох.
Зрак — образ, облик.

Иготь — ступка.
Игрений — конская масть (светло-рыжая с беловатой гривой).
Иксион (греч. миф.) — царь лапитов, взятый на небо, но там посягнувший на жену Зевса Геру, за что был низвергнут в Тартар, где прикреплен к вечно вращающемуся колесу.
Изгага — изжога.
Илим — ильм, дерево из семейства вязов.
Инна — иная, другая.
Иппокрена (греч.) — источник на вершине Геликона, возникший, по преданию, от удара копыта Пегаса; считался источником поэтического вдохновения.
Ипполит (греч. миф.) — сын Тесея и амазонки, оклеветанный своей мачехой, был погублен Посейдоном.
Истнить — извести, погубить, уничтожить.

Казнодей — проповедник.
Каллиопа (греч. миф.) — муза эпической поэзии.
Калхас (греч. миф.) — жрец и прорицатель, сопровождавший греков во время похода на Трою.
Каморы — пороховые трюмы.
Квириты — официальное обращение к гражданам в Древнем Риме.
Коло — колесо.
Конче — конечно.

Короллариӣ (лат.) — присовокупление.

Коснеть — упорно пребывать в каком-либо состоянии, медлить, мешкать.

Красовуля — чаша или кружка для вина или пива (обычно в монастырях).

Крин — лилия.

Лакоть — локоть.

Левиафан (библ.) — морское чудовище.

Лик — хор, собрание.

Лихва — нажива, проценты, прибыль, корысть, ростовщичество.

Ложесна — лоно, чрево, утроба (материнская).

Лыва — низменное, заливное место; неглубокие овраги, покрытые кустарником.

Мафусаил (библ.) — «праотец», дед Ноя, живший якобы 969 лет.

Машта — мечта.

Медея (греч. миф.) — волшебница, которая помогла похитить золотое руно Ясону, а когда он ее покинул, в гневе умертвила своих собственных детей.

Мельхиседек (библ.) — царь и первосвященник в Иерусалиме.

Мнестей (греч.) — афинянин, принимавший участие в Троянской войне.

Морь — морей.

Накры — бубны.

Нарцисс (греч. миф.) — юноша охотник, отвергнувший любовь лесной богини Эхо. В наказание влюбился в собственное отражение в воде; позднее был отождествлен с водяным цветком.

Немейский лев — см. Алкид.

Нереиды — нимфы морей.

Не чуть — не слышно.

Нижé — союз, употребляемый в значении «ни даже».

Нимврод — легендарный основатель Вавилонского царства, неутомимый охотник.

Обавать — очаровывать.

Ореады (греч. миф.) — нимфы гор.

Отменитый — отменный.

Орфей (греч. миф.) — фракийский певец, укрощавший своим пением и игрой на лютне диких зверей, сошел в ад, чтобы возвратить на землю свою жену Эвридику.

Ось — ость.

Отнуд — отнюдь.

Парис (греч.) — сын троянского царя Приама, один из героев «Илиады» Гомера, виновник Троянской войны.

Плеск — рукоплескания, аплодисменты.

Плещи — плечи.

Поганство — язычество.

Позорище — зрелище.

Поль — полей.

Полифем (греч. миф.) — сын Посейдона, одноглазый циклоп, упоминаемый в «Одиссее» Гомера.
Помизание — знак глазами, подмигивание.
Понт (греч.) — море, обычно имеется в виду Черное.
Пота — до тех пор.
Послух — свидетель, посредник.
Предзрение — предвидение.
Предолим — преодолеем.
Презорство — презрение, пренебрежение.
При — споры, битвы.
Приам (греч.) — царь Трои.
Пыщный — надменный, гордый.

Райна — рея.
Рамена — плечи.
Ратай — пахарь.
Ратовище — древко копья.
Рог — в переносном значении: сила, могущество, гордыня.
Руно золотое — см. Ясон.
Рясна — ожерелье.

Свене — кроме.
Сила — ударение (в слове).
Сион — священная гора и храм в Иерусалиме; в переносном значении: Иудейское царство.
Скудель — глиняный сосуд.
Слух — звук, слава.
Содом (библ.) — город, прославившийся пороками своих жителей, за которые они были испепелены огненным дождем.
Спер — запер.
Спона — препона, препятствие.
Стигийские воды — река Стикс, опоясывающая подземное царство.
Стогна — площадь.
Струж — стрёж.
Студ — стыд.

Тезоименитство — день именин членов царской фамилии и высокопоставленных лиц.
Тейтон — тевтон, германец.
Тифюс (греч. миф.) — кормчий корабля аргонавтов, спутник Ясона.
Тишина — штиль на море; мир.
Тритоны (греч. миф.) — морские чудовища.
Тук — животный жир; в переносном значении: все, что утучняет, удобряет землю. У Ломоносова в значении «жирные материи» (вещества).
Турн (греч.) — царь италийского племени рутулов, соперник Энея.

Увязенный — увенчанный.
Угобзить — увеличить изобилие, приумножить, обогатить.
Угры — венгры.
Уликс (Улисс) — Одиссей.
Уразина — дубина, орясина.
Урания (греч. миф.) — муза астрономии.

Фаетонт (греч. миф.) — сын бога солнца Гелиоса, завладевший огненной колесницей отца; едва не сжег Вселенную, за что Зевс поразил его молнией.

Фельдцейгмейстер — главный начальник над артиллерией.

Феникс (егип. миф.) — птица, прилетавшая раз в пятьсот лет в египетский город Гелиополь, где сжигала себя на костре и возрождалась вновь.

Фетида (греч.) — морская нимфа.

Фиссон (библ.) — Фисон, одна из четырех рек, орошавших рай. Позднее отождествлялась с Гангом.

Флегетон (греч. миф.) — подземная огненная река, обтекающая Тартар.

Флегей (греч. миф.) — родоначальник фракийского племени флегеев, поджег храм Аполлона, за что был осужден сидеть в аду под скалой, грозящей все время обвалом.

Фраческая — фракийская.

Хины — китайцы.

Химеры (греч. миф.) — огнедышащие чудовища с пастью льва, туловищем козла и задом дракона.

Целена (Келайно) — одна из гарпий.

Цереса (Церера) (римск. миф.) — богиня плодородия.

Эгида (греч. миф.) — щит Зевса, на котором была изображена голова Горгоны, наводившая ужас.

Эней (греч. миф.) — сын Афродиты, властитель Дардании. После гибели Трои долго странствовал; по одному из мифов, потомки Энея основали Рим.

Энцелад (греч. миф.) — гигант, сражавшийся с богами. Был завален горой Этной, под которой мечется, пытаясь вырваться.

Эфир — по представлениям физиков XVII—XVIII вв., тончайшая материя, пронизывающая Вселенную. Представление об эфире продержалось до конца XIX в.

Языки — народы.

Янус (рим. миф.) — бог всякого начала, входа, позднее бог войны, во время которой двери его храма держали открытыми.

Ясон (Язон) (греч. миф.) — предводитель аргонавтов, плававших на корабле Арго в Колхиду за золотым руном.

ПЕРЕЧЕНЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, НЕ ВОШЕДШИХ В НАСТОЯЩЕЕ ИЗДАНИЕ[1]

Стихотворения из «Риторики» 1744 (№№ 32—41).
Стихотворения из «Риторики» 1748 (№№ 50, 55, 56, 61, 62, 64—70, 72, 74, 76, 77, 82, 83, 85, 86, 88, 89, 92, 99, 101, 103, 108, 126, 128).
Стихотворения из «Материалов к „Российской грамматике"», 1747 (№№ 137, 138).
«Твоей короны здание, Монархиня, пускай стоит...», 1748 (№ 143).
«Явив счастливую премену...», 1748 (№ 146).
«Так ныне новый год к нам счастие приводит...», 1748 (№ 147).
«Взирает верность на тебя...», 1748 (№ 148).
«Ты войско, ты совет...», 1748 (№ 150).
«Коль много за тебя сердец пылает к богу...», 1749 (№ 152).
«Коль счастлива земля, коль счастливы венцы...», 1749 (№ 153).
«Россия, посмотри на ту счастливу ночь...», 1749 (№ 156).
«Четыре род венца Елисавете дал...», 1750 (№ 158).
«С младыми пальмами спокойных наших дней...», 1750 (№ 160).
Надпись на рождение его высочества («Мы радость от небес, щедроты, благодать...»), 1754 (№ 214).
Надпись на рождение государя великого князя Павла Петровича («Под славным скипетром твоим, Елисавет...»), 1754 (№ 218).
«Люблю тебя не для того, что ты силен...», 1755 (№ 224).
Стихотворения из «Слова о рождении металлов», 1757 (№№ 230, 231).
«Войну воспеть хочу в донских полях кроваву...», 1757 (№ 234).
«О вы, что божество в пределах чтите тесных...», 1758 (№ 236).
«Россию предприяв ущедрить, небеса...», 1760 (№ 245).
«В водах игранье чуд морских...», 1760 (№ 246).
«Кто хочет походить по пням и по болоту...», 1760 (№ 247).
«Я в Греции родился...», 1762 (№ 265).
Эпиграмма («Между сенатских цуков...»), 1763 (№ 267).

---

[1] В скобках указаны №№ текстов по ПСС, т. 8, а также публикации в других изданиях.

«О небе, не лишай меня очей и слуха...», 1763 (№ 268).
«Блаженство общества всядневно возрастает...», 1763 (№ 269).
«Геройство с кротостью, с премудростью щедроты...», 1746 (№ 272).

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ ЛОМОНОСОВУ

«Творец всех, неба и земли...» (№ 277).
«Молчите, струйки чисты...» (№ 278)
«Пчела трудяся в том, чтоб ей составить мед...» (№ 282).
Ныне употребляемое саксонских крестьян «Отче наш» (№ 283).
«Тамира бедная! Ты хочешь ли родиться...» (Сб. «XVIII век», кн. 3, М.—Л., 1958, с. 497).
Письмо к г. В... («Литературное творчество М. В. Ломоносова», М.—Л., 1962, с. 4).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис.* Портрет М. В. Ломоносова. Гравюра резцом Х. Вортмана, приложенная к «Собранию разных сочинений в стихах и прозе Михайла Ломоносова». М., 1757. Стихи, помещенные под гравюрой, принадлежат ученику Ломоносова, профессору красноречия Московского университета — Николаю Никитичу Поповскому.

2. *Между стр. 64 и 65.* Титульный лист «Собрания разных сочинений» Ломоносова, выпущенного в 1757 г. Московским университетом.

3. *На обороте:* фронтиспис к «Российской грамматике» Ломоносова (СПб., 1755).

4. *Между стр. 96 и 97.* «План иллуминации и фейерверка, которые декабря 18 дня 1741 года в высокий день рождения ее императорского величества самодержицы всероссийской в Санктпетербурге представлены были» (СПб., 1741). Гравюра (БАН, отдел рукописной и редкой книги — конволют АК. р. 2756). На центральном плане на щите надпись: «Давный долг сему дню» и дата рождения Елизаветы Петровны, восшедшей на престол 25 ноября 1741 года.

5. *На обороте:* «Изображение великого фейерверка, который по всемилостивейшему ее императорского величества указу в окончание торжества высочайшего брака их императорских высочеств государя великого князя и государыни великой княгини всероссийской и пр. на Неве реке перед императорским зимним домом представлен в Санктпетербурге августа дня 1745 года» (СПб., 1745). Пропуск числа в дате оригинала. Иллюминация была устроена по случаю бракосочетания наследника престола Петра Феодоровича и Екатерины Алексеевны. Гравюра Гр. Качалова (БАН, отдел рукописной и редкой книги, 1745 — 32417. д.).

6. *Между стр. 224 и 225.* «Изображение фейерверка и иллуминации, которые в новый 1749 год перед летним ее императорского величества домом в Москве представлены были» (СПб., 1748). Гравюра (БАН. Конволют — АК. р. 2756).

7. *На обороте:* «Изображение великого фейерверка, представленного в Санктпетербурге в новый 1755 год ввечеру на Неве реке

пред зимним ее величества домом» (СПб., 1754). Гравюра (БАН. Конволют — АК. р. 2756).

8. *Между стр. 256 и 257.* «Изображение первой части фейерверка, представленного перед зимним ее императорского величества домом на новый 1758 год, в Санктпетербурге» (СПб., 1757). Гравюра (БАН. Конволют — АК. р. 2756).

9. *На обороте:* изображение второй части того же фейерверка (там же).

10. *Между стр. 352 и 353.* «Главное изображение аллегоричного фейерверка на счастливейшее для Российского государства владение ее императорского величества государыни императрицы Екатерины Алексеевны, представленного в императорском столичном городе Москве в новой 1763 год, генваря 1 дня» (М., 1762). Гравюра (БАН. Конволют — АК. р. 2756).

11. *На обороте:* вступная гравюра к первому изданию трагедии Ломоносова «Тамира и Селим» (СПб., 1750).

СОДЕРЖАНИЕ

ОДЫ ДУХОВНЫЕ

ПОХВАЛЬНЫЕ НАДПИСИ

ПОСЛАНИЯ

ИДИЛЛИЯ

⟨РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ⟩

ГЕРОИЧЕСКАЯ ПОЭМА

ТРАГЕДИИ

ПЕРЕВОДЫ

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ ЛОМОНОСОВУ

II

Приложения

ИЗ АНТИЧНЫХ ПОЭТОВ

Гомер

Вергилий

Овидий

Лукреций

Кальпурний

Сенека

Марциал

Ювенал

III

Ломоносов Михаил Васильевич

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1965, 580 стр.
Тем. план вып. 1965 г., № 40.

Редактор *З. И. Гершкович*

Художник *И. С. Серов* Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *В. Г. Комм*. Корректор *З. Н. Петрова*

Сдано в набор 9/IV 1965 г. Подписано в печать 7/VII 1965 г.
Бумага 84×108 1/32. Печ. л., 18 1/8 + 11 вкл. (31,6). Уч.-изд. л. 29,44. Тираж 35 000 экз. Зак. № 876. Цена 1 р. 13 к.

Издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение
Ленинград, Невский пр., 28

Ленинградская типография № 5 Главполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров СССР по печати, Красная ул., 1/3